

Коллин МАККАЛОУ

*Независимость
мисс Мэри Беннет*

Продолжение великого романа
«ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»

от автора

«ПОЮЩИХ В ТЕРНОВНИКЕ»!

Annotation

Продолжение самого прославленного романа Джейн Остен — от автора «Поющих в терновнике»!

Джейн Остен — одна из величайших писателей XIX века, классик английской прозы, чьи произведения по-прежнему любят и критики, и литературоведы, и обычные читатели, и кинематографисты, не устающие их экранизировать.

Существует литературная легенда: Остен планировала написать продолжение самого прославленного своего романа, «Гордость и предубеждение», — но ранняя смерть помешала этим планам.

Уже в наши дни за это продолжение взялась сама Колин Маккалоу — автор великолепных — «Поющих в терновнике».

Возможно, ее версия судьбы и приключений одной из сестер Беннет — решительной суфражистки Мэри — сильно отличается от того, что задумывала сама Остен.

Но разве это делает ее роман менее талантливым и увлекательным?

- [Колин Маккалоу](#)

- [* * *](#)
- [* * *](#)
- [* * *](#)
- [* * *](#)
- [* * *](#)
- [* * *](#)
- [* * *](#)
- [* * *](#)
- [* * *](#)

- [Об авторе](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

Колин Маккалоу

Независимость мисс Мэри Беннет

* * *

Косой предвечерний свет набрасывал раззолоченный покров на скелеты кустов и деревьев в садах мэнора Шелби; две-три струйки дыма с копотью по краям курились над углями костра, разведенного, чтобы сжечь последние опавшие листья, и где-то отставшая от стаи птица щебетала безмотивный ноктюрн поздней осени. Глядя на закат со своего обычного места в эркере, Мэри ощутила, как отзывается ее сердце на сине-золотое великолепие, которое скоро станет воспоминанием, спрятанным в отдающихся эхом просторах ее сознания. Долго ли? О, долго ли?

Послышалось постукивание и позвякивание — это Марта вошла с чайным подносом и бережно поставила его на низкий столик сбоку от покойного кресла, в котором дремала хозяйка мэнора Шелби. Со вздохом Мэри отвернулась от окна и заняла свое место, придвинув изящную чашку на хрупком блюде. Какое счастье, что у них есть Старый Дженкинс, все еще иногда находящий огурец в одном из своих парников! И какое счастье, что маме так нравятся ломтики огурца на ее хлебе с маслом! Она проснется и увидит любимое лакомство на веселенькой салфетке и не обратит внимания, что кексу уже три дня.

— Мама, чай подан, — сказала Мэри. Закутанная в шали и плед маленькая пухлая фигурка дернулась, маленькое пухлое личико капризно сморщилось, нахмурилось, пробудившись ото сна. Затем поблекшие голубые глаза раскрылись, увидели ломтики огурца на хлебе с маслом, и разыграла радость предвкушения. Но не прежде, чем прозвучала ежедневная жалоба:

— Неужели, Мэри, у тебя нет никакой жалости к моим бедным нервам? Так внезапно разбудить меня!

— Ну, что вы, мама, — машинально сказала Мэри, наливая молоко на доньшко чашки и наклоняя красивый серебряный чайничек, чтобы вылить янтарную струю на молоко. Кухонная девушка умело наколола сахар на хорошие куски. Мэри положила в чай кусок точного размера и как следует помешала в чашке.

Все это заняло у нее примерно минуту. Держа чашку с блюдечком в руке, она посмотрела, убеждаясь, что мама готова. Затем, не сознавая этого, поставила чашку с блюдцем, не отводя глаз от лица мамы. Оно изменилось, обрело контуры и патину фарфоровой маски из Венеции, лишенное не просто выражения, но самих черт. Глаза все еще смотрели, но на что-то

далеко за пределами комнаты.

— Ах, мама! — прошептала она, не зная, что еще сказать. Это случилось так неожиданно. Она закрыла ее глаза кончиками пальцев, глаза, которые, казалось, каким-то образом познали жизнь глубже, чем когда-либо в течение этой жизни, а затем поцеловала маму в лоб.

— Господи, ты очень добр. Я благодарю Тебя за Твое милосердие. Как она страшилась бы, если бы знала!

Сонетка висела совсем рядом. Мэри легонько ее дернула.

— Пошли ко мне миссис Дженкинс, Марта, будь так добра.

Вооружившись десятком извинений — чего еще могло потребоваться старой кислятине сверх огурца в такое-то время года? — миссис Дженкинс вошла, опоясав чресла для битвы. Но выражение на лице мисс Мэри мигом погасило ее гнев.

— Да, мисс Мэри?

— Моя мать скончалась, миссис Дженкинс. Будьте так добры, пошлите за доктором Колламом. Пусть Старый Дженкинс запряжет пони в тележку и съездит. Скажите Дженкинсу оседлать чалого и собрать, что ему потребуется в дороге, и быть готовым поехать в Пемберли, как только я напишу записку. Выдайте ему пять гиней из вашего кувшинчика на поездку, ведь он должен поспешить. Хорошие гостиницы, хорошие лошади, когда чалый уже не сможет бежать дальше.

Голос Мэри сохранял обычное спокойствие. Почти семнадцать лет, думала миссис Дженкинс, эта бедняжка выслушивала жалобы и причитания своей маменьки, оханье и упреки — то есть когда ей не приходилось выслушивать визгливые излияния восторга, торжествующие самопоздравления. Говоря именно то, что требовалось, умело предотвращая припадки меланхолии, приводя миссис Беннет в хорошее настроение столь же деловито и твердо, как хорошая гувернантка капризное дитя. А теперь это было кончено. Все было кончено.

— Прошу прощения, мисс Мэри, но Дженкинс найдет мистера Дарси дома?

— Да. По словам миссис Дарси, парламент сейчас не заседает. Принесите мне мамин розовый шарф, я хочу закрыть ей лицо.

Экономка сделала книксен и ушла, мучимая множеством сомнений, страхов и дурных предчувствий. Что будет с ними теперь, с отцом, с малолетками Джемом и Дорой?

Шарф подобающе расправлен, камин растоплен перед надвигающейся морозной ночью, свечи зажжены. Мэри направилась к окну и опустилась на подушки диванчика, чтобы поразмыслить о многом сверх этого явления

Смерти.

Горя она не испытывала ни малейшего: слишком много минувших лет, слишком много томительной скуки. Напротив, ее все больше охватывало успокоение, будто ее перенесли в обширную залу, заполненную тьмой, но светящуюся, и она плывет по невидимому океану без боязни, без утраты себя.

Я ждала тридцать восемь лет, чтобы настал мой черед, думала она, но никто из них не может утверждать, будто я не исполнила свой долг, что я не вылила мою долю счастья в их чашки, что не отступила в неизвестность без единого слова протеста против моей судьбы.

Почему же я настолько не готова к этой минуте? Где блуждал мой ум, когда мне нечем было его занять, и пустое времяпрепровождение так тяжело меня угнетало? Я была в полном распоряжении сосуда скудельного, звавшегося «мама», но сосуды скудельные не способны на хотя бы одно весомое наблюдение, замечание, идею. И потому я проводила время в ожидании. Просто в ожидании. С эскадроном опекающих ее Дженкинсов мама не нуждалась во мне. Я была лишь данью правилам приличия. Как я ненавижу это выражение «дань приличиям»! Железный кодекс поведения, придуманный для того, чтобы запугивать и поработать женщин. Я была обречена стать старой девой, считала наша семья, с этими шокирующими гнойничками по всему моему лицу и передним зубом, который вырос кривым. Разумеется, Фиц считал, что при маме должен находиться представитель семьи на случай, если она поедет в Пемберли или Бингли-Холл. Если бы только папа не умер меньше чем через два года после свадеб Джейн и Лиззи!

Думай, Мэри, думай! — выбрала она себя. Будь логичной! Это была томительная скука; у меня не было выбора. Только коротать недели, месяцы, годы, фантазируя, как я ступаю по плитам Римского Форума, ем апельсины в сицилианском саду, тещу взгляд Парфеноном, прижимаюсь щекой к камням какой-нибудь стены в Святой Земле, которых должен был коснуться Иисус Христос, или прислониться к ним, или задеть Своей тенью. Я грезилась о свободных странствованиях по дальним землям, грезилась ознакомиться с городами более солнечных стран, с горами и небесами, о которых только читала. Реально же я жила в мире, поделенном между книгами, музыкой и мамой, которая не нуждалась во мне.

Но теперь, когда я свободна, у меня нет желания приобщиться к чему-либо из этого. Я хочу лишь быть полезной, иметь цель. Делать что-то значимое. Но позволят ли мне это? Нет. Не пройдет и недели, как мои старшие сестры с их мужьями, важными персонами, прибудут в мэнор

Шелби, и тете Мэри будет вынесен очередной приговор, обрекающий на новую летаргию. Вероятно, присоединение к ордам нянек, гувернанток и домашних учителей, которые отвечают за благополучие детей Элизабет и Джейн. Ведь естественно, миссис Дарси и миссис Бингли получают от детей лишь радость, оставляя тяготы родительских обязанностей другим. Супруги важных персон не ждут, чтобы что-то произошло, они заставляют это произойти. Семнадцать лет назад миссис Дарси и миссис Бингли были слишком заняты благами, подаренными их браками, чтобы взять на себя ответственность за маму.

Ах, сколько горечи в этих мыслях! Я не хотела облечь их в подобную горечь. Тогда это выглядело по-иному. Я должна быть справедливой к ним. Когда папа умер, обе они только-только впервые стали матерями. Китти только что вышла замуж, а Лидия... ах Лидия! Лонгборн отошел Коллинзам, и моя судьба была предрешена пятнами на лице и зубом. Как ловко Фиц все уладил! Мэнор Шелби приобретаетя вместе с услугами Дженкинсов, а вылупляющуюся старую деву, тетю Мэри, подгоняют к ее обязанностям столь же умело, как столяр соединяет две доски. Маму и меня переселяют на десять миль по ту сторону Меритона, подальше от омерзительных Коллинзов, и все же достаточно близко, чтобы мама продолжала сплетничать со своими приятельницами. Тетушка Филлипс, леди Лукас и миссис Лонг были в восторге. Как и я. Большая библиотека, прекрасное фортепьяно и Дженкинсы.

Так откуда же эта внезапная горечь против моих сестер, когда все уже позади? Не по-христиански и незаслуженно. Богу известно, у Лиззи, во всяком случае, хватает неприятностей. Ее брак не из счастливых.

Дрожа от холода, Мэри отошла от окна и съежилась в кресле поближе к камину. И поймала себя на том, что смотрит на розовый шарф, ожидая, что он всколыхнется от вздоха снизу. Но шарф оставался неподвижным. Доктор Коллам скоро будет здесь. Маму перенесут на ее пуховую перину, обмытую, одетую, уложенную в ледящем воздухе на долгое бдение между смертью и погребением.

Виновато вздрогнув, она вспомнила, что не вызвала преподобного мистера Куртнея. Только этого не хватало. Если Старый Дженкинс не вернется с доктором, придется послать Молодого Дженкинса.

— Во всяком случае, — сказала она себе, — за мистером Коллинзом я не пошлю. Это я двадцать лет, как пережила.

— Элизабет, — сказал Фицуильям Дарси, войдя в будуар жены, — у меня плохие новости, моя дорогая.

Элизабет отвернулась от зеркала, выше подняв брови над светозарными глазами. Их обычное сияние померкло. Нахмурившись, она встала.

— Чарли? — спросила она.

— Нет. С Чарли все хорошо. Я сейчас получил письмо от Мэри. Она извещает, что ваша мать скончалась. «Во сне, мирно».

Табурет перед туалетным столиком не поддержал ее; она боком опустилась на его краешек и чуть не упала, стараясь сохранить равновесие, но удержалась.

— Мама? Ах, мама!

Фиц смотрел на нее, но не пришел ей на помощь. Наконец, он отошел от двери и, неторопливо пройдя по ковру, положил ладонь на ее обнаженное плечо, длинные пальцы слегка надавили на кожу.

— Моя дорогая, это к лучшему.

— Да-да! Но ей же было всего шестьдесят два! Я полагала, что она доживет до глубокой старости.

— Да, ухоженная, как страсбургский гусь. Тем не менее это к лучшему. Подумай о Мэри.

— Да, за это мне следует быть благодарной. Фиц, что нам делать?

— С утра отправиться в Хартфордшир. Я пошлю известить Джейн и Чарльза, чтобы они встретили нас в «Короне и подвязке» в девять. Нам лучше поехать вместе.

— Дети? — спросила она. Шок проходил, сменяясь горем. Что такое старики, если есть юные, чтобы утешить сердце?

— Они, разумеется, останутся тут. Я предупрежу Чарльза не допустить, чтобы Джейн убедила его взять с собой хотя бы одного из их детей. Шелби — обширный дом, Элизабет, но для наших отпрысков не подойдет. — Его лицо, отраженное зеркалом, как будто ожесточилось. Пожатием плеч он преодолел это настроение, чем бы оно ни было порождено, и продолжал ровным голосом: — Мэри пишет, что послала за Китти, но полагает, что Лидию лучше предоставить мне. Какой поистине благоразумной женщиной стала Мэри!

— Прошу тебя, Фиц, возьмем Чарли! Ты отправишься верхом, а я должна буду ехать одна, а путь долгий. На обратном пути мы сможем завезти Чарли в Оксфорд.

Его рот чуть искривился, пока он взвешивал «за» и «против», затем он ответил своим знаменитым царственным кивком.

— Благодарю тебя. — Она поколебалась, заранее зная ответ, но вопрос все же задала: — Обед мы все-таки не отменим?

— А как же иначе? Наши гости уже в пути. Твой траур может подождать до завтра. Как и объяснение его причины. — Его ладонь покинула ее плечо. — Ну, я спущусь вниз. Роуфорд может подъехать в любую минуту.

И, поморщившись при упоминании своего наименее уважаемого соратника-тори, Дарси покинул жену.

Слеза капнула, была смахнута заячьей лапкой; с глазами полными слез Элизабет старалась взять себя в руки. Какой чудесной может быть политическая карьера! Всегда что-то важное для осуществления, никогда ни мига для мира, близости, досуга. Фиц не скорбел о кончине миссис Беннет, она знала это твердо; беда была в том, что он ждал и от нее такого же равнодушия, вздоха облегчения, что с плеч свалилась эта ноша, частично стыдная, частично смущающая, частично ввергающая в беспомощность. Однако эта мелочная, глупая, капризная женщина родила ее, Элизабет, и уж хотя бы за это заслуживала быть любимой. Быть оплаканной, если и без чувства утраты.

— Мне нужен мистер Скиннер. Немедленно, — сказал Дарси своему дворецкому, хлопотливо следившему за тем, как старший лакей избавляет мистера Роуфорда от пальто. — Мой милый Роуфорд, я так счастлив видеть вас. Как всегда первый на поле боя. — И, не обернувшись, Дарси повел своего раннего посетителя в комнату Рубенса.

Краткий, но вежливый приказ заставил Парментера опрометью броситься на поиски третьего лакея. Его хозяин скрылся за дверью. Что-то произошло, тут, во всяком случае, сомнений не было. Но зачем мистеру Дарси понадобился этот отталкивающий человек, понадобился в такой час?

— Бегом всю дорогу, Джеймс, — наставил его Парменстер, а затем вернулся в прихожую встречать гостей. Шестеро прибыли полчаса спустя, сияя предвкушением, восклицая по поводу холода, прикидывая, что Новый год наступит в суровых морозах. Вскоре хищным шагом в прихожую вошел Эдвард Скиннер. Он направился в Малую библиотеку без «будьте добры», «спасибо» или «целуйте мне ногу», со злостью подумал пемберлийский дворецкий. Пусть его ценят, пусть говорит он, точно джентльмен, но Парменстер помнил его юнцом и взошел бы на костер, утверждая, что Нед Скиннер — не джентльмен. Между его хозяином и Недом было примерно двенадцать лет разницы в возрасте, так что второй не мог быть байстрюком первого, но что-то существовало между ними, связь, которую даже миссис Дарси не могла измерить... или разорвать. Парменстер думал обо всем этом по пути в Комнату Рубенса, чтобы кивнуть мистеру Фицу.

— Некоторое затруднение, Нед, — сказал Фиц, закрывая за собой дверь библиотеки.

Скиннер не ответил, а продолжал стоять перед письменным столом расслабленно, небрежно опустив руки, — поза мало подходящая для прислужника. Очень крупный мужчина, на пять дюймов выше шести футов Дарси и сложенный, как горилла — массивные плечи и шея, бочкообразная грудь, ни капли лишнего жира. По слухам, его отцом был вест-индский арап — такими темными были кожа Скиннера, его волосы и узкие сверлящие глаза.

— Садись, Нед, у меня шея ноет задираешь голову, чтобы смотреть на тебя.

— У вас гости, так я потороплюсь. Что случилось?

— Где сейчас миссис Джордж Уикхем? — спросил Дарси, придвинув лист бумаги и обмакивая в чернильницу гусиное перо, снабженное стальным наконечником. Он уже писал, когда Нед ответил:

— В «Плуге и звездах» в Макклесфилде. Новый ухажер как раз стал ее последним любовником. Они сняли лучшую спальню с гостиной. Новое место для нее.

— Она пьет?

— Не больше бутылки-двух. Ее влечет любовь, а не вино. Дайте ей неделю, и положение может измениться.

— У него не будет времени. — Дарси на миг поднял глаза с кислой улыбкой. — Возьми мою беговую двуколку и гнедых, Нед. Завези это письмо в Бингли-Холл по пути в Макклесфилд. Я хочу, чтобы завтра к девяти утра миссис Уикхем была в «Короне и подвязке» в относительно трезвом виде. Упакуй ее баулы и заberi их с собой.

— Она поднимет ту еще бучу, Фиц.

— Ну, послушай, Нед! Кто в Макклесфилде поступит наперекор тебе... или мне, если на то пошло? Хоть свяжи ее по рукам и ногам, мне все равно, только доставь в Лэмтон к сроку.

Перо перестало скользить по бумаге и было положено на стол; не трудясь запечатывать письмо, он отдал его Неду Скиннеру.

— Я указал, чтобы Бингли поехал верхом, миссис Уикхем может поехать в его карете с миссис Бингли. Мы посетим прелести Хартфордшира, чтобы погresti миссис Беннет, как давно пора бы.

— Дико долгое путешествие в дормезе.

— В такое время года, в ненастную погоду при нынешнем состоянии дорог возможен только дормез. Однако я прикажу заложить шестерню, как и Бингли, так что мы будем покрывать шестьдесят миль в день, если не

больше.

Сунув письмо в карман пальто, Нед ушел.

Дарси, хмурясь, поднялся и минуту постоял, незряче уставившись на переплетенные в кожу тома парламентских отчетов. Старая карга, наконец, умерла. Что может быть хуже, думал он, чем мезальянс, какой бы великой ни была любовь, или какой бы мучительной ни была потребность увенчать эту любовь. И оно того никак не стоило. Моя царственная красавица Элизабет такая же исхудалая старая дева, как и ее сестра Мэри. У меня один болезненный женоподобный сын и четыре никуда не годные девчонки. Прямо в глаз, миссис Беннет! Забери вас дьявол и всех ваших распрекрасных дочек, цена была слишком высока.

Поскольку проехать надо было всего шесть миль, запряженный шестерней дормез Дарси въехал во двор «Короны и подвязки» прежде Бингли и его контингента, так как до Бингли-Холл а было двадцать пять миль. Спрятав руки в теплую муфту, Элизабет расположилась в отдельном кабинете дожидаться их приезда.

Ее единственный сын, с головой погрузившийся в том «Истории упадка и разрушения Римской империи» Гиббона, одной рукой нашарил стул, ни разу не оторвав взгляда от печатных строк. Легкое чтение, садясь в дормез, объяснил он ей с чарующей улыбкой. Природа подарила ему ее собственные благородные черты лица и цвет волос, скорее каштановый, нежели червонного золота; ресницы опущенных век были темные, как и пушистые брови над ними.

По меньшей мере его здоровье заметно поправилось с тех пор, как Фиц смирился с неизбежным и оставил свои беспощадные попытки сделать из Чарли достойного сына. Эти пугающие простуды вслед за зубодробительной верховой скачкой в непогоду! Лихорадки, на неделю укладывавшие его в постель после охоты на фазанов или поездок в Лондон. Ничто не избавило Чарли от его ученых склонностей, не преобразило его в сына, достойного Дарси, владельца Пемберли.

— Ты должен перестать, Фиц, — сказала она год назад, страшась ледяного высокомерия, которое не могло не воспоследовать, но исполненная решимости вынудить его прислушаться к ней. — Я мать Чарли и разрешила тебе руководить его детством, не высказывая своего мнения. Но теперь я должна заговорить. Ты не можешь бросить Чарли на съедение волкам кавалерийского полка, как бы ни желательно было обеспечить благородному сыну и наследнику несколько лет в армии для полировки... полировки? Фу! Эта жизнь его убьет. Его единственное

желание — поступить в Оксфорд и посвятить себя изучению классической литературы. И ему надо разрешить это. И не говори, что ты не терпел Кембридж и купил себе офицерский патент в гусарском полку! Твой отец к тому времени скончался, и я понятия не имею, как он отнесся бы к твоему решению. Я знаю только, что подходит для Чарли.

Ледяное высокомерие не заставило себя ждать, сделало лицо Фица железным, но темные глаза, глядящие в ее глаза, прятали больше усталости, чем гнева.

— Я согласен с твоим доводом, — сказал он жестким тоном. — Наш сын женоподобный слизняк, годящийся только для Академии или Церкви, и я скорее предпочту профессора Дарси епископу Дарси. Так что эту тему мы больше обсуждать не будем. Отправь его в Оксфорд, если считаешь нужным.

Жестокое разочарование для него, как она прекрасно знала. Бесценный мальчик был их первенцем. Но за ним последовали только девочки. «Беннетовское проклятие» по выражению Фица. Джорджи, Сьюзи, Анна и Кэти появлялись через двухгодичные интервалы — объекты равнодушия для их отца, который не интересовался ими и не замечал их.

Он приложил все усилия, чтобы изменить характер Чарли, но даже могущества и влияния Дарси, владельца Пемберли, оказалось для этого мало. А затем — ничего.

Кэти теперь было десять, и она останется последней. Фиц удалился из жизни жены, как и из ее постели. Он уже был членом парламента, тори в краю тори, но после рождения Кэти принял министерство и занял место среди первоскамеечников. Ход, освободивший его от жены, благодаря долгим отсутствиям в Лондоне, неоспоримо извинительным причинам быть вдали от нее. Не то чтобы она утратила полезность; всякий раз, когда Фиц нуждался в ней для продвижения его политической карьеры, она затребовалась в Лондон, как ни отвратителен ей был высший свет.

Лидия прибыла первой, влетев в гостиную и злобно хмурясь на этого странного человека, Эдварда Скиннера, который втолкнул ее туда. Сердце Элизабет мучительно сжалось, таким морщинистым, землистым и опухшим было лицо ее младшей сестры. Бесформенная фигура — мешок муки, затянутый корсетом в подобие женственности. Топорщащиеся складки поверх вздернутых грудей показывали, что, лишенные поддержки китового уса, они обмякнут наподобие жидко набитых подушек, подвешенных для просушивания на веревке. Вульгарная шляпка пенилась страусовыми перьями, платье из легкого муслина мало подходило и для

такой погоды, и для долгого путешествия, легкие атласные туфли в старых пятнах и новой грязи... Ах, Лидия! Когда-то красивые льняные волосы не мылись месяцы и месяцы, кудряшки отливали зеленоватой сальностью, а большие голубые глаза, так похожие на материнские, были вымазаны средством, предназначенным для чернения ресниц. И выглядели они так, будто ее избивали, хотя Джордж Уикхем четыре года как покинул Англию, и значит, от побоев она была избавлена... если только ее не избивал кто-то другой. Книга Чарли мгновенно отложена, и он оказался возле своей тетки с быстротой, отстранившей Элизабет, взял ее руки в свои, согревая их, пока подводил ее к креслу у камина.

— Ну вот, тетя Лидия, погрейтесь, — сказал он ласково. — Мама, я знаю, привезла для вас одежду потеплей.

— Черную, конечно, — сказала Лидия, бросив яростный взгляд па старшую сестру. — Господи, такой ужасный цвет! Но что поделать, раз мама умерла. Подумать только! Я никак не считала, что она слаба здоровьем. Ах, почему Джорджа отправили в Америку? Он нужен мне здесь. — Она увидела в дверях хозяина и просветлела. — Трентон, кружку эля, будьте добры! Этот ужасный человек похитил меня на пустой желудок. Эль, хлеб с маслом, кусок сыра... и побыстрей!

Но прежде чем Трентон повернулся, чтобы исполнить ее распоряжение, вернулся Нед с большой чашкой кофе и поставил чашку перед ней. За ним следовала служанка, неся поднос с кофе и закусками, достаточными для всех.

— Никакого эля, — категорично сказал Нед, наклонил голову в сторону миссис Дарси и мистера Чарли и спустился в залу доложить Фицу.

Увоз миссис Уикхем обернулся чертовой потехой. Она допивала третью бутылку, и зеленый юнец, которого она подобрала согреть себе постель, сбежал, едва увидел Неда Скиннера. С помощью перепуганного хозяина «Плуга и звезд», а также его угрюмой жены, Нед насильно влил в горло Лидии несколько доз разведенной в воде горчицы. Вино извергалось струя за струей, и Нед прекратил беспощадную процедуру, только когда убедился, что оно извергнуто все. Хозяйка уложила вещи Лидии в два небольших ящика.

— Ничего теплого, — сказала она, — только вот эта драная накидка.

Багаж Лидии привязали к запяткам на место грума. Нед швырнул свою рыдающую, визжащую пленницу на маленькое сиденье и направил беговую двуколку мистера Дарси в жестокую ночь, не обращая внимания на свою пассажирку.

Милый Чарли! Каким-то образом он уговорил Лидию съесть тарелку

овсянки и немного хлеба, убедил, что кофе именно то, в чем она нуждается. Поддерживая несколько оправившуюся Лидию под руку, Элизабет направилась в спальню, где миссис Трентон разложила чистые панталончики и сорочку, нижние юбки, простое черное шерстяное платье с оборкой, спешно подшитой к нему в Пемберли, чтобы удлинить его для Лидии, которая была выше Элизабет на полголовы.

— Этот мерзкий мужлан! — вскричала Лидия, стоя, когда миссис Трентон и Элизабет раздели ее и вымыли, как сумели (от нее разлило вином, рвотой, грязью и немытостью). — Он меня опоил, чтобы мне нутро вывернуло, будто я какая-нибудь его шлюха!

— Мама умерла, Лидия, — напомнила ей Элизабет, двумя брезгливыми пальцами отдавая замусоленный корсет миссис Трентон с кивком, что дальше она справится одна. — Мама умерла мирно во сне.

— Ну, я предпочла бы, чтобы она выбрала время получше! — Два налитые кровью глаза расширились на оттертом бледном лице, странно сходные с двумя стеклянными шариками. — Как она выделяла меня из вас всех! Я всегда умела обвести ее вокруг пальца!

— И ты не чувствуешь никакого горя?

— А! Надо бы, но ведь я ее почти двадцать лет не видела; мне же тогда было всего шестнадцать.

— Да, мы забываем, — сказала Элизабет со вздохом, сознательно отгоняя память, что после смерти папы Фиц порвал все узы, связывавшие сестер, не давал им возможности видаться без его одобрения. Задача не из трудных — они ведь все так или иначе зависели от него. Что до Лидии, это были деньги. — Ты большую часть жизни прожила с Джорджем Уикхемом, а не с мамой и папой.

— Вот уж нет! — огрызнулась Лидия, свирепо оглядывая платье. — Сначала он воевал в Испании, теперь он в Америке. Я — армейская жена, которой не позволено следовать за мужем. О, только подумать! Мама скончалась! Понять невозможно. Жуткое платье, Лиззи, ничего не скажешь. Длинные рукава! И его обязательно застегивать до самого горла? А без корсета мои груди упрутся в талию!

— Ты простудишься, Лидия. До Шелби по меньшей мере три дня пути, и хотя Фиц позаботится, чтобы дормез был утеплен, ему уже семь десятков, и он полон сквозняков.

Она вручила Лидии муфту, проверила, что черная шапочка под строгой шляпкой закрывает уши сестры, и повела ее назад в гостиную.

За время их отсутствия приехали Джейн и Чарльз Бингли, покинув Бингли-Холл четыре часа назад. Чарли вернулся к Гиббону, Бингли и Дарси

стояли у камина, сдержанно беседуя, а Джейн сидела, поникнув у стола, прижимая к глазам носовой платок. Как мы отделились друг от друга, что даже в этот горький час мы разъединены!

— Моя милая Джейн! — Элизабет подошла, чтобы обнять ее.

Джейн бросилась в эти утешительные объятия и снова заплакала, бормоча что-то неудобопонятное. Элизабет знала, что пройдут дни и дни, прежде чем ее чувствительная душа успокоится настолько, что к ней вернется ясность речи.

Чарли, будто он обладал каким-то шестым чувством, положил книгу и сразу направился к Лидии, чтобы подвести ее к креслу, сыпля комплиментами, насколькo черный цвет ей к лицу, и не дал ей возможности схватить кружку эля со стола, на котором кувшин этого напитка, видимо, подкреплял силы мужчин. Щелчок пальцев Фица, и Трентон молниеносно унес кувшин.

— Папаша? — вопросительно сказал Чарли.

— Что?

— Можно я поеду в карете дяди Чарльза с тетей Лидией? Маме будет удобнее в обществе тети Джейн.

— Да, — коротко ответил Дарси. — Чарльз, нам пора.

— Нед Скиннер едет с нами? — спросил Чарльз Бингли.

— Нет, у него другое дело. Мы с тобой, Чарльз, можем развлечься галопом. Общество переночует в «Трех перьях» в Дерби, мы же с тобой без труда доберемся до моего охотничьего домика. А к дамам присоединимся завтра вечером.

Бингли обернулся взглянуть на Джейн. Лицо выдало его тревогу, но он слишком привык подчиняться Фицу и не возразил против того, чтобы оставить Джейн на попечении Элизабет. Бесспорно, для сраженных горем нуждающихся в утешении женщин сестры лучшая поддержка, чем мужья. Затем он повеселел; лейстерский охотничий домик Фица был отличнейшим противовесом монотонности двухсотмильного путешествия до мэнора Шелби.

Мэри знала, что места в Шелби достанет только для ее сестер и их мужей; остальным родственникам и свойственникам придется довольствоваться «Синим кабаном» и другими приличными хартфордширскими гостиницами. Не то чтобы у нее было права голоса в подобных вопросах. Фиц, как всегда, будет заправлять всем, точно так же, как он по любому поводу связывался с разными людьми, служившими в мэноре Шелби в разных должностях, и приглядывал даже за такими

мелочами, как выплата ей карманных денег. Фицуильям Дарси — центр каждой паутины, с которой соприкасался!

Это Фиц обеспечил, чтобы его теща была со всевозможным комфортом изолирована от всех ее дочерей, кроме Мэри, жертвенной козы; почему-то люди опасались его неудовольствия, даже когда, подобно Китти, они никак от него не зависели. Бедная мама изнывала от желания повидать Лидию, но так, ни разу с ней и не свиделась, а мимолетные визиты Китти прекратились давным-давно. Только Элизабет и Джейн продолжали посещать ее последние десять лет, но Джейн слишком часто пребывала в интересном положении, возбранявшем длинные поездки. Чтобы там ни было, в июне Элизабет непременно приезжала в Шелби и отвозила маму в Бат отдохнуть. Отдохнуть! Мэри отлично понимала, что главной целью была возможность дать ей, Мэри, отдохнуть от мамы. И, ах, какой же это всегда был отдых! Ведь Лиззи привозила с собой Чарли и оставляла его составить Мэри компанию. Никто и вообразить не мог, какие проказы устраивали они с Чарли, в какие игры играли, какие места посещали, что вытворяли! Бесспорно, совсем не то, чего ожидают от тетушек, старых дев, приглядывающих за племянниками.

Китти приехала из Лондона день спустя после смерти мамы, заплаканная, но достаточно спокойная. Выплакалась она в пути, сочувственно утешаемая мисс Олмерией Финчли, ее незаменимой компаньонкой благородного происхождения, которой придется обойтись раскладной кроватью в комнате Китти, решила Мэри.

— Китти это не понравится, но ей придется это проглотить, — сказала Мэри миссис Дженкинс.

С Китти Мэри постаралась быть тактичнее.

— Право слово, Китти, ты выглядишь элегантно, как никогда, — сказала она ей.

Зная, что это правда, леди Менедью распустила перышки.

— Ну, в сущности, это такой дар, — призналась она. — Милый Менедью сам был украшением общества и наслаждался моими успехами. Ну, конечно, Мэри, душечка, конечно, мне очень помогло, что я два года гостила у Лиззи в Пемберли, до того, как Луиза Хэрст вывезла меня в свет. Господи, эта дурнушка, ее дочка! — Китти захихикала. — Какое огорчение, когда блестящую партию сделала я.

— Разве не считалось, что для Менедью брак уже позади? — спросила Мэри, чья прямолинейность отточилась за семнадцать лет забот о маме.

— Ну да, годами, пожалуй, но ни в чем другом. Я привлекла его,

говорил он, потому что была глиной, прямо-таки требовавшей стать бриллиантом чистейшей воды. Обворожительный мужчина, Менедью! Идеальный муж.

— Могу предположить.

— Хотя, — сказала Китти, развивая тему, — скончался он в самое подходящее время. Я уже завершила свое совершенствование, и это начало ему прискучивать.

— А любовь тут разве не участвовала? — спросила Мэри, никогда прежде не остававшаяся с сестрой наедине достаточно долго, чтобы удовлетворить свое любопытство.

— Господи, нет! Замужество обеспечивало очень приятное положение. Однако Менедью был моим господином. Я подчинялась каждому его распоряжению. Или прихоти. Тогда как жизнь вдовы — неиссякаемое блаженство. Ни распоряжений, ни прихотей, Олмерия Финчли ни в чем мне не перечит, и я имею доступ в самые лучшие дома, а также большой доход. — Она вытянула тонкую руку, чтобы виднее была отделка рукава — рюши, украшенные искусным узором из бус черного янтаря. — Мадам Беллем сумела закончить его, прежде чем я покинула Керзон-стрит, и еще три не менее восхитительных траурных платья. Теплые, но последний крик моды. — Ее голубые глаза, все еще влажные от последнего приступа слезливости, просияли. — Я опасаюсь только соперничества Джорджианы. Лиззи и Джейн, ты знаешь, одеваются бог знает как.

— Джейн, не спорю, Китти, но Лиззи? Я слышана, что она — жемчужина Вестминстера.

Китти фыркнула.

— Вестминстер! И даже не палата лордов! Палата общин — ха! Нетрудно царствовать над кучкой нудных парламентариев, можешь мне поверить. Фицу нравится увешивать ее бриллиантами и рубинами, затягивать в парчу и бархат. Они, конечно, по-своему, недурны, но совершенно не модны. — Китти оценивающе оглядела Мэри. — Теперь, когда замечательный аптекарь Лиззи излечил тебя от гнойничков, а ее дантист убрал твой зуб, Мэри, ты выглядишь не менее авантажной, чем Элизабет. Жаль только, что уже поздно подыскать тебе твоего собственного лорда Менедью.

— Перспектива всю жизнь оставаться старой девой никогда не ввергала меня в отчаяние, а лицо — всего лишь лицо, — сказала Мэри спокойно. — Избавиться от болей и недомоганий — истинное благо, а все остальное — пустяки, не более.

— Моя дорогая Мэри, — шокированно сказала Китти, — очень

хорошо, что ты выглядишь намного лучше теперь, когда мама умерла. Ты, возможно, не желаешь брака, но он куда более приятен, чем альтернатива. Разве что тебе хочется жить на побегушках у других людей, что обязательно случится, если ты переедешь в Пемберли или Бингли-Холл. Разумеется, Фиц так или иначе тебя обеспечит, но навряд ли этого хватит, чтобы позволить себе такую роскошь, как компаньонка или щегольской экипаж. Фиц человек холодный.

— Интересно, — сказала Мэри, предлагая кекс. — Твоя оценка его характера почти совпадает с моей. Он тратит свое состояние по необходимости. Благотворительность для него просто слово из словаря и ничего больше. Значительнейшая часть ошеломляющей суммы, которую он потратил на нас, Беннетов, тратилась, чтобы заглаживать неловкие положения, начиная от Джорджа Уикхема и кончая мамой. Теперь, когда мамы больше нет, сомневаюсь, что он будет столь же щедр ко мне. Особенно, — добавила она, когда непрощеная мысль вторглась в ее сознание, — если мое лицо больше не клеймит меня, как подобает достойной тетушке, старой деве.

— Я знаю, сэр Питер Камерон подыскивает жену, — сказала Китти, — и я думаю, он тебе подходит: не нуждается в большом приданом, книгочей и добряк.

— И думать не смей! Хотя не скажу, что Пемберли или Бингли-Холл так уж меня манят. Лиззи много плачет, говорил мне Чарли; они с Фицем почти не видятся с тех пор, как он стал переднескамеечником. А когда они вместе, он с ней холоден.

— Милый Чарли! — воскликнула Китти.

— Готова повторить.

— Фиц ею не любит, — сказала Китти с редкой для нее проницательностью. — Он слишком мягок.

— Я бы сказала, что Фиц слишком черств, — отрезала Мэри. — Более доброго, более чуткого молодого человека, чем Чарли, не существует.

— Да, сестрица, я согласна, но джентльмены относятся к своим сыновьям своеобразно. Как бы они ни оплакивали пристрастия к вину, к картам, костям и беспутным женщинам, в глубине души они считают такие развлечения грехами юности, которые останутся в прошлом. К тому же эта подлая крыса Каролина Бингли клеветает на Чарли, давно сообразив, что он — ахиллесова пята Фица.

Пора сменить тему, подумала Мэри. Не годилось смешивать ощущение потери с несравненно более важным горем, ее любовью к Чарли.

— Завтра можно ожидать Коллинзов.

— О Господи! — простонала Китти, затем хихикнула. — Помнишь, как ты сохла из-за этого мерзкого человека? Нет, ты правда была жалчайшей тряпкой в те дни, Мэри. Что заставило тебя перемениться? Или ты все еще вздыхаешь по мистеру Коллинзу?

— Ну, нет! Время и недостаток, чем заняться, исцелили меня. Есть лишь столько-то лет, которые можно растратить на глупости, а после того, как Чарли приехал погостить в первый раз, я начала понимать ошибки моего поведения. То есть, — честно признала Мэри, — Чарли показал их мне. Он просто спросил, почему у меня нет собственных мыслей, и подивился этому. В десять-то лет! Он взял с меня обещание бросить читать христианские, как он их назвал, книги ради великих мыслей. Таких мыслей, сказал он, которые заставят заработать мой ум. Даже тогда он был безбожником, знаешь ли. Когда мистер и миссис Коллинз наносили визиты, он их жалел. Мистера Коллинза за его непроходимое невежество и глупость, а Шарлотту за ее решимость представлять мистера Коллинза в более выгодном свете. — Улыбка Лиззи на лице Мэри, теплая, любящая, чуть лукавая. — Да, Китти, можешь поблагодарить Чарли за то, что ты видишь сегодня, даже за гнойнички и зуб. Это он спросил свою мать, что можно с ними сделать.

— Ну, так жалею, что не знаю его получше. А он ничего не говорил о твоём пении? — поддразнила Китти.

В ответ раздался искренний смех.

— Ну, конечно! Только Чарли никогда не оставляет человека в огорчении. Сказав мне, что я не пою, а визжу, пение посоветовал предоставить соловьям, и весь день заверял меня, что на фортепьяно я играю не хуже, чем герр Бетховен.

— А это кто? — спросила Китти, наморщив лоб.

— Немец. Чарли слушал его в Вене, когда Фиц старался обуздать Бонапарта. Я сыграю тебе кое-что из его не очень сложных вещей. Чарли никогда не забывает прислать мне кипу новых нот к моему дню рождения.

— Чарли, Чарли, Чарли! До чего же ты его любишь!

— До безумия, — сказала Мэри. — Видишь ли, Китти, он был добр ко мне на протяжении стольких лет. Его визиты озаряют мою жизнь.

— Когда ты говоришь в таком тоне, признаюсь, я чуточку завидую. Мэри, душечка, ты так изменилась!

— Не во всем, сестрица. Я все еще склонна говорить, что думаю. Особенно мистеру Коллинзу. — Она фыркнула. — Когда я думала, будто он ищет красивую жену, я могла извинить, что он останавливал свой выбор на таких неподходящих ему невестах, как Лиззи и Джейн, но когда он сделал

предложение Шарлотте Лукас, пелена спала с моих глаз. Шарлотте такой же неприглядной и неаппетитной, как недельной давности пирог! И я начала видеть, что он недостоин моих чувств.

— Я не претендую на глубину твоего ума, Мэри, — сказала Китти задумчиво, — но я часто дивилась милости Бога к некоторым из его не самых достойных созданий. По справедливости, мистеру Коллинзу следовало перебиваться с хлеба на воду, как неимущему священнику, и все-таки он всегда преуспевал без всяких заслуг с его стороны.

— О, ему пришлось не так-то легко из-за брака Лиззи с Фицем и смерти папы, когда он унаследовал Лонгборн. Леди Кэтрин де Бэр так его и не простила... но вот за что, я не знаю.

— А я знаю. Придись он по вкусу Лиззи, она бы вышла за него, а не отбила бы Фица у Анны де Бэр, — сказала Китти.

— Ну, ее милость давно в могиле и ее дочь с ней, — сказала Мэри, вздохнув.

— И это еще одно свидетельство непостижимости путей Бога.

— О чем ты, Китти?

— Об инфлюэнце, которая унесла их обоих вскоре после женитьбы полковника Фицуильяма на Анне! Или мне следовало бы сказать, генерала Фицуильяма? Он унаследовал Розингс и это огромное состояние как раз вовремя, чтобы rispetабельно овдоветь прежде, чем кто-нибудь еще завладел бы сердцем милой Джорджианы.

— Ха! — Мэри испустила насмешливое фырканье. — Джорджиана и не собиралась никого выбрать, кроме полковника... или генерала, если тебе так больше нравится. Хотя я и не одобряю браков между двоюродными родственниками. Их старшая дочь до того уродлива, что им пришлось запереть ее, — сказала Мэри.

— Блейденская кровь, дорогая моя. Леди Кэтрин, леди Анна и леди Мария. Все сестры.

— Они вышли за очень богатых людей, — сказала Мэри.

— А как же иначе? Они были дочерьми герцога, — возразила Китти. — Их папенька был заносчив не в меру — легчайшего запашка коммерции оказалось достаточно, чтобы убить старичка. Отец генерала, оказалось, нажил состояние на хлопке и рабах.

— Как ты смешна, Китти. У тебя в жизни нет ничего, кроме сплетен и развлечений?

— Должно быть. — Огонь угасал. Китти дернула сонетку, сигнализируя Дженкинсу. — Ты правда ждешь, что Коллинзы преодолеют двенадцать миль соболезнований ради?

— Это неизбежно. Мистер Коллинз способен учуять трагедию или скандал за сотню миль, так что такое двенадцать миль? Леди Лукас приедет с ними, и в любую секунду можно ожидать тетушку Филлипс. Только прострел помешал ей приехать сегодня, но, хорошенько поплавав, она исцелится.

Кстати, Мэри, обязательно ли Олмерии спать в моей комнате? Она имеет обыкновение храпеть, а я знаю, что в одном конце мансарды есть приличная спальня. Она же леди, а не камеристка.

— Ту спальню я берегу для Чарли.

— О! Так он приедет?

— Несомненно, — сказала Мэри.

* * *

По обычаю на похоронах женщинам не полагалось присутствовать ни в церкви, ни у могилы. Но при погребении миссис Беннет Фицуильям Дарси постановил проигнорировать это светское правило. Поскольку сыновей у нее не было, если посчитаться с этим правилом, пять дочерей не составят сколько-нибудь значительное число провожающих в последний путь. А потому все так или иначе связанные с их семьей были оповещены, что дамы будут присутствовать и в церкви, и у могилы, вопреки протестам персон вроде преподобного мистера Коллинза, довольно-таки уязвленного, что служить будет не он. В результате золовки Джейн, миссис Луиза Хэрст и мисс Каролина Бингли приехали из Лондона, чтобы поприсутствовать, а три старые карги, задушевные подруги миссис Беннет — ее сестра миссис Филлипс, а также ее приятельницы леди Лукас и миссис Лонг совершили путешествие много короче из Мери-тона.

Вот они, наконец, все вместе, пять дочек Беннетов, подумала Каролина Бингли после завершения заупокойной службы. Джейн, Элизабет, Мэри, Китти и Лидия... Двадцать лет прозябания, спасибо им и их хваленной красоте. Конечно, красота эта увяла, сошла на нет... как и ее собственная авантажная внешность. Джейн и Элизабет поплыли по бурным волнам своего пятого десятка, но она-то, Каролина, уже вытерпела эти бури и теперь приближалась к страшному шестому десятку. Как и Фиц. Ведь они примерно одного возраста.

Джейн выглядела так, будто Бог пересадил голову двадцатитрехлетней женщины на тело сорокатрехлетней. Ее лицо с безмятежными медового цвета глазами, свежей, не тронутой морщинами кожей, тонкими изящными чертами окружало облако медово-золотистых волос. Увы, двенадцать беременностей наложили свою печать на ее фигуру сильфиды, хотя она и не заплывала жиром, а только талия стала шире да грудь обвисла. Беннетовский тип в ней проявился в полной мере; они все пятеро отличались разными оттенками белокуроści, да и неудивительно, если вспомнить, что их отец и мать были одинаково светловолосыми.

Наилучшие беннетовские волосы достались Элизабет и Мэри — густые, вьющиеся, с равными долями меди и золота. Для определения их слова эти не годились; про себя мисс Бингли называла их рыжими. Кожа их по цвету больше всего напоминала слоновую кость, а их большие чуть-чуть сонные глаза были серыми, иногда становясь почти лиловыми. Разумеется,

черты Элизабет не были столь безупречными, как у Джейн — рот широковат, губы слишком пухлые, — но по какой-то причине, по-прежнему для мисс Бингли непонятной, мужчины находили ее более привлекательной. Ее прекрасную фигуру окутывал мех чернобурых лисиц, тогда как на Мэри было неказистое платье из черной саржи, шокирующая шляпка и еще даже более непотребная ротонда. Она заворожила Каролину: Мэри она не видела семнадцать лет — срок, который преобразил Мэри во вторую Элизабет. То есть не сохранил ее от природы приятный рот чопорную суровость — только он один намекал на старую деву. Сохранился ли этот безобразный кривой зуб?

Китти она знала очень хорошо. Леди Менедью с пшеничными волосами и васильковыми глазами, такая элегантная модница, что она завидовала возвышенному вдовству. Столь же доброжелательная, как и фривольная, Китти выглядела двадцатилетней, а не тридцатилетней. Ах, как братец Чарльз обвел их вокруг пальца! Будь проклят Десмонд Хэрст! Когда счета за портвейн оказались ему не по карману, он воззвал к Чарльзу. Чарльз согласился уплатить по ним, но с одним условием: Луиза обеспечит Китти Беннет лондонский сезон. В конце-то концов, сказал Чарльз не без основания, Луиза ведь будет вывозить собственную дочь, так почему бы и не двух? Попавшись, Десмонд Хэрст обменял счета за портвейн (и еще много других счетов) на лондонский сезон Китти. Но кто бы мог поверить, что плутовка обрабатывает лорда Менедью? Не самый большой приз на Брачном Базаре, но прекраснейшая партия его преклонному возрасту вопреки. А дражайший Букетик (как называли Летицию) вообще мужа не поймала и все больше чахла — обмороки, припадки, истерики, морение себя голодом.

Лидия — другое дело. Вот она выглядит давно разменявшей пятый десяток, а не Джейн. Сколько ей лет? Тридцать четыре. Каролина без труда вообразила, каких усилий стоило близким миссис Уикхем помешать ей утопить себя в бутылке. Разве сами они не натерпелись того же с мистером Хэрстом, скончавшимся от апоплексии восемь лет назад, что позволило Каролине сменить дома Чарльза на резиденцию Хэрстов на Брук-стрит, жить там с Луизой и Букетиком, более свободно предаваясь своему излюбленному занятию — раздракониванию Элизабет Дарси и ее сыночка.

Она сглотнула комок в горле — из церкви вышли Фиц и Чарльз, балансируя на плечах маленький гроб их тещи, который сзади поддерживали коротышка мистер Коллинз и Генри Лукас; это придавало полированному гробу красного дерева оригинальный, хотя и не опасный наклон. Ах, Фиц, Фиц! Почему ты влюбился в нее, женился на ней? Я бы

подарила тебе настоящих сыновей, а не единственного, такого нелепого, как Чарли, исповедующего сократическую любовь, как убеждены все. Почему? Потому, что степень его ошеломительной красоты придает ему именно такой вид, а я выдала клевету за правду, и моя близость к этой семье придает ей неоспоримую достоверность. Заклеймить сына пороком, столь противным сердцу его отца, это способ покарать Фица за то, что он не женился на мне. Казалось бы, Фиц разгадает стратагему, всегда восходящую к каким-то моим словам. Но нет, Фиц верит мне, а не Чарли.

Ее длинный нос задергался: он с самого начала учуял нюансы беды за этой нежеланной поездкой для погребения пустоголовой дряхлой карги. Уже некоторое время в доме Дарси не все было в порядке, но тревожность возрастала — и очень заметно. Фиц вновь обрел вид надменного высокомерия; в первые годы его брака это выражение почти исчезло, хотя какой-то инстинкт подсказывал ей, что он не был столь безоблачно счастливым, каким выглядел у алтаря. Возможно, полным надежды. Все еще готовясь завоевать... что? Каролина Бингли не знала, но была убеждена, что страсть Фица к Элизабет не привела к истинному счастью.

Теперь, облаченные в черное, скорбящие шли по кладбищу, петляя между нагромождением памятников, старых, как крестовые походы, новых, все еще разящих сырой землей. Мисс Бингли и миссис Хэрст шли с Джорджианой и генералом Хью Фицуильямом не в первых рядах процессии, но примерно в середине. Прощайте, миссис Беннет! Глупейшая женщина, каких только видывал свет.

Стоя далеко сзади, Каролина позволила своему взгляду шарить, пока он не встретился с взглядом Мэри, на которой растерянно и задержался. Лиловые очи незамужней сестры насмешливо остановились на ее лице, будто они и механизм за ними знали, о чем она думает. Что произошло с этими глазами, теперь такими умными, выразительными, пронизательными?

Она опиралась на Чарли, который держал ее руку: странная парочка. Что-то в них намекало на отгораживание от этой сентиментальной породы, будто они стояли тут, по их души витали в иных мирах.

Не глупи, Каролина, сказала она себе и придвинула свой зад к краю удобной плиты. Этот мерзкий старый гриб, преподобный мистер Коллинз готовился добавить собственные несколько слов к и без того затянувшейся службе. К тому моменту, когда Каролина с некоторым удовольствием незаметно облегчила свой вес, Мэри и Чарли преобразились в тех, кем были на самом деле. Да, Каролина, глупейшая мысль. Хорошо, что мы с Луизой распорядились, чтобы карету подали сразу же по завершении

похорон; обмениваться вежливыми фразами со всеми пятью сестрицами Беннет в Шелби перспектива малопривлекательная. Если наш кучер будет гнать лошадей, мы вернемся в Лондон до темноты. Но если меня пригласят в Пемберли с летним визитом, я поеду, с Луизой, разумеется.

Все, кроме общества Пемберли, разъехались до начала декабря, торопясь заблаговременно вернуться домой до Рождества, празднуемого в кругу детей и близких. В первую очередь это касалось Джейн, которая не терпела проводить хотя бы ночь не в Бингли-Холле, исключая Пемберли, до которого было рукой подать.

— Она опять ждет ребенка. — Элизабет сказала Мэри со вздохом.

— Конечно, мне не положено что-либо знать о подобном, Лиззи, но не мог бы хоть кто-нибудь посоветовать Чарльзу закупориться пробкой?

Элизабет залилась краской, она прижала ладони к щекам и пораженно уставилась на сестру, старую деву.

— Мэри! Как... как ах, как ты можешь знать про... про... и как ты можешь быть столь неделикатной?

— Я знаю потому, что прочла каждую книгу в этой библиотеке, и мне надоело деликатничать на темы, которые так остро касаются наших женских судеб! — отрезала Мэри. — Лиззи, ты же не можешь не видеть, что эти нескончаемые беременности убивают бедняжку Джейн? Да у племенных кобыл жизнь легче! Восемь живых детей и четверо либо умерших во младенчестве, либо мертворожденных. И счет был бы больше, если бы Чарльз так часто не уезжал в Вест-Индию на год. Если у нее не случилось выпадение матки, так следовало бы! Или ты не замечала, что выкидыши и мертворожденные все случались уже после живых? Она совсем разбита!

— Мэри, душечка, ты не должна выражаться так грубо! Право же, это верх неприличия!

— Чушь. Здесь кроме нас с тобой нет никого, а ты моя самая любимая сестра. Если уж мы не можем говорить откровенно, к чему идет мир? По моему, здоровье и благополучие женщин никого не заботит. Если Чарльз не найдет способа получать свое удовольствие, не вынуждая Джейн беременеть так часто, то, может быть, ему следует завести любовницу. Безнравственные женщины вроде бы не беременеют. — Мэри оживилась. — Мне следует найти чью-нибудь любовницу и узнать у нее, как она обходится без младенцев.

Элизабет онемела, до того оскорбленная в своих чувствах и растерянная, что была в состоянии лишь тупо смотреть на это пугало, не

более ее младшую сестру, чем девка, выскочившая из кустов. Может быть, в роду мамы имелись какие-то плебейские особенности, которые внезапно проявились в Мэри? Закупориться пробкой! Затем из дальнего прошлого, из давно исчезнувших мест на помощь Элизабет пришло ее чувство юмора. Она расхохоталась и смеялась, пока по ее лицу не покатались слезы.

— Ах, Мэри, да я же совсем тебя не знаю! — сказала она, когда сумела заговорить. — Прошу, заверь меня, что никому другому ты подобных вещей не говоришь!

— Конечно, нет, — сказала Мэри с нераскаянной ухмылкой. — Я только их думаю. И признайся, Лиззи, разве ты не думаешь того же?

— Ну, конечно, думаю. Я люблю Джейн всем сердцем, и мне больно видеть, как она чахнет всего лишь из-за отсутствия пробки. — Ее губы дрогнули. — Чарльз Бингли прелестнейший человек, но эгоистичный, как все мужчины. И ведь даже не потому, что нуждается в сыне. Их у них уже семеро.

— Странно, не правда ли? Ты рожает девочек, Джейн — мальчиков.

Все-таки, что произошло с Мэри? Куда исчезла узколобая, ограниченная надоеда лонгборнских дней? Могут ли люди настолько изменяться? Или это опасное высвобождение из женских уз всегда в зародыше жило в ней? Что побуждало ее петь, когда она не могла держать поту, следовать мелодии или управлять голосом? Почему она изнывала по мистеру Коллинзу, бесспорно самому недостойному предмету женской любви, какой только можно вообразить? Вопросы, на какие Элизабет не находила ответов. Хотя теперь она лучше поняла привязанность Чарли к тете Мэри.

Ее захлестнуло чувство огромной вины: она, а не только Фиц, бездумно обрекла Мэри ухаживать за мамой, что, памятуя возраст мамы, вполне могло продлиться и еще семнадцать лет. Они все ожидали, что срок этот составит минимум тридцать четыре года! И когда он истек бы, Мэри было бы пятьдесят пять — о, слава Богу, что истек он сейчас, пока у Мэри есть еще надежда как-то устроить свою жизнь.

Может быть, подумалось ей, не так уж разумно изолировать молодых женщин, как была изолирована Мэри. Что она обладала умом, в семье соглашались, хотя папа и отзывался презрительно о направлении этого ума — на тома проповедей и утомительно-нравоучительные трактаты, которые она штудировала девочкой. Но не была ли Мэри к этому вынуждена, прикинула Элизабет. Позволил бы ей папа свободно рыться в его библиотеке? Нет, конечно, нет. И Мэри сыпала своими педантичными заключениями о жизни потому, что у нее не было иного способа привлечь к

себе наше внимание?

Долгое время теперь я оглядывалась на мои детство и юность в Лонгборне, как на счастливейшие годы моей жизни; мы были так дружны, так веселы, так беззаботны. Из-за этой беззаботной уверенности в завтрашнем дне мы прощали маме ее идиотизмы, а папе его сардоничность. Но мы с Джейн сияли особенно ярко и прекрасно это сознавали. Сестры Беннет разделялись послойно: Джейн и я считались самыми красивыми и многообещающими, Китти и Лидия — пустоголовыми проказницами, а Мэри, средняя дочь, не принадлежала ни к тем, ни к другим. Я вижу тень той Мэри в этой: она все еще беспощадный критик человеческих слабостей, все еще презирает материальные блага. Но, о! Как она изменилась!

— Что ты помнишь о наших годах в Лонгборне? — ища ответа на эти вопросы, спросила Элизабет.

— Главным образом ощущение лишности, — сказала Мэри.

— Лишности! Как ужасно! И ты совсем не бывала счастлива? — Вероятно, иногда. Во всяком случае, я не чахла. Думаю, я была вся в мыслях о добродетельности, которой не видела ни в тебе, ни в Джейн, ни в Китти, ни в Лидии. Нет, не пугайся! Я никого из вас не осуждаю, только себя. Я считала, что вы с Джейн думаете только о том, как найти богатых мужей, а Китти и Лидия были слишком недисциплинированными, слишком разнузданными. В собственном поведении я руководствовалась книгами, которые читала — какой ужасно прозаичной я, должно быть, была! Не говоря уж о том, насколько скучной, ведь книги, которые я читала, отличались редкой скучностью.

— Да, ты была прозаичной и скучной, хотя только теперь я понимаю почему. Мы не оставили тебе никакого выбора, мы, четверо.

— Прыщи и зуб, признаюсь, мало помогали. Я считала их карой, хотя понятия не имела, в чем состоит мое преступление.

— Не кара за преступление, Мэри, а просто обычные физические недостатки.

— Это тебя я должна благодарить, что избавилась от них. Кто бы поверил, что чайная ложечка серы каждые два дня покончит с гнойничками, а удаление зуба позволит соседним полностью закрыть зияние? — Она встала из-за стола с завтраком, улыбаясь. — Куда запропастились джентльмены? Я думала, Фиц намеревался встать пораньше.

— Виноват Чарли. Он отправился с Джемом Дженкинсом истреблять крыс, и Фиц пошел его искать.

В голове Мэри клубились вопросы, и все требовали ответа. Спроси, и узнаешь, подумала она.

— Что Фиц за человек?

Элизабет заморгала от такой прямолинейности.

— После девятнадцати лет брака, сестрица, признаюсь, я не знаю. У него столь... столь возвышенные представления о том, кто такие Дарси и чего стоят. Возможно, это неизбежно в семье, которая прослеживает свое происхождение к Завоеванию и еще раньше. Хотя я иногда недоумеваю, почему, учитывая столетия высокого положения, им никогда не был дарован хоть какой-нибудь титул.

— Гордость, я полагаю, — сказала Мэри. — Ты не счастлива.

— Я думала, что счастлива. Но, вступая в брак, начинаешь путешествие в неизвестность. Полагаю, я думала, что любви Фица ко мне будет достаточно, чтобы мы провели идиллическую жизнь в Пемберли, окруженные нашими детьми. Но я не осознавала энергии Фица, его вечной неудовлетворенности, его честолюбия. Его секретов. В его натуре есть многое, чего я не знаю. — Она вздрогнула. — И я не уверена, что хочу узнать.

— Мне горько видеть тебя настолько падшей духом, Лиззи, но и рада, что нам выпал этот случай поговорить по душам. Есть ли в Фице что-нибудь определенное, особенно тебя тревожащее?

— Нед Скиннер, сказала бы я. Такая странная дружба!

Мэри нахмурилась.

— Кто такой Нед Скиннер?

— Если бы ты приехала в Пемберли, то узнала бы. Он главный управляющий Фица, надсмотрщик, фактотум. Но не просто управляющий, Мэтью Споттисвуд — управляющий. Нед много ездит по поручениям Фица, но чем он собственно занимается, я не знаю. Он живет в красивом коттедже в пределах поместья. Имеет своих слуг и своих лошадей.

— Ты назвала это дружбой.

— Так и есть. Очень тесная. В том-то и тайна. Ведь Нед неровня Фицу в глазах света, что при обычном положении вещей абсолютно воспрепятствовало бы дружбе с ним. И тем не менее они очень близки.

— Он джентльмен?

— Нет. Хотя говорит, как джентльмен.

— Почему ты никогда про него не упоминала?

— Полагаю, просто не было повода. Прежде мне не выпадало случая пооткровенничать с тобой.

— Да, я знаю. Мама всегда была рядом или Чарли. Как давно Фиц

сошелся с этим Недом Скиннером?

— О, еще до того, как женился на мне. Я его помню как юношу, мелькающего на заднем плане, глядящего на Фица с обожанием. Он немного моложе меня...

Элизабет оборвала то, что, возможно, намеревалась сказать — в комнату, внеся с собой волну холодного воздуха, вошел Фиц. По-прежнему красавец, подумала Мэри, даже в пятьдесят. Все, чего юная неопытная девушка могла бы пожелать в муже от положения до внешности. И все же она помнила слова, однажды сказанные Джейн со вздохом, что Лиззи не любит его так, как она, Джейн, любит своего милого мистера Бингли.

Утверждение совершенно в духе Джейн, не таящее ни осуждения, ни разочарования. Просто что-то о том, как Лиззи увидела великолепие Пемберли и с тех пор стала думать о мистере Дарси много лучше. Когда он возобновил свои ухаживания после скандального бегства Лидии, Лиззи дала ему согласие.

— Мэри, на пару слов, прежде чем я уеду, — сказал Дарси, затем обернулся к жене: — Ты готова, моя дорогая?

— Да. Ты нашел Чарли?

— Естественно. Обремененного десятком крыс.

Элизабет засмеялась.

— Надеюсь, он вымоет руки. Мне не требуются блохи в карете.

— Он как раз пошел их мыть. После вас, дорогая Мэри. — И он посторонился, с обычной своей ледяной вежливостью пропуская ее вперед, чтобы последовать за ней в библиотеку — настоящую, с тысячами книг.

— Прошу садитесь, — сказал он с невозмутимой властью, направляясь к бюро, как человек, чей кошелек оплатил все тут, как и все вообще в мэноре Шелби. Ноги Мэри внезапно подкосились, и она села на стул для посетителей напротив него, вздернув подбородок. Если ноги у нее подогнулись, это еще не значит, что согнется ее спина!

Несколько секунд Фиц молчал и просто смотрел на нее с некоторой озадаченностью. А затем:

— Как похожи вы стали на Элизабет. Ну, конечно, гнойники. К счастью, они не оставили рябин на вашей коже. — Покончив с физическими комплиментами, он перешел к прочим ее недостаткам. — Я никогда не слышал голоса хуже, то есть в пении. При одном воспоминании волосы у меня снова встают дыбом.

— Вам следовало бы указать мне на его немелодичность, братец.

— У меня не было на это права. — Он сложил ладони перед собой жестом, выражающим полное безразличие. — Итак, Мэри, ваш долг

исполнен. — Холодные черные глаза впились в ее глаза с нарастающим недоумением, когда она не опустила взгляда, не съежилась. — Когда умер ваш отец, мы с Чарльзом Бингли решили, что вас надлежит адекватно компенсировать за готовность остаться с вашей матерью. Ваш отец не имел возможности что-либо вам оставить, предпочтя завещать свой свободный капитал Лидии, как более нуждающейся. Вы, понимал он, обяжете Чарльза Бингли и меня, ухаживая за вашей матерью в отдалении от севера.

— Оберегать вас от ее идиотичности, имеете вы в виду, — сказала Мэри.

Он как будто растерялся, затем пожал плечами.

— Совершенно верно. Каковую услугу мы оплатили вам суммой в пятьсот фунтов ежегодно. Восемь с половиной тысяч фунтов в общем итоге.

Бесспорно, компаньонки не оплачиваются столь щедро, как я, — сказала Мэри глухо.

— Однако мэнор Шелби теперь должен быть продан таким же образом, каким он был куплен, целиком и полностью, включая книги в библиотеке и услуги семьи Дженкинс. Поэтому я вынужден выселить вас, сестрица, о чем весьма сожалею.

— Пустые слова, — сказала она, фыркнув.

У него вырвался мягкий смешок.

— Возможно, годы пощадили ваши лицо и фигуру, но ваш язык они обмазали скорее серной кислотой, чем сиропом.

— За что вините истощение религии, предназначенной оголять белые кости, а еще соблазны слишком большого досуга. Как только я приучила маму к распорядку, что было нетрудно, часы моих дней стали тяжелой обузой. Изменяя метафору, можно сказать, что скрипучая калитка моего разума обильно смазывалась содержимым этой превосходной библиотеки, не говоря уж об обществе вашего сына. Он был премией.

— Рад, что он хоть на что-то годен.

— Не будем ссориться из-за Чарли, хотя позволю себе сказать вам, что каждый день, пока вы не цените его достоинства, это еще один день, доказывающий, что вы глупы. Ну а я, моя личность, что вы намерены сделать с ними теперь, когда их обязанности кончены?

От ее жгучих слов он покраснел, но ответил вежливо:

— Вы должны переехать к нам в Пемберли или к Джейн в Бингли-Холл — ваш выбор, полагаю, будет зависеть от того, предпочтете ли вы девочек или мальчиков.

— И там и там это будет простым прозябанием.

Уголки его рта опустились.

— У вас есть альтернатива? — спросил он настороженно.

— Восемь тысяч фунтов с лишним обеспечивают некоторую независимость.

— Объясните.

— Я предпочла бы жить одна.

— Дорогая Мэри, леди вашего положения не могут жить одни.

— Но почему? В тридцать восемь лет я произнесла свою последнюю молитву, братец. Взять себе какую-нибудь Олмерию Финчли? Ха!

— Вы не выглядите на ваши тридцать восемь лет и знаете это. В Шелби достаточно зеркал. Так вы хотите присоединиться к леди Менедью?

— К Китти? Да через месяц я убью ее или она меня.

— Джорджиана и ее генерал приютили миссис Дженкинсон с тех пор, как Анна де Бэр умерла. Она будет рада составить вам компанию в... где? В удобном коттедже, может быть.

— Миссис Дженкинсон хлюпает носом и охает. Ее *tic douloureux*^[1] ухудшается зимой, когда особенно трудно ускользнуть от сожителей.

— Ну, так какая-нибудь другая подходящая женщина. Вы не можете жить одна!

— Никаких женщин, подходящих или не подходящих. Ниоткуда.

— Так чего же вы хотите? — жестко спросил он вне себя.

— Я хочу быть полезной. Только и всего. Иметь какую-то цель. Я хочу заслуженного самоуважения. Я хочу оглянуться и посмотреть с гордостью на что-то, сделанное мной. С чувством удовлетворения.

— Поверьте мне, Мэри, вы были полезны и вновь будете полезны — в Пемберли или в Бингли-Холле.

— Нет, — сказала она категорически.

— Будьте же разумны, женщина!

— В юности я была лишена здравого смысла, потому что не имела примера, чтобы ему следовать, включая моих родителей и сестер. Даже Элизабет, самая умная, не обладала здравым смыслом. Она в нем не нуждалась. Она была очаровательна, остроумна и очень разумна. Но разумность — это не здравый смысл, — сказала Мэри, сильно измученная. — Однако теперь, братец Фиц, я переполнена здравым смыслом, и вам меня не принудить и не запугать. Обладать здравым смыслом значит знать, чего ты хочешь от жизни, а я хочу иметь цель. Хотя, признаюсь, — закончила она задумчиво, — что пока я еще не совсем уверена, какой будет моя цель. Но во всяком случае жизнь у Лиззи или Джейн в нее не входит. Я буду только путаться у всех под ногами и всем

мешать.

Он сдался.

— У вас есть месяц, — сказал он, вставая. — Купчая на продажу мэнора Шелби будет тогда подписана, и ваше будущее должно быть решено к этому сроку. И забудьте о том, чтобы жить одной. Я этого не допущу.

— Что дает вам право командовать мной? — спросила она. Ее щеки пылали, глаза горели лиловым огнем.

— Право зятя, право старшего по годам и право человека, обладающего здравым смыслом. Мое общественное положение министра Короны, если не мое личное положение, как Дарси, владельца Пемберли, возбуждают мне терпеть эксцентричных или иначе помешанных родственников.

— Что восемь с половиной тысяч фунтов могут мне купить? — парировала она.

— Жилище, которое я буду счастлив подыскать для вас при условии, что вы будете жить там с подобающим декорумом и благопристойностью. Предпочтительно в деревне, а не в городе — Дербишир или Чешир.

— Ха! Там, где вы сможете следить за вашей эксцентричной или иначе помешанной невесткой! Благодарю вас, нет. Эти восемь с половиной тысяч принадлежат мне или на каких-то условиях? Я жду прямого ответа, так как сумею узнать правду.

— Они ваши и надежно вложены под четыре процента. И если их не трогать, будут приносить вам годовой доход примерно в триста пятьдесят фунтов, — сказал Фиц, не имея представления, как образумить эту мегеру. Внешне она так походит на Элизабет... Значит ли это, что и Элизабет прячет в себе мегеру?

— Куда вложены?

— Пэтчетт, Шоу, Карлтон и Уайльд в Хартфорде.

Выражение ее глаз заставило его вновь замешкаться — уже готовый направиться к двери, он остановился.

— Будьте добры, разрешите мне вести ваши дела, сестрица, — сказал он не терпящим возражений тоном. — Я запрещаю вам брать это на себя. Вы дочь джентльмена и в свойстве с моей семьей. Меня не обрадует, если вы пойдете мне наперекор. В новом году я ожидаю от вас удовлетворительного ответа.

Видимо, поставленная на место, она последовала за ним из комнаты и через переднюю к дверям, где ждали Лиззи, Чарли и Хоскинс, угрюмая женщина, которая исполняла обязанности камеристки Элизабет с яростной

ревностностью.

Мэри зажала лицо Чарли в ладонях, нежно улыбаясь в его темно-серые глаза. Красота почти обоеполая, и все же ни капли женственности за ней, чего не мог бы не увидеть его поглощенный собой отец, обладай он хотя бы одной десятой мозга, какой приписывал ему свет. Не презирай Чарли, Фиц, мысленно сказала она, целуя гладкую щеку Чарли. Он более мужчина, чем когда-либо будешь ты.

Затем настала очередь Лиззи, и уезжающие распределились; Дарси верхом на сером в яблоках коне, гордый, как Люцифер. Лиззи и Чарли в дормезе с нагретыми кирпичами меховыми ковриками, книгами, корзиной закусок и Хоскинс. С поднятой рукой в прощальном приветствии Мэри стояла на крыльце, пока громоздкая колымага с шестью гигантскими тяжеловозами, тащившими ее без малейших усилий, не скрылась за поворотом, как все экипажи, и значит, вон из ее жизни. Во всяком случае, на время.

Миссис Дженкинс плакала; Мэри поглядела на нее с раздражением.

— Довольно слез, прошу вас! — сказала она жестко. — Мэнор Шелби отойдет сэру Кеннету Эпплби, и я уверена, миссис Эпплби будет такой же доброй хозяйкой, как он — хозяином. А теперь принесите с чердака мои коробки и начните готовить мои вещи для упаковки. Ни складки, ни пылинки, ничего надтреснутого и грязного. И пошлите Молодого Дженкинса заложить коляску. Мне надо съездить.

— В Меритон, мисс Мэри?

— Господи, нет! — вскричала Мэри со смехом! Так скоро после кончины ее матери! — Я еду в Хартфорд. Вернусь домой к чаю. Домой! — повторила она и снова засмеялась. — У меня нет дома. Какая эмансипация!

Не имея, чем заняться, мистер Роберт Уайльд встал с кресла и подошел к окну, чтобы поглядеть на приглушенное движение по главной улице. Никто не попросил его составить завещание, не посоветовался с ним о каком-либо деле, нуждающемся в искусном рассмотрении юриста, а природная аккуратность уже давно привела наборы перехваченных красной тесьмой папок в полную готовность. Поскольку нынешний день не был рыночным образом пешеходов, а не фургоны и повозки, хотя мимо проехал Том Нейсби в бричке и обе мисс Рамсей протрусили на тяжело шагающих пони.

Вот он опять! Кто, черт подери, этот субъект, спросил себя мистер Уайльд. Хартфорд был очень маленькой столицей очень маленького графства, а потому незнакомца замечали всякий и каждый, кому он

попадался на глаза. Смуглокожий и медвежьего сложения — таков был вердикт всех, кто его видел. То он был верхом на могучем коне, чья породистость противоречила простонародному облику и одежде всадника, то прислонялся к стене, скрестив мускулистые руки, вот как сейчас. Младший клерк сообщил ему, что субъект остановился в «Синем кабане», ни с кем не разговаривал, имел достаточно денег, чтобы заказывать наилучшие обеды, и не проявил желания воспользоваться услугами одной из немногих хартфордских шлюх. Не такой уж безобразный негодяй и не очень старый. Но все-таки кто он?

По пологому склону спускалась коляска, запряженная парой серых лошадок и с Молодым Дженкинсом в роли фореитора. Привычное зрелище. Мисс Мэри Беннет приехала в город за покупками или с визитом. Когда коляска остановилась перед его дверью, мистер Уайльд удивился; пусть он управлял всеми делами мэнора Шелби, но ему не дозволялось встречаться с красивой мисс Беннет, хотя видел он ее довольно часто. Мистер Дарси заехал по дороге на север в Пемберли — последний из нескольких визитов, — но не упомянул, что пошлет мисс Беннет к нему. И тем не менее она здесь! Она вышла из коляски, с ног до головы одетая в черное; ее чудесные волосы были полностью упрятаны под черной шапочкой и безобразнейшей шляпкой. Красивое лицо хранило обычное спокойное выражение, когда она поднялась по ступенькам к его двери и взялась за дверной молоток.

— Мисс Беннет, сэр, — сказал его клерк, вводя ее в комнату.

К этой минуте мистер Уайльд занял корректное расстояние, протягивая руку, чтобы прикоснуться к кончикам ее пальцев — единственная дозволенная форма рукопожатия.

— Соболезную о кончине вашей матушки, мисс Беннет, — сказал он. — Разумеется, я был на похоронах, но соболезнований тогда не выразил.

— Благодарю вас за ваше участие. — Она села, держа спину совершенно прямо. — Вы выглядите несколько молодо для старшего партнера фирмы.

— Сомневаюсь, что Пэтчетт вообще когда-либо существовал, — сказал он с улыбкой. — Мистер Шоу и мистер Карлтон скончались, а мой отец передал практику мне уже полных пять лет назад. Однако, заверяю вас, мисс Беннет, что я прошел полную стажировку и обязанности солиситера знаю досконально.

Это довольно непрофессиональное заявление не смягчило выражение на лице его посетительницы; совершенно очевидно, она была не

чувствительна к обаянию — двусмысленной рекомендации, которой, как знал мистер Уайльд, он был обязан многим. Он извиняюще кашлянул.

— Вы хранитель принадлежащей мне денежной суммы, это так, сэр?

— Что... э... да. Извините меня, мисс Беннет, пока я отыщу ваши данные, — и он провел рукой по полке папок, помеченных «Б», затем остановившая его папка была извлечена. Он сел за свой стол, развязал красную ленту и прочел содержимое. — Восемь с половиной тысяч фунтов, вложенные под четыре процента.

Мисс Беннет сунула руку в перчатке назад в муфту с видимым облегчением.

— Сколько накопилось процентов? — спросила она.

Его брови поднялись: леди обычно не обладали столь широкими познаниями касательно финансов. Он вновь обратился к документам.

— На последний кварталный день одна тысяча пять фунтов девятнадцать шиллингов и четыре пенса, — сказал он.

— Итого девять с половиной тысяч фунтов, — сказала она.

— Совершенно верно, плюс минус фунт.

— Сколько времени потребуется, чтобы взять всю сумму наличными?

— Я бы не рекомендовал этого, мисс Беннет, — сказал он мягко.

— Вас никто об этом не просит, сэр. Так сколько времени?

— Несколько недель. Может быть, к середине января.

— Это терпимо. Будьте любезны, начните процедуру, мистер Уайльд. Когда мои деньги будут получены, положите их в Хартфордский банк. Устройте так, чтобы я могла брать нужные суммы в любом банке в любом месте Англии. — Помолчав, она кивнула: — Да, достаточно Англии в Шотландии, насколько мне известно, свои законы и обычаи, а Ирландия кишит папистами, Уэльс я считаю частью Англии. И еще о том, что мне требуется, сэр. Мэнор Шелби, как я понимаю, уже продан, и я должна освободить дом. Меня устроит съехать до Рождества, а не после. Будьте любезны, подыскать мне маленький меблированный дом здесь в Хартфорде и арендовать его на шесть месяцев. К началу следующего мая я отправлюсь путешествовать и больше не буду нуждаться в хартфордской резиденции.

Его челюсть отвисла, он прокашлялся, собираясь высказать разумные возражения, затем решил не затрудняться. Если когда-либо ему доводилось наблюдать выражение безоговорочной решимости, то лицо мисс Мэри Беннет выражало именно ее.

— Со слугами? — спросил он.

— Супружеская пара, старшая горничная, кухарка и младшая горничная, будьте добры. Я не намерена устраивать приемы, а мои

потребности невелики.

— И компаньонка? — спросил он, записывая.

— Мне она не нужна.

— Но... мистер Дарси! — воскликнул он, ужаснувшись.

— Мистер Дарси не арбитр моей судьбы, — сказала мисс Беннет. Подбородок выставлен, рот сжат в узкую полоску, глаза под тяжелыми веками менее всего сонные. — Я сама была достаточно долго скучной особой женского пола, мистер Уайльд, и не желаю, чтобы мне навязывали такую же как напоминание.

— Но вы не можете путешествовать без сопровождения, — запротестовал он.

— Почему нет? Я буду пользоваться услугами горничных в гостиницах, где соблаговолю остановиться.

— Вы возбудите сплетни, — сказал он, хватаясь за соломинку.

— Сплетни заботят меня так же мало, как сильно я не терплю безделья, слишком долго страдая от того и от другого. Я не беспомощная женщина, хотя уверена, что вы, подобно мистеру Дарси, именно так смотрите на весь женский пол. Если Бог счел нужным дать мне волю потрудиться во имя Его, значит, Бог будет моим соратником во всем, включая посягательства недостойных и докучливость мужчин.

В ужасе от такой железной целеустремленности, чувствуя неспособность найти аргумент, который понудил бы мисс Беннет свернуть с избранного ею пути, мистер Уайльд сдался, приняв решение незамедлительно написать мистеру Дарси.

— Все будет сделано, — сказал он глухо.

Она встала.

— Превосходно. Сообщите мне в Шелби, когда найдете для меня домик. То небольшое, что мне принадлежит, сможет перевезти Дженкинс. Это даст бедняге случай хоть чем-то заняться. После смерти моей матери ему совершенно нечего делать.

И она выплыла вон из комнаты.

Мистер Уайльд вернулся к окну, успев вовремя увидеть, как она села в свою коляску, ее профиль по ту сторону оконного стекла, такой же безупречный и скульптурный, как у греческой статуи. Господи, что за женщина! Она бы поставила на место и самого Сатану. Так почему же, спросил себя мистер Уайльд, я влюбился в нее? Потому что, ответил он себе, я был уже годы полувлюблен в ее образ, а теперь эта единственная встреча говорит мне, что она уникальна. Подходящие девицы неизбежно скучны, а, кроме того, у меня есть склонность к зрелым женщинам. Она

меня околдовала!

О, какой танец устроит она своему мужу! Неудивительно, что у мистера Дарси был такой неодобрительный вид, когда он коснулся темы мисс Мэри Беннет и ее крохотного состояния. Состояния не настолько внушительного, чтобы составить приличное приданое, и по сути недостаточного, чтобы женщина благородного происхождения могла существовать на него без поддержки. Мистер Уайльд понял, что мистер Дарси желал, чтобы она поселилась в Пемберли, но было очевидно, что в планы ее самой это не входит. А как она планирует распорядиться своими деньгами, лишенными возможности приумножаться? Никуда не вложенные они не дотянут до ее старости. Лучшим выходом для мисс Беннет было замужество, и мистер Уайльд очень желал стать ее мужем, не важно, какой страшный танец она ему устроит. Она была несравненной — женщиной, знающей, чего она хочет, и не боящейся говорить об этом прямо.

Коляска покатила; ни минутой позже детина, привалившийся к стене поблизости, уже скакал на своем черном породистом коне позади нее. Не совсем как телохранитель или эскорт, но каким-то образом сопровождая ее. Тем не менее мистер Уайльд подозревал, что сама мисс Беннет об этом не знает.

Надо было написать письмо мистеру Дарси и безотлагательно. Со вздохом мистер Уайльд сел за стол. Но он еще не обмакнул перо в чернильницу, как приободрился: она же будет всю зиму жить в городе... Но как обойти тот факт, что жить она будет одна? Никаких джентльменов с визитами. Не обделенный находчивостью мистер Уайльд мысленно перебрал всех их общих знакомых и пришел к выводу, что мисс Беннет будут приглашать на всевозможные приемы и званые обеды. Празднества, на которых можно искать встречи со своей возлюбленной, не укладывающейся ни в какие мерки.

Приятный молодой человек мистер Роберт Уайльд, но уколобый — такой вердикт вынесла мисс Мэри Беннет, пока коляска катила вперед. Еще один прислужник Фица, это само собой разумеется, но не лизоблюд. В животе у нее забурчало; она проголодалась и предвкушала обильный чай взамен второго завтрака. Как легко это было! Настаивать на своих правах, вот и все, что потребовалось. И как удачно, что она имела образчик для своего поведения в великом мастере этого искусства Фицуильяме Дарси. Говори тоном, не терпящим возражений, и даже мистер Уайльд не устоял.

Мысль эта, наверное, присутствовала во все времена, но Мэри осознала ее только нынче утром во время разговора в библиотеке. «Так чего

же вы хотите?» — спросил выведенный из себя Фиц. И вот, когда она заговорила о потребности иметь цель, делать что-то полезное, она уже поняла. Если многие глаза Аргуса способны видеть каждый гниющий английский закоулок, то два смиренных глаза его ученицы Мэри Беннет могут засвидетельствовать все обманы и подлости, о которых он пишет столь кратко, и изложить то, что она увидела, гораздо подробнее, чем он. Я напишу книгу, поклялась она, но не трехтомный роман о глупых девчонках, томящихся в темницах замков. Я напишу о лжи, язвах, разъедающих все уголки Англии — нищета, детский труд, заработки, на которые невозможно прожить. Снаружи мелькали красоты пейзажа, но она их не видела. Мэри Беннет была слишком занята своими мыслями. Они обрекают нас вышивать, приклеивать вырезанные картинки на экраны или столы, барабанить по клавишам фортепиано или бренчать на арфе, мариновать акварелями злополучную бумагу, читать респектабельные книги (включая трехтомные романы) и посещать церковь. А если обстоятельства нашего рождения делают недостижимыми столь приятные занятия, мы моем полы, стряпаем, притаскиваем уголь или дрова для камина, надеясь обедами с барского стола скрасить наши краюшки, смазанные топленым жиром. Бог был милостив и избавил меня от черной работы, но Ему не нужны мои вышитые чехлы на кресла или безвкусные картинки. Мы тоже Его создания, и не все из нас предназначены рожать детей. Если брак не наш удел, значит, должно быть что-то не менее важное.

Это мужчины, те, кто правит; мужчины, те, кто обладает подлинной независимостью. Даже самый жалкий и непотребный мужчина понятия не имеет, насколько безотраднее женская жизнь. Ну, у меня за плечами тридцать восемь лет, и я кончаю угождать мужчинам, начиная с этого утра. Я намерена написать книгу, от которой волосы Фицуильяма Дарси встанут дыбом куда выше, чем от моего пения. Я намерена показать этому нестерпимому образчику мужского пола, что зависимость от его благодеяний — анафема.

Когда она вошла в гостиную, огонь в камине ревел, и минуту спустя появилась миссис Дженкинс с чайным подносом.

— Чудесно! — сказала Мэри, садясь в кресло своей матери без малейшего содрогания. — Плюшки, фруктовый бисквит, яблочные тарталетки — ничего лучше я и вообразить не могла. Прошу, не хлопчите с обедом. Мне будет довольно чая и всех этих прелестей.

— Но ваш обед уже готовится, мисс Мэри!

— Так съешьте его сами. «Вестминстер кроникл» доставили?

— Да, мисс Мэри.

— О! И, кстати, миссис Дженкинс, я предполагаю съехать за неделю до Рождества. Это обеспечит вам и Дженкинсам достаточно времени, чтобы подготовить дом к приезду мистера и миссис Эпплби.

Онемев, миссис Дженкинс, пошатываясь, вышла из комнаты.

После шести плюшек, двух яблочных тарталеток и двух ломтей бисквита, Мэри допила четвертую чашку чая и развернула тонкие страницы «Вестминстер кроникл». Игнорируя обычное дамское меню придворных новостей и некрологов, она занялась письмами, знаменитой и выдающейся особенностью этой насквозь политической газеты. А! Вот оно! Новое письмо Аргуса. Жадно его поглощая, Мэри обнаружила, что автор обличает поголовную высылку ирландцев в Новый Южный Уэльс.

«У них нет еды, а потому они ее крадут, — закруглил Аргус. — А когда их хватают, английский судья приговаривает их к семи годам ссылки, прекрасно зная, что им будет не по карману вернуться на родину. У них нет одежды, а потому они крадут ее. А когда их хватают, то карают точно так же. Ссылка не просто не гуманна, но бесчеловечна. Ссылка на всю жизнь вдали от светло-зеленых лугов Ирландии. Говорю вам, пэры палаты лордов, члены палаты общин, что ссылка — гнусность, которой необходимо положить конец. Как должно прекратиться и это бессмысленное преследование ирландцев. И зло это не ограничено одной Ирландией. Наши английские тюрьмы были опорожнены, наши собственные несчастные нищие арестанты отсылаются в дальнюю даль. Хогарт не узнал бы улицу Джина, настолько ее обезлюдели. Вновь говорю вам, пэры палаты лордов и члены палаты общин, откажитесь от этого дешевого способа избавлять нашу страну от бед! Подобное избавление от них столь же окончательно, как могила, и столь же отвратительно. Не существует мужчины, женщины или ребенка настолько порочных, чтобы отправить его или ее в вечную ссылку. Семь лет? Замените их на семьдесят! Так или иначе, они все равно не вернутся на родину».

Когда Мэри положила газету, ее глаза сияли. Обличения Аргуса законов о ссылке и тому подобном не зажигали ее так, как его диатрибы против богаделен, работных домов, сиротских приютов, фабрик и рудников, но ее всегда зажигала его пламенная страстность, какой бы ни была тема. И обеспеченные люди не могут долее его игнорировать. Аргус вступил в ряды других борцов за социальную справедливость, широко читался и обсуждался от Твида до Лэндс-Энда. В Англии расцвела новая нравственная совесть отчасти благодаря Аргусу.

Почему и я не могу внести свой вклад, спросила она себя. Это Аргус открыл мне глаза — в тот же день, когда я прочла его первое письмо, я

обратилась в его веру. Теперь, когда я освободилась от своего долга, я могу устремиться в битву против злокачественных язв, которые разъедают самую плоть Англии. Я слышала, как мои племянники и племянницы говорят с нищими — они так и к бездомной собачонке не обратились бы. Только Чарли понимает, но не в его характере рваться в бой.

Да, я буду путешествовать, воочию наблюдая беды Англии, напишу мою книгу и заплачу за ее опубликование. Издатели платят дамам, которые пишут трехтомные романы, но не авторам серьезных книг. Так сказала миссис Роутри в тот раз, когда выступила с лекцией в Хартфордской библиотеке. Миссис Роутри пишет трехтомные романы и не питает уважения к серьезным книгам. Их, сообщила она нам, оплачивают сами авторы, и издание обходится им в девять тысяч фунтов или около того. Это примерно все, что у меня есть, но достаточно, чтобы моя книга была издана. Что за важность, если мои деньги будут исчерпаны! Я появлюсь у дверей Фица и потребую приюта, который он предложил? Оно того стоило бы! Но Фиц, уж конечно, измыслит способ помешать мне тратить мои деньги, если они вложены в какие-то ценные бумаги, а потому я испущу вздох облегчения, когда они будут благополучно вложены в банк на мое имя.

«Милый Чарли, — села она писать своему племяннику на следующее утро. — Я намерена написать книгу! Я знаю, что моя проза оставляет желать лучшего, но, помнится, ты раза два говорил, что я владею словами. Пожалуй, не как доктор Джонсон или мистер Гиббон, однако, прочитав столько книг, я убедилась, что умею выражать свои мысли с легкостью. Беда крылась в осознании, что до сих пор ни одна из моих мыслей не была достойна запечатления на бумаге. Но это позади! У меня есть тема, которая увенчает лаврами и самое смиренное перо.

Я собираюсь написать книгу. Нет, милый мальчик, не глупый роман в духе миссис Бёрни или миссис Радклиф. Это должен быть серьезный труд о бедах Англии. Заголовок, я думаю, будет именно таким: «Беды Англии». Какую помощь ты мне оказывал! Разве не ты сказал, что прежде, чем что-либо принесет плоды, необходимо провести все возможные изыскания. Я знаю, ты подразумевал *Prolegomena ad Homerum*^[2], но для меня это подразумевает обследование сиротских приютов, фабрик, богаделен, рудников — тысячу и одно место, где наши собственные английские люди живут в нищете и обездоленности по той лишь причине, что неразумно выбрали своих родителей. Ты помнишь, как сказал это про уличных оборвышей в Меритоне?

Такой изящный афоризм и такой верный! Будь у нас подобная возможность, разве бы не все выбирали в отцы королей и герцогов, а не углекопов или безработных на иждивении прихода?

Как было бы замечательно, если бы, ведя свои исследования, я вышла бы на какого-нибудь важного и аристократического персонажа, который по уши погряз в преступлениях и эксплуатации? Выпади мне такая удача, я, не дрогнув, опубликовала бы главу о нем с его августейшим именем полностью.

Когда я соберу все факты, записи, выводы, я напишу мою книгу. Где-то в начале мая я отправлюсь на мои розыски. Не в Лондон, а на север. Ланкашир и Йоркшир, где, по словам Аргуса, эксплуатация особенно жестока. Мои глаза жаждут увидеть сами, так как я жила в огороженности и ограниченности и проезжала мимо мазанок между живыми изгородями так, будто они не существовали. Ведь то, что мы видим и принимаем как должное детьми, утрачивает силу поразить нас позднее.

К тому времени, когда ты получишь это письмо в Оксфорде, думается, я уже перееду в какой-нибудь домик в Хартфорде. Поверь мне, я не буду оплакивать расставание с мэнором Шелби. Пока я пишу это, закружили первые снежные хлопья. Как ласково они укрывают мир! Ах, будь наш человеческий жребий столь же безмятежным, столь же прекрасным! Снег всегда напоминает мне грезы наяву своей эфемерностью.

Ты собираешься в Пемберли на Рождество или останешься в Оксфорде со своими фолиантами? Как поживает этот симпатичный тьютор мистер Гриффитс? Судя по словам твоей мамы, он скорее твой друг, чем строгий наставник. И хотя я знаю, как ты любишь Оксфорд, подумай о своей маме. Она так обрадуется, если ты проведешь Рождество в Пемберли.

Напиши мне, когда у тебя будет время, и не забудь принимать укрепляющую настойку, которую я тебе дала. По столовой ложке каждое утро. Вдобавок, мой милый Чарли, мне надоело обращение тетя Мэри. Теперь, когда тебе восемнадцать, как-то неуместно, что ты подчеркиваешь мое стародевичество, называя меня своей тетей. Я твой друг.

Твоя любящая Мэри».

Потянувшись, Мэри подняла перо над головой; так-то лучше! Затем она сложила единственный исписанный бисерным почерком лист так, чтобы свободным остался только один его край. Затем на середину она капнула ярко-зеленым воском, позаботившись, чтобы дым свечи его не закоптил. Такой прелестный цвет — зеленый! Быстрое нажатие беннетовской печати, прежде чем воск затвердел, и ее письмо было готово

к отправке. Пусть Чарли будет первым, кто узнает ее планы. Нет, Мэри! — сказал голосок внутри ее головы. Пусть Чарли будет единственным, кто их узнает.

Когда хлопотливо вошла миссис Дженкинс, она протянула ей свое послание.

— Пусть Дженкинс отвезет его в Хартфорд на почту.

— Сегодня, мисс Мэри? Он же должен свинарник починить.

— Свинарником он может заняться и завтра. Если нас завалит снегом, то я хочу, чтобы мое письмо было уже благополучно отправлено.

Но письмо в Хартфорде отправил не Дженкинс. Отнюдь не смакуя перспективу томительно медленной трусцы по снегу, Дженкинс решил заглянуть в «Кошку и скрипку», чтобы быстрым глоточком оберечься от холода. В зале он оказался не единственным посетителем. Перед очагом, оперев в него ножищи величиной в заслонки, уютно расположился дюжий детина.

— Доброго утречка, — сказал Дженкинс, прикидывая, кто бы это мог быть.

— И вам того же, сэр. — Ноги опустились на пол. — Ветер с севера задувает, и, надо думать, снегу навалит.

— Это уж так, — сказал Дженкинс, скривившись. — Ну и денечек, чтобы добираться до Хартфорда.

На звук голосов вошел хозяин, увидел, кто появился, и смешал в кружечке ром с горячей водой. Разве он не сказал про это чужаку? Если Дженкинсу придется куда-нибудь поехать, он первым делом завернет сюда. Когда Дженкинс взял кружку, хозяин подмигнул чужаку и понял, что получит крону за кружку эля. Чудило какой-то! А говорит, будто джентльмен.

— Не против, если я с вами погреюсь? — сказал Дженкинс, усаживаясь у очага.

— Да нисколько. Я тоже в Хартфорд еду, — сказал незнакомец, допивая свою большую кружку. — Может, я могу что-нибудь для вас там сделать? Чтобы избавить вас от поездки?

— У меня письмо на почту. Только из-за него и тащусь туда. — Он шмыгнул носом. — Старые девы с их причудами! А то бы я свинарник подновлял. Милое дело и рядом с кухонным очагом.

— Так беритесь за свинарник, любезный! — сказал незнакомец дружески. — Мне отослать ваше письмо никаких хлопот не доставит.

Шестипенсовик и письмо перешли из рук в руки; Дженкинс устроился

поуютнее, со вкусом прихлебывая свой горячий напиток, а Нед Скиннер увез свою добычу до следующей приличной гостиницы и снял там комнату.

Только в этих четырех надежных стенах он перевернул письмо и увидел ярко-зеленый воск печати. Господи помилуй, зеленый! С какой стати мисс Мэри Беннет использовала зеленый воск? Он бережно сломал печать и увидел такие мелкие буковки, что был вынужден подойти к окну, чтобы прочесть письмо. Испустив вздох сильнейшего раздражения, он даже не подозревал, что был отнюдь не первым человеком, у кого мисс Мэри Беннет вызвала это чувство. Он взял лист бумаги, сел к столу и начал переписывать письмо слово за словом. С его каллиграфическим почерком это потребовало трех листов — Нед Скиннер получил хорошее образование. Наконец его труд завершился. Он отклеил все крошки зеленого воска до единой, хмурясь на гостиничную палочку красного сургуча. Ну, ничего не поделать! Красный, так красный. Капля на месте, и он прижал свою собственную печатку таким образом, что прочесть фамилию отправительницы оказалось невозможным. Ничего, сойдет, решил он. Сосунок Чарли не слишком наблюдателен, кроме тех случаев, когда в глазах у него маячит призрак Гомера.

Задержавшись в Хартфорде ровно настолько, чтобы отправить письмо, Нед скорчился в седле и затрусил в Пемберли. Наконец, выбрался из этого липипутского южного мирка! Мне подавай Дербишир, думал он. Простор, чтобы дышать! Снег уже не столько падал, как летел, обещая вьюгу, но Юпитер был куда сильнее, чем выглядел, и с Недом в седле без труда преодолевал заносы в фут высотой и выше.

Действий от него почти никаких не требовалось, смотреть, кроме снега, было не на что, и Нед сосредоточился на своих мыслях. Интересная женщина, мисс Мэри Беннет. С Элизабет они похожи, как две горошины. Голова же у нее, удостоверился он теперь, не горохом набита. Свихнутая, да, но чего и было ждать, если вспомнить, какой была ее жизнь? Наивность — вот верное слово для нее. Будто ребенок, оставленный без присмотра в комнате из тончайшего стекла. Чего только она не поразбивает, дай ей волю! Выбери она для своего крестового похода Лондон, все было бы в порядке. Но север — опасное место, слишком близкое к дому, чтобы Фиц мог быть спокоен. Опасность же наивности вкупе с умом, та, что она может слишком легко превратиться в практичную проницательность. Способна ли Мэри Беннет на такое преображение? Ну, я не поставил бы на кон все мое, подумал Нед. Кое-что из того, что ей потребовалось сообщить смазливому мальчику, ее племяннику, в своем письме сулило не столько хлопоты, сколько докучность. Придется приглядывать за ней так, чтобы ей невдомек

было, что он за ней приглядывает. Ну, во всяком случае, подумал он с внутренним вздохом облегчения, не раньше мая.

Разумеется, докучность Мэри Беннет не могла долго занимать его мысли; вздернув шарф, чтобы, елико возможно, защитить нижнюю часть лица, он погрузился в более приятные грезы, которые всегда превращали в пустяк самую длинную, самую унылую поездку; его внутренний глаз заполнило видение плачущего ковыляющего малыша, внезапно подхваченного парой сильных молодых рук; прильнувшего к шее, от которой сладко пахло душистым мылом, и ощутившего, что горе миновало.

Снег отрезал Оксфорд от севера; Чарли не мог поехать на Рождество домой, даже если бы и хотел. А он не хотел. Как ни обожал он свою мать, с взрослением терпеть отца становилось все труднее. Разумеется, он прекрасно знал, что он, Чарли, был величайшим разочарованием для папашы, но ничего с этим поделать не мог. В Оксфорде он был в безопасности. Так как же, недоумевал он, глядя на сугробы, громоздящиеся у стен, смогу я смягчить папашу? Я не министр Короны, не рьяный политик, не рачительный землевладелец, не сила, с которой нельзя не считаться. Все, чего я хочу, это вести жизнь погруженного в науку профессора, авторитета по малоизвестным аспектам греческих эпических поэтов или ранних римских драматургов. Мама понимает, папаша никогда не поймет.

Эти тягостные мысли, такие знакомые и такие безысходные, мгновенно рассеялись, едва Оуэн Гриффитс распахнул дверь своего кабинета, и Чарли с радостно заблестевшими глазами отвернулся от окна.

— Такая докука! — вскричал он. — Я застрял в запутаннейшем Вергилии, какого только можно вообразить... скажите, Оуэн, что у вас есть для меня задание получше!

— Нет, юный сэр, вы должны распутать Вергилия, — сказал уэльсец, садясь. — Однако у меня есть письмо, задержавшееся на месяц из-за снега. — Он поднял руку повыше и помахал письмом так, что Чарли не мог дотянуться.

— Чума на вас! Я не виноват, что мне не хватает ваших дюймов. Сейчас же отдайте его мне!

Мистер Гриффитс отдал письмо. Он действительно был очень высок и хорошо сложен для человека, посвятившего себя академическим занятиям; результат, сказал бы он без малейшего стеснения, детских лет, проведенных за выкапыванием ям и рубкой дров, помогая отцу-фермеру. Волосы у него были густые, черные и довольно длинные, а черты лица достаточно

правильные, чтобы его можно было назвать красивым. Некая уэльская мрачность придавала его лицу суровую строгость не по годам, равным двадцати пяти, хотя у него не осталось причин для мрачности, едва Чарли поступил в Оксфорд. Миссис Дарси искала тьютора, подходящего, чтобы делить жилище с ее сыном, а не только руководить его университетскими занятиями. Все расходы, разумеется, оплачивались, и вдобавок стипендия, достаточно щедрая, чтобы счастливчик мог посылать часть родителям, буде они в этом нуждаются. Чудо правильного выбора из такого числа полных надежд кандидатов! Воспоминание, при котором и теперь у Оуэна обрывалось дыхание, И эти обязанности никак не повредили его академической карьере: богатство и влияние Дарси достигали высших эшелонов власти оксфордских колледжей.

— Странно, — сказал Чарли, взламывая печать. — Почерк тети Мэри, а воск не зеленый. — Он пожал плечами. — Но при таком количестве народа в Шелби зеленый сургуч мог быть весь израсходован. — Он наклонил голову, углубившись теперь в излияния тетушки, и возрастающее выражение смешанного ужаса и отчаяния на его лице породило в Оуэне дурное предчувствие.

— О Господи! — вскричал Чарли, откладывая письмо.

— Что случилось?

— Истерический припадок, приступ какого-нибудь женского недомогания... не знаю, как описать это, Оуэн. Но только Мэри — в будущем я должен называть ее просто «Мэри» — по-настоящему закусил удила. Вот прочтите.

— Хмम्म! — таков был отзыв Оуэна. Он поднял брови.

— Она не представляет последствий. Это ее убьет!

— Сомневаюсь, Чарли, но я вижу, почему вы так озабочены. Это письмо женщины, скрытой от превратностей жизни.

— Но как она могла бы не быть скрытой?

— У нее есть деньги для таких розысков?

Это заставило Чарли задуматься. Его лицо сморщилось в усилие вспомнить что-то, не связанное с латынью или греческим.

— Я точно не уверен, Оуэн. Мама сказала, что она обеспечена, хотя мне показалось, что обеспечение это скудно в сравнении с самопожертвованием Мэри. Понимаете? Она пишет, что теперь живет в Хартфорде, потому что мэнор Шелби, я полагаю, продан. О, это невыносимо! Папаша мог бы потратиться на десяток таких мэноров, чтобы Мэри обрела приют до конца своих дней. — Он страдальчески заломил руки. — Я не знаю ее положения! А почему я не спрашивал? Да потому что

боялся сцены с моим отцом! Я трус. Слизняк! Как и говорит папаша. Что со мной такое, что у меня нет духу противостоять ему?

— Послушайте, Чарли, не будьте так строги к себе. Я думаю, что вы не пытаетесь противостоять ему, так как знаете, что это ничего не даст, а может быть, и ухудшит положение. Как только почта вновь заработает, напишите вашей матери. Спросите ее, каково положение Мэри. До мая она никуда не поедет, так что у вас есть немного времени.

Лицо Чарли прояснилось, он кивнул.

— Да, вы правы. Ах, бедная Мэри! Откуда она черпает эти дурацкие идеи? Написать книгу!

— Если верить ее письму, свои идеи она почерпнула у Аргуса, — сказал Оуэн. — Я чрезвычайно им восхищаюсь, но он не друг тори или вашему отцу. Я не стал бы посвящать его в это, если возможно. Мне и в голову не приходило, что леди читают «Вестминстер кроникл», а уж тем более ваша тетушка! — В его глазах вспыхнули смешливые искорки. — Которую, замечая, вы без запинки называете просто Мэри.

— Ну, понимаете, мысленно она всегда была для меня просто Мэри. Ах, как я мечтал о каникулах в Шелби! Раз в году мама увозила бабушку в Бат, а я оставался с Мэри. Как нам было весело! Гуляли, катались в двуколке. Она могла говорить о чем угодно и разделять любые затеи — от лазания на деревья до стрельбы по голубям из рогатки. Когда папаша дышал мне в затылок, а мои школьные учителя наоборот, недели с Мэри оставались самой чудесной частью моего детства. Больше всего она любила географию, хотя была широко осведомлена и в истории. Меня поражало, что она знает и обычные и ботанические названия всех мхов, папоротников, деревьев и цветов в лесу. — Безупречные зубы Чарли блеснули в улыбке. — Добавлю, что — никому ни гу-гу, Оуэн! — она подвязывала юбки и шлепала по воде, ловя головастика.

— Та ее сторона, которую разрешалось видеть только вам.

— Да. Стоило кому-либо оказаться рядом, и она превращалась в тетушку. Тетушку старую деву, чопорную блюстительницу приличий. Навидавшись, как они шлепали по многим ручьям, я могу поручиться за ее ноги — очень стройные.

— Я заинтригован, — сказал Оуэн, решая, что пора преобразиться в тьютора. — Однако, Чарли, погода установилась на несколько дней, а Вергилий все еще не распутан. Никаких Горациевых од, пока он не будет опустошен, как сушащаяся на веревке английская наволочка. Вергилий сейчас, письмо вашей матушке потом.

Зима прошла гораздо приятнее, чем ожидала Мэри. Хотя она не могла принимать визитеров-джентльменов, миссис Маркхем, мисс Дельфиния Ботольф, миссис Маклеод и леди Эпплби часто посещали ее дом, в сторону сожалея о его душном воздухе и мрачности, а сверх того прикидывали, почему дорогая мисс Беннет не обзавелась компаньонкой. Вопросы натывались на каменную стену. Мисс Беннет просто говорила, что не нуждается в ней, и меняла тему. Однако если за ней присылали экипаж или она сама его нанимала, то могла бывать на званых обедах и приемах. Всегда хватало джентльменов без пары, а мистер Роберт Уайльд не скупился на прозрачные намеки, что был бы крайне рад, если бы его посадили рядом с мисс Беннет за обеденным столом или вообще быть при ней в других случаях.

Вздергивания бровей и подмигивания перелетали от лица к лицу. Не такая уж безделица, чтобы тридцативосьмилетняя женщина очаровала завидного холостяка вроде мистера Уайльда, которому вроде было все равно, что он моложе ее на добрые шесть-семь лет.

— Умно с его стороны, — сказала мисс Ботольф, чьи шестьдесят означали, что никакой зависти она не испытывает. — Говорят, у нее приличный доход, и, если он ее изловит, это повысит его положение в обществе. Она ведь невестка Дарси из Пемберли.

— Я бы хотела, чтобы она одевалась получше, — сказала леди Эпплби, заядлая читательница модных дамских журналов.

— А я бы хотела, чтобы она воздерживалась от своих неуместных высказываний, — отозвалась миссис Маркхем. — Я безусловно верю, что ее и правда видели, когда она разговаривала с цыганом!

Провокаторша этих замечаний сидела на диване с мистером Уайльдом поблизости. Простое шерстяное платье, настолько старое, что приобрело зеленоватый отлив, а волосы затянуты в узел так, чтобы ни единый локон не обрамлял лица.

— И что же вы узнали от цыгана? — как раз спрашивал ее мистер Уайльд.

— Просто поразительно, сэр! Видимо, они считают себя потомками египетских фараонов и обречены на скитания, пока не обретут какой-нибудь рай или не явится пророк. На самом-то деле он старался избавить меня от моих шестипенсовиков, но не преуспел. Его глаза томились по золоту и серебру, а не по пище. Я ушла в убеждении, что его племя во всяком случае не бедно, не недовольно. Он сказал, что им их жизнь нравится. Вдобавок я узнала, что дальше они отправляются, когда достаточно загрязнят свою стоянку гниющими объедками и телесными

выделениями. Урок, который не худо было бы усвоить некоторым нашим сельским беднякам.

— Вы говорите, им нравится их жизнь. Но вам не нравится ваша.

— Это изменится в мае, — сказала Мэри, грызя миндальное печенье. — Преотлично. Надо попросить у миссис Маклеод рецепт ее кухарки.

— Такое облегчение! — воскликнул мистер Уайльд, позабыв, что подобные восклицания неучтивы.

— Облегчение? В каком смысле?

— Это значит, что вашим путешествиям настанет конец. Что в один прекрасный день вы будете пользоваться услугами собственной кухарки.

— Я ими пользуюсь и теперь.

— Но не приглашая гостей. А потому — никакого миндального печенья.

— Ваш упрек понятен.

— Мисс Беннет, я никогда бы не посмел упрекнуть вас! — Его светлосерые глаза заблестели, устремили пылкий взор в ее глаза, и в смятении мыслей он совершенно забыл, что они находятся в гостиной миссис Маклеод с еще десятью гостями. — Напротив, я не прошу от жизни ничего, кроме как провести ее рядом с вами. — И очертя голову: — Станьте моей женой!

В ужасе она столь судорожно отползла от него по дивану, что все глаза устремились на них, а все уши хлопали еще раньше.

— Прошу, не говорите этого!

— Я уже сказал это, — указал он. — Ваш ответ?

— Нет! Тысячу раз нет!

— Ну, так поговорим о чем-нибудь другом. — Он взял пустую тарелку из ее ослабевших пальцев и обаятельно ей улыбнулся. — Я не принял отказа, вы понимаете. Мое предложение остается в силе.

— Не питайте надежды, мистер Уайльд. Я упряма. — Ах, до чего несносно! Почему она не предугадала это неуместное объяснение? Какой повод дала она ему?

— Вы будете на свадьбе мисс Эпплби? — спросил он.

Вот так! Во всяком случае пока, заключили удовлетворенные зрители. Рано или поздно она примет его предложение.

— Впрочем, если она будет долго не давать себя поймать, — сказала мисс Ботольф, — то рыбак может уйти выше по течению.

— Знаете, что я думаю, Дельфиния? — спросила миссис Маркхем. — Я думаю, она брак в грош ломаный не ставит.

— Из чего я делаю вывод, что она хорошо обеспечена, и ее жизненный путь выбран, — ответила мисс Ботольф. — Во всяком случае, для меня все сложилось именно так после смерти моей маменьки. Есть жребии и похуже, чем хорошая обеспеченность и незамужность. — Она фыркнула. — Мужья ведь могут оказаться больше на горе, чем на счастье.

Замечание, которое замужние дамы предпочли пропустить мимо ушей.

Аргус положил перо и обозрел свое последнее изделие с некоторой сардоничностью. Тема, в сущности, довольно глупая, подумал он, но обеспеченные английские обыватели, особенно живущие в больших городах, сентиментальны до невероятности. Никакая самая яркая прочувствованная проза не вызовет у них жалости к судьбе маленького трубочиста, но если подменить человека на животное — совсем другой коленкор! Много слез будет пролито, когда это письмо появится в «Вестминстер кроникл»! Пони в шахтах, не более и не менее. Слепые от жизни, влачащейся под землей, их бедные косматые бока исполосованы рубцами от кнута.

Его забавляло написать иногда что-нибудь в таком духе, ибо Аргус был совсем не тем, кем виделся читателям, которые в своих фантазиях рисовали его умирающим с голоду на чердаке, истощенного до самых костей силой своих революционных идеалов. Леди, вроде мисс Мэри Беннет, могли грезить о нем, как о соратнике в крестовом походе против бед Англии. На деле же его эпистолярный стиль подогревался желанием подпортить жизнь неким джентльменам в палате лордов и палате общин. Каждое аргусовское письмо вызывало вопросы в обеих палатах, провоцировало бесконечные речи, вынуждало лорда Того и мистера Этого увертываться от парочки-другой тухлых яиц на чреватом опасностями пути от портала парламента до дверей их карет. Собственно говоря, он не хуже самых консервативных тори знал, что ничто не способно улучшить условия жизни бедняков. Нет, подстегивало его не это, как давно решил Аргус, только дух злокозненности.

Закрыв за собой дверь библиотеки, он проследовал в обширную переднюю своего дома на Гросвенор-сквер и протянул руку за перчатками, шляпой и тростью, пока дворецкий расправлял на его широких плечах плащ с меховым воротником.

— Предупредите Стаббса, чтобы не ждал, — сказал он и вышел в морозящий мартовский вечер в своем истинном обличье — Аргус существовал только в его кабинете. Идти ему было недалеко — своей цели он достиг на другой стороне площади.

— Мой дорогой Ангус! — сказал Фицуильям Дарси, горячо пожимая ему руку. — Прощу в гостиную. У меня для вас есть новое виски — чтобы вынести вердикт шотландскому виски необходим шотландец.

— Вынесу свой вердикт с наслаждением, Фиц, но ваш человек разбирается в горношотландских солодовых напитках лучше меня. — Освобожденный от плаща, трости, шляпы и перчаток, мистер Ангус Синклер, тайно известный как Аргус, сопровождал своего гостеприимного хозяина по огромному, звучащему эхом вестибюлю Дарси-Хауса. — Намерены попытаться еще раз? — спросил он.

— А я преуспею, если попытаюсь?

— Нет. В том-то и прелесть быть шотландцем. Мне не требуется ваше влияние ни при дворе, ни в Сити, не говоря уж о палатах парламента. Моя еженедельная газетка всего лишь развлечение — побрякушка, оплачиваемая углем и железом Глазго, как вам хорошо известно. Мне нравится быть шипом в лапе тори, дородного английского льва. Вам следовало бы побывать на севере по ту сторону границы.

— Вашу газетку я терпеть могу, Ангус. Но вот Аргус — чертова зубная боль, — сказал Фиц, вводя гостя в малую гостиную, пылающую алостью и позолотой.

Без сомнения, он продолжал бы в том же духе, но его обворожительная жена обернулась к ним с сияющей улыбкой. Она и мистер Синклер нравились друг другу.

— Ангус!

— Всякий раз, когда я вас вижу, Элизабет, ваша красота поражает меня, — сказал он, целуя ей руку.

— Фиц опять надоедает вам из-за Аргуса?

— Неизбежно, — сказал он, а сердце у него немного упало. «Надоедает». Слишком бестактно.

— Кто он такой?

— В его нынешнем воплощении — не знаю: его письма приходят по почте. Но в своем первоначальном мифологическом воплощении он был гигантским чудовищем со множеством глаз. Потому-то, я уверен, анонимный субъект и выбрал себе этот псевдоним. Глаза Аргуса видят повсюду.

— Вы должны знать, кто он такой, — сказал Фиц.

— Нет, я не знаю.

— Ах, Фиц, оставь Ангуса в покое! — шутливо сказала Элизабет.

— Я надоедаю? — сказал Фиц с некоторой едкостью в голосе.

— Да, любовь моя, именно так.

— Учтено. Попробуйте виски, Ангус, — сказал Фиц с сухой улыбкой, протягивая стопку.

О Господи, подумал Ангус, глотая напиток, которого не терпел. Элизабет собирается начать свои очередные шуточные тычки по адресу Фица, а он, не терпя этого, ответит тычками покрепче любой кочерги или других инструментов, созданных управлять огнем. Почему она не видит, что ее прикосновения не такие уж легкие? Особенно учитывая, что их объект куда более тонкокож, чем притворяется.

— Ну, не говорите, будто оно вам нравится, Ангус, — сказала она со смехом.

— Как раз и скажу. Такое бархатное! — мужественно солгал Ангус.

Ответ, который умиротворил Фица, но не повысил его в глазах гостеприимной хозяйки. Она-то надеялась на поддержку.

Обед был интимным, другие гости не ожидались, и они втроем сели у конца небольшого стола в малой столовой, чтобы вкусить трапезу из пяти блюд, которым никто из них не воздал должного.

— Я публикую эпистолы Аргуса, Фиц, — сказал Ангус, когда жаркое сменилось десертом из сбитых сливок с вином, — потому что устал от этой нестерпимой расточительности. — Его несколько скрюченные пальцы провели черту по воздуху над столом. — De rigueur^[3] угощать меня обильным обедом, хотя я в нем не нуждаюсь, и съел лишь пару кусочков. И вы, и Элизабет не съели больше. Все мы удовлетворились бы ломтем хлеба, малой толикой масла, джема, сыра и зимним яблоком. Ваша прислуга и все их родственники жиреют на ваших обедах, как, возможно, и воронье в садах на площади.

Даже зная отвращение Фица к излишне громким звукам, Элизабет не удержалась от взрыва смеха.

— Знаете, Ангус, вы и моя сестра Мэри отлично поладили бы между собой! Именно такого рода высказывания бесят людей, но вы считаетесь с нашими чувствами столь же мало, как она.

— А чья она жена?

— Ничья. Мэри не замужем.

— Старая дева, влюбленная в Аргуса! — отрезал Фиц.

Растерявшись, Элизабет уставилась на мужа.

— Откуда ты знаешь? — спросила она. — Мне ничего об этом неизвестно.

Она позаботилась сказать это небрежно, почти шуточно, но он не взглянул на нее, и его лицо стало непроницаемым.

— Разумеется, я знаю это от Мэри.

— Она живет в Лондоне? — осведомился Ангус.

— Нет, в Хартфорде, — сказала Элизабет, вставая. — Оставляю вас портвейну и черутам, но, прошу, не слишком долго засиживайтесь. В гостиной будет кофе.

— Вы счастливчик, Фиц, с такой женой, — сказал Ангус, принимая у него бокал портвейна. — Такая красавица, брызжущая жизнерадостностью.

Фиц улыбнулся.

— Да, бесспорно. Однако есть и другие леди не менее обворожительные. Почему бы не жениться на одной из них? Сколько вам? Сорок? И все еще не женаты. Холостяк, завиднейшая партия в Лондоне, как говорят.

— Прошу извинить, но относительно обворожительных леди согласиться не могу. Элизабет уникальна. — Ангус попытлел тонкой сигарой. — А незамужняя сестра сходна с ней? Если да, то я мог бы попытаться удачу в этом направлении. Но сомневаюсь, иначе она не была бы старой девой.

— На нее был возложен долг ухаживать за их матерью. — Фиц поморщился. — Мэри Беннет глупая женщина, без передышки цитирующая чьи-нибудь чужие христианские мысли. По последней своей молитве годы тому назад она нашла для преклонения нового бога, Аргуса! — Дарси уперся обоими локтями в стол и сложил ладони (манера внушить собеседникам, будто он расслабился, ни о чем не тревожится). — Что возвращает меня к этому утомительному субъекту, Не стоит, Ангус, продолжать публиковать его жалкие измышления.

— Если бы они и правда были жалкими, Фиц, вы и вполтину не так беспокоились бы. Это ведь не Лондон вас допекает, верно? Лондон всегда был бурлящей мешаниной и всегда ею остается. Нет, вы боитесь какой-то революции на севере — как далеко простираются ваши интересы?

— Я брезгую вмешиваться в то, что ниже достоинства одного из Дарси!

Ангус оглушительно захохотал, ничуть не обидевшись.

— Господи, ну и сноб же вы!

— Я предпочел бы сказать, что я джентльмен.

— Да, особое занятие. — Ангус откинулся на спинку стула. Сотни свечей в люстре у него над головой зажигали искры в его тронутых серебром волосах. Складки его худых щек углубились в улыбке; они придавали ему вид озорного бесенка. Именно таким он ощущал себя: никогда еще Фицуильям Дарси не интриговал его до подобной степени. Обнаружились подводные течения, о которых он и не подозревал. Не из-за

редкого ли приезда Элизабет на юг? Большая часть его знакомства с ней ограничивалась гощением в Пемберли, где Фиц любил собирать гостей; вопреки своей красоте она недолюбливала злчность лондонского света. Приехать ее понудил прием при дворе, и он почитал себя счастливым, что непонятная заикленность Фица на Аргусе приводила к интимным обедам втроем.

— Бесполезно, — сказал он, допивая портвейн. — У Аргуса будет трибуна для дебатов, пока «Вестминстер кроникл» принадлежит мне, а вам неостанет денег, чтобы купить ее у меня. На это потребовались бы сокровища Креза.

— Какой приятный обед, — сказала Элизабет мужу, когда их одинокий гость откланялся. Она поднималась по левому полукружью лестницы над великолепной площадкой на полпути вверх. Фиц рядом помогал ей справляться со шлейфом.

— Да, совершенно верно. Хотя и обескураживающий. Видимо, мне не вбить Ангусу в голову, что Аргус и иже с ним приведут к нашему падению. С тех пор как американские колонисты начали болтать о своих демократических идеалах, а французы — рубить головы аристократам, низшие сословия ропщут даже здесь, в Англии.

— Нация лавочников, назвал нас Бонапарте.

— Бонапарте потерпел неудачу. Сэр Руперт Лейвенхем сообщил мне, что его великая армия погибла в русских снегах. Сотни тысяч французских солдат замерзли до смерти. А он оставил их на произвол судьбы... можешь ли ты поверить этому, Элизабет? Высочка без всяких понятий о чести.

— Без малейших, — сказала она, как от нее требовалось. — Кстати, Фиц, когда Мэри сказала тебе, что влюблена в Аргуса?

— Когда я беседовал с ней в библиотеке в утро нашего отъезда. Мы... э... слегка повздорили.

Они подошли к ее двери. Элизабет остановилась и повернулась к нему.

— Почему ты мне не рассказываешь про такие вещи?

— Они тебя не касаются.

— Нет, касаются, если речь идет о моей сестре! Что значит, повздорили? Поэтому она живет в Хартфорде? Ты дал ей понять, что в Пемберли ее присутствие нежелательно?

Нетерпимость к критике его поступков вызвала резкую отповедь.

— Напротив, она наотрез отказалась переехать в Пемберли! Или даже обзавестись компаньонкой! Верх неприличия жить одной! И в Хартфорде на глазах людей, знающих ее много лет! Во всем, что касается ее, я умыл

руки, пусть тратит свою долю наследства на какие-то свершения, внушенные ей письмами этого идиота Аргуса!

— Не очень щедрую притом, — возразила она, сверкнув глазами. — Как мне известно, братец Чарльз вносил половину. Мэри обходилась тебе в год меньше, чем ты тратил на тщательно подобранную пару беговых лошадей! И я имею в виду не гнедых и серых вместе, а только одну упряжку! Двести пятьдесят фунтов в год! Столько ты платишь своему камердинеру, а заведующему конюшнями еще больше! Когда речь идет о тебе самом, Фиц, ты тратишь, не считая. Но не на мою бедную — буквально, а не только фигурально — сестру!

— Я не сделан из денег, — сказал он сухо. — Мэри твоя сестра, а не моя.

— Если ты не сделан из денег, то почему ты тратишь их на побрякушки вроде изумрудов? Меня драгоценности не привлекают, но Мэри нуждается в большей обеспеченности, чем ты устроил ей. Продай эти изумруды и отдай деньги Мэри. После семнадцати лет у нее наберется не больше девяти с половиной тысяч фунтов. Если она предпочла жить самостоятельно, то не может позволить себе экипажа или приобрести дом, а только арендовать. И ты ждешь, что она будет платить компаньонке! Совершенно очевидно: ты мелочен.

То, что его поведение называли мелочным, пробудило в нем редкий гнев, его губы оттянулись в оскале.

— Я не могу принять твои упреки, Элизабет, потому что ты говоришь, не зная обстоятельств. Твоя идиотка сестра забрала капитал, помещенный под четыре процента, и значит, не будет иметь никакого дохода. Если бы я обеспечил ее больше, она просто имела бы больше денег, чтобы швырять их на ветер. Ваша сестра, сударыня, помешана.

Ахнув, Элизабет приложила все усилия, чтобы сохранить контроль над собой. Иначе он отмахнется от ее ярости, как ничего не стоящей.

— О, Фиц, почему ты лишен сострадания? — вскричала она. — Мэри же самое безобидное существо, когда-либо жившее на свете! Какое значение имеет, если она... если она ведет себя на свой лад? Если она отказывается иметь компаньонку? Это твоя решимость избавиться от нашей матери сделала Мэри такой, какой бы она не стала. И как ты мог предвидеть, что она будет делать после смерти мамы? Ты ничего не предвидел, а просто счел само собой разумеющимся, что она будет продолжать быть тем, чем была девушкой, и лишил ее старости в достаточно комфортабельных условиях, какой обеспечил нашу мать. Так почему ты сделал это для нашей матери? Потому что предоставленная

самой себе она была слишком опасна — она могла бы явиться непрошеной на какой-нибудь важный политический прием и сделать тебя посмешищем своей глупостью, своими громогласными и нелепыми замечаниями. Теперь ты валишь поведение мамы на бедную Мэри! Это непростительно!

— Вижу, я был прав, не сообщив тебе, что произошло.

— Не сказать мне было предельной бессовестностью!

— Спокойной ночи, — сказал он с поклоном.

И широким шагом пошел по полному теней коридору; его фигура, такая же стройная и безупречно сложенная, как двадцать лет назад.

— И не трудись писать мне одно из своих писем с самооправданиями, полными жалости к себе, — крикнула она ему вслед. — Я сожгу его, не читая!

Вся дрожа, она вошла в свои апартаменты, радуясь, что заранее отослала Хоскинс спать. Да как он посмел! Как он посмел!

Они никогда не ссорились; он был слишком высокомерен, а она слишком стремилась сохранить мир любой ценой. Нынче вечером впервые за много лет они обменялись жгущими словами. Может быть, подумала она (зубы у нее стучали), мы были бы счастливее, если бы ссорились. Все же, даже в таком гневе, как нынче вечером, он не унизился до нарушения того, что считал поведением джентльмена. Не кричал, хотя она кричала, Не сжимал руки в кулаки, хотя ее кулаки сжимались. Его личина была несокрушимой, хотя почти сокрушила ее. Удовлетворил ли их брак его представление о браке? Что до нее, кто бы мог вообразить, каким кошмаром может обернуться брак?

Нежный шепот воспоминаний вернул ее ко времени помолвки. Ах, как он тогда смотрел на нее! Его холодные глаза зажигались изнутри, его рука искала малейшего повода прикоснуться к ее руке, нежность его поцелуев на ее губах, убеждение, которое он внушил ей, что она дороже ему, чем Пемберли и все с ним связанное. Они всегда будут пребывать в светлом тумане совершеннейшего блаженства; во всяком случае, ей так верилось.

Вера, сокрушенная в ее брачную ночь, унижение, которое она снесла потому лишь, что так Бог установил продление рода человеческого. Почувствовала ли Джейн то же самое? Она не знала, не могла спросить. Тайны спальни были слишком интимными, чтобы поверять их даже самой любимой сестре.

С затаенным дыханием предвкушая часы нежных поцелуев и ласк, она вместо того столкнулась с животным актом зубов и ногтей, мучающие руки, сопение и пот; он разорвал ее ночную рубашку, чтобы щипать и кусать ее груди, прижимая ее к кровати одной рукой, пока другая тыкала,

раздвигала, копошилась в запретной сердцевине ее существа. А самый акт был унижительным, безлюбным — таким ужасным!

На следующий день он извинился, объяснив, что слишком долго ждал ее и не мог совладать с собой, так не терпелось ему сделать ее своей. Пристыженный Фиц, но, понимала она теперь, не из-за нее. Его заботила утрата собственного достоинства. У мужчины есть потребности, сказал он тогда, но со временем она поймет. Ну, она так и не поняла. Эта первая ночь определила следующие девять лет; даже одной мысли, что ночью он может прийти к ней, было достаточно, чтобы ее затошнило. Но после четвертой девочки подряд его визиты прекратились. Бедняжке Чарли придется взять на себя груз положения, противного самой его природе, а ее девочки — такие милые, нежные создания! — страшатся своего отца не меньше, чем Неда Скиннера.

Изумруды никак не желали расстаться с ее шеей. Элизабет дергала их, не замечая, как выдирает с корнями прядки волос. Омерзительные камни! Ценимые больше, чем благополучие сестры. Ну, вот! Освободилась наконец. Ах, если бы она была свободной! Понимает ли Мэри, что отсутствие мужа означает хотя бы толику независимости? Элизабет ее зависимость безмерно раздражала.

Быть может, думала она, забираясь в обширные пределы своей кровати, я никогда не любила Фица достаточно сильно. Или же во мне было слишком мало Лидии, чтобы отвечать ему, как ответила бы любая Лидия. Я достаточно повзрослела, чтобы понимать, что не все женщины созданы одинаковыми, что некоторые, как Лидия, приветствуют сопение, пот, тошноту, а некоторые, как я, находят их омерзительными. Почему не может быть среднего пути? У меня столько любви, жаждущей излиться, но это не та любовь, которая нужна Фицу. Во время нашей помолвки я верила, что так и есть, но едва я стала принадлежать ему по закону, как стала собственностью. Главным украшением Пемберли. Интересно, кто его любовница? Никто в Лондоне не знает, иначе леди Джерси или Каролина Лэм уже разгласили бы это. Она должна быть ниже положением, благодарной за крохи, которые он ей швыряет, Ах Фиц, Фиц!

Она плакала, пока не заснула.

Мистер Ангус Синклер пришел домой, чтобы провести еще час в своей библиотеке, но не для того, чтобы писать подстрекательскую прозу под *nom de plume*^[4] «Аргус». Ангус — Аргус. Какое различие создает одна крохотная буковка! Он вытащил толстую папку с бумагами из-под кипы таких же папок на бюро и устроился снова изучать ее содержимое.

Сообщения некоторых его агентов о деятельности личностей, которых он окрестил «набобы севера» — влиятельных владельцев заводов, литейных, мастерских, фабрик и рудников в Йоркшире и Ланкашире.

Виднейшим среди них был мистер Чарльз Бингли из Бингли-Холла в Чершире. Закадычный друг Фицуильяма Дарси. И все же чем больше Ангус думал об этом, тем более странной выглядела эта дружба. Что могло быть общего между колоссальным снобом и капитаном Торговли и Промышленности? На первый взгляд — дружба, которая не может существовать. По наведении справок выяснилось, что они познакомились в Кембридже и с тех пор оставались связаны теснейшим образом. Нечто юношеское, вроде неуместного беззаветного увлечения, с одной стороны, и высокомерного снисхождения — с другой? Небольшая сократическая шалость, тут же перегоревшая? Нет, категорически нет! Бингли и Дарси всего лишь верные друзья, не более и не менее. Но общее, что есть между ними, должно быть менее очевидным... Дед Бингли был ливерпульским докером; это его отец выкроил империю фабричных труб, изрыгающих густой черный дым в воздух Манчестера. Тогда как дед Дарси презрительно отверг титул герцога, потому лишь, что, как утверждали слухи, «герцог Дарси» его не устраивал. Герцог без названия графства в титуле — не герцог.

Что-то связывает эту пару, думал Ангус, и я убежден, кроется оно под лозунгом Торговля и Промышленность.

— Да, Ангус, — сказал мистер Синклер вслух, — есть только единственный логичный ответ: аристократичнейший Фицуильям Дарси — секретный компаньон Чарльза Бингли. Пятьдесят тысяч акров дербиширского Скалистого Края, вересковых пустошей и лесов должны приносить Фицу десять тысяч годовых, но он, кроме того, имеет много плодородных акров Уорикшира, Стаффордшира, Чешира и Шропшира. Почему же говорят, что его годовой доход — какие-то десять тысяч? Да одна земля должна приносить вдвое больше. Какая еще более дымная и базирующаяся на машинах деятельность приносит сколько еще тысяч сверх того? — Он крикнул. — Устал ты и не способен думать толком.

Ситуация крайне его интриговала — ведь будучи трезвомыслящим шотландцем, он никакими силами не мог понять, почему человек, кем бы он ни был, стыдится запачкать руки честным трудом. Торговля и промышленность воздают достаточными прибылями, чтобы преобразить внука ливерпульского докера в джентльмена. Что дурного в том, чтобы не иметь предков? Как это по-римски! Новые Люди против Старой Знати, вместе им никогда не сойтись. За исключением Бингли и Дарси. Хотя

сошлась бы эта пара, если бы у Бингли было желание занять видное положение в определенных лондонских кругах? Его у него нет и никогда не было. Человек севера, он имел дом в Лондоне только из-за того, что дружба с Фицем сделала это обязательным.

Его веки сомкнулись; некоторое время спустя Ангус рывком выпрямился, обнаружив, что задремал, и тихо засмеялся. Ему приснилась тощая женщина с рубленным лицом, одетая, как гувернантка, марширующая взад-вперед перед парламентом с плакатом «Покайтесь вы, эксплуататоры бедняков!» До чего это понравилось бы Аргусу. Впрочем, однако, никакие дамы никогда не маршировали взад-вперед перед зданиями Вестминстера. В тот день, когда они проделают это, подумал он со зло-ехидством, здание тут же обрушится.

Так она тощая женщина с рубленным лицом, одетая, как гувернантка? Прикинул он, закрывая папку и водворяя ее на место. Если она — сестра Элизабет, то, разумеется, нет! Но какие старые девы отличаются красотой? Ни единая, судя по его опыту. Она носит христианское имя «Мэри», но как ему узнать ее фамилию? Затем всплыло воспоминание: Фиц говорит «Мэри Беннетт»... Одно «т» или два? Конечно, два. С одним фамилия выглядела бы жертвой ампутации. Мисс Мэри Беннетт... И живет она в Хартфорде, всего в прыжке от Лондона. Сколько ей лет?

Видение Элизабет преследовало его десять лет, и узнать, что у нее есть незамужняя сестра... Удержаться было невозможно. Да, он должен увидеть мисс Мэри Беннетт, влюбленную в Аргуса! Бедняжка Элизабет! Безмерно несчастное создание. Ну, да какая женщина была бы счастлива замужем за Фицем? Одним из самых холодных людей, каких только доводилось встречать Ангусу. Хотя как, собственно, определить холодность, когда речь идет о людях? Фиц, бесспорно, не был лишен способности чувствовать. Он обладал чувствами — и очень сильными к тому же. Беда была в том, что они скрывались под броней изо льда. И Элизабет, вероятно, верила, что сумеет растопить этот лед, когда выйдет за него. Я читал, вспомнил Ангус, о вулкане, погребенном под снегом и ледниками, и, тем не менее, в недрах у него — кипящая добела раскаленная лава. Таков Фиц. Боже, охраняй меня от дня извержения. Оно будет опустошительным.

По пути в спальню Ангус предупредил дежурного помощника дворецкого, что завтра он уедет из Лондона на две недели. Не будет ли он так добр незамедлительно сообщить об этом Стаббсу.

Берясь за собирание фактов для Аргуса лично, Ангус Синклер обыкновенно сначала обращался в местные юридические фирмы. И потому

лишь, что на этот раз его задачей было установить, что за женщина — незамужняя сестра Элизабет, он не собирался ничего менять в своем методе. Какой-нибудь Нед Скиннер мог предпочитать зальца трактиров и конюшни, но Ангус знал, что юристы подобны майским шестам: все нити, соединяющие данный округ, сходятся на них. Разумеется, верно это было только для небольших городков, но Англия — страна городков и деревень. Города и большие города явились плодом нового феномена — промышленности в масштабах, которые никому и не грезились в дни дедушки Чарльза Бингли.

Направленный во двор «Синего кабана», чтобы оставить там свой фаэтон, свой багаж и своего камердинера, Ангус узнал у хозяина, что «Пэтчетт, Шоу, Карлтон и Уайльд» — фирма солиситеров, к услугам которой обращаются лучшие люди Хартфорда, и ему следует повидать мистера Роберта Уайльда.

Мистер Роберт Уайльд оказался более молодым, более презентабельным и менее твердолобым, чем ожидал Ангус, а потому избрал тон откровенности. Разумеется, его фамилия была узнана; мистер Уайльд знал его как очень богатого субъекта с севера от границы с Шотландией, а также владельца «Вестминстер кроникл».

— Я близкий друг Фицуильяма Дарси, — небрежно сказал Ангус, — и узнал, что в Хартфорде проживает его невестка. Некая мисс Беннетт... одно «т» или два?

— Одно, — ответил мистер Уайльд, которому понравился его посетитель, для шотландца вполне обаятельный.

— Ампутация, как я и опасался... нет-нет, мистер Уайльд, я просто шучу! Я здесь не по поручению мистера Дарси. Собственно говоря, я направляюсь в Восточную Англию, а поскольку Хартфорд мне по пути, я подумал нанести визит мисс Мэри Беннет, сообщить ей новости о ее сестре миссис Дарси. К несчастью, уезжал я в такой спешке, что не озаботился уточнить адрес мисс Беннет. Не могли бы вы дать его мне?

— Могу, — сказал мистер Уайльд, глядя на мистера Синклера с некоторой завистью: импозантный мужчина с серебрящимися рыжеватыми волосами, привлекательное лицо и модная одежда, кричащая о его немалом состоянии и высоком общественном положении. — Однако, — продолжал он с довольной улыбкой, — боюсь, вы не сможете нанести ей визит. Она не принимает джентльменов.

Синие моряцкие глаза расширились, красивая голова наклонилась набок.

— Да? Она мизантропка? Или нездорова?

— Ну, пожалуй, несколько мизантропка, но причина не в том. Она живет одна, без компаньонки.

— Как странно! И особенно для свойственницы мистера Дарси.

— Имей вы честь быть с ней знакомым, вам было бы легче ее понять. Мисс Беннет по характеру крайне независима. — Он испустил вздох. — Собственно говоря, независимость для нее все.

— Значит, вы близко с ней знакомы?

Выражение шаловливости на лице Ангуса завораживало большую часть его собеседников и подталкивало их доверять ему факты, строго говоря, абсолютно его не касавшиеся. Мистер Уайльд попался на крючок:

— Близко с ней знаком? Сомневаюсь, что какой-либо мужчина мог бы сказать так. Но я имел честь некоторое время тому назад просить ее руки.

— Так что, я могу вас поздравить? — спросил Ангус, испытывая прилив волнения. Если этот благовидный и преуспевающий молодой человек сделал предложение мисс Мэри Беннет, значит, она не могла быть тощей, с рубленным лицом.

— Бог мой, нет! — воскликнул мистер Уайльд со смущенным смехом. — Она мне отказала. Ее чувства отданы имени в вашей собственной еженедельной газете, мистер Синклер. Она не может думать ни о ком, кроме Аргуса.

— Но вы не кажетесь особенно обескураженным.

— Так и есть. Время излечит ее от Аргуса.

— Я хорошо знаком с миссис Дарси, а также с другой ее сестрой, леди Менедью. Красивейшие женщины! — воскликнул Ангус, подбрасывая наживку.

Мистер Уайльд проглотил ее вместе с крючком и грузилом.

— Мне кажется, мисс Мэри Беннет превосходит их обеих, — сказал он. — Она напоминает миссис Дарси, но выше ростом, и фигура у нее лучше. — Он нахмурился. — Кроме того, она обладает качествами, плохо поддающимися определению. Не стесняется в словах, особенно когда речь заходит о положении бедняков.

Ангус вздохнул и приготовился уйти.

— Ну, сэр, благодарю вас за сведения и сожалею, что не смогу передать ей приветы миссис Дарси. Норидж призывает, и я должен откланяться.

— Если вы можете остаться в Хартфорде на ночь, то у вас будет возможность познакомиться с ней, — сказал мистер Уайльд, не устояв перед соблазном похвастать своей возлюбленной. Она собирается сегодня вечером на концерт в зале ассамблеи. В сопровождении леди Эпплби.

Будьте моим гостем, и я с радостью представлю вас, ведь мне известно, что мисс Беннет очень любит сестер.

И они договорились, что Ангус явится к мистеру Уайльду в шесть. После сытного второго завтрака в «Синем кабане» и не слишком интересной прогулки с целью ознакомления с достопримечательностями Хартфорда, он явился ровно в шесть, чтобы перейти через главную улицу к зданию ассамблеи.

Там, полчаса спустя, он увидел мисс Мэри Беннет, которая вошла с леди Эпплби как раз, когда итальянская сопрано готовилась исполнить несколько арий из оперных творений герра Моцарта. Одежда ее была хуже некуда: гувернантки в целом одеваются лучше. Но нельзя было оторваться от чистоты ее черт, великолепия этих удивительных волос или прелести ее гибкой фигуры. Завороженный, он увидел, что глаза у нее лиловые.

После концерта, который был признан превосходным, хотя про себя Ангус считал музыкальные таланты Ла Ступенды и синьора Помпозо весьма посредственными, был сервирован ужин. С мистером Уайльдом у локтя он был подведен к мисс Мэри Беннет.

Узнав, что мистер Ангус Синклер — публикатор Аргуса, она засияла не хуже какой-нибудь люстры в Дарси-Хаусе.

— Ах, сэр! — вскричала она, встав перед мистером Уайльдом и таким способом исключая его из разговора. — Не могу найти комплимента, достаточно лестного для публикатора такого человека, как Аргус! Если бы вы знали, до чего его письма воспаляют меня! — Эти изумительные глаза блеснули: мисс Беннет собиралась задавать вопросы, какие незамужним леди при первом знакомстве задавать не положено. — Какой он? Как выглядит? Звучен ли его голос? Женат ли он?

— Каким вы себе его представляете, мисс Беннет? — спросил он.

Вопрос всполошил ее, тем более что на концерт она пришла просто чтобы музыка помогла скоротать время. Но познакомиться с публикатором Аргуса! В завихрении мыслей Мэри пыталась взять себя в руки. Владелец «Вестминстер кроникл» был совсем не таким, каким она могла бы представить его себе, если бы ей когда-нибудь это пришло в голову, так откуда ей было взять слова, чтобы описать бога Аргуса?

— Я вижу его полным сил и преданным своим идеалам, сэр, — сказала она.

— Красивым? — спросил он злокозненно.

Она мгновенно оледенела.

— Я начинаю думать, мистер Синклер, что вы подшучиваете надо мной. Что мое незамужнее положение и пожилые годы делают меня для вас

предметом жалости и забавы.

— Нет-нет! — вскричал он в ужасе от такой ершистости. — Я всего лишь пытаюсь продлить наш разговор, ведь стоит мне ответить на ваши первоначальные вопросы, мисс Беннет, и он окончится.

— Ну, так окончим его, сэр. Ответьте мне!

— Я не имею ни малейшего представления о том, каков Аргус, и буквально, и фигурально. Его письма приходят по почте.

— У вас есть предположение, где он живет?

— Нет. Никаких пометок снаружи и никакого обратного адреса.

— Так-так. Благодарю вас, — и она повернула к нему плечо, чтобы заговорить с мистером Уайльдом.

Сокрушенный Ангус вернулся в свои комнаты в «Синем кабане», откусил голову Стаббсу и сел замышлять план, как ему упрочить свое знакомство с мисс Мэри Беннет. Обворожительнейшее создание! И откуда она раздобыла эту жуткую одежду? Как она может осквернять кожу цвета слоновой кости своей грациозной шеи прикосновением грубой саржи? Как может она нахлобучивать черную шапку поверх этих несравненных волос? Если бы Ангус когда-либо рисовал себе единственную женщину, которую попросил бы стать его женой (чего он никогда не делал), то обязательным условием поставил бы красоту и достоинство, само собой разумеется, но также и меру непринужденности в любой ситуации. Иными словами, дар легкого разговора, способность магически создать выражение живого интереса, даже если субъект, повод и объект были бы жутко скучны. Люди на виду нуждаются в таких женах. Тогда как его Мэри... как может он думать о ней столь собственнически после одной краткой и катастрофической встречи?.. Его Мэри была, подозревал он, светской идиоткой. Даже мисс Дельфиния Ботольф в свои шестьдесят, не меньше, лет воспрянула и закокетничала, когда ей был представлен такой желательный холостяк, как мистер Ангус Синклер. А мисс Мэри Беннет выставила свое плечо потому лишь, что он не мог подпитать ее страсть к плоду его собственной фантазии, Аргусу?

Он начал планировать. В первую очередь как встретиться с его Мэри, и не один, а много раз? Во-вторых, как произвести на нее впечатление своими неоспоримыми материальными и прочими достоинствами? И в-третьих, как понудить ее полюбить его? Наконец, влюбившись, он, к своему ужасу, обнаружил, что вещи, вроде светского идиотизма, значения не имеют. Поймав ее, он будет вынужден живописать миссис Ангус Синклер, как эксцентричную чудачку. Замечательное качество англичан, подумал он, питать пристрастие к эксцентричности. Другое дело

Шотландия. Я обречен доживать остаток моих дней среди сэссенеков, как именовали их шотландские горцы.

Десять лет назад он проделал путешествие на юг из своего родного графства Вест-Лотиан в Лондон. Уголь и железо Глазго принадлежали его семье уже два поколения. Но для шотландца, настолько логичного пуританина, как его отец, богатство не служило извинением бездельничанья. Только что окончившему Эдинбургский университет Ангусу было предложено зарабатывать на жизнь самому. Он избрал журнализм; ему нравилась мысль получать плату за развлечения: он любил писать и любил совать нос в чужие дела. Не прошло и года, как он стал мастером прозрачных намеков и ничем не подкрепленных предположений; он до того ушел с головой в свою профессию, что мало кто, даже среди ближайших его друзей, имел хоть малейшее представление, кем и чем он является. Идеальнейшая тренировка для какого-нибудь Аргуса, так как по роду своей деятельности он бывал повсюду: серии убийств на фабрике, бунты и погромы. На всех путях жизни, включая, отнюдь не в последнюю очередь, бедняков, безработных и не подходящих для работы. Иногда он проникал на юг от границы обитания северных сэссенеков, и это научило его тому, что не важно, где бы ни находиться в Британии, в конечном счете все восходит к Лондону.

Когда одиннадцать лет назад его отец умер, наступил его шанс. Предоставив младшему брату Аластейру управлять семейным бизнесом, Ангус эмигрировал, подкрепленный огромным наследством в качестве старшего сына и с сознанием, что доход от бизнеса будет и дальше набивать его карманы золотом. Он купил дом на Гросвенор-сквер и принялся культивировать власть имущих. Хотя он не скрывал источники своих денег, но обнаружил, что никакого значения это не имеет, поскольку источники эти находились, так сказать, в другой стране. Однако вовсе оставить журнализм он не мог. Установив, что не существует газеты, занимающейся исключительно деятельностью палат парламента, он создал «Вестминстер кроникл» и заполнил этот пробел. Учитывая парламентскую летаргию и нежелание заседать чаще совершенно необходимого, еженедельных номеров оказалось совершенно достаточно. Выходи газета ежедневно, большая часть ее содержания оказалась бы однообразной и высосанной из пальца. Его шпионы проникли во все министерства от внутренних до иностранных дел, а армия и флот гарантированно обеспечивали обилие корма для ненасытной утробы его газеты. Естественно, у него работал без малого десяток журналистов, но все ими написанное проходило его личный контроль. Тем не менее свободного

времени у него оставалось предостаточно. И потому год назад из небытия возник Аргус.

О, конечно, на протяжении лет было много любовных интрижек, но ни одна не оставила следа в его сердце. С дочерьми власть имущих мог быть лишь легкий флирт, и природная бдительность вкупе со значительным светским опытом помогали ему избегать серьезных когтей многих высокородных молодых женщин, прельщенных им... и его деньгами. Самым легким способом избавиться от низменных потребностей было завести любовницу, хотя он заботливо избегал выбирать на эту роль замужних светских дам, предпочитая оперных танцовщиц. Ничто в этой области его жизни не внушило ему особого уважения к женскому полу. Женщины, по убеждению Ангуса Синклера, были хищными, неумными, плохо образованными и, в лучшем случае, через пару-другую месяцев чудовищно скучными.

Только Элизабет Дарси покорила его, но в отстранении. Во-первых, она не была способна видеть дальше Фица, а во-вторых, под ее привлекательностью прятался теплый материнский темперамент. Каковы бы ни были шрамы мужчины, она готова была поцелуями подлечить их, и Ангус не думал, что подобная женщина останется интересной для него и на половину брачной жизни.

И вот теперь обнаружить, что избранница его сердца заиклена на его же собственном творении! Удар и полный иронии, и обескураживающий. Ангус, далеко не дурак, немедленно понял, что признайся он ей, она обольет его презрением, как притворщика. Он не практиковал того, что проповедовал, и не собирался этого делать, даже ради этой новой и мучительной эмоции — любви. Под властью пылкости Мэри приняла Аргуса таким, каким он представлялся, пусть же это так и остается.

Но о переходе мостов думать следует, когда он окажется перед ними. В первую очередь следует узнать его Мэри, понравиться ей, завоевать ее доверие. Какой же ты лицемер, Ангус/Аргус!

На следующее утро она получила от него записку с приглашением отправиться с ним на прогулку. Он был убежден, что это никак не оскорбит ее щепетильность. Джентльмен, сопровождающий леди по главным улицам Хартфорда сверхреспектабелен.

Мэри прочла его письмо и пришла к тому же заключению. Ее планы исследований во имя ее миссии — написать книгу — оставались настолько неколебимыми, насколько возможно, а зима давно уже тянулась нескончаемо, вопреки таким решительным личностям, как мистер Роберт

Уайльд, леди Эпплби, миссис Маклеод, мисс Ботольф и миссис Маркхем. Как, спрашивала она себя, может хоть кто-то вести столь бессмысленное существование? Концерты, званые вечера, балы, приемы, свадьбы, крестины, прогулки, похороны, катание в экипажах, посещение лавок, игра на фортепьяно и чтение. Все это предназначено только для заполнения гигантских пустот в жизни женщин. У мистера Уайльда есть его юридическая практика, у замужних дам есть их мужья, дети и домашние кризисы, но она, подобно мисс Ботольф, пребывает в этом новомодном словечке — вакууме. Одной короткой зимы достало, чтобы подтвердить, что цель, которую она жаждала, была необходима для ее счастья.

А потому по получении записки Ангуса она встретила его на главной улице, полная нетерпения узнать побольше о нем, если не об Аргусе. В конце-то концов он публиковал письма Аргуса! Он был весьма презентабельным, безоговорочно респектабельным и отнюдь не заслуживал, чтобы им пренебрегли как спутником в прогулке, которую она так и так собиралась совершить. Волосы у него, решила она, когда они обменялись поклонами, смахивают на кошачью шкурку, гладкие и глянцевого, а что-то в чертах его лица было притягательным. И ее не огорчило обнаружить, что ее собственному росту вопреки, он был гораздо выше. Если выискивать недостатки в мистере Уайльде, то их лица находились на одном уровне. Мисс Беннет понравилось ощущение, что над ней нависают: тревожный признак женственности, который мисс Беннет незамедлительно подавила.

— В каком направлении вы хотели бы пойти? — спросил он, подставляя ей локоть для опоры.

Она, фыркнув, отвергла его галантность.

— Я еще не совсем обезножила, сэр! — сказала она, быстро шагая. — А пойдем мы вот в эту сторону, так как тут всего несколько шагов до полей и лугов.

— Вы любите сельские пейзажи? — спросил он, попадая в ногу.

— Вот именно. Красоты природы, не изуродованные безвкусной урбанистической скученностью людей.

— Да, бесспорно.

Ее представление о нескольких шагах, обнаружил он, превышало милю; жуткое платье, несомненно, прячет две сильные ноги. Но по завершении этих нескольких шагов перед ними начали распахиваться поля, и она пошла медленнее, с восторгом озираясь кругом.

— Полагаю, мистер Уайльд сообщил вам о моих планах? — спросила она, гибко перемахивая через перелаз.

— Планах?

— Расследовать беды Англии. Я приступлю с началом мая. Как странно, что мистер Уайльд не упомянул про это.

— словно бы вдохновенная и необычная цель! Расскажите поподробнее.

Мэри нравились его дальновзоркие синие глаза, и она рассказала ему про свои намерения. Он слушал без малейшего намека на неодобрение; напротив, подумала она удовлетворенно, он принимал то, что она говорила, со всей серьезностью. И бесспорно, когда она кончила, он не попытался ее отговаривать.

— Где вы предполагаете начать?

— В Манчестере.

— А почему не в Бирмингеме или Ливерпуле?

— Бирмингем ничем от Манчестера не отличается. Ливерпуль — морской порт, и я не думаю, что общаться с матросами разумно.

— Что до матросов, вы правы, — сказал он вдумчиво. — Однако мне все еще непонятен ваш выбор Манчестера.

— Как и мне порой, — сказала она честно. — Полагаю, причина моего любопытства мой зять Чарльз Бингли, у которого, как говорят, есть «интересы» в Манчестере, так же, как и огромная сахарная плантация на Ямайке. Моя сестра Джейн — милейшее существо и прямо-таки преданна мистеру Бингли. — Она умолкла, нахмурилась и не продолжала.

Тем временем они достигли периметра яблоневого сада, начинающего пениться белыми цветками: после такой холодной зимы весна наступила рано и очень теплая, пробудив от спячки зверушек, насекомых и прочих. Каменная стенка, огораживающая пушистые деревья, была низкой и сухой. Ангус расстелил поверх нее носовой платок и жестом предложил ей сесть.

Удивляясь собственной кротости, Мэри села. Вместо того чтобы присоединиться к ней, он остался стоять чуть в стороне, не спуская глаз с ее лица.

— Я знаю то, о чем вы не скажете, мисс Беннет. Что вы тревожитесь за свою сестру. Что, если ее муж особенно эксплуатирует женщин и детей, и она испытает разочарование, способное убить ее любовь.

— А! — воскликнула она с судорожным вздохом. — Как вы проникательны!

— Я же читаю письма Аргуса, как вам известно. — Внезапно он перешагнул через ограду в сад и отломил ветку с ближайшего дерева.

— Оно уже в полном цвету, — сказал он, протягивая ветку ей с улыбкой, от которой у нее чуть-чуть перехватило дыхание.

— Благодарю вас, — сказала она, взяв ветку. — Однако вы лишили бедное дерево нескольких плодов.

В следующую секунду она уже встала на ноги и зашагала в сторону Хартфорда.

— Время уже позднее, сэр. Моя горничная беспокоится, если я не вернусь домой вовремя.

Он не стал возражать, а просто пошел рядом с ней, позволяя ей идти в молчании. Я учусь, думал он; не смей ухаживать за ней, Ангус! Она не против, чтобы мы были друзьями, но малейший намек на ухаживание, и она захлопнется с грозным лязгом, почище браконьерского капкана! Ну, если ей нужен друг, я буду другом.

Это была первая из числа долгих прогулок, достаточных, чтобы породить трепет приятных ожиданий в сердцах приятельниц Мэри и наполнить мраком сердце мистера Уайльда. Какая партия! Камердинер Ангуса дал толчок сплетням, облетевшим все людские и, естественно, достигшим господских покоев. Мистер Синклер направлялся в Восточную Англию и не собирался задерживаться в Хартфорде дольше недели. И все же — вот он — увивается вокруг Мэри Беннет. Леди Эпплби поспешила дать званый обед в мэноре Шелби, на который мистер Уайльд приглашения не получил, а миссис Маркхем во время уютного вечера у нее в гостиной настояла, чтобы мисс Беннет села за фортепьяно, и к своему изумлению Ангус убедился, что игра Мэри на этом инструменте показывала немалый талант; безошибочные туше, подлинная выразительность, хотя она не слишком любила пользоваться левой pedalю.

Ну а Мэри, как ни старалась, не могла противиться уловкам своего воздыхателя. Не то чтобы он хоть раз обронил слово, в которое она могла бы вложить романтический смысл, или позволил бы своей руке задержаться, когда их руки соприкасались; или бросил бы на нее того рода взгляд, на какие не скупился мистер Уайльд. Он держался с ней как брат, которого у нее никогда не было. Ну, что-то вроде, заключила она, повзрослевшего Чарли. По этим причинам чувство справедливости говорило, что она не может повернуться к нему спиной, хотя, заподозри она, о чем толкуют люди, мистер Синклер без сомнения тут же получил бы отставку.

А он, опасаясь за нее, прикусил язык. Через девять дней он знал самые крохотные аспекты ее планов и лучше понял, почему Фиц говорил о ней со столь ядовитой насмешкой. Она была именно такой женщиной, каких он презирал сильнее всего, так как ей не хватало внутреннего благоговения

перед приличиями, и она обладала слишком сильной волей, чтобы подчиняться дисциплине. И не из-за какого-либо ущерба в нравственном чувстве, но просто она не видела, с какой стати она, старая дева в годах, должна соблюдать весь набор приличий. Юные барышни огораживались со всех сторон, потому что им надлежало лечь на брачное ложе девственными, тогда как тридцативосьмилетней старой деве не имело смысла опасаться мужской похоти или соблазнения. Тут, разумеется, она полностью ошибалась. Мужчины видели глаза под сонными веками, сочный рот, несравненный цвет кожи, и их ничуть не отталкивали ни ее возраст, ни жуткая одежда.

Учитывая ее возраст и еще предстоящие ей годы, ее средств было недостаточно для того образа жизни, на который она имела право; аренда дома обходилась ей в пятьдесят фунтов, ее слуги — в сто фунтов одного только жалованья, к которым следовало прибавить их стол и кров; Ангус подозревал, что супружеская пара, которую нашел ей мистер Уайльд, обсчитывает ее, как и кухарка. Ее доход не позволял ей содержать верховую лошадь или какой-нибудь экипаж. Если Ангус вообще ее понимал, то во всяком случае ему было ясно, почему она отказывается обзавестись компаньонкой. Эти женщины были без исключения томительно скучными, необразованными и невыносимыми для такой натуры, как Мэри Беннет, чья природная энергия преодолевала и эту одежду, и жизнь, которую по велению общества ей полагалось вести. Вот чего он не мог себе представить, так это, какой личностью она была до самого последнего времени, как успешно она подавляла свои устремления. И все во имя долга.

Забрать девять тысяч пятьсот фунтов было безумием — зачем? Ее объяснение вынюхивающему Ангусу сводилось к тому, что эти деньги могут ей понадобиться для ее журналистских расследований — вопиющий вздор.

— Насколько я понял, путешествовать вы намерены на перекладных? — спросил он у нее.

Она возмутилась.

— На перекладных? Вот уж нет! Ведь это будет обходиться мне в три-четыре гиней в день, даже за одну лошадь и воняющую коляску! Не говоря уж о полукронах, которые мне придется платить почтальону. Боже мой, конечно, нет! Я буду путешествовать в почтовых каретах.

— Но хотя бы дилижансом, — сказал он все еще в полной растерянности. — Дилижанс на Манчестер ежедневно отбывает из Лондона, и хотя через Хартфорд он не проезжает, то через Сент-Олбенс обязательно. И вы будете на месте в следующий же вечер.

— После ночи, проведенной сидя в трясущейся колымаге! Я отправлюсь на север из Хартфорда в почтовой карете на Грэнтем, прерывая поездку каждый вечер, чтобы переночевать в гостинице, — сказала Мэри.

— Да, разумеется, это имеет смысл, — сказал Ангус, кивая. — Почтовые гостиницы обеспечат вас удобным ночлегом и хорошим ужином к тому же.

— Почтовые гостиницы? — Мэри фыркнула. — Уверяю вас, сэр, что останавливаться в почтовых гостиницах мне не по карману! Я обойдусь более дешевым ночлегом.

Он прикинул, не возразить ли, и раздумал.

— Но Грэнтем ведь слишком далеко на востоке, — сказал он вместо того.

— Мне это известно, но, поскольку он расположен на Большом Северном тракте, у меня будет выбор между почтовыми каретами, — сказала она. — Из Грэнтема я проследую на запад до Ноттингема, оттуда в Дербии и далее до Манчестера.

Как все-таки стеснены ее обстоятельства, прикинул он. Ее девяти тысяч пятисот фунтов ей до старости не хватит, а потому, быть может, гордость воспреещает ей сказать ему, что от Фица она, как ей известно, больше ничего не получит, а тогда понятно, что в своей миссии расследования она должна всячески экономить. И все же, зачем забирать деньги?

И тут в голову ему пришла возможная отгадка: да потому, что едва деньги положены в банк, она без малейшей тени сомнения знает, что они там. Для такой женщины, как Мэри Беннет, вложение под четыре процента было равносильно их исчезновению: ее деньги могли рассеяться, будто клуб дыма, став жертвой еще одного мыльного пузыря вроде Компании Южных Морей. Затем ему представилось более злоеущее объяснение: она опасалась, что если оставит деньги вложенными, Фиц каким-нибудь способом сможет отнять их у нее. Во время многих их прогулок она откровенно говорила о нем без особого уважения и без всякой любви. Фица она не боялась, но боялась его власти.

Ангус не боялся Фица или его власти, но он боялся за Мэри. Ее равнодушие к одежде приводило к тому, что она не выглядела той, кем была: женщиной благородного происхождения с некоторым состоянием. Ее соседи в почтовой карете, торопливо думал Ангус, примут ее за гувернантку самого низкого пошиба или даже за старшую горничную. Ах, Мэри, Мэри! Ты и твоя дурацкая книга! И зачем я только измыслил несуществующего человека по имени Аргус!

Однако в голову ему не приходило, так как она ни разу об этом не упомянула, что она собиралась заплатить по меньшей мере девять тысяч фунтов издателю за опубликование ее книги. Так что в одном он не ошибся: она перевела свои деньги в банк, потому что опасалась власти Фицуильяма Дарси.

На десятый день своего пребывания в Хартфорде он решил, что долее терпеть не в силах. Лучше переживать за ее судьбу в Лондоне, не видя ее, чем позволять и дальше своим глазам упиваться ею, пока апрельские цветки усыпают землю лепестками. Однако он не мог попрощаться, не осмеливался встретиться с ней из опасения, что не выдержит и признается в любви, как он знал, безответной. Понося себя, как труса и прохвоста, он приказал заложить свой экипаж сразу после завтрака и уехал из Хартфорда, не сказав своей любви, что он уезжает, и не оставив ей записки.

Сообщение о его отъезде быстрее птицы полетело от хозяина «Синего кабана» к младшему клерку мистера Уайльда и к лакею мисс Ботольф. Он и она оказались на крыльце мисс Беннет еще до того, как слишком прилежащий высокой Церкви священник церкви св. Марка прозвонил Ангелюс.

Мэри выслушала их новость невозмутимо, хотя под внешним спокойствием ощутила печаль, которую всегда испытывала, когда визиты Чарли подходили к концу. С явным ликованием мистера Уайльда она разделалась самым сокрушительным образом и заверила парочку, что уже некоторое время была осведомлена об отъезде мистера Синклера. Когда мисс Ботольф тяжеловесно намекнула на обманутые надежды, она была проигнорирована; пусть высший свет Хартфорда и предвкушал счастливое Извещение, но не Мэри. Для нее Ангус был просто добрым другом, которого ей будет не хватать.

— Может быть, он вернется, — сказала миссис Маклеод на исходе апреля.

— Если он собирается вернуться, София, ему лучше поторопиться, — сказала миссис Ботольф. — Мэри отправляется в свои путешествия очень скоро, хотя мне бы хотелось, чтобы она держала их не в таком секрете. И как это мистер Дарси позволяет ей отправиться в почтовой карете?

— Гордость, — сказала миссис Маркхем. — Ставлю полпенса против ничего, он и не знает, что она едет в Пемберли, хотя, замечу, ее вещи были упакованы и отосланы в Пемберли заранее.

— А она сильно расстроилась из-за мистера Синклера? — спросила леди Эпплби. Проживая в мэноре Шелби в десяти милях от города, она всегда все узнавала последней.

— Да ничуть не расстроена. Я бы даже сказала, что она счастлива, — ответила миссис Маклеод.

— Путь для Роберта Уайльда расчищен, — сказала мисс Ботольф.

Миссис Маркхем вздохнула:

— Она и за него не пойдет.

— Я собираюсь домой в Пемберли, — сказал Чарли на десятый день мая, — и очень бы хотел, чтобы вы поехали со мной, Оуэн.

Темные брови поднялись. Мистер Гриффитс посмотрел на своего подопечного с изумлением.

— Вы завершили семестр, я знаю, но Пемберли? Ваш отец ведь будет там, а вам это всегда против шерсти.

— Да, черт побери! Однако остаться тут я не могу.

— Почему же?

— Мэри.

— Ах да! Она уже начала свою одиссею?

— Скорее всего.

— Но чем ваше присутствие в Пемберли поможет?

— Ближе к местам ее посещений. К тому же папаше, если я его знаю, будет известно обо всех ее передвижениях. Ей может потребоваться друг в суде.

— Ваша мать действительно говорила, что он недоволен планами вашей тетушки, но вы же не думаете, что он поделится своими сведениями с вами?

— Нет. — Чарли ссутулился, но его выразительное лицо говорило больше, чем сказали бы просто слова. — Никто не сочтет странным, если я приеду домой пораньше, ведь я не смог выбраться туда на Рождество. Папаша проигнорирует мое присутствие, а мама будет в восторге. Если вы будете со мной, мы сможем произвести разведку в направлении Манчестера. До него от Пемберли всего лишь день езды. Мы можем делать вид, будто отправляемся на прогулки по верескам или посмотреть примечательности Камберленда. У нас найдется множество поводов покидать Пемберли на несколько дней подряд.

Было очевидно, что малый изнывает от желания сорваться с узды, хотя Оуэн не мог вообразить, каким образом он надеется провести отца. В тот единственный раз, когда он повстречался с мистером Дарси, Оуэн испытал сильнейшую антипатию вкупе с убеждением, что только глупцы пойдут ему наперекор. Разумеется, отношения между отцом и сыном — особого рода и отличаются от любых других, но он не мог отогнать ощущения, что

Чарли лучше бы держаться от Пемберли подальше. Оказаться под ногами, если мистер Дарси решит дисциплинировать свою невестку, только заметно ухудшит положение. За год, слушая Чарли — большого болтушку, когда он не сидел, уткнувшись в книгу, — Оуэн узнал много такого, чего Чарли вовсе и не собирался рассказывать. А после письма мисс Мэри Беннет переписка между ним и матерью крайне участилась: и она, и он отвечали на очередное письмо, едва его получив. Мистер Дарси был крайне раздражен; мистер Дарси решил не сопровождать дядю Чарльза в Вест-Индию; мистер Дарси произнес сокрушающую речь в парламенте против филантропствующих болванов; мистер Дарси перенес приступ мигрени, продолжавшийся неделю; мистер Дарси внезапно сменил херес на виски перед обедом; мистер Дарси жестоко отшлепал милую малютку Кэти за шалость; и так далее, и тому подобное. Эти бюллетени о происходящем в Пемберли (и в Лондоне) только вызывали у Чарли припадки дурных предчувствий и завершились его собственной мигренью в тот самый день, когда ему предстоял устный экзамен; он явно унаследовал недуг своего отца, если не его железный характер.

— Не могу счесть это разумным, — сказал Оуэн, зная, что Чарли ошечинится, скажи он больше.

— С этим я согласен. Крайне неразумно. Но это ни на йоту не уменьшает необходимость поехать туда. Пожалуйста, Оуэн, поедem вместе.

Перед его глазами возникло видение диких, неукротенных просторов сельского Уэльса, но отказать в этой просьбе было невозможно; Оуэн вычеркнул из памяти свое намерение провести лето, бродя по Сноудонии, национальному парку его родного края, и кивнул.

— Ну, хорошо. Но если ситуация станет невыносимой, я уеду, чтобы не оказаться в нее втянутым. Быть вашим тьютором, Чарли, для меня подарок Небес, и я не могу рисковать, что так или иначе задену кого-нибудь из членов вашей семьи.

Чарли просиял.

— Договорились, Оуэн. Только вы должны позволить мне оплачивать все каждый раз, когда мы будем отправляться куда-нибудь. Обещаете?

— С радостью. Если мои родители правы, каждый лишний фунт необходимо отсылать домой. Мы должны скопить достаточное приданое для Гвинет.

— Нет, правда? Хорошая партия?

— Чрезвычайно.

— По-моему, идиотично, что за девушкой должны давать приданое, раз ее жених — чрезвычайно хорошая партия, — сказал Чарли с

подковыркой.

— Готов повторить, но тем не менее это так. С тремя дочерьми, которых надо выдать замуж прилично, отец вынужден прибегать к уловкам, чтобы создать впечатление, будто он дает за ними хорошее приданое. Морфид в будущем году покинет классную комнату.

* * *

В былые дни природный здравый смысл Элизабет не позволил бы ей довериться кому-то столь для этого неподходящему, как ее сын, чьи чувства были не менее уязвимы, чем сильны. Но теперь она отбросила такие соображения — она должна, должна поговорить с кем-нибудь! Джейн не только недомогала, но совсем пала духом. Чарльз на год отправился на Ямайку и оставил ее одну. Его владения на этом идиллическом острове были обширными и настолько зависели от рабского труда, что рабу и после многих лет никак нельзя дать вольную, говорил он теперь. Когда в свое время Джейн узнала, что у него есть несколько сотен рабов, она пришла в ужас и взяла с него обещание, что он освободит их, елико возможно быстрее. Пусть работают на него, как свободные люди — так требует честь. Но он был вынужден мягко сообщить ей, что его рабы, получив вольную, работать на него не станут. Объяснить почему, было ему не под силу; Джейн понятия не имела о порядках, существующих на сахарных плантациях Вест-Индии, и не поверила бы ему, открой он ей это. Порки, цепи и скудные пайки были непостижимы ее уму, и она зачала бы от одной только мысли, что ее возлюбленный Чарльз прибегает к ним. То, чего Джейн не знает, не будет удручать ее сердце — таково было кредо Чарльза Бингли.

Замужем за более откровенным человеком, Элизабет не питала подобных иллюзий. Кроме того, она знала, что похищать негров с сырого и душного западного берега Центральной Африки стало гораздо труднее, чем в прошлом, и это намного сократило поставки новых рабов, а также повысило цены. По ее мнению, владельцам плантаций следовало смириться с неизбежным и в любом случае освободить своих рабов. Невозможно, сказал Фиц, поскольку чернокожие способны работать в тропическом климате, но белые — нет. Довод, как считала Элизабет, отдававший софистикой, хотя спокойствия ради вслух она этого не сказала.

Однако сопротивление и даже бунты рабов на плантациях нарастали вопреки усилиям подавлять их. По этой причине Чарльз Бингли не смог отложить свое теперешнее плавание через Атлантику. Когда Элизабет узнала, что Фиц предложил поехать с ним, она удивилась, но после недолгих размышлений поняла почему: Фиц много путешествовал, но не на запад от Гринвича. Его заграничные поездки были дипломатическими, даже включая посещения Индии и Китая. Всегда на восток от Гринвича.

Будущему премьер-министру следовало лично ознакомиться со всем миром, а не только с половиной его. Фиц, никогда не уклонявшийся от своих обязанностей, намеревался воспользоваться путешествием свояка, как идеальной возможностью ознакомиться с положением дел в Вест-Индии.

То, что у кого-то, столь незначительного, как Мэри, была власть принудить ее мужа нарушить свои планы, не пришло Элизабет в голову, и когда Фиц объявил, что Чарльз отправится на Ямайку один, она удивилась.

— Вيني свою сестрицу Мэри, — сказал он.

Каким образом планы Мэри стали столь широко известны, было тайной для Элизабет. Сначала письмо Чарли в феврале, написанное в таком смятении, что оно внушило тревогу и ей. Затем она получила заботливое письмецо мистера Роберта Уайльда, которого даже не помнила на похоронах мамы — местные плакальщики не были представлены. Он умолял, чтобы она использовала свое влияние и убедила мисс Беннет не путешествовать в плебейской почтовой карете, ставя под угрозу свою безопасность, а не только добродетель. Затем Ангус прислал записку такого же содержания! Послания леди Эпплби и мисс Ботольф были заметно менее конкретными; их обеих, казалось, пугали не предполагаемые путешествия Мэри, а ее эксцентричность, так как они, видимо, считали, что она отвергает завидные предложения руки и сердца. Поскольку из деликатности ни та, ни другая никаких имен не упомянули, Элизабет была избавлена от новости, что первым в их списке значится Ангус Синклер.

Вдобавок к ее тревогам Фиц пригласил в Пемберли гостей на столько времени, на сколько они пожелают; срок, который вряд ли превысит неделю, если говорить о герцоге и герцогине Дербиширских, епископе Лондонском и спикере палаты общин с супругой. Вероятно то же относилось к Джорджиане и генералу Хью Фицуильяму. Но вот мисс Каролина Бингли, миссис Луиза Хэрст и ее дочь Летиция, она же Букетик, скорее всего останутся на все лето. Сколько пробудет мистер Ангус Синклер, она понятия не имела. И вот теперь две поспешно нацарапанные строчки от Чарли предупредили о его приезде... с мистером Гриффитсом, только его не хватало! Разумеется, Пемберли с его сотней комнат обеспечил бы прием и вдесятеро большему числу гостей; труднее было найти армию слуг, чтобы обслуживать гостей и их слуг, хотя Фиц никогда не скупился на плату дополнительной прислуге. Сверх того хозяйка Пемберли была не в настроении придумывать развлечения, как того требовал дом, полный гостей. Ее мысли были сосредоточены на Мэри.

Не в обычае Фица было проводить весну и начало лета в поместье.

Чаще всего гостей туда он приглашал в августе, когда английская погода вероятнее всего могла стать неприятно жаркой. В другие годы с апреля по июль он исчезал куда-нибудь на континент или на Восток.

Элизабет май обычно радовал прогулками, чтобы посмотреть, какие цветы распустились, долгими часами с дочерьми, поездками к Джейн, чтобы услышать, как поживают семь ее мальчиков и одна девочка. А теперь ей предстояла встреча с брызжущей ядом Каролиной Бингли, с воплощением совершенства Джорджианой Фицуильям и невыносимо скучной миссис Спикер палаты общин. Нет, право, это уж чересчур! У нее не будет даже времени узнать про жизнь Чарли в Оксфорде... ах, как ей его не хватало на Рождество!

Приехав накануне прибытия гостей, Чарли только улыбнулся на ее извинения, что дом будет переполнен, а у нее не найдется ни одной свободной минуты.

— Оуэн никогда прежде не бывал в этой части Англии, — объяснил он бесхитростно, — так что мы будем целые дни совершать верховые прогулки. Уроженца Уэльса и кряжей Сноудонии дербиширский Скалистый Край разочаровать не может.

— Я отвела мистеру Гриффитсу комнату рядом с твоей, а не в Восточном крыле с остальными гостями, — сказала она, глядя на сына с легкой грустью — как он изменился за этот год вдали от дома!

— О! Чудесно! Дербиширы приедут?

— Разумеется.

— Вот и каюк тюдоровским апартаментам, единственно другой спальне, где я разрешил бы Оуэну преклонить голову.

— Какой вздор ты болтаешь, Чарли, — сказала она, смеясь.

— Еда по распорядку лондонского дома?

— Более или менее. Обед точно в восемь — ты знаешь, как твой отец ценит пунктуальность, а потому не опаздывайте.

На щеках Чарли возникли две ямочки, его глаза затаńczyвали.

— Если мы будем непунктуальны, мама, я улещу Парментера на два подноса в старую детскую.

Это уже чересчур! Она не смогла удержаться, чтобы не обнять его, пусть он и воображает, будто стал слишком взрослым для такого к себе отношения!

— Ах Чарли, так приятно тебя видеть! И вас также, мистер Гриффитс, — добавила она, улыбнувшись молодому уэльсцу. — Будь мой сын один, я тревожилась бы сильнее. Ваше присутствие — залог его хорошего поведения.

— Много ты знаешь, мама, — сказал Чарли.

— Полагаю, мой сын приехал в Пемберли, потому что рассчитывает быть поближе к своей тетушке Мэри, — сказал мистер Дарси мистеру Скиннеру.

— С ним его тьютор, так что он не наделает много глупостей. Гриффитс разумный человек.

— Справедливо. А где его тетушка Мэри? — спросил Фиц, протягивая Неду бокал вина.

Они были в Большой библиотеке, слывшей лучшей в Англии. Огромная комната! Сводчатый потолок прятался в тенях вверху, а обстановка была темно-красной, вишневой и блестела позолотой. По стенам тянулись уставленные книгами полки, рассеченные балконом на полпути к потолку; красивая винтовая лестница, украшенная искусной резьбой, открывала любителям рыться в фолиантах путь к небесам, а лесенки красного дерева на колесиках позволяли дотянуться до любого тома. Даже два массивных многостекольных окна в готическом стрельчатом стиле не могли обеспечить достаточное освещение. Люстры, свисавшие под балконом и по периметру потолка, то есть над центром комнаты, для чтения были бесполезны. Балкон поддерживали колонны с веерными капителями, а позади них в озерцах света от горящих свечей располагались пюпитры, столы, стулья. Внушительное бюро Фица занимало амбразуру одного из окон. Обитые пунцовой кожей мягкие диванчики стояли на персидских коврах, устилавших пол, а два пунцовой кожи покойных кресла расположились по сторонам камина левантийского мрамора, щеголяющего горельефами двух розовато-желтоватых нерейд.

Они сидели в креслах у камина: Фиц — прямой, как шомпол, такова уж была его натура, Нед — закинув ногу в сапоге на ручку кресла. Казалось, им было легко друг с другом — два старых приятеля, расслабляющиеся после дня охоты. Но охота была не на зверей, а дружба — не равных по положению.

— В данное время мисс Мэри в Грэнтеме ожидает почтовую карету в Ноттингем. Они не ежедневны.

— Грэнтем? Почему она не отправилась на запад от Пеннин прямо в Дерби, если ее цель Манчестер?

— Тогда пришлось бы ехать через Лондон, а, по-моему, она женщина не из терпеливых, — ответил Нед. — Она пересекает Пеннины на Дерби через Ноттингем.

У Фица вырвался легкий смешок.

— Ну, это превосходит все! Конечно, она женщина нетерпеливая. — Посерьезнев: — Ты сумеешь следить за ней?

— Без труда. Но из-за твоих ожидаемых гостей я подумал, что лучше заехать сюда, пока она ждет в Грэнтеме. Завтра я вернусь следить за ней.

— А она привлекает к себе внимание?

— Нисколько. Тут надо отдать ей должное, она сдержана — ни пустой болтовни, ни каких-либо выходок. Не будь она такой красивой женщиной, я бы рискнул сказать, что она не нуждается в присмотре. Но она притягивает внимание самых разных мужчин: кучеров, почтальонов, грумов и конюхов, трактирщиков, половых, пассажиров на крыше и козлах. Те, кто внутри кареты с ней, не опасны — старые хрычи и мужья на коротком поводке.

— Ей приходилось отбиваться от амурных приставаний?

— До сих пор нет. По-моему, она не понимает, что разжигает мужскую похоть.

— Да, скорее всего. Если откинуть ее досадную эксцентричность, она вообще скромное создание.

— Мне кажется, Фиц, — сказал Нед старательно безразличным тоном, — ты излишне тревожишься. Ну, чем в конечном счете она может тебе повредить? Ведь никто и внимания не обратит на ее жалобы и не станет ее слушать, если она попытается чернить Дарси, что бы там ни сочинял Аргус в своих письмах. Ты — великий человек. Она — никто.

Фиц вытянул длинные ноги и скрестил лодыжки, глядя в рубиновую глубину своего бокала. Его лицо исполнилось горечи.

— Ты был ограничен Пемберли и не знал эту семейку, когда все они были вместе, Нед, вот в чем беда. В те дни ты никуда меня не сопровождал. Моя озабоченность Мэри Беннет ничего конкретного под собой не имеет, простая предосторожность. Моя репутация — это мое все. Хотя Дарси в родстве со всеми королями, когда-либо занимавшими английский трон, они избежали замаранности более глупых людей — людей, урывавших великие почести, верховные посты. Теперь, наконец, после тысячи лет ожидания в моей власти вознести имя Дарси абсолютно безупречным образом — как избранного главы английского парламента. Герцог? Фельдмаршал на поле боя? Устроитель королевского брака? Ха! Жалкие пустячки! Англия никогда не падала так низко, как при Ганноверцах — мелкие немецкие князьки с именами длиннее их родословной! Зато ее парламент поднимался точно пропорционально мельчанию ее государей. Премьер-министр, Нед, в эти дни нашего века подлинно превосходит кого бы то ни было. Сто лет назад это все еще было пустое звание, передававшееся в палате лордов от одного другому, будто графин портвейна, тогда как сегодня оно начинает

опираться на палату общин. Передается по воле избирателей, а не закоснелая привилегия неизбираемой олигархии. Как премьер-министр я займусь послебонапартовской Европой. Пусть его русская кампания и покончила с ним, но континент после него лежит в развалинах. Я приведу его в порядок и буду величайшим государственным деятелем всех времен. Ничто не должно стоять у меня на пути.

Нед смотрел на него, сдвинув брови: вопреки всей их многолетней близости, эту сторону Фица он знал не настолько хорошо, как хотел бы.

— Но при чем тут эта женщина? — спросил он.

— Очень даже причем. Есть присловье такое старое, что давно забыто, кто произнес его первым: «Грязь прилипает». Ну, даю тебе клятву, что ни единый, самый крохотный комочек грязи не запачкает имя Дарси из Пемберли! Семья моей жены двадцать лет была шипом в моем боку. Сначала матушка, источник непрерывных неприятностей — стервы, вроде Каролины Бингли распускали рассказы о ее выходках по всему Вест-Энду столь же смешные, сколь и губительные. Как я корчился! И когда отец услужливо умер, я запер ее вдали от Лондона. Для того лишь, чтобы обнаружить, что гидра отрастила еще одну голову — Лидию. С ней я разделался, отлучив от приличного общества и навсегда поместив в Ньюкасле. Затем Джордж Уикхем был выгнан из страны, и я поручил тебе попасть к ней, когда она подбиралась слишком близко к Пемберли. Хотя эта голова не отсечена начисто, она висит на лоскуте кожи и сама подняться не может. А теперь как раз, когда мои планы должны принести плоды, возникает худшая по сей день из голов гидры — сестрица Мэри. Вреднейшая творительница добра!

Подобрав ноги, Фиц наклонился вперед, его худое лицо освещал мрачный, очень старый гнев.

— Вообрази, будь добр, что эта творительница добра с лицом боттичеллиевского ангела пишет свою жуткую книгу — книгу, которая, быть может, обвиняет Дарси из Пемберли в неких преступлениях. Что скажут свет и парламент? Грязь прилипает.

— Я не понимал, — медленно сказал Нед, — что ты так твердо решил идти своим собственным путем.

— Говорю тебе, я буду премьер-министром этих островов!

— Серьезно, Фиц, позволь ей написать книгу. Никто же не станет ее читать.

— Откуда такая уверенность? Красивые женщины не остаются незамеченными, Нед. Что, если Ангус Синклер прознает про ее книгу? Целеустремленный человек с друзьями повсюду. И к тому же человек,

который поднял весь этот тарарам, сделав Аргуса знаменитостью?

— Фиц, ты преувеличиваешь! Почему ее книга должна иметь хоть какое-то отношение к Дарси? Она ищет сведения о тяготах бедняков. Право, это буря в чайной чашке.

— Некоторые чайные чашки способны расшириться настолько, что вместят океан. — Фиц налил еще вина себе и Неду. Опыт научил меня, что семейка Беннет — это непрерывная катастрофа, вот-вот грозящая разразиться. Я не пророк обреченности на гибель, но всякий раз, когда родственники моей жены задирают свои безобразные головы гидры, я трепещу. У них есть манера сокрушать мои удачи.

— Будь они мужчинами, разделяться с ними было бы проще, я это вижу. — Темное лицо стало еще темнее. — Молчание мужчин можно обеспечить тем или иным способом. Но женщины чертовски трудны.

— Я никогда не просил об убийстве.

— Знаю, и я благодарен. Однако, Фиц, если когда-нибудь в нем возникнет необходимость, я в полном твоём распоряжении.

Фиц в ужасе отодвинулся.

— Нет, Нед, нет! Я могу понять избиение до полусмерти какого-нибудь упрямого идиота, но ни в коем случае до смерти! Я запрещаю это.

— Само собой. Забудь. — Нед улыбнулся. — Лучше думай о том, как станешь премьер-министром и как горд я буду.

Первым прибывшим гостем был Ангус Синклер, до того ему не терпелось побыстрее водвориться в этом сногшибательном дворце. Отведенные ему апартаменты были отделаны цветами клана Синклеров, как придумал Фиц, впервые пригласив Ангуса девять лет назад. Способ показать, что он всегда желанный гость и на любой срок. Его камердинер Стаббс был не менее удовлетворен своей душной комнатухой, примыкающей к гардеробной. По убеждению Стаббса, худшей чертой гощения в поместьях было размещение слуг на утомительном расстоянии, включающем много ступенек, от спальни хозяина; к тому же камердинеру на самой верхушке дерева никак не пристало якшаться с толпами прочих слуг. Ну, таким его жребий не был в Пемберли, где, как он, к своему величайшему удовлетворению, знал, у камердинеров и камеристок с самой верхушки дерева была даже собственная столовая.

Предоставив необычно сангвиничному Стаббсу распаковываться, Ангус направился в библиотеку, от которой у него всегда дух захватывало. Господи, что сказал бы любой член Королевского Общества, если бы он ее увидел? А он не сомневался, что никто из них ее не видел, так как Фиц не

вращался в кругу людей, посвятивших себя развитию знаний и наук. Завороженный, он прохаживался, щурясь на корешки многих тысяч фолиантов и томясь желанием привести в порядок эти сокровища. Было очевидно, что никто, истинно любящий книги, не поставил бы Апулея рядом с Апицием или Софокла с Еврипидом и Эсхилом, не говоря уж о скоплении всех путешествий, завершавшихся открытиями, на расстоянии в полкомнаты от трактатов по френологии или теории флогистона.

В одной нише он обнаружил документы Дарси, огромное скопление плохо переплетенных или даже вообще не переплетенных списков дарования и приобретения земельных участков, арендаторов, собственности, помимо Пемберли, ссылок на королевские указы, приписок к завещаниям, а также биографических сведений о Дарси роялистах, йоркистах, католиках, якобитах, норманнах, саксах и датчанах.

— А! — раздался чей-то голос.

Его владелец ловко проскользнул между диванчиками, очень-очень молодой человек с красотой Элизабет, пышной шевелюрой каштановых волос и своим характером, который, как вскоре установил Ангус, сочетал целеустремленность и любопытство. Очевидно, сын Чарли, обманувший ожидания.

— Обнаружили семейные скелеты, э? — спросил он, ухмыляясь.

— Давнишние. Но мне претят не кости, а полнейший хаос вокруг. Книги просто плачут, чтобы их разобрали, каталогизировали и расставили соответственно. А семейным документам место в безопасной для огня камере.

С расстроенным выражением Чарли энергично закивал:

— Я так и говорю папаше, но он говорит, что я слишком опаслив. Великий человек, мой отец, но не книжный червь. Попытаюсь снова, когда стану старше.

Ангус провел рукой по документам.

— Дарси как будто были сторонниками более законной династии — Йорков, а не Ланкастеров.

— Да-да. Вдобавок Оуэн ар Тюдор был выскочкой, а его сын для Дарси — узурпатором. А как Дарси тех лет ненавидели электора Георга!

— Меня удивляет, что Дарси не католики.

— Троны всегда оказывались важнее религии.

— Прошу у вас прощения! — воскликнул Ангус, спохватившись. — Я Ангус Синклер.

— Чарли Дарси, наследник сокрушительного здания. Единственное, что мне в нем дорого, так эта комната, хотя я бы раздраконил ее, а затем

собрал бы более логично. Папаша превратил комнату куда поменьше в свою Парламентскую библиотеку — отчеты и протоколы, заседания палат, своды законов — и работает там.

— Сообщите мне о дне, когда вы начнете громить эту комнату, и я с радостью помогу вам. Хотя больше всего она нуждается в капельке солнечного освещения.

— Неразрешимая проблема, мистер Синклер.

— Ангус. По крайней мере когда мы не в окружении бомонда.

— Ну, так Ангус. До чего странно! Я никогда не думал, что владелец «Вестминстер кроникл» окажется человеком вроде вас.

— А какого рода человеком вы его воображали? — спросил Ангус с веселыми искорками в глазах.

— Ну, необъятное брюхо, небритость, пятна супа на галстухе, перхоть и, пожалуй, корсет.

— Нет-нет, вы никак не можете объединить пятна от супа и перхоть с корсетом. Первые указывают на пренебрежение внешним видом, тогда как корсет свидетельствует о непомерном тщеславии.

— Ну, сомневаюсь, что вы когда-либо осыплетесь перхотью или будете нуждаться в корсете. Как вы умудряетесь сохранять свою фигуру в таком месте, как Лондон?

— Я предпочитаю фехтование боксу и пешие прогулки верховым.

Они опустились на два диванчика почти рядом, но визави, и продолжали закладывать фундамент крепкой дружбы.

Жаль, тоскливо подумал Чарли, что Ангус не мой отец! Характер у него именно такой, каким должен быть отцовский — понимающий, прощающий, твердый, с юмором, умный, не отягощенный предрассудками. Ангус принял бы меня именно таким, каков я, и не унижал бы, как ни на что не годного. Не считал бы изнеженным только из-за моего лица. Я же не виноват, что лицо у меня такое!

Ангус же думал, что наследник Фица меньше всего походит на хлипкого женоподобного слизняка, какого он ожидал увидеть. Хотя он приехал в Пемберли в девятый раз, знаком с Чарли он не был, как и с четырьмя девочками. Фиц держал детей, даже семнадцатилетних, в классной комнате. Теперь, впервые глядя на наследника Фица, он страдал за мальчика. Да, Чарли не отличался ни бычьим телосложением, ни атлетической жилкой, но интеллект его не оставлял желать ничего лучшего, как и чувства. И ни намек на женоподобную расслабленность! Если он поставит перед собой цель, то горы сдвинет для ее достижения, но никогда — насилием, никогда не за счет других. Будь он моим сыном, думал Ангус,

я бы очень им гордился. Фица не любят, а вот Чарли любить будут.

Очень скоро Чарли признался, почему он внезапно приехал в Пемберли, когда там ожидался наезд скучнейших гостей.

— Я должен выручить мою тетю, — сказал он.

— Мисс Мэри Беннет, не так ли?

Чарли ахнул.

— Откуда... откуда вы знаете? — Я чуточку с ней знаком.

— Правда?

— Да. Я провел несколько дней в Хартфорде в апреле.

— Но вы знаете, что она немножко закусила удила?

— Изящно выражено, Чарли. Да, я знаю. Она доверилась мне.

— Кто такой этот нестерпимый субъект? Аргус?

— Не знаю. Его письма приходят по почте.

Тут в библиотеку вошел Оуэн и разинул рот от благоговения, которого ему совершенно не внушала Бодлейнская библиотека Оксфорда. Когда удалось отвлечь его от полок и заставить присоединиться к ним, Чарли и Ангус вернулись к Мэри.

— Вам обязательно совершать променады с Дербиширами и епископом Лондонским? — требовательно спросил Чарли у Ангуса.

— Время от времени, но отнюдь не каждый день. Я привычен к горам и получаю большое удовольствие от пропастей и качающихся скал. Но моя слабость — пещеры. Я просто влюблен в пещеры.

— Значит, вы из тех, кто предпочитает промокнуть насквозь и вымараться в жидкой грязи, чем перегреваться, копаясь в мусоре. Могу предложить вам еще одно занятие — отправляться верхом со мной и Оуэном на поиски Мэри.

— Куда более заманчивая идея! Ловлю вас на слове.

Чарли вспомнил, как Ангус сказал, что предпочитает пешие прогулки верховым и встревожился.

— Э... на лошади вы себя удобно чувствуете, так ведь? — спросил он.

— Абсолютно, даже верхом на аристократических одрах вашего отца.

— Превосходно! Утром мы с Оуэном отправимся в Бакстон. «Плуг и звезды» в Макклесфилде знаменит своими завтраками и примыкает к почтовой станции, так что мы намерены обшарить и Макклесфилд. Присоединяетесь?

— Боюсь, что нет, — сказал Ангус с сожалением. — Думаю, завтра я должен быть под рукой, чтобы приветствовать Дербиширов и спикера.

В Хартфорде не было постоянного двора для почтовых карет.

Следовавшие через него останавливались сменить лошадей в «Синем кабане» — таким образом, приравненного к почтовой станции — около полудня. Оказавшись перед выбором либо поехать в Лондон, а оттуда более прямым путем, либо направиться на север и где-нибудь пересечь в карету, направляющуюся на запад, Мэри, как она и сказала Ангусу, решила ехать на север. Как-то нелогично ехать на юг, чтобы добраться до противоположной метки на компасе.

Все было продумано до мелочей, могла она сказать себе с удовлетворением. При содействии возчиков Пикфорда большая часть ее имущества отправилась в Пемберли к Элизабет для хранения, а то, что она захватила с собой, было сведено почти к нулю. Понимая, что ей придется (по крайней мере от времени до времени) идти пешком, неся свой багаж, подходящие вместилища она покупала с большим тщанием. О дорожных сундучках, по сути ящиках, стянутых металлическими обручами, разумеется, и речи быть не могло. Как и о настоящих портманто, приспособленных, чтобы их носить, но слишком больших и тяжелых. В конце концов, она остановила свой выбор на двух дорожных сумках из крепкой ковровой ткани. В их низ были вделаны металлические пружинки, оберегавшие ткань от соприкосновения с водой. У той, что побольше, было фальшивое дно, чтобы прятать грязное белье, пока ей не представится случай выстирать его. Кроме этих сумок — черный ретикюль. В него она спрятала двадцать золотых гиней (гиней стоила несколько дороже фунта — двадцать один шиллинг вместо двадцати), флакончик нюхательных солей, пять самых любимых писем Аргуса, кошелечек для мелочи и носовой платок.

В сумки отправились два тщательно сложенных черных платья, лишенные оборок и рюшей, кофточки, простые нижние юбки, ночные сорочки, панталончики, запасная черная шапочка, две запасные пары толстых шерстяных чулок, подвязки, носовые платки, тряпки для месячных, запасная пара черных перчаток и рабочая шкатулка. После некоторого раздумья она положила пару домашних туфель в мешочке поверх ночных сорочек на случай, если пол в ее комнате окажется холодным или грязным. Для чтения — том произведений Уильяма Шекспира и молитвенник. Аккредитив покоился в кармане платья на ней — она пришила по такому карману к каждому из трех своих платьев, чтобы ни на минуту с ним не расставаться.

На ней было ее третье черное платье, поверх которого полагалось бы надеть мантилью, но, презирая мантильи как неудобные и не греющие, она сделала себе пальто на манер мужчины. Оно застегивалось спереди,

доходило ей до горла вверху, до колен внизу и до запястий. Ее шляпка также была домашнего изготовления: даже хартфордские шляпницы не выставляли в своих окнах ничего и вполнину столь безобразного. Спереди маленький козырек, который не мог помешать ни ей, ни кому-нибудь еще, и просторная тулья, удобно вмещавшая и шапочку и волосы. Крепко завязанные под подбородком прочные ленты гарантировали, что шляпку не сдует никакой ветер. Для ног имелась единственная пара обуви — шнурованные сапожки на низком каблучке без намека на какую-либо моду.

Ретикюль, обнаружила она, пока ожидала в «Синем кабане» прибытия направляющейся на север кареты, был очень тяжелым — кто бы поверил, что девятнадцать золотых гиней весят так много? Накануне в банке она взяла двадцать, но двадцатый уплатила в конторе почтовых карет за билет на перегоны до самого Грэнтема. В нем указывалось, что она будет прерывать свою поездку в Биглсуэйте, Хантингдоне, Стэмфорде и, наконец, в Грэнтеме. Там ей придется купить другой билет, поскольку она намеревалась покинуть Великий Северный тракт.

Огромная колымага тяжело подкатила в полдень; от четырех тащивших ее битюгов поднимался пар, а дешевые места на козлах и империале были набиты битком, и кучер отказался взять новых наружных пассажиров. Пока битюгов перепрягали, Мэри показала ему билет до Биглсуэйда, только чтобы быть обруганной: в его списке пассажиров она не значилась.

— Доедете только до Стивенсэйджа, — сердито пробурчал он, когда она начала настаивать. — В Донкастере скачки.

Какое отношение это имело к почтовым каретам на Грэнтеме, Мэри не поняла (не понимала она и того, почему джентльменам взбредаете голову ехать в такую даль для того лишь, чтобы посмотреть, как лошади бегут наперегонки), но она смирилась с тем, что сойдет в Стивенсэйдже. В дни ее юности, смутно помнилось ей, ее старшие сестры иногда куда-то ездили в почтовых каретах или дилижансах, но только не она. И как она помнила с того времени, ни Джейн, ни Элизабет не брали с собой горничную, хотя иногда дядя Гардинер одалживал им слугу, чтобы оберегать их в дороге. Поэтому она не видела ничего неприличного в том, что едет одна. В конце-то концов, она — старая дева в годах, а не юная красавица, как Джейн или Элизабет в то время.

Забравшись внутрь кареты, она обнаружила, что кучер втиснул по четыре человека на каждое сиденье. И что два пожилых джентльмена справа и слева от нее галантноостью не отличаются. Свирепо глядя на нее, они отказались подвинуться, но Мэри Беннет они недооценили. Не

испугавшись и не оробев, она решительно ткнула задницей и сумела вклинить между ними. Как будто подвешенная на очень тесной виселице, она сидела, выпрямившись, и вперяла взгляд в лица четырех пассажиров напротив. К несчастью, сидела она спиной к лошадям, что вызвало у нее легкое поташнивание, и только после отчаянного рысканья ее глаза нашли, на чем сфокусироваться — на шляпках гвоздей в потолке, протянувшихся цепочкой. Как ужасно быть зажатой щекой к брылям среди семи незнакомых людей. Тем более что ни единый не выглядел дружелюбно или склонным завести разговор. Я умру прежде, чем доеду хотя бы до Стивенэйджа! Так она подумала, а затем вздернула подбородок и приготовилась к бою. Я способна на все, решительно на все!

Хотя окошки были открыты, только ураган мог бы развеять кислый смрад немытых тел и грязной одежды. В своих фантазиях она с наслаждением любовалась сельскими пейзажами за окошками, упивалась их красотой; теперь она обнаружила, что это невозможно из-за корпулентной пузатости джентльменов по ее бокам, большой картонки на коленях дамы у правого окошка напротив и столь же большого пакета на коленях молодого человека у левого окошка. Когда кто-то все-таки подавал голос, то требовал окошки закрыть — нет, нет, нет! После горячих дебатов дама потребовала голосования, и открытые окошки победили.

Через три часа после отбытия из «Синего кабана» карета остановилась в Стивенэйдже. Никакого сравнения по величине с Хартфордом!

Мэри высвободили перед лучшей гостиницей, но по наведении справок она была направлена в заведение менее большое и более убогое в полумиле оттуда. С сумками в обеих руках она было пошла по улице, но затем сообразила, что ей следует сначала узнать, когда завтра прибудет карета на север. Солнце все еще стояло высоко. Лучше повернуть назад и узнать это теперь же!

Наконец, она поставила сумки на пол комнатухи в «Свинье и свистке». Только теперь она смогла воспользоваться тем, что пряталось в ее мыслях всю вторую половину поездки. Ах, слава Богу! Под кроватью стоял ночной горшок. Не придется посещать нужник за домом. Как все женщины, Мэри остерегалась много пить, пока путешествовала. Тем не менее железный контроль был необходим.

Пожалуй, не самое подбодряющее начало, размышляла она, ковыряя сальное содержимое миски в уединенном уголке буфета — кофейной комнаты в гостинице не было, как не было и подносов. Только грозная суровость ее лица удерживала в границах пяток захмелевших выпивох; и будучи не слишком голодной, она съела, сколько смогла себя заставить, и

ушла в свой номер, где обнаружила, что двери «Свиньи и свистка» не затворяются до глубокой ночи. Какой день для начала путешествия! Суббота.

Почтовая карета, в которую она села в семь утра, довезла ее до Биглсуэйда, где компания с рукой в лондонской почтовой конторе заказала все места на дальнейший путь. Кучер разместил своих пассажиров по трое на каждом сиденье, а в полдень была остановка на час, чтобы выпить чашку кофе, ошпаривающего рот, воспользоваться вонючим нужником на задворках и поразмять ноги. Женщина в левом углу напротив говорила без передышки, что Мэри могла бы стерпеть спокойнее, если бы не оказалась мишенью беспощадных расспросов — кто она такая, куда едет, кто умер, понудив ее носить траур, какой вздор — изучать тяжкое положение бедняков! Мэри удалось укротить этот натиск только разыграв припадок, слагавшийся из дерганья и зевоты. После чего она была оставлена в покое. Биглсуэйдовская гостиница тоже оказалась сносной, но только ей пришлось встать в пять, чтобы сесть в карету до Хантингдона и больше часа прождать ее.

Она была на мили и мили восточнее места, где хотела быть, но знала, что ей придется добраться до Грэнтема и главной станции почтовых карет, прежде чем у нее будет возможность повернуть на запад. Первые два дня она провела в центре сиденья, обращенного спинкой к лошадям, но к ее большой радости удача ей улыбнулась, и она получила место у окна лицом вперед. Иметь возможность созерцать деревенские пейзажи было блаженством. Такие чудесные виды — нивы, зеленеющие всходами будущих урожаев, рощицы, а то и лес, через который карета громыхла в желанной тени (для мая погода выдалась очень теплой, и каждый день пока был солнечным). Когда они проезжали через деревушки, дети высыпали из домов, приветственно вопя и махая руками, видимо, им никогда не надоедало смотреть на громоздкий экипаж и тащащих его измученных лошадей. А лошади были измучены — набитая пассажирами, местной почтой и посылками, различным грузом и багажом, карета была неимоверно тяжелой.

Дороги были ужасны, но едущие по ним ничего другого и не ожидали. Кучер пытался избегать самых худших ухабов, но следовать колеям было неизбежным. Дважды они проезжали мимо экипажей, опрокинувшихся в канаву, а один раз какой-то субъект в длинном плаще с несколькими воротниками чуть было не смел их самих в канаву, прогремев мимо в двуколке, запряженной четырьмя серыми, подобранными в масть конями,

задев ступицы их колес и заставив кучера разразиться бранью. Местные повозки, фургоны и двуколки были значительными помехами, пока их возницы не соображали, что либо они поспешат освободить дорогу, либо превратятся в растопку.

Те, у кого хватало денег купить билет для поездки в почтовой карете, не были бедняками, хотя некоторые находились на самой грани бедности. Соседка Мэри на сиденье была почти девочкой и ехала, чтобы стать гувернанткой двоих детей под Питерборо. Глядя на это милое личико, Мэри подавила дрожь. Ведь она провидела, будто цыганка, глядящая в хрустальный шар, что эти двое детей окажутся неисправимыми. Нанятие такой девочки говорило, что питерборские родители сожрали уже много гувернанток. Женщина средних лет напротив них была кухаркой и ехала на новое место; но она соскальзывала с лестницы, а не поднималась по ней; ее бессвязные фразы выдавали любовь к бутылке и неумные претензии. Как поразительно, размышляла Мэри, пока миля за милей оставались позади, наконец-то я столько узнаю о людях! И внезапно становится ясно, что моя прислуга в Хартфорде обворовывала меня, справедливо видя во мне глупую невежду. Возможно, я еще не встретила настоящих бедняков, но, бесспорно, я получаю образование. Никогда в жизни мне прежде не приходилось оказываться среди посторонних людей без возможности укрыться.

Бедняки не ездят, а ходят пешком, и по дороге на Хантингдон их брело немало. Некоторые несли узелки с хлебом и сыром, некоторые прихлебывали из бутылок джин или ром, но у большинства, казалось, не было с собой ни еды, ни алкогольных напитков. Пальцы высывались из их шаркающих башмаков, их дети шли босые, а одеты они были в грязные лохмотья. Женщины кормили грудью своих младенцев, мужчины мочились в открытую, а дети присаживались на корточки, чтобы опорожнить кишечник, проявляя хихикающий интерес к тому, что наложили. Однако стыд и чистоплотная скромность — это роскошь, какую могут позволить себе только те, у кого есть деньги, сказал Аргус. Теперь Мэри убедилась в этом воочию.

— Как они умудряются жить? — спросила она у пассажира располагающего вида после того, как он бросил несколько пенни в особенно обтрепанную кучку этих несчастных пешеходов.

— Любым способом, каким сумеют, — ответил он, удивляясь ее интересу. — Сейчас не время работы в полях: слишком поздно для посева и высадки рассады, слишком рано для уборки урожая. Те, что идут на юг, направляются в Лондон, те, что на север, вероятнее всего идут в Шеффилд

или Ланкастер. Надеются найти работу на заводе или фабрике. Понимаете, эти не на попечении прихода.

— А если они и найдут работу, то получать будут недостаточно, чтобы платить за еду и кров.

— Таков уж закон мира, сударыня. Я бросил этим пенни, но пенни на них на всех у меня не хватит, а шиллинги я должен приберегать для себя и моей собственной семьи.

Но закон мира не обязательно должен быть таким, сказала она безмолвно. Необязательно! Где-то же есть достаточно пенни. Где-то же должно быть достаточно и шиллингов.

* * *

Поездка была очень долгой. То, что началось в Биглсуэйд в семь, завершилось в Хантингдоне в семь, и кучер ухмылялся до ушей быстроте своей езды. Устав до того, что голова у нее шла кругом, Мэри узнала, что ближайшая недорогая гостиница находится на некотором расстоянии в Грейт-Стакли. Ничего не поделать, сегодня она переночует на почтовой станции, где остановилась карета, поскольку сестра в следующую ей предстояло в шесть утра для утомительной тряски до Стэмфорда.

Ужин из хорошо приготовленных жаркого, жареного картофеля, фасоли, горошка и горячих масляных булочек влил новую жизнь в ее жилы, и спала она неплохо (хотя и слишком недолго) на чистой пуховой перине и отлично проветренных простынях. Однако полкроны — это слишком много. Оставалось только надеяться, что в Стэмфорде найдется что-нибудь подешевле.

Карета достигла Стэмфорда только в девять вечера в сумерках, которые при обычных обстоятельствах заворожили бы ее, такие душистые, окутанные дымкой. Но грэнтемская карета уже уехала, ну, почему они всегда уезжают раньше? Мне необходимо выспаться, а я убедилась, что не могу спать, сидя, выпрямившись в дурно пахнущей карете.

От Стэмфорда до Грэнтема она оказалась втиснутой между двумя старыми эгоистичными джентльменами и напротив двоих детей, разделявших одно сиденье. Поскольку оба были мальчиками и отнюдь не в возрасте для путешествий в почтовых каретах, они довели свою мать почти до безумия, а остальных пассажиров почти до убийства. Только звучный удар по ляжкам трости одного из старых джентльменов спас четырех человек от петли палача, хотя мать тут же сообщила ему, что он — бессердечный зверь.

В Грэнтеме находилась почтовая станция, примыкавшая к большому зданию почты. Здесь был центр паутины почтовых маршрутов. Город оседлал Великий Северный тракт, протянувшийся до Йорка и далее до Эдинбурга. Беда была лишь в том, узнала Мэри, что дороги восток — запад не имели того значения, как север — юг. Карета на Ноттингем ожидалась только послезавтра, и Мэри оказалась перед дилеммой провести день безделья в приличной гостинице этого делового города или же экономно? Сурово подавив вопль совести, она остановила выбор на элегантном здании почты у станции, сняла комнату подальше от шумного двора и

заказала поднос с ужином. Обеднев на целых две кроны, Мэри все-таки не почувствовала себя виноватой. Нет уж, после этих ужасных мальчишек и их глупой матери. И кто бы мог вообразить, что столько старых джентльменов с внушительными животами разъезжают на длинные расстояния в почтовых каретах?

Целая ночь крепкого сна без сновидений заметно поспособствовала улучшению ее настроения и избавлению от мигрени. Она позвонила, чтобы ей принесли горячей воды и поднос с кофе и булочками, а затем отправилась бодро погулять и ознакомиться с достопримечательностями Грэнтема — немногочисленными и неинтересными. А вот нескончаемый поток экипажей заворожил ее — дилижансы, двуколки, фаэтоны, кареты и ландо богачей. Каждый экипаж, направлявшийся на север или на юг, проезжал через центр Грэнтема, потому что лошади на постоянных дворах там были лучше.

После сытного второго завтрака она пошла к реке Уитем, постояла на берегу и только тогда поняла, почему ей чуть-чуть взгрустнулось. Такой очаровательный вид! Ивы, тополя, камыши, утки и утята, лебеди и лебедята, разбегающаяся рябь там, где рыба поцеловала водную гладь — насколько приятнее все это было бы, разделяй это с ней кто-то! И особенно мистер Ангус Синклер. Чуть только эта мысль забрезжила, Мэри признала, что приключения куда более увлекательны, если их делить с кем-то, начиная от ужасов почтовой карсты до сельских пейзажей и сельских жителей. В обществе Ангуса над болтливой и любопытной дамой можно было бы посмеяться, было бы легче терпеть этих ужасных мальчишек, а спор о том, оставить ли окна открытыми или закрыть их, обрел бы забавность. Видения теснились в ее сознании, требуя, чтобы о них поведали какому-нибудь дорогому другу, но никакого дорогого друга, чтобы послушать о них, рядом не было.

Мне очень не хватает Ангуса, призналась она себе, не совсем прежняя Мэри после пяти суток езды в почтовых каретах. Мне нравится, как его красивые синие глаза блестят от энтузиазма или юмора. Мне нравится, как он оберегает меня, когда мы идем рядом. Мне нравится его добрая натура и его суховатые замечания. И он не испортил этого для меня, заговорив о любви. Ах, этого я не вынесла бы! Заговори он о ней, мне пришлось бы прогнать его. При обычном положении вещей я не слишком жалую мужчин. Они либо самовластны и самодовольны, как Фицуильям Дарси, либо начинены романтической чушью, как Роберт Уайльд. Но я не думаю об Ангусе, как о мужчине. Я думаю о нем, как о друге, чья дружба дарит больше удовлетворения, чем дружба с женщинами, которых заботят только

удачные браки и туалеты.

Утки скопились перед ней в ожидании хлеба, а у нее его с собой не было. Со вздохом отвернувшись от реки, Мэри направилась назад к гостинице и остальную часть дня провела за чтением «Генриха VI» — если не считать получаса, отданного поглощению мясного пудинга с почками и тарталетки из ревеня под густыми сливками. Всего шесть дней путешествия, и она худеет! Как так? Ведь она провела их сидя. Еще один урок для изучающих человечество: иногда сидячее положение может быть более выматывающим, чем замешивание цемента.

Эге-гей! Завтра вновь в почтовую карету! Сознавая, что едет она на запад и что Ноттингем находится от Грэнтема куда ближе, чем Стэмфорд, она забралась в очередную почтовую карету в сангвиническом настроении, достаточно отдохнув, чтобы прийти на станцию пораньше и обеспечить себе место у окна. К несчастью, такие блага зависели от кучеров, а этот был угрюмым скотом, от которого разило ромом. Не прошло и пяти минут, как Мэри была выдворена с ее уютного места ради компании из пятерых мужчин. Поскольку они были ушлыми молодцами, поднаторевшими в поездках, то сунули кучеру три пенса за лучшие места. Единственная пассажирка, она была посажена на середину сиденья спиной к лошадям и подверглась сальным ухмылкам и наглым шуточкам троицы напротив, а также рысканью рук двоих справа и слева от нее. Когда они убедились, что она не намерена разговаривать с ними, а тем более флиртовать, то сочли, что она много о себе понимает, и превратили эту ее поездку в такой ад, какого ей еще не приходилось испытывать до этого дня. Когда карета остановилась для смены лошадей, она неразумно пожаловалась кучеру и получила совет идти дальше пешком, коли ей не нравится. Совет, который пассажиры на империале и козлах сочли блистательным — на помощь там рассчитывать не приходилось. Все в этой карете были пьяны, включая кучера. Разъяренная Мэри вернулась на свое место, испытывая почти непреодолимое искушение хорошенько ударить мужлана справа, который гладил ее ногу; но какой-то инстинкт сказал ей, что тогда она будет повалена и подвергнута чему-то худшему.

В конце концов — Ноттингем. Ее спутники — все, кроме одного — отшвыривали ее, торопясь сойти, но гладивший задержался, с издевательским поклоном пропуская ее вперед. Держа голову высоко, она вышла из кареты и растянулась на кучке вонючего полужидкого навоза — гладивший сделал ей подножку. Она рухнула плашмя, ладони ее перчаток порвались, а ее ретикюль шлепнулся в нескольких футах в стороне, и его содержимое высыпалось, включая девятнадцать ее золотых гиней. Шляпка

повисла на ее шее, заслоняя все вокруг. Она лежала, с ужасом глядя, как ее драгоценные монеты погружаются в грязь. Какой недосмотр, вновь и вновь повторялось в непокорном уголке ее сознания: никто не подметает тут, не убирает.

— Ну-ка, позвольте мне, — произнес чей-то голос.

Как раз вовремя. Блеск золота привлек большое внимание, в том числе кучера и гладившего.

Голос принадлежал плечистому мужчине, который ожидал прибытия кареты. Он добрался до Мэри быстрее остальных и обратил на них холодный взгляд, заставивший их попятиться, а затем поднял ее на ноги. Быстро и ловко он подобрал ее гиней, ее ретикюль и прочее его содержимое. Ретикюль был вручен ей с улыбкой, преобразившей угрожающее суровое лицо.

— Ну-ка, подержите его открытым.

И в ретикюль были опущены носовой платок, флакончик нюхательных солей, письма Аргуса, кошелечек для монет и все девятнадцать гиней.

— Благодарю вас, сэр, — сказала Мэри, все еще задыхаясь.

Но он уже ушел. Кучер бросил ее сумки в еще одну кучу полужидкого навоза. Мэри с трудом подобрала их и вышла со двора, клянясь, что ее ноги никогда больше не будет в Ноттингеме.

В комнатушке, которую она сняла в гостинице в глухом переулке, имелось зеркало, которое показало Мэри последствия катастрофического дня. Ее пальто и платье намокли от конской мочи и были измазаны в навозе, а когда она выудила аккредитив, дававший ей право брать деньги из любого банка Англии, то с ужасом обнаружила неудобочитаемые разводы смытых чернил. Как могло это произойти, когда пальто должно было бы оберечь лист? Но оно его не спасло, как не спасло и ее платье. Да сколько же мочи способен извергнуть один такой битюг? Видимо, галлоны. Она промокла до костей. Ладони были не только грязными, но и болели, а ковриковые сумки были в пятнах грязи, сырыми снизу, но, слава Богу, не промокли.

Вся дрожа, она опустилась на край комкастой постели и спрятала лицо в ладонях. Как посмели эти люди так обойтись с ней? До чего дойдет Англия, если леди ее лет не может путешествовать без подобных посягательств?

В кувшине на маленьком столике была холодная вода, и она, достаточно теперь ознакомившись с дешевыми гостиницами, знала, что это вся вода, на которую она может рассчитывать. О том, чтобы носить платье, пока она его не выстирает, и речи быть не могло, так что она повесила его

на спинку маленького стула сушиться, а пальто повесила на спинку кресла, которое немо говорило, что эта комнатуха — лучшее, чем может похвастать гостиница. Утром она скатает платье и пальто вместе и засунет их в фальшивое дно большой сумки. Воду в кувшине придется израсходовать на себя, хотя она подозревала, что только лохань горячей воды могла бы избавить ее от вони лошадиных экскрементов.

После такого дня ужин в уголке буфета оказался прямо-таки отдохновительным, особенно после того, как она обнаружила, что баранья нога вполне мягкая, а паровой пудинг так просто вкусный. Будем надеяться, сказала она себе, что мои испытания остались позади. Даже если мне придется заплатить полкроны, а то и больше за ночлег в лучшей гостинице города, я обречена ездить в почтовых каретах. Наемный экипаж, даже одноконный и наименее дорогой, обойдется в три гинеи за день. Нет смысла писать мою книгу, если мне будет не по карману оплатить ее издание. Тем не менее в Дерби я остановлюсь в гостинице, где смогу заказать лохань горячей воды.

Две кареты ожидали пассажиров во дворе станции, когда Мэри вошла туда на следующее утро в шесть часов, так и не уснув из-за аммиачного запаха, исходившего от ее собственного тела. Тупая боль в затылке разливалась до лба, в ушах звенело, глаза слезились. Должно быть, решила она, в воздухе Ноттингема есть что-то такое, из-за чего люди тут такие неуслужливые, такие грубые — никто во дворе не обратил на нее внимания. Отчаявшись, она схватила за рукав пробежавшего мимо конюха и насильно его остановила.

— Какая из карет на Дерби? — спросила она.

Он показал, высвободился и убежал.

Вздохнув, она отдала две свои сумки кучеру указанной кареты.

— Сколько за проезд? — спросила она.

— Обилечу вас на первой остановке. Я опаздываю.

Молясь, чтобы этот день оказался более сносным, она забралась внутрь и заняла обращенное к лошадям сиденье у дальнего окна. Пока еще она была единственной пассажиркой, но не сомневалась, что такое положение вещей продлится недолго. И ошиблась! Благодарю тебя, Господи, благодарю тебя! Карета старая и смрадная, запряженная лишь четверьмя довольно хлипкими лошадьми, выкатилась из двора. Может быть, подумала Мэри, обретая чувство юмора, я столь благоуханна, что никто не в силах выдержать моего общества. Что показывает, насколько Мэри изменилась; прежняя Мэри редко замечала в жизни что-либо

забавное. А может быть, новая Мэри, замученная постоянными неудачами, сочла, что лучше смеяться, чем плакать.

Неслыханная роскошь одиночества внутри кареты привела ее в чудесное расположение духа. Она закинула ноги на сиденье, прислонила голову к грыжеподобному выступу спинки и уснула.

Разбудило ее отсутствие тряски. Спустив ноги на пол, она высунулась из окна.

— Мэнсфилд! — взревел кучер.

Мэнсфилд? Географические познания Мэри не включали списка всех английских городов, однако он был настолько подробен, что одно она знала твердо: Мэнсфилд не находился на пути из Ноттингема в Дерби. Она торопливо выскочила наружу, когда кучер спускался с козел.

— Сэр, вы сказали «Мэнсфилд»?

— Что так, то так.

— Ах! — вскричала она, и глаза ее стали серыми, как пасмурное небо. — Разве это не карета из Ноттингема в Дерби?

Он поглядел на нее, как на сумасшедшую.

— Сударыня, это карета в Шеффилд. На Дерби была вторая!

— Но конюх указал мне на эту!

— Конюхи указывают на солнце, на луну, звезды и бродячих собак. Это карета на Шеффилд, не то она не была бы сейчас в Мэнсфилде.

— Но мне не нужно ехать в Шеффилд!

— Ну, тогда вам лучше выйти. С вас шесть пенсов. — А карета обратно в Ноттингем?

— Сегодня нету. Но коли вы зайдете вон в ту гостиницу и подождете, может, и найдете кого-нибудь, кто едет в ту сторону. — Он задумался и крикнул. — А не то в Честерфилд. С Честерфилдом тут сообщения хватает. А оттуда вы сможете добраться до Манчестера, но, как посмотрю я на вас, сударыня, думается, не нужно вам ездить ни в какие эти города.

— Но я хочу поехать в Манчестер! Я с самого начала ехала туда.

— Ну, дело ваше. — Он протянул мозолистую лапу. — Выкладывайте шестипенсовик, будьте добреньки. Та карета, не та карета, а от Ноттингема до Мэнсфилда плата шесть пенсов.

Признав его логику, она развязала шнурки ретикюля, чтобы достать требуемую монету, и пошатнулась: ретикюль смердел! Ее гинеи! Она забыла их вымыть!

Шеффилдская почтовая карета загромыхала прочь; двое мужчин, храпя, развалились на империале. Судя по тучам, вскоре им предстояло промокнуть до костей. Мэри вошла в буфет маленькой респектабельной

гостиницы, смирившись с мыслью, что ее подвезет какой-нибудь фермер, который усадит ее в повозку со своими свиньями. Это внесет интересный оттенок в ее благоухание!

Гостиница пахла стиральным мылом, и пол был еще мокрым. Жена хозяина, орудовавшая щеткой, поспешно выпрямилась.

— Пошла вон, грязнуха! — завопила она, раздувая ноздри. — Вон, кому говорят! — Она замахнулась щеткой, как абориген дубинкой.

— Я охотно удалюсь, сударыня, — сказала Мэри ледяным тоном, — если вы назовете мне заведение, где я могла бы найти экипаж, направляющийся в сторону Честерфилда.

Женщина, на которую эта речь никакого впечатления не произвела, смерила ее презрительным взглядом.

— Для таких, как ты, есть только одно место: «Зеленый человек». Там и смерди!

— Как мне отыскать «Зеленого человека»? — Еще не договорив, Мэри почувствовала, что ее выталкивают на дорогу, мучительно сжав ей локоть. — Отпусти меня, безжалостная червивая собака женского пола! — крикнула она, вырываясь. — В тебе нет жалости? Я попала в беду! Но вместо доброты ты полна злобы, собака женского пола! Это эвфемизм. Я назову тебя тем, что ты есть — сука!

— Елки-палки! В миле дальше по этой дороге, — сказала супруга хозяина гостиницы и с треском захлопнула дверь. Мэри услышала, как лягнул засов.

— Нетрудно понять, что Eau de cheval^[5] — духи на особый вкус, — сказала Мэри неизвестно кому и, держа в каждой руке по сумке, зашагала по «этой дороге».

Справа коттедж, слева коттедж, но затем не поля сельского пейзажа, но лес. Нахмурившись, она поглядела вверх, ища солнце, но солнце не пробивалось сквозь сплошные тучи. Либо «Зеленый человек» совсем рядом, либо ее вымочит насквозь. Она пошла быстрее. Но действительно ли она идет на запад? Или эта дорога уводит в чащобы и непроницаемый мрак Шервудского леса? Вздор, Мэри! Шервудский лес давным-давно преобразился в плод воображения, его могучие деревья срублены, чтобы освободить место для загородных резиденций только что разбогатевших джентльменов или на ребра и обшивку военных кораблей Его Величества. От него сохранились лишь кусочки, и находятся они к востоку от Мэнсфилда. Чтение обеспечило меня этими фактами.

Тем не менее этот безымянный лес вставал стеной справа и слева, земля отливала медью опавших листьев или бутылочной зеленью зарослей

папоротника, а дорогу окутывал сумрак.

Позади нее послышался цокот копыт. Мэри обернулась посмотреть, не нагоняет ли ее везущий свиней фермер, но увидела лишь одинокого всадника верхом на гнедом, по виду быстрого коне. Что мне делать теперь? Притвориться, будто он не существует, или спросить у него, куда ли я иду? Затем, когда он приблизился, у нее ноги подкосились от облегчения. Добрый джентльмен, который поднял ее в ноттингемском каретном дворе, спас ее гиней...

— Ах, сэр, как я рада вас видеть! — вскричала она.

Он спрыгнул с седла с такой небрежностью, будто до земли был всего лишь фут, обмотал поводья вокруг левого локтя и встал перед ней.

— Я не мог бы пожелать ничего лучше, — сказал он с улыбкой. — Не везет вам, верно?

— Прошу прощения?

— У меня не было возможности украсть ваши гиней посреди двора почтовой станции, но тут?

Подчинясь порыву, ее руки выронили сумки и крепко сжали ретикюль.

— Будьте добры, сэр, забыть то, что вы сейчас сказали, и позвольте мне отыскать «Зеленого человека», — сказала она, вздернув подбородок, без страха и колебаний в глазах. Да, ее сердце колотилось, а дыхание участилось, но подстегивая ее противиться, а не бежать.

— Не могу. — Черные волосы, настолько длинные, что были стянуты лентой на затылке, всколыхнул внезапный порыв ветра, пронизанного дождем. — К тому же «Зеленый человек» — моя малина, и помощи вам там не найти, просто прогулка в бардак. Вы немолоды, сударыня, но на редкость смазливы. Как супружнице старика Битти было не вышвырнуть вас вон! Она же методистка, их в этих краях полным-полно, как ни жаль. Да кто вы такая, чтобы иметь столько денег? Когда вы упали в грязь, я счел вас жалким подобием гувернантки, вечно спасающейся от амурных поползновений хозяина дома. Затем я пересчитал ваши гиней. Теперь я не знаю, что думать, кроме того, что они не более ваши, чем мои. Вы их украли, вот и все.

— Ничего подобного! Посторонитесь, любезный!

С тем же успехом она могла бы и промолчать.

Наклонив голову набок, он взвешивающе оглядел ее с головы до ног, прищурился, оттянув губы с зубов, не уступающих лошадиным.

— Вопрос в том, просто ли забрать ваши гиней или мне следует убить вас? Если бы вас вымыть и одеть получше, не окажетесь ли вы и впрямь леди? Если так, то лучше вас убить! Не то, когда Капитан Гром вдруг будет

пойман, вы станете свидетельствовать против него, э?

Благоразумие требовало промолчать, не выдавать, кто она такая, но так низко она еще не пала.

— Так вы зоветесь Капитан Гром? Да, конечно, Капитан Гром, я буду свидетельствовать против вас в суде! Вы заслуживаете быть повешенным, болтаться на виселице!

Несомненно, она поставила его в тупик, заставила поколебаться; женщины визжали, как зарезанные, а не возражали ему. Тощая, грязная, беззащитная и все-таки не ввергнутая в ужас.

— Давайте деньги.

Ее кулаки сжались на ретикюле так, что костяшки пальцев побелели.

— Нет! Это мои деньги! Они мне нужны!

Конь был терпеливым, мирного нрава; когда он схватил ее, и поводья задергались, конь не шелохнулся, будто не интересуясь завязавшейся борьбой. Возникший было у Мэри план заставить коня встать на дыбы и бить задом утратил смысл. Никогда еще в ее жизни ничто не обнаруживало, как сильна она физически. Она ошарашила его этой силой, борясь сохранить свои деньги. Ему даже не удавалось отогнуть ее пальцы, чтобы сломать их, так судорожно вцепились они в ретикюль.

Напряженная и быстрая, она вырвалась из его хватки и побежала по дороге, зовя на помощь. Но через пару ярдов он нагнал ее и беспощадно ухватил за плечи.

— Сука! Телка! — сказал он, поворачивая ее, и левой рукой сжал ей горло. Его правая рука стиснула оба ее запястья, и онемевшие пальцы выпустили ретикюль. Он упал, но был тут же подхвачен.

Мэри обезумела. Одна нога пнула его в голень, колено пыталось достичь паха, ее ногти царапали его лицо до крови — да как смеет этот скот грабить ее!

Но он не выпустил ее горла. Грохот заполнил ее уши, его лицо перед ее выпученными глазами потемнело, затуманилось. Ее сопротивление угасло как раз тогда, когда на ее лоб обрушился сокрушительный удар. Мэри потеряла сознание.

Со стоном, испытывая тошноту, она очнулась и обнаружила, что лежит у комля могучего дерева, почти скрытая его вздыбленными корнями. Сквозь листву над ее головой сочился серый свет. Шел дождь. И давно, если судить о ее намокшей одежде.

Прошел почти час, прежде чем ей удалось приподняться и сесть на ближний корень и выяснить, что ей пришлось претерпеть. Резкая боль в

горле, синяки на шее, синяки на запястьях, огромная опухоль над правой бровью и нестерпимая мигрень.

Когда она смогла встать, то принялась искать свои сумки и ретикюль, но тщетно. Несомненно, Капитан Гром забрал их с дороги и зашвырнул в чащу папоротников, вероятно, далеко от этого места. Хотя тут внизу царило безветрие, зубы у нее стучали, а кожа при прикосновении казалась ледяной. Она замерзла, испытывала боль во всем теле и куда бы ни смотрела, видела только толстые древесные стволы. Нет, это не были посадки, деревья вокруг выглядели тысячелетними. Быть может, это был Шервудский лес, и, значит, она в милях и милях от места схватки. Но тут дал о себе знать здравый смысл — нет, это не Шервуд, а какой-то другой древний лес в краю, славящемся своими лесами. Вероятно, даже не очень обширный, но только находясь в нем, теряешь всякое представление о расстояниях.

Если она хочет жить, необходимо отыскать приют на надвигающуюся ночь. Пройдя несколько шагов, она нашла сгнивший внутри бук. Он сулил достаточную защиту от дождя; забравшись в тесное дупло, Мэри почувствовала, что прилив ее энергии иссяк, и вновь потеряла сознание.

Удар по лбу был более сильным, чем она полагала, и в последующие дни будет оборачиваться провалами в сознании; когда она очнулась в следующий раз, уже наступила ночь. Очнулась она, сидя на земле, но по крайней мере дождь перестал. Затем она погрузилась в подобие комы, лихорадочной и пронизанной жуткими снами, но когда ее глаза открылись, они увидели дневной свет. Попытка встать и пойти сказала, что ей очень худо: все тело ныло, и она ощущала жар. Я сильно простужена и понятия не имею, где нахожусь. Что мне делать, что делать? Если бы только у меня перестало стучать в висках!

Он на это и рассчитывал, она не сомневалась. Капитан Гром, местный разбойник, чья штаб-квартира находилась в «Зеленом человеке». Бросив ее в лесной глуши, он рассчитывал, что она погибнет от голода и холода. И таким образом снял с себя вину в ее смерти. Ну, Капитан Гром, подумала она, я не намерена в угоду вам послушно лечь и сдаться! Так или иначе, я доберусь до дороги.

Снизу ниша в приютившем ее буке была мягкой, мшистой... мох ведь растет с северной стороны деревьев? Если так, то свободная от мха сторона — южная? А леса тянулись справа и слева от дороги. Пойти на юг или на север зависело от того, какую сторону дороги он выбрал, чтобы бросить ее. Ох, негодяй! Истинный апостол Сатаны. Мэри закрыла глаза, попыталась приобщиться к мышлению разбойников и решила, что он предпочел левую руку, так как этой рукой правит Сатана. Налево. Но стоя лицом к

Честерфилду или к Мэнсфилду? К Мэнсфилду, потому что, когда он напал на нее, гостиница, завсегдатаем которой он был, находилась впереди нее, а не сзади. Поэтому, сказала она, я пойду на юг, сверяясь со стороной деревьев, где нет мха.

Как далеко он затащил ее? Лошади между таких деревьев не пробраться, и, значит, ему пришлось ее нести. Достаточно ли он галантен, чтобы нести леди так, как полагается носить леди, то есть на руках? Нет, Капитан Гром, конечно, перекинул ее через плечо, а отсюда следовало, что он мог протопать целую милю в сторону от дороги.

Она пошла вперед решительным шагом, но боль в костях усилилась, а голова раскалывалась. Когда она взглянула вверх, кружевной свод над ней зловеще закружился, а ее ноги словно вбивали деревянные сваи. «Я не умру! — перекрикивала она громахание своего сердца. — Я не умру, я не умру!»

Затем в отдалении она увидела прогалину между деревьями, залитую солнечным светом — дорога! Она побежала, но ее предательское тело с беганьем покончило; она споткнулась на невидимом корне и растянулась плашмя. Мир почернел. Нечестно! Такой была последняя запомнившаяся ей мысль.

Когда она очнулась в следующий раз, то лежала поперек лошадиной холки, изогнутая в скобу. Она пошевелилась, невнятно забормотала, затем поняла, что находится во власти еще одного похитителя, а не спасителя. Спасители держат леди в объятиях, похитители перекидывают их через лошадиные холки. Я даже не знала, что Англия настолько кишит злодеями, попыталась она сказать. Кто бы ни ехал сзади нее, приподнял ее голову и плечи, чтобы влить ей в глотку огненную жидкость. Захлебываясь, она замолотила его рукой. Но что бы он ни принудил ее выпить, ее ушибленный мозг завихрило, она вновь соскользнула в мир мрака и кошмаров.

* * *

Ах, ей было тепло! И такая чудная уютность! Мэри открыла глаза и обнаружила, что лежит на пуховой перине с горячим кирпичом у ступней. В руках и ногах ощущалась легкость, и лошадиными экскрементами от нее не пахло. Кто-то хорошо ее вымыл, даже — как сказали ей пальцы — и волосы. Фланелевая ночная рубашка была не ее, как и носки на ступнях. Но боль в теле заметно ослабела, а мигрень прошла. Единственным напоминанием о перенесенном ею остались синяки на запястьях, горле и лбу, причем те на запястьях, которые ей были видны, побледнели, черный цвет сменился на довольно-таки мерзкий желтый. А это значило, что миновало много времени. Но где она?

Мэри спустила ноги с кровати и села на краю, от темноты ее глаза расширились. Вокруг нее были каменные стены, но созданные не человеческими руками, а природой; проем в них закрывал занавес, а природное сиденье было накрыто доской с отверстием — своего рода стульчак. Два стола — один, заполненный тарелками с незатейливой едой, второй — книгами. Под каждый был вдвинут стул. Но куда более волшебным в этом месте было освещение. Вместо свечей, которые, считала она, были единственным источником искусственного освещения, тут стояли стеклянные лампы — их ровное свечение исходило от пламени, защищенного узкой стеклянной трубой. Ей уже доводилось видеть подобные трубы, когда огонек свечи требовалось защитить от ветра, но не такой широкий неподвижный язык пламени, поднимающийся из металлической прорези. Под прорезью находился резервуар с какой-то жидкостью, в которой плавала широкая лента фитиля. Одна такая лампа, заинтригованно подумала Мэри, должна давать столько же света, сколько десять свечей.

Неохотно оторвавшись от изучения ламп — четырех больших и одной маленькой, — она увидела, что пол застлан ковром, а занавес был из тяжелого темно-зеленого бархата. Тут о себе дали знать голод и жажда. На столе с едой стоял кувшин некрепкого пива рядом с оловянной кружкой, и, хотя Мэри никакого пива не любила, это пиво после ее мучений показалось ей нектаром. Она отломала куски от хрустящего каравая, нашла масло, джем, сыр и несколько ломтей прекрасной ветчины! О, что может быть лучше!

Когда желудок насытился, пробудилось сознание. Где она? Ни в какой

гостинице, ни в каком жилом доме не бывает стен из сплошного камня. Мэри подошла к занавесу и отдернула его.

Прутья, железные прутья!

В ужасе она попыталась увидеть, что находится за ними, но ее взгляд уперся в массивный экран. И тишину нарушали только высокий, но негромкий визг и непрерывное завывание. Нет, не звуки, какие издают люди или животные, или даже растения. Под завыванием крылось тяжелое безмолвие, будто могилы.

И тут Мэри поняла, что ее тюрьма находится под землей. Она была погребена заживо.

Дербишир и его герцогиня намеревались отбыть в собственное поместье с утра, как и епископ Лондонский. Накануне вечером Элизабет особенно постаралась с обедом. Ее шеф-повар был француз, но не из Парижа, а, точнее говоря, из Прованса, и потому можно было положиться на череду блюд, щекочущих нёба самых пресыщенных гурманов, обедающих за самыми лучшими столами. На Скалистом крае еще местами лежал снег, и Нед Скиннер отправился на запад к побережью Уэльса за креветками, крабами, омарами и редкими рыбками, используя снег и лед на величавых кряжах Сноудонии для их упаковки. Рыба, не вызывающая желудочных расстройств, была последним криком моды, и здесь, в Пемберли, эту тему можно было муссировать в пищеварительной безопасности.

Элизабет решила надеть сиреневый шифон, так как ее траур кончался только в ноябре. Носить черное последние шесть месяцев не обязательно, но белый цвет такой безжизненный, а серый — такой гнетущий! Джентльменам легко, думала она: креповая повязка на руке, и одевайся во что хочешь. Фиц предпочел бы, чтобы она надела свои жемчуга, бесспорно, лучшие в Англии, но она предпочла аметистовое кольцо и широкие аметистовые браслеты.

Вверху лестницы она столкнулась с Ангусом Синклером и Каролиной Бингли.

— Моя дорогая Элизабет, вы — воплощение ваших собственных садов, — сказал Ангус, целуя ей руку.

— Это можно истолковать, как обширность и безвкусие, — сказала мисс Бингли, очень довольная своими янтарно-бронзовыми блестками и потрясающими желтыми сапфирами.

Элизабет ошетилилась.

— Право, Каролина, не можете же вы и правда считать сады Пемберли

безвкусными?

— Да, могу. И еще, я не понимаю, почему разбить их предки Фица не заказали Иниго Джонсу или Кэпелити Брауну? Такая прозорливость во всем, что касается высшей моды!

— Значит, вы не видели желтые нарциссы, заполнившие траву под миндальными деревьями в полном цвету, или лощину, где подснежники почти касаются ветвей плакучих розовых вишен, — с едкостью сказала Элизабет.

— Да, признаюсь, не видела. Мои глаза уже предостаточно оскорбили оранжевые бархатцы, пунцовый шалфей и еще какие-то там синие, — сказала Каролина, не собираясь признавать поражение.

Ангус перевел дух и засмеялся.

— Каролина, Каролина, это нечестно! — вскричал он. — Фиц стремился воспроизвести тут Версаль, где действительно есть безобразно негармонирующие клумбы. Но я всецело на стороне Элизабет. Цветущие полянки Пемберли это же приют Оберона и Титании.

К этому моменту они уже сошли с последней ступеньки парадной лестницы и входили в комнату Рубенса, пышно пунцовую, кремовую и позолоченную с мебелью в стиле Людовика Пятнадцатого.

— Ну, уж это, — сказал Ангус, широким жестом обводя комнату, — вы, Каролина, раскритиковать не сможете. Поместья других джентльменов могут быть увешаны портретами предков (по большей части очень скверно написанными), но в Пемберли видишь высокое искусство.

— Я нахожу обнаженных толстух отвратительными, — презрительно сказала мисс Бингли, но тут она увидела Луизу Хэрст с Букетиком и направилась к ним.

— Эта женщина кислее лиссабонского лимона, — шепнул Ангус Элизабет.

В сиреневом глаза ее казались почти фиолетовыми; они смотрели на него с благодарностью.

— Обманутые надежды, милый Ангус. Она так нацеливалась на Фица!

— Ну, это знает весь свет.

Вошел Фиц с герцогом и герцогиней, и вскоре всех развлекла веселая предобеденная беседа. Ее муж, заметила Элизабет, выглядел особенно довольным собой, как и мистер Спикер, большой приятель Фица. Они занимаются выкраиванием империи, и Фиц станет премьер-министром, едва коронованные головы Европы разберутся с отречением Бонапарте. Я это знаю так же точно, как тела моих детей. А Ангус догадался и очень огорчен, потому что он не тори. Борец за вигизм — вот кто такой Ангус,

более прогрессивный и либеральный. Не то чтобы это было очень весомо. Тори защищают привилегии землевладельцев, тогда как виги более преданы правам бизнеса и промышленности. А бедняки не заботят ни тех, ни других.

Парментер доложил, что кушать подано, и это потребовало довольно длинной прогулки до малой парадной столовой, украшенной парчой соломенного цвета, позолотой и семейными портретами, хотя и написанными не так уж скверно, будучи кисти Ван Дейка, Гейнсборо, Рейнолдса и Гольбейна.

Чарли и Оуэн пришли настолько рано, что не навлекли на себя порицания Фица, втайне довольного. Последний раз он видел своего сына на похоронах миссис Беннет и теперь обнаружил, что Чарли повзрослел и физически, и умственно. Нет, по-настоящему удовлетворительным он никогда не будет, но больше он не выглядел изнеженным слюнтяем.

Элизабет посадила Чарли по одну руку Лондонского епископа, а Оуэна по другую; они могли беседовать о латинских и греческих авторах, возникни у них такое желание, но оно не возникло. Презрительно взглянув на Каролину Бингли, свою главную очернительницу, Чарли принялся развлекать весь стол историями о своих приключениях, когда он знакомил Оуэна со Скалистым краем; тема была безупречной, с окраской мягкого юмора, в самый раз, чтобы позабавить столь разношерстных слушателей. Сестра Мэри не упоминалась, но Элизабет опасалась, что они не нашли никаких ее следов. Если ее целью был Манчестер, значит, она еще далеко до него не добралась.

Омары, просто приготовленные на открытом огне и сдобренные лишь растопленным маслом, были только-только унесены, когда до всех ушей в столовой донесся шум какой-то неурядицы снаружи. Кто-то визжал и вопил, Парментер пытался перекрикивать, а смутный хор мужских голосов свидетельствовал, что его поддерживают несколько лакеев. Створки двери распахнулись, все головы за столом обернулись.

— Лидия! — ахнула Элизабет, вставая.

Ее сестра выглядела шокирующе. Где-то она попала под ливень — ее легонькое платье промокло насквозь и бесстыже облепляло затянутую в корсет фигуру. Если она вышла в шляпке, та исчезла; она была без перчаток, и бросалось в глаза, что она игнорировала все условности траура. Ее платье было ярко-красным — клеймя ее, как потаскуху — с очень низким вырезом. Никто не причесал ей волосы, которые растрепанно торчали во все стороны, а ее лицо покрывал своеобразный узор из соплей и размазанной косметики. В руке она сжимала лист бумаги.

— Сукин ты сын, Дарси, — взвизгнула она. — Бессердечное чудовище с ледяной кровью! Трахнутый сукин сын! Трахнутый мудак. Говнюк!

Ее слова падали в безмолвие такое глубокое и потрясенное, что женщины не сообразили попадать из-за них в обморок! Согласно обычаю Элизабет сидела в нижнем конце стола, ближнем к дверям, а Фиц в его верхнем конце в пятнадцати футах дальше от них. При появлении Лидии он весь напрягся, но не встал, а когда она произнесла непроизносимое, его лицо не отразило ничего, кроме брезгливого отвращения.

— Ты знаешь, что тут говорится? — спросила Лидия, все еще визгливо и размахивая листом. — Мне сообщают, что мой муж умер, погиб в бою в Америке. Бессердечный ты, жестокий мудак! Мудак! Мудак! Ты отослал туда Джорджа, Фицуильям Дарси, ты и никто другой! Он был занозой, вот как и я заноза, родственники твоей жены, от которых ты всегда хотел избавиться! — откинув голову, она жутко завывала. — О, мой Джордж, мой Джордж! Я любила его, Дарси, я любила его! Двадцать один год брака. Ну да, с глаз долой и из головы вон! Чуть Бонапарте дал тебе зацепку, ты использовал свое влияние, чтобы спровадить Джорджа воевать в Испании, оставив меня перебиваться на капитанское жалованье, ведь ты отказался помочь мне! — Очередной жуткий вопль. — Ах, мой Джордж, мой Джордж! Погиб в Америке, его косточки в могиле, которую я никогда не увижу! Трахнутый ты сукин сын, Дарси! Говнюк!

Чарли привстал, но Элизабет удержала его.

— Нет, пусть она выговорится, Чарли. Она уже наговорила слишком много. Попробуй остановить ее сейчас, и нам только драки не хватает!

— Я была так счастлива, когда он уцелел в Испании, мой Джордж! Но тебе этого было мало, Дарси, верно? Ему полагалось умереть в Испании, а он не умер. И ты пустил в ход свое влияние, чтобы спровадить его в Америку! Между этими двумя жуткими кампаниями я видела его меньше недели, а теперь он погиб, и ты можешь радоваться! Да только недолго! Я кое-что про тебя знаю, Дарси, и я очень даже живая!

Внезапно она рухнула на пол. Элизабет и Чарли бросились к ней, помогли встать на ноги и увели из столовой.

— Боже великий, ну и представление, — сказала Каролина Бингли. — Фиц, где ваша невестка пополняет свой лексикон?

Это напомнило герцогине Devonshire, миссис Спикер и Букетику о словах Лидии; они все три попадали на пол.

— Полагаю, — сказал Фиц ровным голосом, когда ее увели, — продолжать этот достопамятный обед нам придется в сокращении.

— Не-за-бы-ваемый! — промурлыкала мисс Бингли.

Ангус предпочел все это проигнорировать.

— Ну, лично я отказываюсь обойтись без тюрбо, — сказал он подчеркнуто бодро.

Вернулся Чарли, очень озабоченный, как заметил Оуэн.

— Я приношу мамины извинения, папаша, — сказал он отцу. — Она укладывает тетю Лидию в постель.

— Благодарю тебя, Чарли. Ты останешься дообедывать?

— Да, сэр.

Он сел, втайне мучительно сострадав своему отцу. Поведению Лидии извинений не было... ах, почему отвратительная Каролина Бингли должна была присутствовать при этом? Скандальная сцена станет достоянием всего Лондона, едва она вернется в Лондон.

Лондонский епископ анатомировал этимологию непристойных слов в поучение Оуэну и приветствовал соучастие Чарли.

— Вы знаете стихи Катулла? — спросил епископ.

Лицо Чарли просветлело.

— Знаю ли?

* * *

Вернувшийся с грузом рыбы и ракообразных, Нед Скиннер оставался у себя и явился к Фицу в его Парламентскую библиотеку, чуть только заметно ошарашенные гости разошлись по своим апартаментам.

— Почему Пармендер и его подручные допустили ее в столовую? Что на них нашло? — спросил Нед.

— Страх. Опасения. Нежелание силой остановить сестру их госпожи, которую они преданно любят, — сказал Фиц со скрупулезной беспристрастностью. — К тому же, полагаю, они и не подозревали, что произойдет в столовой, свое изысканное словоблудие она приберегла для моих гостей, стерва. И она была пьяна.

— Это правда? Джордж Уикхем действительно погиб?

— Так говорится в письме, и оно подписано его полковником.

— Жаль, что она не отправилась в Америку с ним. Она, конечно же, присосалась бы к какому-нибудь колониальному олуху и осталась бы там. Меня ставит в тупик, почему она не подцепила сифилис.

— А меня ставит в тупик, почему у нее никогда не было детей.

— Ну, она так легко не попадется. А уж если случится, ей известно, куда пойти, чтобы от него избавиться. Она же никогда не знает, кто отец.

Фиц брезгливо поморщился.

— Омерзительно. Ну а в Америку она не уехала потому, что была в связи с его полковником, когда полк отправили туда, а он отчаянно хотел от нее избавиться.

— Да уж, она заноза, где бы ни была.

— Мягко сказано, Нед. — Фиц выбивал кулаками по бедрам гневную и бессильную дробь. — И перед такой публикой! А пост премьеры почти у меня в кармане! Дербишир обещал обеспечить палату лордов, а палата общин уже год склоняется на мою сторону. Убийство Спенсера Персиваля все еще напоминает о себе, спасибо маркизу Уэллесли, дирижирующему всем. Черт бы побрал эту бабу!

— Мисс Бингли разгласит нынешнюю историю вдаль и вширь.

— Все, что угодно, лишь бы по квитаться с Элизабет... и со мной.

— А Синклер? Поведает ли «Вестминстер кроникл» про твои личные неурядицы на своих вигских страницах?

— Он настоящий друг, так что, посмею предположить, он не упомянет мои личные неурядицы в своей газете.

— Чего, собственно, ты опасешься, Фиц?

— Новых сцен подобного же рода, особенно в Лондоне.

— Она не посмеет!

— Думаю, посмеет и еще как! Выпивка одурманила остатки ее умишка, и в ее мыслях я фигурирую как главный злодей. До тех пор пока она смахивает на то, что приволокла кошка с мусорной кучи, от нее будут отмахиваться, как от сумасшедшей. Но что, если она почистится, оденется прилично? Как сестра моей жены она может добиться, чтобы ее выслушал кто-нибудь из моих могущественных врагов.

— Выслушал что, Фиц? Что ты устроил заговор, чтобы отправить ее мужа за море исполнять воинский долг? Это ей ничего не даст.

Красивая белая рука протянулась и легла на рукав Неда.

— Ах, Нед, что я делал бы без тебя? Твой простой здравый смысл развеивает мои страхи. Ты прав. Я просто отмахнусь от нее, как от сумасшедшей.

— Лучше помести ее в приличный дом. Укрась его стены рядами бутылок, имей под рукой пару-другую мужчин, чтобы они ее трахали, и она не будет причинять тебе никаких тревог. Хотя, — добавил Нед, — я бы обеспечил ей пасущего, как выражаются в Шеффилде. Кого-нибудь достаточно сильного, чтобы убедить ее, например, не ездить в Лондон. Думаю, уют, приличная одежда, мужчины и выпивка уймут Лидию.

— Но где? Шелби я продал, нуда оттуда до Лондона слишком близко. Где-нибудь поближе отсюда? — спросил Фиц.

— Я знаю дом по ту сторону Лика. Там содержали помешанного, так что он должен подойти. А Споттисвуд подберет пасущего.

— Значит, я могу предоставить это тебе?

— Конечно, Фиц.

Огонь угасал. Фиц подложил поленьев.

— Теперь остается убедить мою жену не предоставлять ей приюта слишком надолго. Ты быстро справишься?

— Зависит от Споттисвуда. Мне на подготовку достаточно пяти дней.

Два бокала портвейна были более чем уместны.

— Повторяю, Нед, ты мой спаситель. Когда ты вошел сегодня, я был на грани повторить слова Генриха Второго о Томасе Бекете: «Неужели никто не избавит меня от этого навязчивого попа?». Замени «попа» на «бабу».

— Положение никогда не бывает таким скверным, каким кажется, Фиц.

— Ну а другая сестра?

Нед нахмурился.

— Совсем другая музыка. Сначала это было легко. Она поехала из Хартфорда в Стивенэйдж, оттуда в Биглсуэйд, Хантингдон, Стэмфорд и Грэнтем. Там она, видимо, решила отправиться на запад в Ноттингем. Я проследил ее туда и потерял ее.

— Потерял ее?

— Не тревожься, Фиц, она не может долго оставаться незамеченной, слишком уж она хороша собой. Думаю, она собиралась сесть в почтовую карету на Дерби, но карета отбыла без нее. Единственная другая карета в то утро была в Шеффилд через Мэнсфилд. Возможно, она передумала, куда ехать, и вместо Манчестера отправилась в Шеффилд.

— Ни на секунду не поверю. Шеффилд всегда был промышленным городом — шеффилдская сталь и серебряные столовые приборы. Непробиваемо.

Ухмыляясь, Нед выразительно пошевелил бровями.

— В таком случае, зная ее, вывод только один — она села не в ту карету. И, значит, объявится либо в Дерби, либо в Честерфилде.

— У тебя есть время искать ее?

— Не бойся, конечно, есть. Дом для Лидии называется «Хеммингс», и я поручу твоим поверенным заняться им. От Лика до Дерби рукой подать.

Потребовалось много времени, чтобы успокоить Лидию и убедить, что необходимо поспать. Элизабет и Хоскинс сняли с нее непристойный туалет и уложили в бронзовую ванну у камина, чтобы беспощадно вымыть ее от волос на голове до грязных пальцев на ногах. Затем в постель были положены грелки, и Хоскинс осенила блестящая мысль, хотя и не обрадовавшая Элизабет. Бутылка портвейна. Однако она дала желаемый результат. Все еще безутешно оплакивая утрату своего возлюбленного Джорджа, Лидия уснула.

К счастью, Нед уже ушел, когда Элизабет вошла в Малую библиотеку. Фиц за своим бюро наклонялся над кипой бумаг. Он поднял голову и вопросительно взглянул на нее.

— Она уснула, — сказала Элизабет, садясь.

— Непростительное вторжение в наш дом. Она заслуживает, чтобы ее высекли публично, гарпия!

— Я не хотела бы ссориться, Фиц, а потому обойдемся без порицаний. Возможно, мы всегда ошибались в оценке преданности Лидии этому ужасному человеку. То, что мы считаем его ужасным, не делает его таким в ее глазах. Она... она любит его. В течение двадцати одного года

бесшабашного поведения и легкомысленных решений ее преданность ему оставалась неизменной. Он научил ее пить, он потчевал ее телом тех, кто мог быть ему полезен, он избивал ее кулаками до бесчувствия, когда его планы рушились, и все же она его любила.

— Ее преданность сделала бы честь собаке, — сказал он едко.

— Нет, Фиц, не принижай ее. По-моему, это восхитительно.

— Не значит ли это, Элизабет, что я обходился с тобой не как следовало бы? Должен ли я был споить тебя, попотчевать тобой мистера Питта, избивать тебя до бесчувствия, когда мои планы рушились? Любила ли бы ты меня тогда более пылко, чем мои владения?

— Не говори нелепостей! Почему тебе обязательно надо обходиться со мной так, Фиц? Принижать мое сострадание? Высмеивать мое сочувствие?

— Это помогает коротать время, — сказал он саркастически. — Уповаю, ты не лелеешь надежду оставить ее здесь?

— Она должна остаться здесь!

— Тем самым препятствовать мне использовать мое поместье как ценную помощь в моей политической карьере! Вы моя жена, сударыня, это так, но из этого не следует, что вы вправе навязывать мне гостей, знаменующих светское и политическое самоубийство. Я поручил Неду найти ей дом вроде мэнора Шелби на достаточном расстоянии от нас, чтобы предотвратить всякий риск и опасности, — сказал он холодно.

— Ах, Фиц! Неужели ты всегда должен быть таким отчужденным?

— Поскольку это превосходное средство для лидера, то да.

— Только обещай мне, что если Чарли обратится к тебе с такой же просьбой, ты обойдешься с ним более мягко. В этом же нет ничего дурного.

— В таком случае рекомендую удержать его, моя дорогая Элизабет. Особенно, поскольку я начинаю надеяться, что сплетни Каролины Бингли о его... э... склонностях всего лишь плод ее горячего воображения.

— Я не терплю эту женщину! — процедила Элизабет сквозь зубы. — Она злокозненная лгунья! Никто, включая даже тебя, никогда не сомневался в наклонностях Чарли, пока она не начала нашептывать свою отраву во всякие уши — главным образом в твои! Ее доказательства — лицемерные натяжки, хотя ты и отказываешься это замечать. Она сознательно принялась чернить репутацию нашего сына по одной-единственной причине — в отместку за собственные не сбывшиеся надежды! И не то чтобы она ограничивалась в своей злобе только нами — всякий, кто смертельно ее оскорбит, станет жертвой поношений!

Его это слово позабавило.

— Ты превращаешь бедную Каролину в Медею и Медузу, спаянных

воедино. Ну, я знаю ее гораздо дольше, чем ты, и позволю себе заверить тебя, что ты ошибаешься. В характере Каролины говорить то, что ей кажется, или она услышала, но не сочинять всякую ложь. Я приглашаю ее на наши приемы, а также гостить у нас, чтобы не обидеть Чарльза, тезку нашего сына. Однако, хотя я не могу разделить твое необоснованное негодование на нее, я начинаю верить, что внешность и некоторые манеры Чарли не соответствуют его истинной натуре. Действительно, они служат магнитами для субъектов, чьи наклонности несомненны, но Нед говорит, что он твердо кладет конец их заигрываниям.

— Нед говорит! Ах Фиц, да что с тобой, если ты склонен верить этому человеку больше, чем собственной жене?

Вне себя она сквозь зубы пожелала ему спокойной ночи и ушла.

Чарли ждал в ее спальне, напропалую флиртуя с Хоскинс, которая его обожала.

— Мама! — сказал он, подходя к ней, а Хоскинс тактично ускользнула за дверь. — Ты видела папашу?

— Да, но, прошу тебя, не говорить с ним. Он уже все решил. Лидии предназначен своего рода мэнор Шелби.

К ее изумлению Чарли одобрительно кивнул.

— Папаша прав, мама. Никому еще не удавалось отлучить пьяницу от бутылки, а тетя Лидия — пьяница. Если ты оставишь ее здесь, тебя это доконает. Бедное жалкое созданище! Ну, чем Джордж Уикхем заслужил такую преданность?

— Этого мы никогда не узнаем, Чарли. Единственные люди, видящие изнанку брака, это те, кто в нем состоит.

— И это так для тебя и для папашы?

— Для ребенка, Чарли, задавать такой вопрос, это наглость.

— Прошу прощения.

— Полагаю, вы с Оуэном ничего о Мэри не узнали?

— Сегодня мы съездили в Честерфилд, на случай, если она выбрала эту дорогу. Но нет. Не видели ее и в Дерби. Завтра мы собираемся поехать в сторону Шеффилда.

— Завтра уедут Дербиширы и епископ. Ты должен быть тут, чтобы попрощаться с ними. Спикер и миссис Спикер уедут послезавтра. Продолжить поиски вы сможете только в понедельник.

— Когда Фиц женился на Элизабет, я знала, что мне предстоят кое-какие развлечения, — сказала Каролина Бингли Луизе Хэрст, — но кто бы мог поверить, что развлечения будут становиться все забавнее год от года?

Они чинно шли вдоль гигантского фасада Пемберли, повернув головы к поражающей панораме искусственного озера. Веял зефирный ветерок, ровно настолько, чтобы щекотать водную поверхность и преобразжать отражение Пемберли из зеркального в сказочный замок, сотрясаемый шагами приближающегося великана. Не то чтобы все их внимание сосредотачивалось на этой панораме. Каждая приберегала уголок своего сознания для иного зрелища — того, какое они сами являли для любого восхищенного взгляда, какой мог бы встретиться им на пути.

Хрупкую фигурку миссис Хэрст окутывал наилучший батист бледно-мятного цвета, вышитый изумрудно-зелеными веточками с шоколадной обводкой. Ее чрезмерно модная шляпка была из изумрудной соломки с шоколадными лентами. Ее короткие лайковые перчатки были изумрудными, а ее прогулочные сапожки были из шоколадной лайки. Шею украшало очень миленькое ожерелье из отшлифованных малахитовых бусин. Мисс Бингли, будучи высокой и гибкой, предпочла более броский ансамбль. Прозрачную бледно-розовую жесткую кисею поверх чехла из тафты в светло-вишневую и черную полоску; ее шляпка была из светло-вишневой соломки с черными лентами; ее короткие перчатки были из светло-вишневой лайки, а ее прогулочные полусапожки — из черной лайки. Шею украшало очень миленькое ожерелье из розовых жемчужин. Если Пемберли нуждался в подчеркивании его великолепия, он нуждался в них, были они убеждены.

— Да, кто бы? — спросила миссис Хэрст, выполняя свою обязанность. Она служила младшей сестре резонатором и не осмеливалась иметь собственные мысли. Одной Каролины было вполне достаточно для нужд семьи, две были бы абсолютно невыносимы.

— Ах, счастье присутствовать при сцене вчера вечером! И только подумать, что в этом году я чуть было не отклонила приглашение Фица в Пемберли! Эти выражения! Как смогу я передать их непристойность, не повторяя слов, которые она употребила? То есть, Луиза, есть ли респектабельные их эквиваленты?

— Я о таких не слышала. Собака женского пола — не подходит для их передачи, ведь правда?

— Мне придется поломать голову над этой проблемой, потому что, клянусь, приличия не вынудят меня промолчать.

— Я уверена, ты найдешь выход.

— Я не могу допустить, чтобы люди заблуждались, будто выражения Лидии были менее нетерпимыми, чем они были.

— Кто будет особенно шокирован? — спросила миссис Хэрст,

развивая тему.

— Миссис Драммонд-Бэрелл и княгиня Эстергази. Я буду обедать в посольстве на следующей неделе, когда вернусь в Лондон.

— В таком случае, сестрица, сомневаюсь, что тебе понадобится потчевать кого-нибудь еще. Миссис Драммонд-Бэрелл позаботится об этом за тебя.

К ним приближалась высокая мужественная фигура; дамы приостановились, не желая, чтобы движения снизили их эффектность.

— Мистер Синклер! — воскликнула мисс Бингли, жалея, что не может протянуть руку для поцелуя в отличие от Луизы; глупейший предрассудок, что незамужним леди руки целовать не полагается.

— Миссис Хэрст, мисс Бингли, как освежающе вы выглядите! Подобно двум мороженым у Гюнтера, вишневому и мятному.

— Ах, сэр, вы абсурдны! — сказала мисс Бингли с лукавством. — Я отказываюсь таять.

— Боюсь, мне неостанет ни шарма, ни обхождения, чтобы растопить вас, мисс Бингли.

Луиза безупречно подала нужную реплику.

— Вы опубликуете вчерашнее скандальное происшествие в вашей газете, сэр?

Был ли это проблеск презрения в красивых синих глазах?

— Нет, миссис Хэрст, я не так скроен. Когда моим друзьям выпадают беды и испытания, я нем. Как, — продолжал он не без вкрадчивости, — я убежден, будете и вы.

— Разумеется, — сказала Луиза.

— Разумеется, — сказала Каролина.

Мистер Синклер приготовился пойти дальше.

— Как жаль, — сказал он, — что мы не можем надеяться на всеобщее молчание.

— Крайне жаль, — сказала Луиза. — Дербиширы.

— Согласна, — сказала Каролина. — Спикер палаты общин.

И ваши собственные два гадючьих язычка, подумал Ангус, приподняв шляпу на прощание.

Ему предстояла встреча с Фицем в конюшне, но, прежде чем он дошел туда, его перехватил Чарли.

— Как насчет верховой прогулки в понедельник? — спросил Чарли. — Мы с Оуэном поскачем в Ноттингем. Лучше упакуйте сменную одежду в седельную сумку, на случай, если мы задержимся.

Ангус кивнул и пошел дальше.

Исчезновение Мэри напугало его больше, чем он позволил кому-либо заподозрить. Она была таким сочетанием укрываемой от реальной жизни наивности и педантичности, почерпнутой из вторых рук, что, подобно пушке на батарейной палубе линейного корабля, сорвавшейся с креплений, могла сорваться в любом направлении, творя невообразимый хаос. Если она соблюдала свое расписание, то ей уже следовало быть в Дербишире, так почему же ее там нет? Любовь, размышлял Ангус, это черт знает что. Вот я тут, весь в поту от тревоги, а она, вероятно, уютно устроилась в какой-нибудь гостинице в пятидесяти милях к югу и пишет обильные заметки о фермерах и зле огораживания общинных земель. Нет! Мэри скрупулезно старается быть в положенном месте в положенное время. О, любовь моя, любовь моя, где ты?

— Мистер Синклер?

Он обернулся и, увидев приближающегося Эдварда Скиннера, нахмурился. Интересный субъект в такой доверенности у Фица — этот факт был известен ему давно, но обрел весомость только во время этого визита. Возможно, из-за Мэри и Лидии? Недурного вида молодчик, если атлетичность и смуглота в вашем вкусе. Его глаза отличает та же холодная отчужденность, что и глаза Фица, однако он не в том возрасте, чтобы быть байстрюком Фица — ему же почти сорок, прикинул Ангус.

— Да, мистер Скиннер? — спросил он, воздавая Неду должное.

— Извинения мистера Дарси. Он не может вам составить компанию сегодня.

— О, как жаль! — Ангус на мгновение остановился, затем кивнул сам себе. — Ну, да ничего. Мне требуется галоп, чтобы проветрить голову, так что я поеду один. Вы не передадите мистеру Дарси, что я вернусь к обеду?

— Разумеется.

Тщетная надежда, что он сумеет сделать что-либо значимое за этот срок; был уже полдень, когда Ангус направился в Честерфилд, до которого не добрался. Его лошадь потеряла подкову, он был вынужден искать кузнеца, и за все свои невзгоды был вознагражден головной болью, потому что на обратном пути заходящее солнце светило ему прямо в лицо.

— Я знаю, вы озабочены из-за миссис Уикхем, — сказал он Элизабет перед обедом, — но меня больше тревожит Мэри. Мне еще не встречался никто настолько педантичный, настолько преданный соблюдению расписаний и пунктов плана, нежели Мэри, однако она исчезла, хотя и сообщила мне, где и в какое время она намерена быть.

— Думаю, вы слишком сосредоточились на этом, Ангус. — сказала Элизабет, действительно поглощенная жуткими мыслями о Лидии. —

Дайте Мэри еще два-три дня, и она появится из своего потайного убежища, понятия не имея, что вызвала подобную тревогу. Она, знаете ли, всегда была такой. Ее педантичность обычно обращена на всякие пустяки, а ее озабоченность на расписаниях хода событий практичностью не отличалась. Жизнь всегда готовила ей сюрпризы, как бы она ни тщила упорядочить ее и оградиться от внезапностей.

— Вы совсем ее не знаете! — сказал он изумленно.

Она покраснела, рассерженная его реакцией.

— Она моя сестра, сэр. Я ее знаю, и лучше, чем вы.

Он поднял брови, предоставив им без слов ответить, что не согласен с ней, но Парменстер, провозгласивший, что кушать подано, спас их от серьезной ссоры.

В понедельник Ангус, Чарли и Оуэн отправились в Ноттингем в начале восьмого, полные решимости установить, видели ли там Мэри. Логичная остановка на пути из Хартфорда в Манчестер, учитывая маршруты почтовых карет. Если Хаклстеп, старший конюх, удивился, когда они предпочли крепких выносливых коней резвым скакунам, на которых обычно ездил Чарли, удивление свое он подобающе скрыл. Смущенный тем, что в прошлый раз лошадь мистера Синклера потеряла подкову, он принял все меры, чтобы это не повторилось.

От Пемберли до Ноттингема было примерно пятьдесят миль; не гоня коней, они надеялись добраться туда через четыре-пять часов, не переутомив их, хотя сказал Чарли:

— Я предупредил маму, что мы можем и не вернуться вечером. Мы идем по горячему следу дурнопрославленного Ноттингемского Шерифа дней Робин Гуда и можем потратить день на расспросы старожилов.

— Чему они учат в Оксфорде? — требовательно спросил Ангус у Оуэна.

— Мифам, легендам и прочим пустопорожностям. А в Эдинбурге разве не так?

— Очень чинно, очень приземленно. А в Ноттингеме есть приличная гостиница?

— «Черный кот», — ответил Чарли, досконально знавший края к северу от Бирмингема.

Лошади не подвели их: в Ноттингем они добрались к полудню, позавтракали в «Черном коте» и пошли пешком на почтовую станцию.

Наконец-то новости!

— Да, джентльмены, я помню эту леди, — сказал мистер Хупер,

ноттингемский управляющий почтовой компании. — Она прибыла из Грэнтема в прошлый четверг, крайне прискорбная поездка, как я понял. Внутри с ней ехали пятеро мужланов, и могу только вообразить, каково ей пришлось! Когда грэнтемская карета прибыла, я был занят, но я здесь слежу за порядком, а от таких пассажиров добра не жди — те, что на империале, были пьяны и давали волю рукам. Собственно говоря, я рассчитал Джима Пикетта, кучера, зато, что он допустил такие безобразия. Бросить сумки леди в навозную кучу! Трудно найти непьющего кучера, а Джим выпивал. Ну, у меня он больше не служит.

Трое слушали с возрастающим ужасом, но, когда Чарли был готов прервать эти излияния, Ангус наступил ему на ногу.

— Ну, леди не пожелала разговаривать с этими мужланами, — продолжал мистер Хупер, не переводя дыхания, — а потому они с ней поквитались по-своему. Сделали ей подножку, когда она выходила — прямо в жижу она упала, бедная леди! Чуть духа не лишилась. Пальто и платье совсем намокли — конской мочой. Мне сказали, какой-то мужчина помог ей встать, почистил ее. Ну, да жижу так просто не очистить. Ее ретикюль отлетел в сторону, но она получила его назад, а этот мужчина к тому же положил в него ее золотые гиней. Я только увидел ее, когда она выходила со двора в самом непотребном виде.

Лицо Чарли искажало страдание, он сглотнул, ухватившись за рукав Оуэна.

— Подлецы! — вскричал он почти в слезах. — Я... я поверить не могу! Пятеро мужчин издеваются над беспомощной женщиной в общественной карете! Погодите, когда об этом услышит мой отец! Поплатятся самые высшие до самых низших.

Выражение крайне дурного предчувствия на лице мистера Хупера не сулило ничего обнадеживающего для дальнейших расследований. Ангус вновь наступил Чарли на ногу.

— И больше вы ее не видели, сэр?

— Нет. Она вернулась в семь на следующее утро. Я опять был занят. Я всегда занят. Лондон не обеспечивает меня необходимой помощью, но требует, чтобы все работало как часы. Да только куда там! — Он секунду покипел, затем вернулся к своему рассказу: — Две кареты. Одна на Дерби, другая на Шеффилд. Леди села в шеффилдскую и укатила. Выглядела подбодрившейся, это так. Без пальто, в новом платье, но большого толку от него не было. Лен сказал мне, что от нее так и разило конской мочой. Все же, сэр, в ретикюле у нее было золото. Думается, с ней все будет в порядке.

У Чарли вырвался стон.

— Шеффилд! Ах, Мэри, почему Шеффилд?

— Что-то должно было завлечь ее туда, — пытаюсь увидеть светлую сторону, сказал Оуэн. — Какая-нибудь фабрика, про которую она слышала?

— Значит, завтра в Шеффилд, — сказал Ангус со вздохом. Он опустил гинею в руку управляющего. — Благодарю вас, сэр, вы нам очень помогли.

С округлившимися от взгляда на монету глазами мистер Хупер зажал ее в кулаке; к тому времени, когда он перевел дух, джентльмены, такие щеголи, зашагали прочь.

— Э-эк! — крикнул он, гинея волшебным образом подействовала на его память. — Вы не хотите узнать остальное, почтенные господа?

Они остановились.

— Остальное? — это сказал Ангус.

— Да, остальное. Мне мой кучер рассказал вчера. Леди сошла в Мэнсфилде. Оказывается, она думала, что села в карету на Дерби, а не в шеффилдскую. Мой кучер взял с нее плату от Ноттингема до Мэнсфилда, шесть пенсов, и отправился дальше в Шеффилд без нее. Напоследок он увидел, как она шла к «Брату Таку», чтоб узнать, не подвезет ли ее кто до Честерфилда.

Разбогатец еще на одну гинею, мистер Хупер нашел, что еще сказать им только, когда они уже давно ушли. Так возгорелся он от предвкушения еще одной гинеи, что тотчас зарысил: к «Черному коту», чтобы поделиться своим последним воспоминанием. Слишком поздно! Три джентльмена уже отбыли.

Ну, да это никакая не важность, сказал он себе. Просто странновато, что про одну и ту же леди дважды наводились справки в течение трех дней. В прошлую субботу широкоплечий такой, угрюмый черный верзила. Совсем солнце заслонил. И на гинеи не расщедрился — мерой его щедрости был шиллинг — шиллинг, а он ведь тутошний управляющий!

В результате у мистера Хупера возникли собственные вопросы: кто такая эта леди, почему в ретикюле у нее было золото, кто такие джентльмены, ее разыскивающие, почему они наводили справки по раздельности и кто такой папаша смазливый молодой человек?

Они немедленно поехали в Мэнсфилд — Чарли решил, что их лошади достаточно отдохнули и выдержат еще пятнадцать миль. Ангус и Оуэн признавали осведомленность Чарли во всем, что касалось лошадей. Оуэн был сыном фермера, однако о возможностях породистых коней понятия он имел не более, чем Ангус.

В шесть часов вечера они спешили во дворе «Брата Така» и согласились, что дальше до утра никуда не поедут.

Когда они вошли в гостиницу, ее владелец выжидательно устремился к ним.

— Три ваши лучшие спальни, хозяин, — сказал Ангус, у которого ныли все кости. Лондонская жизнь, подпираемая элегантными каретами, не готовила к тому, чтобы весь день рысать по деревенским дорогам с Чарли Дарси. Задница у него была совсем отбита, но сесть он все-таки мог, что и сделал со вздохом удовлетворения.

— Для эля поздновато... Хозяин, ваше лучшее вино!

— Спросите его, спросите его, спросите его, — бормотал Чарли.

— В свое время. Сперва промочим наши горлышки.

— Господи, ну и устал же я, — сказал Оуэн.

— Хныкалки вы оба. — Чарли нахмурился и смолк.

Погреб «Брата Така» извергли превосходный кларет; осушив две бутылки, они разошлись по своим комнатам почиститься. На кухне миссис Битти под мольбы мистера Битти стряпала «недурненький ужин», как она выразилась.

Воздав должное «недурненькому ужину», Ангус наконец заговорил на тему Мэри.

— Мы ищем одну леди, — сказал он хозяину. — Мы полагаем, что она приехала сюда в шеффилдской почтовой карете в прошлую пятницу, видимо, думая, что едет в Дерби. Услышав про свою оплошность, она сошла тут, вероятно, чтобы выяснить, как ей добраться до Честерфилда. Вы ее видели?

— Нет, сэр, не видел.

— Я полагал, что почтовая карста на Шеффилд останавливается здесь?

— Да. Но меня-то тут не было, сэр. Я навещал сына в Клипстоуне и домой вернулся много позднее отбытия кареты в Шеффилд. Она же тут не стоит, а только высаживает пассажиров и берет новых.

— И даже лошадей не меняет?

— Нет, сэр. Только в Плизли, в двух милях отсюда. Другой мой сын держит там «Короля Иоанна», вот мы и поделились: у него лошадей меняют кареты, едущие на север, а у меня, которые на юг.

— А у вашего сына в Клипстоуне есть гостиница? — спросил Оуэн, замороженный таким разгулом nepoтизма.

— Да, сэр. «Веселые молодцы».

Вид у Чарли был такой, будто наступил конец света.

— Если, хозяин, вы ее не видели, так, может быть, кто-нибудь еще? —

спросил он резко.

— Могу спросить у жены, сэр.

— Будьте так добры.

— А постоянного двора «Робин Гуд» в вашей семье нет? — осведомился Оуэн, когда за миссис Битти послали.

— Прямо разительно, что вы про это знаете, сэр! «Робин Гуд» принадлежит моему сыну Уиллу в Эдвинстоу, а «Львиное Сердце» моему сыну Джону в Оллертоне. Да только это таверна, а не гостиница.

Миссис Битти вплыла в комнату в ожидании похвал за свой ужин, решая про себя, понравилась ли им жареная оленина или тушеная говядина, искусно сдобренная шалфеем и почками ягненка? Однако лица вкусивших ее стряпню, обнаружила она, не были лицами джентльменов, чьи мысли заняты яствами. Точнее сказать, все трое выглядели сурово. Она напряглась: какой-то инстинкт шепнул ей, что ее ожидают неприятности.

— Матильда, с шеффилдской кареты в пятницу сошла какая-нибудь леди?

— А, эта! — Миссис Битти презрительно фыркнула. — Я бы назвала ее «женщиной»: потому как никакая она не леди.

Чарли вскрикнул. Ступня Ангуса нажала на пальцы его ноги, уже посинелые.

— Что с ней случилось, сударыня? — спросил Ангус со сжавшимся сердцем.

— Я отправила ее куда подальше, вот что! Она воняла! Пачкала мой вымытый пол, а он еще не просохнул! Тебе тут не место, сказала я ей, и выпроводила за порог.

— Вы знаете, куда она пошла? — спросил Ангус, сглатывая гнев, не менее жгучий, чем гнев Чарли.

— Да ей надо было в Честерфилд, только допрежь ей комната требовалась. Ну, я и направила ее в «Зеленого человека».

— Ох, Матильда! — вскричал мистер Битти в ужасе. — Она же ЛЕДИ! Наши гости ее разыскивают.

— Так найдут в «Зеленом человеке», не то в Честерфилде, — сказала нераскаянная миссис Битти. — Мне она леди не показалась. Выглядела грязной чумичкой. И слишком смазливой для своей пользы.

— Чарли, придержи язык! — рявкнул Ангус. — Значит, утром отправляемся в «Зеленого человека». Приготовьте ранний завтрак.

— Я бы воздержался, — сказал мистер Битти.

— От чего воздержались бы?

— Да посещать «Зеленого человека». Это притон преступников. Все

злодеи и воры по обе стороны Пеннин толкнутся там. Как и разбойник с большой дороги Капитан Гром. — Он накинулся на жену. — Вот почему, Матильда, я позволю себе сказать, что ты негодная и злая баба, раз послала леди в «Зеленого человека». Ты все время бурчишь про Бога и даже не позволяешь своим дочкам танцевать, но, помяни мое слово, Бог покарает тебя за такое немилосердие. Методисты! Препятствуешь дочерям найти мужей не вашей церкви, а более жалких молодых парней, как тамошние, я не видывал! Ну, этот случай — последняя соломинка! Мои дочери выйдут за таких, которые любят выпить и потанцевать!

Признав сдержанность лучшей частью доблести, Ангус зевнул так, что на глаза ему навернулись слезы, и отправил Чарли с Оуэном спать, прежде чем успела разразиться семейная буря.

— Нет смысла терзаться, Чарли, — были его последние слова в адрес негодующего юноши. — Мы отправимся с утра пораньше, так что поспи хоть немного.

— Хорошо хоть, что я захватил пистолеты, — сказал Чарли, и его глаза заблестели. — Если «Зеленый человек» наполовину так злачен, как говорит хозяин, парочка тьякалок нам пригодится.

— Меня это порадовало бы, будь я уверен, что ты умеешь стрелять.

— Я припечатываю облатку с двадцати шагов. Тут папаша считает, что на ринге я рохля, но он слишком часто видел, как я стреляю, чтобы порицать мое владение пистолетом. Собственно, он заказал Мантону пару специально для меня.

Личина твердости спала с Ангуса, едва он оказался в надежной уединенности своей комнаты; не чувствуя никакой боли, он с изумлением обнаружил, что его ногти вонзились в ладони, до того крепко он сжимал кулаки. О Мэри, Мэри! Прогнанная, будто уличная шлюха, тупой ханжой вроде миссис Битти! Грязная после своего падения... Где бы она ни остановилась в Ноттингеме, ванны там не было, возможно, даже и горячей воды. Ну, без сомнения, ноттингемские гостиницы тоже битком набиты своими миссис Битти. У него были все основания верить, что запугать Мэри никому не под силу, даже шайке разбойников, но это не умаляло его тревоги.

Настроение, которое мистер Битти не улучшил, когда несколько минут спустя постучался в дверь Ангуса.

— Да, сэр? — досадливо спросил Ангус, облаченный в ночную рубашку.

— Прошу прощения, мистер Синклер, да только я рассудил, что вы тут главный, а откладывать до завтра не хотел. С утра должна приехать

компания ознакомиться с Шервудским лесом, и у меня может не быть времени.

— Так что вы хотите сказать? — спросил Ангус со страхом.

— Моя жена сказала мне, что в полдень в прошлую пятницу, когда прибыла шеффилдская почтовая карета, тут рыскал Капитан Гром. Ну, в оправдание ей, она перепугалась и только и думала, как бы задвинуть засов на двери. Хотя почему она конюхов не позвала, я понятия не имею. — Он почесал в затылке, сдвинув парик. — Когда карета поехала на север в Плизли, она потихоньку выглянула наружу, и, глядь, ваша леди идет по дороге на «Зеленого человека», а Капитан Гром идет за ней следом, только на расстоянии. Кажется, грязь грязью, а выглядела леди очень красивой, потому-то моя жена по своему нраву и пришла к ошибочному выводу. Так что конюхов не позвала, а задвинула засов.

— Понимаю, — сказал Ангус сдержанно. — Что вы можете мне рассказать про этого Капитана Грома?

— Да ничего хорошего, это уж так. Его все боятся, и не без причин. Поговаривают, что он убийца, хоть я и не слышал, чтоб он убил кого-то, кого грабил. Одному храброму старикану прострелил плечо, только тот жив остался.

— Так кого же он убивает, мистер Битти?

— По слухам, так женщин. «Зеленый человек» — это бардак, а не только гостиница, и за Капитаном Громом первая проба новеньких потаскушек. Ну, если какая зафордыбачит, так, говорят, он ее убивает.

— Благодарю вас. — Ангус закрыл дверь.

В эту ночь он не заснул.

Когда он вошел в залу завтракать, то все еще не знал, в какой мере поделиться с Чарли и Оуэном услышанным от мистера Битти. Но, увидев их свежие отдохнувшие лица, он решил вообще ничего не говорить. Если Чарли поедет дальше на взводе, их трудности удесятятся. Однако следовало удостовериться, что пара мантоновских пистолетов будет наготове.

— Я не хочу показаться излишне пессимистичным, — сказал он во дворе конюшни «Брата Така» под шум распрягания нескольких экипажей, доставивших любителей достопримечательностей, — но ты зарядил свои пистолеты, Чарли? Кстати, где они? Ты сможешь достать их быстро, если понадобится?

Ухмыляясь, Чарли приподнял одну седельную сумку, открыв изящный с серебряной рукояткой пистолет, прекрасное огнестрельное оружие десяти

дюймов в длину.

— А второй в кобуре. Оба заряжены и почти готовы к выстрелу. Подними пластину с полки, взведи курок и нажми на собачку. Могу поручиться, осечки не будет — Мантон второсортных пистолетов не делает.

— Отлично, — сказал Ангус, виновато улыбаясь. — Ты стоишь побольше, Чарли, чем кажется на первый взгляд.

— Не побоюсь подбросить и мое сердце.

— Давайте выберемся из этого хаоса.

Когда Ангус перевел своего чалого на рысь, Оуэн остановил его.

— Раз до «Зеленого человека» всего миля, не лучше ли, чтобы лошади шли шагом? Нам следует поискать какие-нибудь свидетельства, что Мэри проходила тут.

Признав разумность этого предложения, Ангус придержал коня, и они разделились, чтобы охватить всю ширину дороги — Ангус в середине, Оуэн у края правой канавы, Чарли у левой. Лесная чащоба по обеим сторонам раздражала их: на лошади туда не въехать, чтобы осмотреться.

Примерно в полумиле от «Брата Така» Оуэн завопил:

— Эгей! Что-то есть!

Он спрыгнул с седла и соскочил в канаву, пошарил руками в бурьяне, задушившем траву, и выбрался на дорогу, держа козую сумку. Ангус открыл ее, ничуть не смущенный плохонькой женской нижней одеждой, под которой лежал молитвенник. На форзаце было каллиграфически написано ее имя. От всего содержимого сумки разило конскими экскрементами; он вспомнил, как мистер Хупер сказал, что кучер швырнул ее сумки в кучу навоза. Бедная, бедная Мэри! Вооруженная для борьбы с несправедливостями мира, не грезя, что сама может стать их жертвой.

— Ну, это ответ на один вопрос, — сказал он. И швырнул сумку назад в канаву, а молитвенник отправился в его седельную сумку. — Везти с собой содержимое смысла нет — мы купим ей гораздо лучшее в ближайшей галантерейной лавке.

— О Господи, негодяй, видимо, напал на нее, — сказал Чарли, смигивая слезы. — Я вырву ему кишки!

— Тебе придется поделить их со мной, — сказал Оуэн.

Никаких следов второй сумки они не обнаружили, но ее простой черный ретикюль лежал на дороге в том месте, где за поворотом открылся вид на «Зеленого человека».

— Пустой, — сказал Ангус. — Однако мы захватим его в качестве

улики вопреки аромату. Видите? Она вышила свое имя на подкладке. Черным по черному — зрение у нее должно быть великолепным.

Возможно, потому, что час был еще ранний, а преступники по традиции спят до полудня, а то и позже, «Зеленый человек» выглядел на редкость мирно. Он уютно поместился на прогалине, где все деревья были вырублены, и имел своего рода конюшню в конце подъездной дороги по одну сторону и ветхие сараюшки — по другую, хранившие всякую всячину от дров до бочек и ящиков. Само здание было обширным, крыто соломой и наполовину бревенчатым; «Зеленый человек» пребывал тут по меньшей мере два века. Куры и утки склевывали что-то с земли перед входной дверью.

Никто не посмотрел сквозь частые переплеты окон, пока они подъезжали; совершенно очевидно «Зеленый человек» не привлекал клиентов до полудня.

— Я войду один, — сказал Ангус, собираясь спешиться.

— Нет, Ангус, пойду я, — властно заявил Чарли. — Я уступаю вам первенство в цивилизованных заведениях, но это мои края, и я знаю, что тут требуется. — Он сдернул пластинку с пороховой полки одного пистолета, проверил, что пороха на полке достаточно, засунул пистолет горизонтально за пояс брюк, после чего бережно взвел курок. — Ангус, возьмите второй пистолет и стойте на страже. Пластинка поднята, но курок не взведен.

Ангус в ужасе наблюдал беззаботность, с какой юноша двигался с готовым к выстрелу пистолетом и к тому же скрыв его под плащом. Поскользнется, споткнется и превратится в моцартовского castrato^[6]. Как, значит, привычен он к пистолетам! Сам Ангус старательно держал пистолет горизонтально, а курка не взвел.

Когда Чарли входил в дверь, ему пришлось наклонить голову, и он заморгал от удивления. За год он вырос на несколько дюймов!

— Э-эй! — крикнул он. — Кто-нибудь дома?

Донесся шорох движения, затем перестук деревянных подошв, излюбленной северной обуви.

При виде Чарли появившийся мерзкого вида субъект остановился как вкопанный, хмурясь на дорогой костюм и очень красивое лицо.

— Да, мальчик-красавчик? Заблудился, а? — Он попытался улыбнуться и обнажил гнилые зубы любителя рома.

— Нет, я не заблудился. Я и два моих спутника ищем леди по имени мисс Мэри Беннет, и у нас есть причины полагать, что некий Капитан Гром — такое страшное имя! — напал на нее на полпути между «Братом Таким»

и этим заведением.

— Тут никаких леди нет, — ответил субъект.

— А Капитана Грома не найдется?

— Никогда про такого не слышал.

— Люди вокруг говорят другое. Будьте добры, позовите его, хозяин, если вы тут хозяин.

— Хозяин-то я хозяин, да только никакого Капитана Грома я не знаю. — Его рука подкрадывалась к топору.

Открылся пистолет Чарли, абсолютно горизонтальный.

— Не затрудняйся такими штучками, будь добр! Я единственный сын мистера Фицуильяма Дарси из Пемберли, а леди, которую я ищу, моя тетка.

Одного упоминания «Дарси» и «Пемберли» оказалось достаточно, чтобы рука хозяина повисла вдоль его бока, будто перебитая. Он заныл:

— Сэр, сэр, вы ошибаетесь. Это респектабельное заведение, и никаких дел с разбойниками у меня нет! Клянусь вам, мистер Дарси, сэр, я никогда про вашу тетеньку слыхом не слыхивал!

— Я бы скорее поверил тебе, если бы ты признался, что все-таки знаешь Капитана Грома.

— Это как сказать, мистер Дарси, сэр, это как сказать. Мне он известен, как повсюду в наших местах. Он нас запугивает! Но, клянусь, никакой леди он сюда не приводил! Никакой женщины вообще, дражайший сэр!

— Где я могу найти Капитана Грома?

— Говорят, у него есть дом где-то в лесах, но я не знаю где, сэр, честное слово. Клянусь!

— Ну, так когда в следующий раз увидишь Капитана Грома, можешь передать ему весточку от Дарси из Пемберли. Что его гнусной карьере пришел конец. Мой отец затравит его — от Лэндс-Энда до Джон-о-Гротса, если понадобится. Его повесят, и, хуже того, он будет висеть, пока не сгниет на виселице.

Чарли повернулся на каблуках и ушел, все еще держа пистолет. При виде него Ангус расслабился от облегчения: похоже было, что шалопай и правда знает, как обходиться с ноттингемширскими негодьями. Тревога за тетюшку оттачивала его в мужчину, каким должен был бы стать его отец и не стал. Железная сила Фица чувствовалась в Чарли, но без холодности. До чего же слеп Фиц, если не видит, что скрыто в его сыне!

— Ничего, — сухо сказал Чарли, садясь в седло. — Сомневаюсь, что Мэри вообще приводили сюда. Негодяй хозяин, рискну предположить, очень хорошо знает Капитана Грома, но к его делам не приобщен. Если бы

он был их соучастником, то имел бы право по крайней мере на четверть добычи, а Капитан для этого слишком хитер.

— Ну, так мы в Честерфилд?

— Да. Ни к кому из официальных лиц я обращаться не стану — предпочту натравить моего отца на слизняков-констеблей от Ноттингема до Лика, до Дерби и Честерфилда. Если ничего другого из этого не выйдет, карьере Капитана Грома, во всяком случае, пришел конец.

— Я вам не сказал, — признался Ангус, — что, по словам мистера Битти, его жена видела, как Капитан Гром рыскал там в полдень той пятницы. И пошел следом за Мэри в сторону «Зеленого человека». Значит, он знал, что у нее есть гиней, бери — не хочу, однако, видимо, это знали все на ноттингемской почтовой станции. Либо Капитан был там, когда Мэри упала, либо ему сообщил платный осведомитель. Окрестные леса как нельзя лучше подходили для его цели.

— Миссис Битти заслужила дозу ее собственных библейских воздаяний. Да съедят ее черви! — яростно буркнул Оуэн.

— Согласен, — сказал Ангус умиротворяюще, — но чувства не помогут нам отыскать Мэри. Я заставлю Фица отправить констеблей в «Зеленого человека» с распоряжением арестовать там всех и вся, но, как и ты, Чарли, я не думаю, что Мэри побывала там. Капитан не желал ни с кем делиться добычей или сведениями о том, что он сделал.

Оуэн слушал с возрастающим ужасом.

— О! Значит ли это, что ее нет в живых? — вырвалось у него.

Его вопрос надолго повис без ответа, прежде чем Ангус вздохнул.

— Мы должны молиться, что она жива, Оуэн. Я не представляю, чтобы Мэри позволила убить себя без колоссального сопротивления, и я имею в виду не физическое. Она попыталась бы убедить злодея, что она слишком значительна, чтобы ее убийство осталось безнаказанным.

По щекам Чарли катились слезы.

— Как именно можем мы обыскивать леса в ее поисках, Чарли? — спросил Ангус, чтобы юноше было чем занять свои мысли.

Ладонь смахнула слезы.

— Сперва мы поедem в Пемберли, — сказал он. — Мой отец будет знать, с чего начать.

Даже учитывая ночную поездку в Шеффилд, Нед Скиннер опередил их на двое суток. Пока Чарли (а значит, и Ангус с Оуэном) болтались без дела в ожидании отбытия Дербиширов и спикера палаты общин, он отправился из Шеффилда в Ноттингем. Его подход был иным. Если и

Ангус, и Чарли были склонны обращаться за информацией к представителям верхних эшелонов власти, Нед был умнее. А потому, добравшись до грузового склада и станции почтовых карет в Ноттингеме, он лишь кратко поговорил с мистером Хупером, а затем разыскал конюха, который своими глазами видел, как все происходило. Выяснилось, что именно к нему Мэри обратилась в попытке выяснить, какая из карет отправляется в Дерби. Без малейшего удивления Нед выяснил, что парень злокозненно указал ей не на ту карету, видя в этом ту еще шутку.

— Придет день, — сказал Нед, нависая над конюхом, — и я обеспечу, чтобы ты получил по заслугам, безмозглый ты олух. Бедная леди заслуживала самой нежной заботы — благородная женщина, вышвырнутая в мир. Не торопись я, ты получил бы свою взбучку прямо сейчас.

Отчаянно стараясь спасти свою шкуру, конюх выложил прямо-таки жемчужину, про которую никому не упоминал, даже мистеру Хуперу.

— Я знаю, кто ее поднял, когда она шлепнулась в лошадиную мочу, — сказал он.

Нед наклонился над ним даже еще более грозно.

— Кто?

— Разбойник с большой дороги. Капитан Гром евонная кликуха, а по-настоящему его звать Мартин Перлинг. У него дом, запрятанный в лесу.

— Мне нужно знать направление. Говори, жалкий ты ком инерции.

Жалкий ком инерции забормотал до того невнятно, что должен был повторять собственные слова по несколько раз.

Так, и что мне делать, размышлял Нед на обратном пути в «Черного кота». Разбойник с большой дороги возвращает ей ее гинеи. Почему? Ответ прост: он не мог ограбить ее в Ноттингеме. Затем на следующее утро она садится не в ту карету, но, бьюсь об заклад, он последовал бы за ней, в какую карету она ни села бы. Девятнадцать гиней, сказал конюх — мисс Мэри Беннет, вы дура! Капитан Гром убил бы вас и за четверть такой суммы!

Выслеживать дичь в этот день было поздновато, но на следующее утро Нед уже рысил на своем любимом могучем вороном Юпитере.

Более или менее представляя, где расположена обитель мистера Мартина Перлинга, в Мэнсфилд или к «Брату Таку» он не поехал, хотя и выбрал примерно то направление. Изрытая колеями узкая дорога, им выбранная, внезапно оборвалась, перегороженная стеной колючего кустарника. Но Нед был подготовлен. Спешившись, он нашел место, где длинные шипастые плети росли с одной стороны дороги, смыкаясь с растущими по другую. Разделить их не составило трудности для такого

силача. Миновав проем, он вернул плети куманики на их прежнее место — пока еще не время предупредить о своем появлении.

Через четыре часа после расставания с «Черным котом», куманикой и прочим он увидел тайный приют Капитана Грома. Вот уж приют, так приют! Уютный коттедж на расчистке, будто картинка в детской сказке. Крытый соломой, с выбеленными стенами, окруженный прекрасным садом, полным цветов начала лета, он был настолько не похож на традиционные представления о разбойничьем логове, что наткнувшиеся на него только полюбовались бы им и поехали дальше. На заднем дворе конюшня, аккуратный навес для дров и нужник; бельевая веревка, хлопающая рубашками и простынями, кальсонами и молескиновыми брюками, указывала на заботливую жену... Почему, собственно, он решил, будто мистер Мартин Перлинг будет жить один? Очевидно, это не так. Усложнение, но не непреодолимое.

Едва Юпитер остановился перед штакетником, как из дома вышла женщина. Что за красавица! Черные волосы, матовая кожа, яркие синие глаза, затененные черными ресницами и бровями. Нед испытал приступ сожаления при виде ее длинных ног, тонкой талии, пышной груди. Да, редкая красавица. Нет, не потаскушка, напрашивающаяся быть убитой. Совсем, как Мэри Беннет, порядочная женщина, несущая проклятие красоты.

— Вы сбились с дороги, сэр, — сказала она с выговором лондонской бедноты, одобрительно оглядывая Юпитера.

— Если это дом мистера Мартина Перлинга, то нет.

— Ох! — вскрикнула она. — Его тут нет.

— Вы знаете, когда он вернется?

— К чаю, сказал он. Еще не скоро.

Нед спрыгнул с седла, привязал поводья к столбу ворот, ослабил подпругу Юпитера и последовал за девушкой — она больше походила на девушку, чем на женщину — по мощеной дорожке к входной двери.

Тут она повернулась к нему.

— Мне вас впустить нельзя, ему это не понравится.

— Могу понять почему.

С неожиданной стремительностью он стиснул левой рукой оба ее запястья, правой зажал ей рот и втолкнул в дверь.

В кухне нашлась бечевка, чтобы временно ее связать, и длинная узкая тряпка для ее рта; чудесные глаза над кляпом в ужасе уставились на него; ей и в голову не приходило, что кто-нибудь посмеет посягнуть на собственность Капитана Грома.

— Теперь слушай, — сказал он спокойным ровным голосом. — Я вынул кляп, но не визжи и не кричи, не то я тебя убью. — Он вынул из кармана нож.

Она энергично закивала, и он вытащил кляп.

— Кто ты? — спросил он.

— Жена Мартина.

— Законная или гражданская?

— Чего?

— Вы венчались?

— Нет, сэр.

— У тебя есть родственники в этих местах?

— Нет, сэр. Я из Тилбери.

— Как ты попала сюда?

— Мартин меня купил. Меня отправляли на Берберийский берег.

— Рабыня, э?

— Да, сэр.

— И давно ты здесь?

— С год.

— В городе бываешь? В деревне?

— Нет, сэр. Мартин бывает. Но только в Шеффилде.

— Так что никто не знает, что ты тут?

— Нет, сэр.

— И ты благодарна Мартину, что он спас тебя от рабства?

— О да, сэр.

Узнав все, что ему требовалось, он снова засунул кляп ей в рот, затем вышел во двор поискать что-нибудь менее жестокое, чем бечевка, и обнаружил тонкую веревку. Идеально. Бедняжка. Ее красота была такой, что выделяла ее в приморской деревне вроде Тилбери. Несомненно, ее родители, накачанные джином, продали ее за деньги, достаточные, чтобы удовлетворить их пристрастие к спиртному месяцы и месяцы. Если бы она попала в лапы берберийских пиратов, то, в конце концов, оказалась бы в гареме какого-нибудь оттоманского турка, чтобы чахнуть там от ностальгии и порабощения, совсем не похожего на что-либо в Англии. Бедняжка. Мне противно делать это, но я должен. Ради Фица, если не по другим причинам. Никаких свободно болтающих языков даже самого низкого происхождения.

На этот раз он связал ее так компетентно, что она не могла шевельнуться, сунул ей в рот картофелину, как кляп, и предоставил ей наблюдать встречу между ее Мартином и этим незнакомцем.

Мартин Перлинг вернулся вскоре после трех, весело насвистывая.

Своего коня, именно такого, какой требовался разбойнику с большой дороги, он завел в конюшню и почистил скребницей, а затем направился по тропке к черному ходу, окликая ее:

— Нелли! Нелли, милая! Чей это вороной мерин? Надеюсь, он согласится расстаться с ним, уж очень он мне нравится. Покроет сотню миль с тяжелым всадником в седле, это уж как пить дать.

— Вороной жеребец мой. — Нед возник на пороге, целясь из пистолета в сердце Капитана Грома.

— Кто ты? — спросил Перлинг без всякого страха.

— Немезида. — Левая рука Неда взвилась, сжимая колбаску с песком, и опустила ее на загривок Капитана. Он упал, всего лишь оглушенный, но этого было достаточно, чтобы Нед успел связать его по рукам и ногам. Затем он его поднял, будто тот ничего не весил, отнес в гостиную и швырнул в кресло на некотором расстоянии от Нелли. Очнувшись, Перлинг для начала увидел ее лицо и задержался, безуспешно пытаясь высвободиться.

— Кто ты? — повторил он. — Взглянув на этого коня, я было подумал, что ты мой собрат, рыцарь с большой дороги, но это не так, верно?

— Да.

— Подло так обойтись с Нелли.

— Вполне возможно, мистер Перлинг, что два дня назад вы обошлись куда хуже с куда более достойной леди, чем ваша шлюшка.

Случившееся прояснилось. Капитан Гром медленно кивнул, получив ответ на все свои вопросы.

— Значит, мой инстинкт меня не подвел. Она из знатной семьи.

— Рад услышать, что вы не употребили прошедшего времени.

Но темные глаза Капитана наполнились страхом. Он-то помнил, как обошелся с ней.

— Конечно, я пользуюсь настоящим временем! Я не убийца женщин, сэр!

— В Ноттингеме говорят иное.

— Сплетни! Тракты и проселки Дербишира, Чешира и Ноттингемшира мои, и только мои. Вот уже почти пятнадцать лет. Достаточно времени, чтобы вокруг Капитана Грома сплелись небылицы. Ну, так сплетни эти лживы, сэр! И кто вы?

— Я Эдвард Скиннер, человек Дарси из Пемберли. Леди, которую ты ограбил на девятнадцать гиней, его свояченица.

Дыхание с шипением вырвалось сквозь зубы Капитана, его лицо пошло красными пятнами. Он застучал связанными ногами об пол.

— Так какого черта она ехала в почтовой карете? Как человеку отличать овец от козлиц, если те, у кого есть свои кареты, повадятся ездить в почтовых? И поделом ей, глупой телке!

— У вас скверный нрав, Капитан. Удивляюсь, как это вас не изловили за пятнадцать лет, хотя такое убежище должно было помогать. Что ты сделал с мисс Беннет?

— Оставил ее в лесу. Дорогу она найдет.

— Сегодня воскресенье. А произошло это в пятницу до полудня. Но ее никто не видел, Капитан, полагаю потому, что дороги она не нашла. Как вы позаботились. Бьюсь об заклад, вы бросили ее в лесной чаще в миле от дороги, неизвестно ей в какой стороне. Ты причинил ей вред, когда забирал ее деньги?

Капитан испустил горький смешок.

— Я ей? Да поглядите, что она причинила мне! — Поскольку указать он не мог, то лишь помотал головой. — Эта женщина сам дьявол! Набросилась на меня, будто терьер на крысу. Придушить ее не вышло! Пришлось оглоушить.

— Где ты ее бросил?

— В пяти милях отсюда на северной стороне дороги в Мэнсфилд. Если заглянете в мой левый карман, то найдете все девятнадцать ее гиней. Забирайте их. Мне они принесли только невезение.

— Оставь себе.

Нед уже приготовил пистолет для выстрела, но не затруднился опустить пластинку, чтобы загородить порох на полке. Он просто взвел курок, подошел к девушке, прижал дуло к ее голове и разнес ее череп вдребезги. Произошло это столь стремительно, что тонкий вопль горя вырвался у Капитана не сразу. Положив разряженный пистолет на стол, Нед достал второй из другого кармана, насыпал несколько крупиц пороха на полку, взвел курок, спустил его и выстрелил Капитану Грому, известному еще как Мартин Перлинг, в грудь.

— Никогда не оставляй свидетелей, — посоветовал он гостиной, занялся чисткой обоих пистолетов, затем снова их зарядил. — Сожалею, — сказал он Нелли, готовясь уйти, — но это было куда быстрее повешения. Надеюсь, ты попадешь в место получше, но вам, мистер Перлинг, прямая дорога в Ад.

Юпитер был готов снова отправиться в путь. Нед вскочил в седло и уехал, позаботившись тщательно свести воедино плети куманики. Всякий с делом к мистеру Перлингу убежит, едва заглянув в дом. Никто не сообщает об их смерти.

Час спустя он нашел Мэри. Она споткнулась о корень и упала в паре шагов от дороги. Увидел он только ее белое лицо и медно-золотые волосы, все остальное сливалось с тенями. Без всякого труда он подхватил ее и отнес к Юпитеру, но там он положил ее и тщательно осмотрел. Нет, состояние не смертельное, однако серьезное, да. Особенно его встревожил большой желвак над правой бровью, тем более что она не очнулась. Что делать? Будь это другая женщина, он отвез бы ее к ближайшему доктору, но он, как никто, знал нелюбовь Фица к сплетням. Решив, что хуже ей не станет, если повезти ее в Пемберли, он положил ее поперек холки Юпитера и вскочил в седло.

Но его прикидки не учли тухлое мясо в пироге, который он съел, завтракая в «Черном коте». Подобно большинству крупных и могучих мужчин, Нед был способен неустойчиво работать часы и даже дни подряд. Но только здоровым, а ему начало становиться не по себе вскоре после того, как он оказался к северу от Честерфилда. Юпитеру не нравилось везти груз на холке, но ради Неда он терпел. Едва наступила темнота, как Мэри зашевелилась. Однако сознание ее оставалось смутным, возмущенным — принимая его за Капитана Грома, она попыталась драться. Не имея, как ему представлялось, иного выхода, он влил ей в рот разбавленный коньяк и успокоился, только когда она вновь впала в забвение. Едва Мэри расслабилась, Юпитер тихонько заржал, и его аллюр стал ровным.

Менее чем полчаса спустя, Нед утратил власть над своим кишечником, остановил Юпитера, бросил поводья ему через голову и уложил Мэри на мягкий коврик пахучих трав. Дергая пояс брюк, он зашел за деревья и претерпел несколько минут спазм и поноса. Только этого не хватало! К счастью, обошлось без рвоты, но приступов вполне хватало. Почистившись, насколько удалось, он постоял, проверяя, не начнется ли еще, но, видимо, ничего не осталось. Как долго это длилось? Взгляд на карманные часы его успокоил: не больше десяти минут. Как ярки звезды в безлюдной глуши! Даже и без луны, мнилось ему, он мог бы прочитать газетные заголовки. И, бесспорно, он видел циферблат часов.

Когда он вернулся на дорогу, Юпитер стоял, благодарно подремывая, но Мэри Беннет исчезла. В ошеломлении он уставился на раздавленные стебли травы там, где лежало ее тело... Господи, нет! Нет, нет, нет!

Куда она ушла? За деревья облегчиться, как он? В таком тяжелом состоянии уйти далеко за десять минут она никак не могла. Но ее нет среди деревьев, нет нигде на дороге, нигде в любом направлении на расстоянии сотни-двух шагов. Весь дрожа, Нед остановился, чтобы хорошенько

обдумать произошедшее без паники, и решил, что пора сесть на Юпитера — с высоты седла видно лучше и дальше.

Два часа спустя он в тупом отчаянии опустил голову на гриву Юпитера. Мэри Беннет нигде не было. И теперь ему придется сообщить Фицу, что он спас Мэри только, чтобы оставить на произвол какой-то новой неведомой напасти. Ее похитили, пока она спала у дороги. Только такое объяснение, потому что на своих двоих уйти она не могла.

— Это не твоя вина, Нед, — сказал Фиц, когда Нед добрался до него перед завтраком в тот понедельник. — Я виню только себя и никого больше. Поручить тебе Лидию вместе с Мэри. Непростительно!

— Ее потерял не ты.

— Да, но как ты мог предвидеть, что у тебя разболится живот? И с какой стати ты должен был предположить, что ей может угрожать опасность? На уединенном проселке далеко за Честерфилдом? Я могу доверять тебе эти щекотливые дела, и, в свою очередь, это ведет к тому, что я тебя перегружаю. Обоих нас подвел разболевшийся живот, но кто мог бы предвидеть, к чему это приведет? Не вини себя. И я крайне сожалею.

— Не надо. Как ты говоришь, кто мог бы предсказать, что живот разболится?

Он колебался, затем решил, что ему придется рассказать Фицу о судьбе Капитана Грома и Нелли — подчищенный вариант, который не оскорбит принципы Фица.

— Капитан Гром и его потаскушка мертвы. Когда я отыскал их дом, произошла довольно бестолковая буча, доказавшая, что я лучше подготовлен и лучше стреляю. — Он кисло усмехнулся. — Собственно говоря, я начинаю думать, что внезапность и уже готовый к выстрелу наведенный пистолет — вот причины, почему Капитан Гром пятнадцать лет был грозой тех краев. Бедная девушка бросилась под первую пулю, спасая своего возлюбленного. Ей выбило мозги. Я успел нацелить свой второй пистолет и выстрелить, пока Капитан Гром возился с пороховницей. Мою пулю он получил в сердце. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь добрался туда — они даже замаскировали дорогу к своему дому живой изгородью из кустов куманики. С твоего согласия я предпочел бы не предавать случившееся гласности. Тем более что в ближайшие дни мне надо заняться Лидией. Не могли бы мы просто оставить эту преступную парочку истлеть?

Тон Неда умоляющим не был. Фиц тщательно взвесил его рассказ и решил, что не находит ничего предосудительного в поступках Неда.

Очевидно, речь шла о жизни и смерти, а единственным из тех, кого он знал, кто равнялся с Недом в сноровке готовить пистолет к выстрелу, был Чарли. Даже будь они захвачены мирно, он прекрасно понимал, что прибережение парочки для петли палача неминуемо привело бы к нежелательной огласке. Тут слишком замешана Мэри, а теперь Мэри вновь исчезла, что потребует новых ее поисков. Фиц пожал плечами.

— Я согласен, Нед. Пусть истлевают. — Он налил Неду свежий кофе. — Сегодня тебе надо отдохнуть. Понянчи свой живот, конечно, но, главное, хорошенько выпись. Чарли, Ангус и Оуэн Гриффитс нынче в семь утра отправились на поиски Мэри. Твоей истории они не знают, но могут обнаружить что-нибудь интересное. Предполагаю, вернутся они не раньше завтрашнего вечера, а это обеспечит тебе достаточно времени, чтобы привести себя в порядок. Да, разумеется, я мог бы послать за ними кого-нибудь, чтобы они вернулись домой немедленно, но предпочел бы этого не делать. Они берутся за эту задачу иначе, чем ты, а мы не знаем, кто похитил Мэри у тебя.

— Как считаешь нужным, Фиц.

Фиц встал, обошел стол и ласково обнял Неда.

— Благодарю тебя за великолепную работу, Нед. Если бы не ты, Мэри умерла бы в лесу. А так, полагаю, мы можем твердо надеяться, что она все еще жива. Я у тебя в огромном долгу.

— Когда надо будет сопровождать миссис Уикхем в «Хеммингс»?

— В четверг, я надеюсь. Споттисвуд получил письмо от владелицы агентства в Йорке, услугами которой пользуется. Она сообщила, что в ее книгах есть подходящая женщина, но сперва нужно досконально проверить ее рекомендации. А теперь отправляйся домой и выпись.

Нед прижался щекой к руке Фица на своем плече, затем устало поднялся на ноги. Он ушел радостный, вопреки гнетущему ощущению неудачи. Фиц обнял его, любовь уцелела! Может ли что-нибудь ее уничтожить? Это дело было наиболее едкой ее проверкой, но она все-таки уцелела. Ах, Фиц, чего я только не сделаю для тебя!

* * *

Все время Элизабет поглощали заботы о Лидии, совершенно разболевшейся. И Лидия не понимала, почему ее собираются увезти из Пемберли, где всегда находился кто-нибудь, на кого можно было перекинуть такие докучности, как следить за чистотой ее самой и ее одежды. Откуда ей знать, что ожидает ее в другом месте?

— Лидия, в глубине души ты не можешь не знать, — сказала Элизабет, втайне разделявшая отношение сестры к ее удалению, — Пемберли — фамильное поместье Фица, достаточно знаменитое, чтобы выглядеть вершиной общественного положения. Приглашение погостить здесь — это исполнение заветных надежд. Пемберли требуется ему для продвижения его политической карьеры. Ты причинила несказанный вред, когда ворвалась в столовую, выкрикивая омерзительные непристойности и обвиняя Фица в убийстве. Среди слышавших тебя были самые значительные люди Англии. А также Каролина Бингли, которая все еще здесь. Она использует твоё поведение, чтобы очернить и унижить Фица. Как можешь ты винить его за желание избавиться от тебя?

— И очень просто, — сказала Лидия, надувшись. Она оглядела себя в зеркале. — Какие жуткие платья ты носишь, Лиззи! Мне нужны деньги, чтобы купить новую одежду, модную одежду. И надевать черное я отказываюсь!

— Деньги ты можешь получить и новые платья, но не здесь. Фиц нашел уютный дом, «Хеммингс» под Ликом. Там ты будешь жить в таком же комфорте, как мама в мэноре Шелби. Покупки ты сможешь делать в Стоук-на-Тренте или в Стэффорде. Фиц открыл для тебя счета у нескольких модисток в обоих городах. Твоя компаньонка мисс Мирабель Мэплторп получила список этих лавок.

Лидия выпрямилась.

— Компаньонка? О чем ты, Лиззи? Мне компаньонка не нужна.

— По-моему, нужна, дорогая.

Ах, до чего мучительное положение! Фиц был бы счастлив самолично объяснить Лидии положение вещей, но это привело бы к такой ссоре! И потому Элизабет упростила позволить ей сообщить новости Лидии, думая, что ей следовало бы надеть шляпу колдуньи. Она попыталась еще раз:

— Дорогая, твоё здоровье пошатнулось. А это значит, что тебе нужен кто-то, по крайней мере покаты не окрепнешь. Мы наняли

респектабельную даму ухаживать за тобой — отчасти сиделку, отчасти компаньонку. Зовут ее мисс Мирабель Мэплторп. Она из Девоншира.

Оттертое от румян и прочего лицо Лидии выглядело странно облысевшим, так как его белобрывость распространялась и на брови с ресницами — абсолютно бесцветные. Опухлость исчезла, поскольку у нее не было доступа к вину или другому алкоголю после того, как Хоскинс дала ей портвейна, а с тех пор прошло шесть суток. Из чего следовало, что Лидия томилась жаждой и созрела для скандала.

— Мне требуются к завтраку две бутылки кларета, — сказала Лидия. — И предупреждаю тебя, Лиззи, если я их не получу, то устрою сцену много почище предыдущей. Значит, Фиц боится Каролины Бингли? Ну, так меня он будет бояться больше!

— Никакого вина! — сказала Элизабет с железом в голосе. — Респектабельные женщины не пьют чрезмерно, а ты дочь джентльмена.

— А эта респектабельная женщина пьет! Как губка! И не только я! Отчего, по-твоему, Каролина Бингли и Луиза Хэрст такие чинные и чопорные? Потому что пьют — втихомолку!

— Ты ничего не знаешь об этих леди, Лидия.

— Рыбак рыбака. Фиц и правда боится Каролины? Так перестанет, когда я с ней разделаюсь.

— Лидия, возьми себя в руки!

— Тогда пусть мне к завтраку подадут кларет! А если ты думаешь, что я покорно отправлюсь в Лик или куда-нибудь еще с драконом под видом компаньонки, ты очень ошибаешься!

— Ты уедешь завтра, Лидия. Фиц настаивает.

— Пусть настаивает, пока не завертится в могиле. Я никуда не поеду.

— Да. Где-то на дороге из Честерфилда сюда.

— Что ты предпринял?

— Если бы ты на секунду отвлеклась от тетешканья Лидии, Элизабет, ты могла бы многое узнать от нашего сына. Да, мы все тревожились за нее, но он и Ангус — и Нед независимо от них — установили вне всяких сомнений, что ее похитили. Подробности тебе может рассказать Чарли.

— Он повзрослел во всех отношениях, Фиц, — сказала она, отвлекшись.

— Я не слеп! И очень доволен тем, как Оксфорд и молодой Гриффитс повлияли на него.

— Подозреваю, Ангус тоже внес свою лепту.

Фиц засмеялся.

— Альянс взаимной привязанности, моя дорогая Элизабет. Ангус

надеется стать твоим свояком. Если это произойдет, последняя угроза со стороны твоей семьи вовсе перестанет быть угрозой, а «Вестминстер кроникл» окажется в моем кармане.

— От союза Ангуса и Мэри я могу быть лишь в восторге, но если ты полагаешь, что это отдаст его газету в твое политическое распоряжение, то ты совсем его не знаешь. Как и мою сестру.

Элизабет покинула библиотеку, предоставив мужа его грезам о величии. Леопарды пятен не меняют, подумала она. О, но ты одурачил меня, Фиц! Я искренне верила, будто излечила тебя от гордыни и спеси. А когда ты вновь начал натягивать шкуру леопарда, я винила в этом мою неспособность подарить тебе сыновей, которых ты хотел. Но теперь я понимаю, что это никогда причиной не было. Леопард оставался леопардом все двадцать лет нашей совместной жизни. Я же, если поверить Лидии, превратилась в мышь. Купленную мышь.

Прошло сколько-то дней, но сколько, Мэри понятия не имела, так как желвак у нее на лбу словно бы вызвал серию обмороков или потемнения сознания, от которых она оправлялась медленно. Ею, кроме того, овладело безмерное утомление, и, лишённая света дня, она не могла определить, как часто она просыпалась, чтобы попить, поесть, воспользоваться стульчаком.

Бархатный занавес был раздвинут, открывая проем в железной решетке перед ней, когда часть решетки опускалась, образуя полку. На ней она находила новую еду, некрепкое пиво, кувшин воды для омовения и жестянку с носиком, содержащую маслянистую жидкость. Жидкость эта, как она вскоре поняла, предназначалась для наполнения резервуаров ее ламп. Страх оказаться в полной тьме подвиг ее одурманенные мысли прийти к этому выводу, после чего она разобралась, как их наполнять: снимаешь стеклянную трубу, отвинчиваешь металлический центр, держа фитиль, и добавляешь новое масло к тому, что еще остается в стеклянном резервуаре. Маленькая лампа горела дольше других, и, к своему облегчению, Мэри убедилась, что ее слабый огонек, если поднести его к фитилю большой лампы, сразу его зажигает.

Дважды она нашла на полке чистые ночные сорочки и носки, один раз — чистый халат, но ни разу ни единого предмета верхней одежды. Ей было достаточно тепло, так как каморка никогда не становилась ни леденяще холодной, ни чересчур жаркой. Температура примерно прохладного весеннего дня, пришла она к заключению.

Если бы только у нее был какой-нибудь способ измерять ход времени! Грабитель, вероятно, забрал ее часы — дорогие и редкие. Их она получила

в подарок от Элизабет с великой благодарностью. Никакие посторонние звуки в ее темницу не проникали, если не считать еле слышного визгливого постанывания, которое она перестала замечать. Если оно и напоминало ей что-то, то лишь щелку окна, неплотно закрытого при сильном ветре. Но если за гигантским экраном и было окно, оно оставалось невидимым для нее, а кроме того, она вообще сомневалась в его существовании. Окна подразумевают свет дня, а его тут не было.

При осмотре книг на втором столике она нашла стальные перья, а также несколько карандашей; чернильный прибор состоял из чернильницы с черными чернилами, чернильницы с красными чернилами и песочницы, полной песка для посыпания написанного. А еще несколько сотен каландрированных бумажных листов с зазубренными краями, указывавшими, что изготовлены они из чистой смеси льна и хлопка. Заглавия книг были интересными, однако мало что говорящими: доктор Джонсон о поэтах его времени, Оливер Голдсмит, Шеридан, Френсис Троллоп, Ричардсон, Марло, Спенсер, Донн, Мильтон; кроме того, книги по химии, математике, астрономии и анатомии. Ничего беллетристического, ничего религиозного. Ничего доступного ее зыбкому мозгу. Было очевидно, что время лучше проводить в целительном сне.

Наконец, настало пробуждение, когда ее сознание оказалось ясным, ее синяки еле заметными, а желвак на лбу исчез. Поев, попив, воспользовавшись оригинальным стульчаком, она взяла карандаш и начертила на гладкой стене в глубине каморки группы из семи линий каждая рядом с чем-то вроде железных дверных петель. Новых чистых простыней ей больше не оставили, и она сделала вывод, что с того момента, как ее заперли здесь, прошло не больше недели, поскольку, кем бы ни были запершие, они, видимо, верили в чистоту, из чего следовало, что чистые простыни скоро появятся.

Хотя масло в резервуарах ее ламп обладало каким-то неуловимым ароматом, горящие фитили не дымили, не коптили и не затрудняли дыхания. Она сняла трубу с маленькой лампы и обошла каморку, проверяя, не заколышется ли огонек от легчайшего сквозняка, но ничего подобного не произошло. Даже поднесенный к дыре стульчака огонек остался недвижим. Так что же там внизу? Во всяком случае не клоака, раз оттуда не веет никаким запахом человеческих отходов. Когда она опустила огонек в дыру, он осветил нечто неожиданное: не узенький провал, а широкий круглый вертикальный туннель наподобие колодца. Ее огонек был слишком слаб, чтобы осветить дно. Однако, наклонившись к самому деревянному сиденью, она услышала словно бы всплески быстро бегущей воды. Так вот

почему этот нужник не пахнет! То, что она испражняла, беспрепятственно падало вниз и уносилось потоком.

Река! Она вспомнила, как дорогой Чарли говорил о пещерах и подземных реках Скалистого края, и внезапно поняла, где она. Заключена в пещерах Дербиширского Скалистого края, то есть не так уж далеко от Пемберли. Но почему? Инстинкт подсказывал, что ее целомудрию ничто не угрожает, а Капитан Гром забрал все, что было при ней. Значит, и не из-за денег. Разве что ее похитили для выкупа? Смешно, ответил здравый смысл. По тому, что было при ней, нельзя было узнать ничего, кроме фамилии, а она ведь не Дарси. Ее вид же скоро убедил бы захватчика, что она — никто, вероятнее всего гувернантка. Кто мог бы догадаться о ее связи с Дарси из Пемберли? Ответ был — никто. Значит, какой бы ни была причина ее похищения, к выкупу она отношения не имеет.

Тем не менее ее неведомому захватчику она зачем-то требовалась, иначе он бы не спас ее, не постарался бы сохранить ее живой. Не поругание и не выкуп, так что же?

И только когда она надевала трубу на лампочку, она увидела его: удобно расположившегося на деревянном стуле с высокой спинкой по ту сторону решетки... сколько времени он следил за ней? Она поставила лампочку и обернулась к нему, шаря глазами.

Щупленький старичок! Прямо-таки гном, морщинистый коротышка. Ноги скрещены в коленях; тощие голени завершаются открытыми коричневыми сандалиями. Вересково-бурый халат с капюшоном, перевязанный на талии толстым кремовым шнуром, распятие на груди. Будь коричневость его халата более коричневой, он сошел бы за монаха-францисканца, подумала она. Морщинистый складчатый скальп был лысым повсюду, даже вокруг ушей, а глаза, изучавшие ее с не меньшим интересом, были настолько белесо-голубыми, что радужки почти не отличались от белков. Покраснелые слезящиеся глаза, но пугающие, потому что, казалось, они словно бы всегда смотрят наискосок. Тонкое лезвие крючковатого носа, а губы — узкие, сурово дисциплинирующие, как у солдафона. Мне он не нравится, подумала Мэри.

— Вы умны, госпожа Мэри, — сказал он.

Нет, сказала Мэри мысленно, я отказываюсь выдать страх или смятение. Я сумею помериться с ним.

— Вы знаете мое имя, сэр? — сказала она.

— Оно вышито на вашей одежде. Мэри Беннет.

— Мисс Мэри Беннет.

— Сестра Мэри, — поправил он.

Она выдвинула стул из-под книжного столика, поставила точно напротив него, затем села, чинно сдвинув колени и щиколотки, сложив руки на коленях.

— Почему вы считаете, что я умна?

— Вы сообразили, как подливать масло в лампы.

— Нужда всему научит, сэр.

— Вы боитесь темноты.

— Конечно. Это естественная реакция.

— Я спас вам жизнь.

— Как вы это сделали, сэр?

— Я нашел вас на пороге смерти. У вас, сестра Мэри, была смертельная опухоль мозга, которая выдавливала из вас жизненные соки. Великан, который вез вас, этого не видел, а потому, когда он отошел по своим делам, мои дети и я украли вас. Я создал эликсир как раз от такого недуга, но мне требовался пациент, чтобы его испробовать. Вы чуть не умерли, но чуть-чуть не считается. Мы вовремя доставили вас домой, и пока мои дети вас мыли и устраивали поудобнее, я дистиллировал мой эликсир. Вы явились ответом на многие молитвы.

— Вы принадлежите к какому-то монашескому ордену? — завороченно спросила она.

Он взвился в негодовании.

— Католик? Я? Ни в коем случае. Я отец Доминус, блюститель Детей Иисуса.

Лоб Мэри разгладился.

— А, понимаю! Вы руководитель одной из многих чужестранных христианских сект, которые заполонили север Англии. Письма-предупреждения англиканской церкви все время предостерегают от вам подобных, но про Детей Иисуса я ничего не читала.

— И не прочтете, — сказал он угрюмо. — Мы гонимые.

— Кем, отче?

— Гонителями. Мои дети принадлежали людям, которые эксплуатировали их и дурно с ними обращались.

— А! Владельцы заводов и фабрик, — кивнула она. — Ну, отче, от меня вам опасность не угрожает. Подобно вам, я враг таких людей. Освободите меня и позвольте трудиться с вами во имя спасения всех таких детей. Скольких вы освободили?

— Это вас не касается и касаться не будет. — Его взгляд скользнул за ее плечи и уставился на стены ее темницы. — Я спас вашу жизнь, и потому

она принадлежит мне. Вы будете работать для меня.

— Работать для вас? Делая что?

Словно в ответ он протянул к ней свои руки: возраст искривил пальцы, их суставы распухли от какой-то болезни.

— Я не могу писать, — сказал он.

— При чем тут это?

— Вы будете моим писцом.

— Писать за вас? Писать что?

— Мою книгу, — ответил он просто и улыбнулся.

— Я была бы рада помочь вам, отче, но по собственному свободному выбору, а не из-за того, что вы держите меня пленницей, — сказала она, ощущая растущую тревогу. — Отоприте дверь. Затем мы сможем договориться на каких-нибудь условиях, удобных нам обоим.

— Не думаю, — сказал отец Доминус.

— Но это же безумие! — вскричала она, не сумев сдержаться. — Держать меня пленницей в роли писца? Какая книга может иметь подобную важность? Пересказ Библии?

Его лицо приняло страдальческое многотерпеливое выражение; теперь он заговорил с ней, как с дурочкой, а не как с умной женщиной:

— Я не отчаиваюсь в вас, сестра Мэри, — вы почти правы. Не пересказ Библии, но новая Библия! Доктрины Детей Иисуса! Все это тут, в моем уме, но мои руки не способны превращать мои мысли в слова. Это для меня сделаете вы!

Со смехом и торжествующим воплем он спрыгнул со стула, нырнул за угол экрана и исчез.

— Как удачно, что я сижу, — сказала Мэри, глядя на свои руки, которые тряслись. — Он помешан, совершенно помешан.

Глаза у нее щипало. На них навертывались слезы. Но нет! Она не заплачет! Куда неотложнее было обзреть этот любопытный разговор, попытаться создать хотя бы опору, если не фундамент для новых, несомненно неизбежных, бесед. Северная Англия, бесспорно, питательная среда для всякого рода своеобразных религиозных сект, и совершенно очевидно, что отец Доминус и его Дети Иисуса укладываются в эту мерку. В том, что он наговорил, никакой теологии не просвечивало, но, без сомнения, она выявится, если он намерен записать свои верования в форме религиозного Завета. То, как он называет себя и называл ее, смахивало на католицизм, но он возмущенно это отрицал. Может быть, в детстве он соприкасался с папизмом? «Дети Иисуса». Что-то пуританское в названии; некоторые из этих сект настолько сосредоточиваются на Иисусе, что Бог

практически не упоминается, и потому, возможно, тут наличествует и это. Но действительно ли здесь есть дети? Она не видела и не слышала ничего, что указывало бы на их присутствие. И какого рода исцеления он практикует? Такое уверенное описание опухоли мозга намекает на медицинское прошлое. А утверждение, будто они гонимы, нелогично, если он правда забрал детей с фабрик и заводов — их владельцы, конечно, предпочтут набрать новых детей, чем разыскивать сбежавших. Источник поставки детей был практически неистощим, так утверждал Аргус; произведя их на свет, родители были прямо-таки счастливы продать их в рабочие, особенно если жили они вне приходов.

— Здравствуйте, — сказал голосок девочки.

Мэри подняла голову и увидела маленькую фигурку в одеянии вересково-бурого цвета с капюшоном, глядящую на нее сквозь прутья ее клетки.

— Здравствуй, — сказала Мэри, улыбаясь.

Ответная улыбка.

— У меня есть для вас что-то, сестра Мэри. Отец Доминус сказал, что вы обрадуетесь.

— Я обрадуюсь больше, узнав твое имя.

— Сестра Тереза. Я старшая из девочек.

— Ты знаешь, сколько тебе лет, Тереза?

— Тринадцать.

— И чем ты хочешь меня обрадовать?

Девочка не выглядела на свой возраст, но не казалась ни исхудалой, ни подавленной страхом. Когда она станет взрослой, ее нос и подбородок лишат ее миловидности своей крупностью, но она обладала очарованием цвета глаз, кожи и волос, разных оттенков коричневатости. Две ручонки сжимали треножную подставку, которую положили на полку; на земле рядом с девочкой стоял чайник, из его носика курился пар; он был поднят в свой черед. Затем последовал фарфоровый чайничек для заварки, чашка с блюдечком и маленький молочник.

— Снимите трубу с какой-нибудь лампы, лампу поставьте под треногу, чайник закипит, и можно будет заварить чай, — сказала сестра Тереза, доставая банку чайных листьев. — Отец Доминус говорит, что чай вам очень полезен, но пить кофе вам не следует.

— Тереза, это чудесно! — воскликнула Мэри, водворяя лампу под треножник и ставя на него чайник. — Чай! Так освежающе! Пожалуйста, поблагодари от меня отца Доминуса.

Тереза повернулась, чтобы уйти.

— Я приду попозже с чистыми простынями и чтобы забрать чайник. Спитой чай выплесните в стульчак, а треногу и чайничек оставьте себе.

— погоди! — окликнула ее Мэри, но девочка в коричневом одеянии уже ушла. — Я поговорю с ней, когда она снова придет, — сказала Мэри и занялась приготовлением такой желанной чашки чая.

— Морковка для ослицы? — спросила она себя, прихлебывая обжигающий напиток. — О, чудесно, чудесно! Отец Доминус выбрал отличный сорт чая.

Некоторое время спустя вернулась Тереза. Мэри собралась отдать ей чайник, однако помедлив, в нетерпении узнать от маленькой сектантки, сколько удастся.

— Много детей у отца Доминуса? — спросила она делая вид, будто оттирает чайник.

Широко раскрытые глаза доверчиво смотрели на нее.

— Он говорит, пятьдесят, сестра Мэри. Тридцать мальчиков и двадцать девочек. — На ее лицо легла тень, то ли горя, то ли страха, но она расправила плечи и глубоко и решительно вздохнула. — Да, пятьдесят.

— Ты помнишь своего плохого хозяина?

Недоумение! Сестра Тереза нахмурилась.

— Нет, но отец Доминус говорит, что обычно так и бывает. Брат Игнатий и я были первыми, понимаете? Мы у отца Доминуса уже очень давно.

— Тебе нравится жить у отца?

— Да, очень, — ответила она, но как-то машинально; вопрос этот никакого чувства в ней не всколыхнул. — Простите, можно я возьму чайник?

Мэри отдала его. Спеша медленно, подумала она. У меня сильное ощущение, что времени расспрашивать ее будет предостаточно.

Не пленница, в том смысле, в каком пленница она сама, была вынуждена заключить Мэри. Тереза свободна ходить в пределах их обитания, куда ей требуется, это ясно. Нет у нее и желания убежать. Жизнь девочки здесь была словно бы единственной, какую она знала, и это заставило Мэри задуматься. Владельцы фабрик и заводов не использовали труд совсем уж маленьких детей, доставлявших излишне много хлопот; возможно, они брали восьмилетних, хотя Аргус утверждал, что девять-десять лет — идеальный возраст для ребенка, чтобы начать жизнь бесплатного работника, получающего за свой труд обеды и убогий кров. Следовательно, Тереза должна бы помнить свою жизнь до того, как ее спасли. Почему же она ее не помнит?

Необходимость в физических упражнениях вынудила ее мерить шагами свою каморку — четыре пары шагов исчерпывали ее размеры. Расхаживая таким образом не менее двух часов, по ее прикидке, Мэри утомила себя достаточно, чтобы уснуть, когда ее веки отяжелели. Проснувшись, она поела — хлеб всегда был свежий, заметила она — и села с Джоном Донном, чтобы как-то коротать эту жуткую бездеятельность.

Которая длилась не так уж долго: появился отец Доминус.

— Вы готовы приступить к работе? — спросил он, усаживаясь.

— В обмен на некоторые вопросы, готова.

— Так спрашивайте.

— Более полно опишите, что со мной было, когда вы меня забрали? Где точно я находилась? С кем была?

— Я не знаю, кто был ваш захватчик, — сказал он охотно, — но он настолько крупен, что, безусловно, страдает каким-то органическим отклонением, пришел я к выводу. — Он захихикал. — У него болел живот, и он оставил вас, чтобы облегчиться. Я собирал лечебные травы поблизости, и со мной был брат Джером с нашей тележкой. Вода родника неподалеку отсюда обладает особыми качествами, и я намеревался набрать ее в жбаны. Но вас ломало, а любой олух понял бы, что вы не эпилептичка по природе. Брат Джером уложил вас в тележку — и нас след простыл! Вот и все.

— Вы врач, отче?

— Нет, я травник — аптекарь. Лучший в мире, — объявил он зазвеневшим голосом. — Я не могу вылечить эпилепсию, но я могу укрощать ее, а это больше, чем имеет право сказать кто-либо другой. Среди моих детей есть эпилептики, но я даю им эликсир, и припадков у них не бывает. Точно так же многие мои дети были замучены глистами и всякими паразитами, включая плоских червей. Но более нет! Я могу вылечить почти что угодно. А то, чего не могу, держу под контролем.

— Чем страдала Тереза?

— Сестра Тереза, будьте так добры. Во младенчестве джин вместо молока, в первые годы жизни скудость еды. Это воздействует на их память, — сказал он убедительно. — А теперь не могли бы мы начать?

— Начать что, собственно говоря?

— Историю моей жизни. Историю Детей Иисуса. Плодов моего труда как аптекаря.

— Я уверена, что буду изнемогать от интереса.

— Это никакого значения не имеет, сестра Мэри. От вас требуется

писать под мою диктовку карандашом на дешевой бумаге, — сказал он, предъявляя толстую кипу, которая опустилась на полку, заставив ее звякнуть.

— Мои карандаши затупятся, — сказала она.

— И вам хотелось бы получить ножик, чтобы их затачивать, имеете вы в виду? Но у меня есть идея получше, сестра Мэри. Каждое утро я буду давать вам пять отточенных карандашей в обмен на пять затупившихся.

— Я была бы благодарна за полку для книг, — парировала она. — Этот столик недостаточно велик, отче, и мне хотелось бы придвинуть его поближе к решетке, когда вы будете диктовать. Книгам не следует лежать на земле, отсыревать и плесневеть.

— Как пожелаете, — сказал он равнодушно. Под его взглядом она сложила книги на пол, а столик придвинула ближе к нему.

— Значит, ваша Новая Библия к тому же и автобиография, отче?

— Конечно. Точно так же, как Ветхий Завет представляет собой историю деяний Бога среди людей, а Новый Завет — историю деяний Иисуса среди людей, Библия Детей Иисуса — это история деяний младшего сына Божьего — меня — среди людей и детей человеческих, — объяснил отец Доминус.

— Ах, так. — Мэри села, вытащила несколько листов дешевой бумаги, положила перед собой и взяла карандаш.

— Э-эй! — воскликнул старик, почти взвизгнув. — Один лист на один раз, сударыня! Слишком трудно пополнять мои запасы, чтобы допустить бессмысленное их расточительство кем бы то ни было.

— Сэр, — сказала она с иронией, — единственный лист бумаги мой карандаш проткнет, так как поверхность стола очень шероховата. Я намерена держать десяток листов под тем, на котором пишу, будто писцовую подкладку. Если вы человек науки, то должны это понимать сами без того, чтобы вам объясняли.

— Это было еще одно испытание вашего ума, — сказал он надменно. — Теперь начните вот так: «Бог есть тьма, ибо Бог пребывал до света, и разве Люцифер не есть носитель света? Сначала он Люцифер, а Сатана лишь потом. Каждый день он падает в обличье Солнца, сражается с Богом на протяжении тьмы и восходит ежеутренне для еще одного тщетного пути в ничто. Он думает, будто весы уравновешены, но Бог знает иное. Ибо тьма пребывает еще долго после того, как свет утрачивает силу, а тьма есть Бог.

Откровение это внезапно посетило меня, когда на тридцать пятом году жизни я нашел Первозданную Пещеру. Омфалос, Пуп, Вселенское Чрево,

то место, которое я все еще называю Престолом Бога, местом Его пребывания. Ибо где найти Бога в этом мире света? Только когда я сподобился найти Престол Бога, я наконец все понял. Там, в черноте столь глубокой, что мои глаза ссохлись, ибо ни единой искорки света не видели они, там, в тишине столь глубокой, что мои уши ссохлись, ибо ни единого шепота не слышали, там я вступил в самый живот Бога. Я стал един с Ним и получил первое из многих грядущих откровений, пока Он развертывал передо мной Свою тьму слой за слоем».

Отец Доминус умолк, пока карандаш Мэри трудился, чтобы не отстать, а ее рассудок, ошеломленный, оберегал какую-то свою часть для ее собственных мыслей и впечатлений.

«Слоем» — написала она и остановилась, приподняв карандаш, устремив взгляд на морщинистое лицо, на смазанные белесые глаза с точками зрачков. Почему они сужены до точек, задался вопросом тот исключительно ей принадлежавший сегмент ее рассудка. Он чем-то себя одурманил? Тема диктовки, безусловно, указывала на что-то подобное, и все же... возможно ли, что он почти не видит? Что не скрюченные пальцы не позволяют ему писать свой трактат, но слабость зрения?

Не говори ничего принижающего, Мэри! Не говори ничего, что высмеет или иначе принизит его теологию.

— Я робею, — сказала она, — быть писцом подобного ума, отче.

— Ты это видишь? — спросил он, жадно наклоняясь вперед.

— Я это вижу.

— Тогда мы продолжим.

И он продолжал очень долго; и страницы громоздились все выше справа от ее самодельной писцовой подкладки. Колени Мэри начали дрожать, а руку ей сводила судорога. Наконец, когда он на мгновение умолк, чтобы перевести дух, она положила карандаш.

— Отче, сегодня я больше не могу писать, — сказала она. — У меня писчие судороги, а поскольку вы хотите, чтобы все это было переписано каллиграфически, я вынуждена просить вас остановить диктовку.

Он словно вернулся в себя откуда-то издали, заморгал, содрогнулся, раздвинул узкие губы в невеселой улыбке.

— О, это было дивно! — сказал он. — Настолько легче, чем пытаться извлекать смысл, глядя на слова.

— Как вы называете эту теологию? — спросила она.

— Космогенезис.

— Греческие корни, не латинские.

— Греки мыслили. Те, что жили позже, подражали.

— Я предвкушаю вашу следующую диктовку, но нужды запираить меня нет, — вновь попыталась она. — Во-первых, мне необходимо разминаться, а ходить взад-вперед в подобной тесноте мало что дает. И полку для моих книг, будьте так добры.

— Считайте себя счастливой, что я предоставил вам средства приготовить чашку чая, — сказал он, поднимаясь на ноги.

— Вы плохой хозяин, отец Доминус, ничем не лучше тех, у кого вы забрали ваших детей. Вы кормите меня, предоставляете мне кров, но лишаете меня свободы.

Только высказала она это пустому воздуху: он уже ушел.

Она села на кровать, чтобы изменить позу, а не только обеспечить телу достаточную опору, и попыталась разобраться в нагромождениях его фантазий. В глазах Мэри, неколебимой приверженки англиканской Церкви, он был вероотступником хуже любого еретика. Ведь о Боге он говорил, как не подобает христианину какого бы то ни было толка. И пока еще Иисус даже не мелькнул в теологическом мире, который он живописал. Из чего следовало, что он практически не имеет ничего общего ни с единой сектой, какой может похвастать Северная Англия. Если она, никогда не взвешивавшая во что ей могут обойтись слова, слышать которые люди не желают, держала свои мысли в узде и всеми силами старалась не уязвить его, то потому лишь, что к концу этой очень долгой диктовки она пришла к выводу, что он совершенно помешан. Остается только, чтобы он объявил себя Богом или, может быть Иисусом, и ее вывод будет неопровержим. Логика не имела отношения к его взглядам на вещи, которые он, казалось, считает созданными исключительно для его комфорта или удобства, или упований. Хотя в чем заключаются эти упования, она пока еще понятия не имела. Он утверждает, что он младший сын Бога!

Про себя она сочла, что ему около семидесяти лет, но если она ошиблась, то убавив ему годы, а не прибавив. За ним был хороший уход, его ли детей или кого-нибудь еще, значения не имело. Не исключено, что ему уже все восемьдесят. Так всегда ли он был помешанным, или это симптом дряхлости? Впрочем, никаких признаков маразма: превосходная память, острый в своих построениях разум. Дело было не в неразумности его разума и не в искривленности его памяти. Она попала во власть личности, полностью отчужденной от этики и структуры английского общества. Существуют ли в действительности пятьдесят детей? Тридцать мальчиков и двадцать девочек? Почему Тереза изменилась в лице, называя эти цифры? С какой въедливой строгостью допрашивал отец Доминус маленькую девочку о том, какие вопросы задает сестра Мэри? Ее долг

перед ребенком требует не навредить ей, а то выражение, возможно, намекало на внушающие ужас наказания.

А потому впредь Мэри оберегала Терезу: ведь ее можно было расспрашивать о чем-нибудь менее губительном, чем количества или наказания. Поскольку отец Доминус не делал секрета из своих пещер, Мэри сосредоточилась на этом аспекте своего заточения. По словам Терезы, пещеры тянулись на много-много миль и все были связаны между собой туннелями; с благоговением Тереза сказала ей, что отец Доминус знает каждый дюйм каждого туннеля, каждую нишу, каждый закоулок и расселину. Одна система называлась «Южные пещеры», другая — «Северные пещеры». Мэри и Дети Иисуса жили в Южных пещерах, но работа велась в Северных пещерах, где также находился Храм Бога. На выяснение, в чем заключалась работа, потребовалось время, постепенно Мэри по кусочкам узнала это от Терезы и своего нового друга из Детей Иисуса, брата Игнатия. Он появился с шилом, отверткой, горсткой винтов, несколькими железными скобами и тремя деревянными досточками.

Вот тогда Мэри узнала назначение железных петель в дальней стене ее каморки: второй юноша с лицом, скрытым капюшоном, помог брату Игнатию внести его груз внутрь — но только после того, как поставил Мэри у стены и замкнул петли на ее щиколотках, будто кандалы. Затем, с помощью линейки, он разметил места винтов для полки и удалился, предоставив брату Игнатию заняться настоящей работой. Брат Игнатий был ниже ростом, чем брат Джером, как он его называл, но более мускулистого сложения и уже на грани юности. Когда Мэри спросила, сколько ему лет, он ответил, что четырнадцать.

— Тереза и я, мы старшие, — сообщил он, ввинчивая винты в мягкий камень.

— Почему брат Джером делал разметку, если он не собирался помогать тебе и дальше? — спросила Мэри.

— Ни читать, ни писать не умею, — весело ответил Игнатий. — Из нас только Джером умеет.

Она чуть не охнула.

— Никто из вас не умеет ни читать, ни писать?

— Кроме Джерома. Отец привез его из Шеффилда.

— Почему отец не обучил тебя грамоте?

— Да мы, думается, и так слишком заняты.

— Чем заняты?

— Как когда. — Игнатий приладил досточку на скобы, подергал ее и

кивнул: — Ровнехонько. Джером дотошный, дальше некуда.

Туповатые карие глаза затуманились в усилии припомнить сказанное пару секунд назад.

— Может, толчем порошки, не то травы вымачиваем, не то фильтруем, не то дистиллируем, не то сгущаем, а то мазок краски накладываем. Голубой для печени, лавандовый для почек, желтый для мочевого пузыря, мутно-зеленый для желчных камней, красный для сердца, розовый для легких, коричневый для кишок. — Его рот открылся для следующего объяснения, но Мэри поспешно его остановила.

— Медикаменты? — спросила она.

— Чего-о?

— Что значит «фильтруем»? — продолжала она. — Или «дистиллируем»?

Он пожал широкими крепкими плечами.

— Не знаю. Просто мы это делаем, и это так называется.

«Он ведь сказал, что был аптекарем», — сказала Мэри про себя. И вслух:

— Вы готовите мази и эликсиры для отца Доминуса, правильно?

— Ага! Это самое. — Он начал складывать ее книги на нижней полке, а оставшиеся поместил на среднюю. — Ну, вот, сестра Мэри! Вам тут места еще на столько же хватит.

— Конечно! Спасибо, брат Игнатий.

Он кивнул, собрал свои инструменты и приготовился уйти.

— Погоди! Я же все еще прикована к двери.

— Джером вернется и сделает. Ключи-то у него.

И он ушел, оставив Мэри ожидать словно бы целую вечность, чтобы брат Джером отпер петли, стягивавшие ее щиколотки.

Этот паренек, думала она, глядя вниз на его голову, демонстрирующую лысый кружок тонзуры на макушке, этот паренек очень не похож па брата Игнатия. Глаза у него почти такие же бесцветные, как у отца Доминуса, пронизательные, умные, но хранят то отсутствие каких-либо эмоций, которое называют «холодным выражением». То, что ему нравилось причинять боль, стало очевидным, когда он высвободил ее ноги, до крови оцарапав их о железо.

— Напрасно, брат Джером, — сказала она негромко. — Вашему господину я нужна здоровой, а не лежащей в жару из-за воспалившейся раны.

— Это вы сами, я тут ни при чем, — сказал он, отменяя угрозу.

— Ну, так остерегитесь, чтобы вы — или я! — не поранили мою ногу

еще раз.

— Я его ненавижу! — сквозь зубы сказала Тереза, когда Джером ушел. — Он жестокий.

— Но любимчик отца Доминуса, я права?

— Да, их водой не разлить, — сказала девочка, но ничего не добавила.

— А какую работу вы, девочки, выполняете для отца Доминуса?

— Разливаем микстуры в пузырьки, укладываем пилюли в коробочки, наполняем баночки мазями, наклеиваем на все ярлыки и проверяем, что пробки воткнуты в пузырьки крепко, — сказала она, словно наизусть.

— И этой работой вы заняты все двадцать?

— Да, сестра Мэри.

— Панацеи отца Доминуса, видимо, знамениты!

— О да и очень! Особенно эликсир от холеры и лошадиная притирка.

На них у нас есть постоянный заказ.

— Постоянный заказ?

— С аптекарских складов в Манчестере. Их отправляют туда, а оттуда в лавки по всей Англии.

— А у отца Доминуса есть брэнд?

— Что есть?

— Название общее для всего, что вы изготавливаете, например, «Отец Доминус».

Лоб Терезы разгладился.

— А, я знаю, о чем вы — «Дети Иисуса». Это «Детей Иисуса», то «Детей Иисуса».

— Я никогда о них не слышала.

— Ну, наверное, очень многие слышали. Не то мы не были бы так заняты.

Когда появился отец Доминус, Мэри могла вручить ему сорок страниц изысканно каллиграфической рукописи. Рука, схватившая их с полки, слегка тряслась, пачка листов была поднята к глазам и жадно перебрана. Его лицо выражало благоговейный восторг, ни на йоту, догадывалась она, не притворный.

— Что за красота! — вскричал он, поглядев на нее, прежде чем положить верхний лист подо все остальные. — Вы пишете совершенно прямо поперек листа и точно сохраняли поля, не отчеркнув их.

Значит, он что-то видит, но смысла слов не улавливает, подумала Мэри: ведь она нарочно перепутала страницы. Он способен видеть прямизну и вроде бы карандашные штрихи, но только держа страницу в

пяти дюймах от носа.

— Любой издатель будет доволен, — сказала она. — С чего мы начнем сегодня? С тьмы, света или с того, как Бог создал пещеры?

— Нет-нет, не сегодня! Мне надо забрать это и прочитать по-настоящему. Увижусь с вами завтра, сестра Мэри.

— Погодите! Если сегодня я не буду занята, дайте мне поразмяться!

Вскоре затем появился брат Игнатий с мотком тонкой веревки и двумя фонарями. Ухмыляясь, как фокусник, извлекающий кролика из шляпы, он издал трубный звук и предъявил из-за спины ее сапожки.

— Прогулка! — почти пропела Мэри, вскакивая со стула.

— Вроде, — сказал он. — Отец позволил мне проводить вас к реке и назад, но вам нужны ваши сапожки — там местами такая мокреть! Только сапожки я вам не оставлю. Когда опять вас запру, отнесу их ему. И будьте добреньки, не вздумайте бежать, — добавил он, отпирая дверь, и вошел в каморку, разматывая веревку. — Бежать-то некуда, а без фонаря темнотища там, как в Божьем Нутре. Один ее конец я обвяжу вокруг вас, а другой вокруг себя, и будем держать по фонарю. Масла хватит, чтобы пройти туда-сюда и передохнуть у реки, вот и вся недолга.

— Я не попытаюсь убежать, обещаю, — сказала Мэри, позволяя ему обвязать веревкой ее талию, пока она шнуровала сапожки.

Ее надежда увидеть, что находится за экраном, оказалась тщетной: Игнатий повел ее в пасть туннеля, который, зная она про него, можно было разглядеть из каморки; она же сочла его начало всего лишь сгустком черных теней. Сперва тропинка, освещаемая его фонарем впереди и ее — сзади, была сухой и усыпана обломками, но минут через десять вниз по наклонному туннелю появилась первая лужа, а затем пол становился все более сырым. Через полчаса Мэри оказалась на берегу клубящейся стремнины внушительного потока, покрывавшего значительную часть пола пещеры, столь обширной, что крохотные кружки света их фонарей лишь чуть намекали на ее размеры. Теперь ей стало ясно, о чем иногда говорил Чарли! Огромные поблескивающие пальцы указывали вниз откуда-то сверху, их известковая оболочка мерцала и посверкивала; местами нечто, более всего — подумать только! — походившее на полупрозрачную искрящуюся ткань, было накинута на бездну, как шаль; длинные кристаллические пальцы торчали из луж или из чего-то другого, создавшего их и скрытого тенями.

— Какая красота! — в потрясении еле выдохнула она.

Теперь я начинаю понимать, каким образом отец Доминус сформулировал свою нелепую концепцию Бога. Оказаться здесь внизу без

света было бы достаточно, чтобы вызвать безумие, и даже крохотный огонек не рассеял бы ужаса такой необъятности. Молю, чтобы мне не довелось заблудиться здесь внизу.

— Красивенько, — согласился Игнатий, — только нам пора идти назад, сестра Мэри.

Брести вверх по наклону было труднее, но Мэри приветствовала это. Если она не сможет разминаться, ей не удастся сохранить силы.

— Как давно ты живешь у отца Доминуса? — спросила она.

— Не знаю. Вроде бы я и не помню, чтоб жил где-то еще. Мы с Терезой самые старшие и дольше всех с отцом.

— Да, Тереза говорила. И еще, что отец привез Джерома из Шеффилда. Ты тоже из Шеффилда?

— Не знаю. Джером, он особ статья, говорит отец. Умеет читать и писать.

— Тебя мучил плохой хозяин?

— Чего плохой?

— Плохой хозяин. Злой мужчина, который порол тебя, чтобы заставить работать.

— Отец Доминус не порет, — был ответ, прозвучавший недоуменно.

— Что вы едите?

— Свежий хлеб, который печем. Сливочное масло, джем, сыр. Жареную говядину на обед по воскресеньям. Тушеное мясо. Похлебку.

— Какую похлебку?

— Когда как. Но хорошую.

— Кто готовит?

— Тереза. Камилла помогает и другие девочки по очереди.

— Так что вы не голодаете.

— Что значит, голодаете?

— Не чувствуете все время голода, потому что еды мало.

— Нет.

— Что вы пьете?

— Слабое пиво. Горячий шоколад по воскресеньям.

— А пудинги?

— Пирожки с патокой. Паровой пудинг. Пирожки с ревенем. Сливки.

— У вас есть коровы?

— Нет. Джером привозит молоко и сливки.

— У вас есть день преклонения?

— Преклонения?

— Здраваться с Богом. Благодарить его за Его Доброту?

— Нет. Мы благодарим отца Доминуса.

Вот это интересно! Значит, Бог отца Доминуса — его собственный и детей не касается. Видимо, они принадлежали Иисусу, хотя во время следующей прогулки будет интересно спросить брата Игнатия, что ему говорилось об Иисусе.

Но когда отец Доминус появился на следующий день, Мэри испугалась, что она лишилась прогулок. Творец Космогенезиса был недоволен своим писцом.

— Вы перепутали мои страницы! — обвинил он ее, еще стоя.

— Ах, неужели? — спросила Мэри, само недоумение. — Прошу прощения, отче. Без часов или какого-либо другого измерителя времени, боюсь, я замешкалась. Я разбирала страницы, удостоверюсь, что ни на единой нет какой-либо ошибки, и вы застали меня врасплох. Я собирала второпях, позабыв разобрать их. Пожалуйста, простите меня, прошу вас!

Он чуть расслабился, но его лицо не смягчилось.

— Ну, так очень удачно для вас, что вы пронумеровали страницы, — сказал он сухо. — Жаль, вы не печатаете, как в подлинной книге.

— Единственные, кто это умел, отче, — сказала она, еле сдерживаясь, — были средневековые монахи. Полагаю, я сумею научиться, но есть ли у вас время позволить мне учиться?

— Нет, нет, нет! Сегодня мы трудимся. Начните так: «Свет есть зло, сотворенное Люцифером по собственному образу и подобию. У Бога нет глаз, но Люцифер взял две искры из своего тела и превратил их в глаза, чтобы видеть собственную красоту. Вот в чем зло света — его красота, соблазнительность, его способность ослеплять, ошеломлять и парализовать разум, открывать его для козней Люцифера». — Он умолк и поглядел на нее. — У вас волосы Люцифера, — сказал он. — Предостерегаю вас, сестра Мэри, что я увидел в вас дьявола, даже пока вы лежали без сознания на том бугре. Однако Бог послал мне вас в ответ на мои молитвы, а кто предупрежден, тот вооружен. Вы доказали целительность моего лечения отека мозга, а теперь вы служите мне писцом. Но я знаю ваше происхождение! Никогда этого не забывайте!

Затем он вернулся к своим рассуждениям о Люцифере, замешанным на ненависти к обычному феномену света, убедившим ее, что с потерей зрения доскональное изучение пещер на протяжении тридцати пяти лет толкнуло его отвергнуть мир, который он более не мог видеть, или едва-едва. На земном шаре хватает людей, почитающих пещеры, даже

считающих их обиталищем своего Бога, но мало кто истолковал это как завет питать отвращение и страх перед самым волнующим творением Бога — светом. Все почти бесчисленные оттенки серого были вытравлены из философии отца Доминуса, оставив ему черноту Бога и белизну Сатаны, которого он называл Люцифером из-за латинского наименования — Светоносец. Беспощадная вера фанатика — а они есть в любом религиозном вероисповедании, — но недостаточно категоричная для отца Доминуса, чей ум к тому же был особого склада.

Каким был он в тридцать пять лет: здоровый, бодрый, истинно гениальный? Эти лампы! Его панацеи и эликсиры, его энергия и увлеченность. Когда-то, не сомневалась она, человек редких талантов. Но теперь — помешанный. Старый, почти ослепший, опирающийся на преклонение кучки детей, чтобы подпитывать иссохшее сердце. Да и преклонение второго порядка: ему не требовались развитые умы среди его поклонников, а потому он скрыл от них магию букв и цифр, обучил их аптекарским выражениям, не растолковывая их смысла, поставил себя несравненно выше них — и предоставил своему подручному, брату Джерому, применять менее приятные аспекты дисциплинирования, таким образом сваливая страх и ненависть на Джерома, будто причиной их был вовсе не он.

Джером... Обособленный чужак, привезенный из Шеффилда, предположила Мэри, в возрасте старше, чем остальные дети. Тереза и Игнатий настаивали, что не помнят прошлого хозяина, хорошего или плохого, и категорически заявили, что этого никто из детей не помнит. Снадобье, изгладившее их воспоминания? Вполне возможно. Или он просто никогда не крал их у плохих хозяев?

Эти пещеры! В других местах их обитателей называли троглодитами, но они составляли единую общину от глубоких стариков до новорожденных и не были искусственно собранной группой, как Дети Иисуса. От Терезы она узнала, что ее каморка находится очень близко от кухни, где Тереза и ее маленькие помощницы пекли хлеб, готовили тушеное мясо, жареную говядину, пирожки, похлебки, пудинги. Никто из Детей Иисуса не заболел, не чахнул от туберкулеза, и при условии, что они трудились в лаборатории (одно из ученых слов, которым он их обучил, не объясняя их смысла), если речь шла о мальчиках, или в упаковочной комнате, если речь шла о девочках. Они были свободны бродить из Южных пещер в Северные, и даже снаружи, если им хотелось.

— Брату Джерому некогда, — сказал Игнатий. — Мы ходим, где хотим.

— Так почему вас никто никогда не видел? — спросила Мэри.

— Так из-за тьмы Бога, — ответил Игнатий просто.

— Ты говоришь про ночное время?

— Про тьму, да.

— Но разве дневное время вам не нравится?

Брат Игнатий задрожал.

— Нет, дневное время — жуткое! Глаза нам обжигает, сестра Мэри, что раскаленная кочерга.

— Да, конечно, так и должно быть, я об этом не подумала, — сказала Мэри медленно. — Наверное, глаза и у меня заболят после стольких дней, ограниченных светом ламп. Но если вы выходите наружу во тьме Бога, то куда идете? Что делаете?

— Бегаем, играем в салки, прыгаем через веревочку.

— И никто вас не видит?

— А некому видеть-то, — сказал он, удивляясь ее тупости. Снаружи Северных пещер только вереска. А из Южных мы не выходим. — С видом заговорщика он наклонился поближе и зашептал: — Мы в Южных пещерах не остаемся, все оттуда перетаскиваем в другие. Отец говорит, что на юге слишком много любителей нос совать не в свое дело — там со всех сторон коттеджи.

— А как вы получаете ваши припасы, Игнатий? Еду? Уголь для очагов? Баночки, коробочки и пузырьки?

— Толком не знаю. Этим занимается брат Джером, а не отец Доминус. У нас водной пещере полно ослов. Иногда брат Джером забирает всех ослов и уходит, а возвращается с ними всеми нагруженными. Мальчики разгружают ослов — уголь и все прочее.

— А отец Доминус остается с вами все время?

— Нет, он часто уходит наружу, пока в небе Люцифер. Принимает заказы и получает деньги. Но если он уходит, когда темно, брат Джером возит его в тележке, запряженной ослами.

— Что такое деньги, Игнатий?

Он потер тонзуру, которая прямо лоснилась от постоянного потирания.

— Не знаю, сестра Мэри.

Ангус, Чарли и Оуэн вернулись в Пемберли в четверг, когда уже стемнело, опоздав к обеду. Приняв предложение Парментера подать им еду попозже, они отправились к Фицу в Малую библиотеку.

Фиц слушал и прикидывал, что из рассказа Неда следует сообщить им.

Настроение у него было скверным, главным образом из-за Элизабет:

он знал, какое она нежное создание, и все же... все же... Что-то в ней пробуждало худшее в нем, заставляло говорить такое, чего не понравилось бы услышать ни одной жене, а тем более Элизабет. Не ее вина, что у нее такие родственницы. Собственно говоря, со временем его все больше изумляло, каким образом мистер и миссис Беннет произвели на свет пять столь разных дочерей. Двух безупречных леди — Джейн и Элизабет, полное ничтожество — Мэри и двух бесстыдных потаскушек — Китти и Лидию. Чудом были Джейн и Элизабет, которые попросту не умещались в семейной корзине Беннетов. Кому они были обязаны своей утонченностью? Не матери и не отцу. Не миссис Филлипс, их тетке, живущей в Меритоне. Гардинеры приезжали с визитом только раз в год, а потому не могли сколько-нибудь повлиять. Ну, просто, будто цыганка подменила двух новорожденных потаскушек на Джейн и Элизабет. Подкидыши, а не Беннеты.

Тем не менее брак с одной означал брак со всем семейством. Этого он не осознал вполне, рассчитывая увезти свою жену в Дербишир и обеспечить, чтобы она больше никогда не видела своих родных. Но она понимала это иначе. Она хотела поддерживать связь с ними!

С гигантским усилием он заставил себя не думать о жене и слушать Чарли, которому Ангус предоставил говорить за них троих; и говорил он хорошо, без нелогичностей или избытка эмоций.

— Не верю, что Мэри побывала в «Зеленом человеке», — говорил он, — хотя она, бесспорно, столкнулась с Капитаном Громом. Вот! — Он разложил ретикюль. — Пуст. Мы нашли его на дороге, а в канаве неподалеку одну из ее сумок. Мерзавец, назвавшийся хозяином «Зеленого человека», говорит, что Капитан Гром живет где-то в лесах, но где его дом, никто не знает. За его голову назначена награда, и он не может быть уверен, что кто-нибудь из его сообщников его не продаст. В конце концов мы решили, что следует заручиться твоим советом и помощью, прежде чем предпринять что-то еще.

— Благодарю, Чарли, — сказал его отец, очень довольный тем, как молодой человек показал себя. Разумеется, Ангус влияет на него благотворно, но потому лишь, что Чарли не питает к нему неприязни. Совершенно ясно, что они с Ангусом превосходно ладят, и от него не ускользнуло, что Ангус позволил Чарли войти в «Зеленого человека» одному.

Он встал, чтобы налить шамбертена.

— Говорят, это любимое вино Бонапарте, — сказал он, вручая бокалы. — Теперь, когда французы отчаянно нуждаются в иностранной

валюте, мы вновь видим очень хорошие вина, и я думаю внести в палату предложение снизить пошлину на коньяк. — Он сел и скрестил ноги. — Вы отлично потрудились все трое, — сказал он, особо улыбнувшись Оуэну. — Зная, что к тому времени, когда вы сможете уехать, след уже остынет, я поручил поиски еще и Неду Скиннеру. Во многих отношениях он более искусен в таких делах, чем вы, но его расследование не продвинуло нас намного больше, чем ваше. Немалое достижение с вашей стороны.

Чарли было не до комплиментов, он торопился услышать, что узнал Нед. Он наклонился вперед.

— Он нашел Капитана Грома?

— Да. И ваши предположения были верными. Капитан Гром действительно напал на Мэри и ее ограбил. Но в «Зеленого человека» ее не увез. Он бросил ее в лесной чаще, предположительно, чтобы она блуждала там, пока не умрет. Однако, Чарли, твоя тетка скроена из более крепкого материала, чем обычные леди. Как она умудрилась выйти на дорогу, я не знаю, но Нед нашел ее всего в нескольких шагах от канавы.

— Браво! — вскричал Чарли, его лицо преобразилось. — Значит, она спасена? Она хорошо себя чувствует?

— На это ни я, ни Нед ответить не можем, — сказал Фиц, нахмурясь. — День у Неда был тяжелый, и к тому времени, когда он нашел ее, ему самому стало плохо. Спазмы в кишках от скверной еды в «Черном коте», полагает он.

С округлившимися глазами они ловили каждое слово Фица.

Мэри была без сознания и не приходила в себя. Ее сильно избили, жестоко ударили по голове. Когда Нед спросил Капитана Грома, то услышал в ответ, что она отчаянно сопротивлялась.

Последовали возгласы негодования и проклятия, но Фиц продолжал:

— Нед положил Мэри поперек холки Юпитера и поехал домой. Но вблизи Скалистого края ему потребовалось незамедлительно облегчиться — скверная еда взяла верх над ним. Не зная, как надолго это его задержит, он положил Мэри на бугор возле тропы, по которой ехал, и зашел за деревья. Когда он вернулся, Мэри исчезла.

— Исчезла? — переспросил Ангус, бледнея.

— Да, пропала. Часы Неда сказали ему, что отсутствовал он десять минут и ни секунды дольше.

— Десять минут? — переспросил Чарли. — Как могла она исчезнуть всего за десять минут?

— Да, как? Нед искал, как умеет только он, и, уверяю вас, расстройство кишечника не повлияло на его тщательность. Никаких ее

следов ему найти не удалось. Он вскочил на Юпитера и смотрел с высоты, продолжая поиски дальше. Безуспешно. Ее умыкнули столь же ловко, как фокусник в цирке свою помощницу.

— Капитан Гром! — вскричал Чарли, ударяя себя по бедру.

— Нет, Чарли. Кто угодно, но не Капитан Гром. К этому времени его труп уже остыл. Нед убил его в схватке, когда отыскивал дом негодяя.

— Как он его нашел, если места не знал никто?

— Ему сказал сообщник Капитана на ноттингемской почтовой станции, который, наверное, высматривал подходящие жертвы и получал долю добычи.

— Не могла она очнуться и уйти? — спросил Ангус. Ему было невыносимо видеть боль Чарли и невыносимо испытывать свою. «О, Мэри! Ты и твой крестовый поход!»

— Нед говорит, что никак не могла, и я ему верю. Кровоподтеки на ее запястьях и даже на горле опасности не представляли, но удар по голове был настолько сильным, что вызвал долгое беспамятство. Если бы она очнулась, что не исключено, то была бы в растерянности и с трудом держалась бы на ногах. Где уж тут бежать! Нед обыскал каждый дюйм во всех направлениях на пять миль в окружности. Приходится предположить, что она не ушла, а была унесена.

— Кем? — спросил Ангус вне себя от отчаяния.

— Не знаю.

— Зачем? — спросил Ангус в отчаянии.

— Не знаю.

— Кем? — спросил Оуэн. — Кто бы сделал подобное?

— Сначала я подумал, что тем, кто ее унес, руководил рыцарственный порыв. Быть может, он счел, что Нед замышляет злодейство. Поскольку Честерфилд — ближайший город, я вчера навел там исчерпывающие справки в надежде, что туда доставили неизвестную женщину, и мэр или шериф извещены. Но никто никакой женщины не привозил. Мои люди расспросили всех врачей с тем же результатом. Следовательно, кто бы ни похитил Мэри, действовал отнюдь не из рыцарственных побуждений, а замыслив что-то гнусное. Будь она известна, как моя родственница, я предположил бы похищение ради выкупа и ожидал бы, что его потребуют. Но нет. Потому что, по моему убеждению, никто не знал, кто Мэри такая. Выглядела она во всех отношениях ужасно: вымазана в грязи, вся в синяках и кровоподтеках.

— И причина — испорченная еда в «Черном коте»? — вскричал Чарли. — Нет, я знал, что там травят клиентов. Но найти ее только для того,

чтобы вновь потерять...

— Согласен.

— Так что нам делать теперь, папаша?

— Сделаем случившееся достоянием гласности... С некоторыми умолчаниями, конечно. Дадим объявление, что мисс Беннет пропала, укажем, где ее видели в последний раз, и в каком она, возможно, состоянии. Мы скажем, что она сестра миссис Фицуильям Дарси и предложим награду в сто фунтов за сведения, которые помогут найти ее. Поскольку Мэри очень похожа на Элизабет лицом, я распоряжусь, чтобы Сьюзи сделала чернильный набросок с портрета Элизабет и включу его в объявление. Кроме всех городских ратуш и деревенских управлений я помещу это объявление во всех газетах страны.

— А я напечатаю статью в «Вестминстер кроникл» об опасностях, каким может подвергнуться респектабельная женщина, путешествуя в почтовой карете, — сказал Ангус. — Ее читатели есть во всех уголках Англии.

— Благодарю, — сказал Фиц, царственно наклоняя голову, и повернулся к сыну. — Если хочешь, Чарли, можешь с людьми из Пемберли осмотреть тропу, где произошло похищение. Нед даст тебе необходимые указания. — Его лицо помрачнело. — Дело в том, что тропа эта малоизвестна, и ею редко пользуются. По сути, это кратчайший путь из Пемберли в Честерфилд. — Он предостерегающе поднял палец. — Мне нет нужды предупреждать, чтобы ты молчал о судьбе Капитана Грома.

— Договорено, папаша.

— Отбери тех, кто знает Южный Скалистый край.

— Разумеется.

— А теперь идите и поешьте. Как вам мой шамбертен?

— Очень приятный и с букетом, — сказал Ангус без запинки. — Бонапарте разбирается в винах. Не такая уж редкость для француза, — добавил он небрежно.

Фиц презрительно хмыкнул.

— Этот человек не француз. Он корсиканский мужлан.

Конюх почтовой станции в Ноттингеме оставался не завязанной ниткой, которую требовалось завязать, понял Нед Скиннер, проклиная собственную непредусмотрительность. Почему он не задержался узнать имя парня и откуда он? Потому что понятия не имел, насколько важными они окажутся, гневно пенял он себе, пока готовил легкий экипаж и Юпитера, чтобы доставить Лидию Уикхем в «Хеммингс». Совершенно

ясно, что конюх был соглядатаем Капитана Грома в Ноттингеме, брал золотые разбойника в обмен на сведения о пассажирах почтовых карст. Далеко не все они были на грани бедности; некоторые вполне могли бы позволить себе собственный экипаж, что и привлекало к ним внимание разбойника, о сети соглядатаев которого они и не подозревали. Монеты в провинциальные банки также отправлялись почтой, ценным было и содержимое некоторых посылок. Конюх, подкупленный Капитаном Громом, знал расписание всех карет, проезжающих через ноттингемскую станцию, а Ноттингем был большим городом со многими промышленными предприятиями, а потому богатый.

Газеты с объявлением о Мэри и награде в сто фунтов должны были выйти в ближайшее время, и нельзя было допустить, чтобы конюх прочел объявление или услышал про него, иначе он в мгновение ока поспешит сообщить, что ему известно, подставив под угрозу шею Неда Скиннера. Ведь кто забудет его при его-то телосложении? Фицу меньше всего нужно, чтобы его фактотума бросили в тюрьму по подозрению хоть в чем-нибудь, не важно, как легко их опровергнуть.

Вот почему Нед не получил никакого удовольствия от четверга, потраченного на доставку миссис Лидии Уикхем в «Хеммингс», ее новый дом.

Заманенная в экипаж бутылкой коньяка, Лидия принялась пить с торопливостью, уложившей ее в лоск к тому времени, когда они проехали Лик. «Хеммингс» находился в десяти милях от города, небольшой особняк посреди парка в десять акров. В конюшне стояла четырехместная коляска, пара подобранных в масть гнедых и пони для тележки. Жилище очень похожее на мэнор Шелби, но только, как острый взгляд Неда заметил в сгущающейся темноте, окна нижнего этажа были забраны железными решетками. Да, конечно же! Последним обитателем «Хеммингса» был буйнопомешанный. Однако Нед присутствовал при том, как Фиц сказал Мэтью Споттисвуду проследить, чтобы решетки убрали, так почему же? Тем не менее... он закрыл глаза, сосредоточиваясь, стараясь понять, как наилучшим образом использовать это упущение. Остаться в окнах решетки не могли, это-то было очевидно: ведь миссис Дарси и миссис Бингли, несомненно, будут навещать сестру, однако... Да, это может сработать.

Он хорошо знал мисс Мирабель Мэплторп и не сомневался, что обязанность заботиться о Лидии ей вполне по плечу. Потребовалось кое-какое маневрирование, чтобы обеспечить ей место компаньонки Лидии, но он преуспел, и никто ничего не узнал, включая Фица.

Мисс Мэплторп сама открыла дверь.

— А! Нед.

— Я привез твою подопечную, Мирри.

— Мы готовы. Веди ее, — сказала мисс Мэплторп, высокая крепкая женщина лет сорока, чье лицо позволяло заключить, почему она все еще не была замужем. Оно наводило на память лицо Джуди, партнерши Панча на ширме. Бедная Мирри! Редко лицо и занятие столь совершенно гармонируют.

— Она лежит в лежку. Единственным способом доставить ее сюда, не связывая по рукам и ногам, была бутылка коньяка.

— Понятно. — Ее ледяные глаза иронично оглядели его. — Ты достаточно силен, Нед, чтобы внести ее в дом.

— Справедливо. Но мне не хочется возвращаться домой в накидке из блевотины. А этого не избежать — она мастерица блевать.

— Ну, так подожди минуту. — Она оставила его на крыльце, направилась в глубину дома и вновь появилась с двумя мужчинами, более похожими на боксеров, чем на лакеев.

— Пошли, ребята! — И он повел их к экипажу, открыл дверцу. — Прибыли, миссис Уикхем. Прыгайте!

Прыгнуть она не прыгнула, но с сиденья сползла, поставила ногу на ступеньку и, хихикая, рухнула бесформенной кучей. Как и предсказал Нед, коньяк вырвался наружу вместе с содержимым корзинки закусок. Оба мужчины торопливо попятились.

— По руке ей под мышки, ребята! И поживей!

Когда Нед Скиннер приказывал, ему подчинялись, блевотина там или не блевотина. Лидию, все еще хихикающую и рыгающую, полуповолокли, полувнесли в ее новое жилище под угрюмым взглядом мисс Мэплторп.

— Счастливо оставаться, Мирри, — сказал Нед. — Экипаж и этих молодцов отошлешь к нам завтра. Так распорядился мистер Дарси.

Он вернулся к Юпитеру и вскочил в седло.

— Подбодрись, старина, — сказал он коню, когда отъехал, — всего десять миль до Лика, и устроимся на ночлег.

Вскоре после рассвета он уже снова был в пути, но не на север к Пемберли, а напрямик, избегая трактов, а когда возможно, и проселков. Он точно знал, куда направляется: примерно в двадцати милях от Лика, на окраину Дерби.

Он не торопился и позволил Юпитеру самому выбрать аллюр — редкое удовольствие для могучего вороного коня, которое он оценил по достоинству.

На условленном месте у придорожного столба он нашел своего

осведомителя, конюха на сомнительном постоялом дворе в Шеффилде, лошадирика с ног до головы, настолько, что он немедленно располагал к себе таких же, как он. Время от времени он выполнял такого рода поручения мистера Скиннера, которого знал давно и боялся, и уважал.

— Ну, Том? — спросил Нед, натягивая поводья рядом с ним.

— Без хлопот, мистер Скиннер. Звать его Иезекииль Кармоди. Зек для краткости. Шесть дней в неделю работает на почтовой станции, ночует там в сарае. По воскресеньям уходит домой. У его папаши ферма под Незер-Хиджем — большая. Разводит упряжных лошадей для почтовых карет.

— Название фермы?

— Кармоди.

— Спасибо, Том. — Пять гиней перешли из рук в руки. — А теперь иди домой.

И Том ушел, вполне довольный.

Сведения оказались куда лучше, чем надеялся Нед. С таким именем, как Иезекииль, конюх мог быть только методистом, обязанным проводить воскресенья дома. Однако вряд ли, думал Нед, родители знают, что их богобоязненный сынок Зек был доверенным разбойника. Ну и кто может осуждать паренька? Уж конечно, ни одного собственного пенса с таким-то отцом; лошади папани продаются почтовым компаниям, а заработок Зека — гарнир для семьи и церкви. И думать нечего о пинте эля или дешевой потаскушке. Участь, которую я наблюдаю снова и снова.

Точно рассчитав время, Нед оказался у фермы Кармоди в час дня — час обеда. Он обнаружил главные ворота в конце четвертой дороги, которую проверил, с гордым названием на них «ФЕРМА КАРМОДИ». После тщательного обзора он решил, что это наилучший вход к дому; да, именно тут пройдет Зек Кармоди. Как именно конюх добирается до города, Нед знать не мог; вероятнее всего подсаживается к кому-то, кто едет в эту сторону из Ноттингема. Но Нед побился об заклад с самим собой, что последние четверть мили своего еженедельного возвращения домой Зек проходит пешком.

В субботу, пока Юпитер подремывал в стойле перед кормушкой с овсом, Нед, укрывшись от лишних глаз, трудился над необычным приспособлением — колом с прибитой к нему подковой размера, предназначенного для битюгов, лошадей, которые тащат невероятно тяжелые почтовые кареты.

Вечером в субботу в десять часов он сел на Юпитера и поехал к ферме Кармоди сначала по тракту, безлюдному в ночное время, Юпитеру

предстояло покрыть пятьдесят миль, но много всадников проезжали за день сто и более миль: курьеры, священники с широко рассеянной паствой, торговцы, родные, торопящиеся к одру болезни или смерти. Луны не было, но густые облака звезд освещали ему путь, а Юпитер не привык спотыкаться.

Они уложились в хорошее время — Нед добрался до места своего назначения до зари и устроился ждать среди теней под деревьями с обремененными листвой тяжело свисающими ветвями неподалеку от главных ворот фермы. Отвязав от седла кол с подковой, Нед положил его и еще кое-что рядом с собой. Он весь кипел, винил себя за потерю Мэри Беннет и положил не оставлять ничего, что могло бы дать пищу для раздумий какому-нибудь чересчур въедливому констеблю.

Зек Кармоди знал, где находится дом Капитана Грома, и был не сдержан на язык. Хотя Нед, понимая потребности Зека, и сожалел о его участи — неизбежной смерти, никакая жалость, даже в миллион раз большая, не остановила бы его руку. Фиц оказался в опасности из-за его, Неда, недосмотра, и только это имело значение.

Бодрое насвистывание на дороге насторожило его. Нед встал, потянулся и за кудрявыми деревьями изготовился разделаться со своей добычей. Едва конюх миновал его, как Нед взмахнул колом и ударил парня по голове. Тот без единого стога растянулся на проселке. С молниеносной быстротой Нед утащил тело под деревья, где уже расстелил парусину. Расположив тело на парусине, как ему требовалось, он прижал подкову к ране аккуратно и тщательно и ударил по концу кола камнем, который позаимствовал с луга фермера Кармоди. Одного отпечатка подковы было достаточно; оглядев кровавое месиво, он решил, что кто угодно определит рану как следствие стычки с большой лошадей. Затем он закутал тело в парусину, оттащил на некоторое расстояние дальше по проселку и вывалил на луг, где паслись четыре битюга, чьи копыта и метелки волос над ними были в грязи после недавнего дождя.

Никто не вышел из дома, ни одна собака не залаяла. Спокойно дыша, Нед бережно сложил парусину, следя, чтобы ни капли небольшого количества крови в ней не упало наружу, и разъял свое орудие убийства. Подкову он зашвырнул на луг, кол засунул в парусину. Он держался тени, пока не достиг узкой дороги на Незер-Хидж; там он выпрямился и быстро направился к Юпитеру, пасущемуся неподалеку. Оседлав коня, обрадовавшегося ему, он вскочил на него и уехал. Вдалеке звонил церковный колокол, но никто не видел Неда Скиннера, теперь зарысившего к дороге на Честерфилд.

Без сомнения, сведения Капитану Грому поставляли и другие конюхи — почтовые гостиницы были идеальным местом для их сбора, — но они никакого значения не имели. Только Иезекииль Кармоди разговаривал с гигантом на гигантском коне и сказал ему, где живет Капитан Гром. Теперь, когда Зек стал жертвой ужасного несчастного случая, уже никто не мог связать Неда Скиннера с разбойником. Всегда лучше подвязывать все концы. Констебли графства были неповоротливы и ленивы, но...

Известие, что Мэри похищена неизвестно кем, оглушило Элизабет — и в немалой степени оттого, что Фиц счел нужным сообщить эту новость публично в Комнате Рубенса после обеда, незадолго до возвращения Чарли, Ангуса и Оуэна. Хотя Элизабет знала об ее исчезновении уже некоторое время, Фиц не отвел жену заранее в сторону и не сказал ей с глазу на глаз о похищении. Нет, он сказал ей об этом в присутствии Каролины Бингли и Луизы Хэрст, и дочери Луизы Летиции (она же Букетик), возможно, самой пустоголовой и нудной барышни из всех знакомых Элизабет. И потому ей оставалось только подавлять свой гнев до более подходящего момента, чтобы обрушить его на холодную бесчувственную голову Фица. Под щитом восклицаний Каролины, обморочности Луизы и взвизгиваний Букетика она сидела с двумя горящими красными пятнами на щеках, но столь невозмутимо, что никто не догадался бы, что она слышит об этом впервые. Гордость Элизабет. У тебя тоже есть гордость.

Ее муж перешел к перечислению мер, какие он намеревался принять, примерно тем же, какие он перечислил Чарли, Ангусу и Оуэну: объявление, награда, чернильный набросок Сьюзи. Он рассказал им о роли Капитана Грома в случившемся и неразрешимой тайне ее исчезновения, когда она была под опекой Неда Скиннера. Он не дал понять, будто Капитан был причастен к этому второму исчезновению, хотя и не упомянул о смерти Капитана Грома от руки Неда, а только лишь, что второй раз похитить ее Капитан не мог.

— Ты скажешь Сьюзи про набросок или я? — спросила она.

— Я скажу. Я знаю, что мне требуется, — ответил Фиц.

— Был ли хоть раз, когда бы ты не знал, что тебе требуется? Завтра же с утра я поеду в Бингли-Холл рассказать Джейн.

— Ах, позвольте мне составить вам компанию! — вскричала Каролина. — Двадцать пять миль туда, двадцать пять миль обратно. Вам потребуется истинно сочувствующая рука, чтобы за нее держаться.

Глаза Элизабет буквально застлала багровая пелена.

— Благодарю вас, сударыня, — сказала она кусаяще, — но я

предпочту держаться за руку черта, чем за вашу. Он по крайней мере честен в своей злокозненности.

Раздалось всеобщее аханье. Каролина взвилась на ноги, Луиза перевесилась через ручку кресла, а Букетик хлопнулась ничком на пол. Элизабет сидела с презрительной усмешкой на лице, наслаждаясь каждым моментом, и, ах, какое наслаждение это было! Фиц устремил взгляд на великолепную рубенсовскую нагую богиню над камином.

— Прошу извинить меня, я очень устала, — сказала Каролина, обдав Элизабет взглядом, полным яда, и получив в ответ фиолетовую вспышку, с которой коричневым радужкам мисс Бингли соперничать не приходилось.

— Я поднимусь с тобой, дорогая, — сказала Луиза, — если ты поможешь мне с бедняжкой Легацией. Какое проявление верха невоспитанности!

— Да, убирайтесь, — яростно сказала Элизабет.

— Единственно, чему я могу быть благодарен, Элизабет, — сказал Фиц у дверей ее спальни, — что Чарли, Ангус и мистер Гриффитс отсутствовали и не слышали, как ты оскорбила мисс Бингли столь вульгарно.

— Чума побери Каролину Бингли! — Элизабет открыла дверь и промаршировала внутрь, готовая захлопнуть ее перед лицом Фица.

Но он схватил ее за локоть и последовал за ней, побелев настолько же, насколько она покраснела.

— Я не потерплю, чтобы ты говорила столь грубо с кем-либо из моих гостей!

— Я буду говорить с этой женщиной в таких выражениях, в каких пожелаю. Она лгунья и зловредная сплетница, и это еще комплименты в сравнении с другими ее определениями! — сказала Элизабет, зашипев. — Мерзкая! Отвратительная! Злобная! Коварная! Насквозь фальшивая! Я двадцать лет терпела Каролину Бингли, Фиц, и хватит! В следующий раз, когда ты пригласишь ее в Пемберли, в Дарси-Хаус или куда-нибудь еще, где нахожусь я, будь добр, извести меня заранее, чтобы я могла избежать соседства с ней!

— Это уже чересчур, сударыня! Вы моя жена и перед Богом поклялись подчиняться мне. Я приказываю вам быть вежливой с Каролиной! Вы слышите? Я приказываю вам!

— Знаешь что ты можешь сделать со своими приказами, Фиц? Засунуть их туда, куда обезьяна сует свои орешки!

— Элизабет! Сударыня! Или вы помешаны не менее вашей младшей сестрицы? Как вы смеее говорить со мной так непотребно!

— Какой же ты лицемерный ханжа. По крайней мере одно можно сказать в пользу Каролины Бингли, — задумчиво произнесла Элизабет, — что видишь, то и получаешь. Никакой фальшивой личности. Просто капающая губка, полная серной кислоты. Тогда как ты, Фицуильям, самый двуличный, самый подлый из всех людей. Как ты посмел сообщить мне, что Мэри похитили перед двумя гарпиями, как Каролина и Луиза? Или ты вообще лишен чувств? Сострадания? Понятия о том, как обойтись с женой и сестрой? Что мешало тебе отвести меня в сторону и сказать без посторонних? Как ты можешь оправдать такую бессердечную глупость? Я же даже не могла выдать свои чувства! Иначе о них были бы оповещены все лучшие дома Лондона, едва Каролина вернется туда! С хихиканьем тут, с хитрым взглядом там и повсюду с намеком! Как жестоко, Фиц! Омерзительно жестоко! — Вся дрожь, Элизабет запнулась, не находя, что еще сказать. Он воспользовался паузой.

— Разумеется, твоя критика в мой адрес вовсе не новинка, я это знаю. Ты с восторгом поносила меня, как... э... самодовольного, надменного, гордого и неучтливового двадцать один год назад. Поздравляю тебя с новым набором эпитетов. Они меня не трогают. А за то, что про исчезновение Мэри я не сообщил тебе наедине, вини себя. Я не терплю женских обмороков и слез. Наш брак покоится не на скале, сударыня. Он расползается на зыбучих песках. Таких, которые создали вы. Вы не подчиняетесь мне, хотя это входило в ваш брачный обет. Отсутствие у вас надлежащего декорума и ваш язык — верх неприличия. Более того, ваше поведение быстро ухудшается. Я уже не уверен, что вы будете вести себя приличнее вашей сестры Лидии.

— Тогда как вы не находите ничего предосудительного в том, чтобы сказать мне, что предпочли бы никогда на мне не жениться? — спросила она, сверкая глазами.

Его брови поднялись.

— Я сказал правду.

— В таком случае, полагаю, нам следует покончить с фарсом нашего брака.

— Покончит с ним только смерть, сударыня, и ничто другое. — Он направился к двери. — Не раздражай меня сильнее, Элизабет. Я берусь умиротворить Каролину, объяснив ей, что ты не в себе. Легкое помрачение, вызванное тревогой за сестер. Ей известна слабость, свойственная вашей семье, так что моего тактичного объяснения будет достаточно.

— Я не просила тебя лицемерить, обходительно успокаивая Каролину Бингли! Вернее, прошу тебя не трудиться! Ты клеймишь всех Беннетов! —

вскричала она, когда он открыл дверь. — Лидию, Мэри, теперь меня!

Дверь закрылась за ним с довольно громким стуком. У Элизабет подкосились ноги, и она упала в ближайшее кресло, зажав голову между коленями, борясь с тошнотой. Ах, Фиц, Фиц! Где мы оступились? Кто твоя любовница? Кто? Кто?

Биение ее сердца замедлилось, голова прояснилась. Элизабет освободилась от голубовато-серого шелкового платья, драгоценностей, нижнего белья и надела ночную газовую сорочку. Зачем, собственно, мне вся эта мишура, если Фиц теперь даже близко к моей кровати не подходит? Потому что эти сорочки удобны, вот почему. Фланелевые рубашки моей юности натирали кожу, вызывали зуд.

Где-то снаружи взвизгнула лисица, ухнула сова. Ах, Мэри, где ты? Кто мог бросить вызов ярости Неда Скиннера? И что скрывает от меня Фиц? Как устроилась Лидия в своем доме в «Хеммингсе»?

Съев хрустящую булочку прямо из духовки и выпив чашку горячего шоколада, Элизабет на следующее утро отправилась в Бингли-Холл к своей сестре Джейн, которая претерпела еще один выкидыш — слава Богу. Чарльз написал, что будет отсутствовать еще по меньшей мере двенадцать месяцев, так, может быть, Джейн успеет вернуть себе здоровье, прежде чем все опять начнется сначала. Как тогда выразилась Мэри? Что она хотела бы, чтобы Чарльз заткнулся пробкой. До чего шокировало бы Фица столь прямолинейное высказывание девствующей леди!

Бингли-Холл высился среди пяти тысяч акров за деревушкой Уайлдбордклу южнее Макклесфилда. Удачная покупка для того, кто хотел возвысить свое положение в свете, из плутократа стать аристократом. И поместье досталось Чарльзу за умеренную плату, спасибо Фицуильяму Дарси, гаранту не его богатства (оно в доказательствах не нуждалось), но его респектабельности, его благовоспитанности. Чарльз Бингли не воспользовался бы не той вилкой и не поставил бы на стол графин с портвейном! Земля хорошо обрабатывалась арендаторами, и Чарльз был достойным лендлордом, но главным украшением поместья оставался господский дом, большое белое здание с центральной частью и двумя флигелями. Его великолепный палладианский фасад указывал, что построен он в семнадцатом веке.

Мальчики куда-то отправились — младшему теперь было восемь, и, значит, они понимали, что их мать нуждалась в тишине и покое. Единственная девочка, Присцилла, родилась после Уильяма, Персиваля, Роберта, Джеймса и Марка, а потому не было никакой надежды, что

Присси, как ее называли все, будет грациозной и женственной, поскольку Хью и Артур были младше нее, в ее распоряжении имелись два братца, чтобы командовать и помыкать. И она резвилась столь же увлеченно, как и ее братья, оставляя в своем кильватере хаос и гору штопки в рабочей корзине экономки.

— Она всегда особенно непослушна, когда Чарльз в отъезде. Он превосходно умеет управляться с ней, — сказала Джейн, заведшая бингловскую литанию для убаживания сестры, едва та приехала, как раз к завтраку, сервированному в десять часов, страшась заговорить о Мэри.

Вошел Уильям, но не ради завтрака, а чтобы поздороваться с тетушкой, к которой питал самую горячую привязанность. Тетя Элизабет была безоговорочно любима, тетю Луизу он терпел, а тети Каролины боялся. На год старше Чарли, молодой красавец, очень походивший на отца, за которым, видимо, должен был последовать в лабиринт коридоров плутократии. Поскольку он выбрал Кембридж, кузены практически виделись только на Рождество, чему Элизабет была только рада. Ведь они заведомо не ладили бы. Чарли все схватывал на лету, Уильям брал усидчивостью. Взгляды Чарли отличались блистательной оригинальностью, Уильяма — ортодоксальностью. Чарли не обращал внимания на девушек... или на мальчиков, черт бы побрал злословие Каролины! Тогда как Уильяму нравилось разбивать сердца и вести список своих побед.

Однако оставался он недолго, и никто его не сменил, даже Присси.

— Ты ничего не ешь, Лиззи, — неодобрительно сказала Джейн. — Честное слово, ты сейчас столь же стройна, как когда выходила замуж, и никакой причины у тебя нет. Съешь хлеба с маслом.

— Только кофе, благодарю тебя. Я поела в Пемберли.

— Но это же было давным-давно. Что такое я слышала о Лидии? — спросила Джейн, наливая кофе.

— Лидии? — На мгновение Элизабет растерялась... За последние несколько дней столько произошло! Как она могла забыть про Лидию? А потому она изложила эту историю, а Джейн слушала ее с ужасом.

— О, это слишком! И ты не можешь повторить мне точно, какие слова она употребляла, попрекая Фица?

— Поверь мне, не могу. Самый сквернословящий солдат этих слов не произнесет, или же будет наказан палками до полусмерти. Право, Джейн, она употребляла самые худшие слова, какие только имеются в нашем языке. И она была совершенно пьяна! Только улещивая ее бутылкой, мы сумели добиться, чтобы она позволила нам ее вымыть!

— Значит, ее придется запереть, — сказала Джейн со вздохом.

— Фиц так и решил, а его решение — закон. Все же, как я ни осуждаю его самовластия, должна признаться, что и сама не вижу иного выхода, кроме как запереть ее, подобно маме. Ее новый адрес «Хеммингс» в десяти милях по ту сторону Лика. Милях в шестнадцати-семнадцати от Бингли-Холла. Как только смогу, я навещу ее.

— Давай поедem вместе. Сегодня что? Среда? Договоримся на эту пятницу? — спросила Джейн.

— Невозможно, — тоскливо сказала Элизабет. — Лидия — это еще не все мои новости. Правду сказать, я приехала совсем по другой причине.

— Так скажи же!

— Мэри пропала. Мы боимся, ее похитили.

После выкидыша Джейн еще далеко не оправилась, и она потеряла сознание. Приведенная в чувство нюхательными солями и нашатырем, она разрыдалась, и прошло полчаса, прежде чем она успокоилась настолько, чтобы Элизабет могла рассказать ей подробности.

— Я приехала потому, что не хотела, чтобы ты прочла об этом в газетах, — закончила она. — Фиц решил включить в объявление набросок моего лица из-за моего сходства с Мэри. А награда в сто фунтов достаточно велика, чтобы подтолкнуть на тщательные поиски.

— Лиззи, это ужасно! Ах, бедняжка Мэри! Голы и годы присмотра за мамой, а теперь это... И почему она ехала в простой почтовой карете?

— Мы не знаем, даже Ангус Синклер. Если бы не он и не ее бессвязное письмо Чарли в прошлом году, мы знали бы еще меньше. Они, видимо полагают, что она занялась чем-то вроде исследования положения бедняков в намерении написать книгу. Возможно, поездки в почтовых каретах требовались ей для этого.

— Да, пожалуй, — сказала Джейн, кивая. — При всех ее добродетелях и благочестивости Мэри никогда не хватало здравого смысла. Когда я увидела ее на похоронах мамы, мне показалось, что она изменилась много к лучшему, но, возможно, перемена эта была поверхностной — гнойнички исчезли, хочу я сказать. Ведь, очевидно, здравого смысла она лишена по-прежнему. Во всех отношениях.

— Нет, я верю, что она изменилась к лучшему в самой основе своего характера. Во всяком случае Нед Скиннер восхищен силой ее духа, а он чувствительностью не отличается. Она отчаянно сопротивлялась, когда на нее напали, и сумела выбраться из лесной чащи. Похищение ведь произошло не на большой дороге, а у тропы, причем вдали от сколько-нибудь больших городов. А потому Фиц исключает участие грабителей или

разбойника. Я же начинаю думать, Джейн, о каком-нибудь сумасшедшем.

— Бедламца, имеешь ты в виду? Но ведь ближе Манчестера ни одного бедлама нет.

— Да. Фиц наводит справки, не сбежал ли кто-нибудь оттуда в последние дни. А также из бирмингемского бедлама.

Они обсуждали эту тему, пока не исчерпали все возможности, и к тому моменту силы Джейн тоже исчерпались.

— Признаюсь, я рада, что Чарльз будет отсутствовать еще год. Тебе необходимо время, чтобы оправиться как следует, — сказала Элизабет.

— У него на Ямайке есть любовница, — сказала Джейн совершенно обычным тоном. — И дети от нее.

— Джейн! Нет!

— Да.

— Кто тебе это сказал?

— Каролина. Она была очень рассержена. Девушка эта — мулатка, что оскорбляет щепетильность Каролины. Это ведь означает, что и дети тоже мечены, бедняжки.

— О, я знала, что была права, положив конец доступу в мой дом этой... этой суке! — воскликнула Элизабет. — Джейн, Джейн! Молю тебя, не страдай. Чарльз любит тебя, голову даю на отсечение!

Прекрасное медового цвета лицо озарилось улыбкой до ямочек на щеках.

— Да, Лиззи, я знаю, Чарльз меня любит. Я никогда ни на йоту в этом не сомневаюсь. Джентльмены... ну, непонятны в некоторых отношениях, только и всего. Деловые интересы Чарльза в Вест-Индии требуют его присутствия там каждые восемь-девять лет, и он отсутствует всегда месяцы, а то и год, если не больше. И я скорее предпочту, чтобы он взял в любовницы порядочную женщину, чем порхал от одной к другой. Я не хочу сопровождать его в этих поездках, так как же я могу сетовать? Я просто надеюсь, что он достаточно обеспечивает эту женщину и ее детей. Когда он вернется в этот раз, я с ним поговорю.

Элизабет уставилась на нее в изумлении.

— Джейн, ты святая. Даже у любовницы нет власти сразить тебя или разрушить твой брак. Что ты сказала Каролине, когда она тебе насплетничала?

— Примерно то же, что сейчас говорила тебе. Лиззи, ты слишком сурова к бедной Каролине. Некоторые люди до того переполнены злобой, что она бьет из них, будто струя фонтана. Каролина именно такая. Прежде я думала, что свой яд она копит только для тебя и меня, но вовсе нет. Он

предназначается для всех, на кого она в обиде. Это и мулатка Чарльза, и Чарли, и многие лондонские дамы.

Элизабет не упустила открывшейся возможности.

— Ты случайно не знаешь, кто любовница Фица, Джейн?

— Лиззи! Только не Фиц! Он слишком горд! С чего ты взяла? Это неправда.

— Я думаю, именно так. Моему терпению приходит конец... Не знаю, сколько еще я смогу поддерживать этот фарс, — сказала Элизабет. Ее горло мучительно сжималось. — Совсем недавно он поделился со мной, как отчаянно сожалеет, что женился на мне.

— Нет! Не верю! Он был так страстно влюблен в тебя, Лиззи. Совсем иначе, чем у меня с Чарльзом. Нам было хорошо и уютно вместе — первое место занимала любовь, а не страсть. С Фицем это было прямо наоборот. Он пылал страстью, всеподчиняющей бурной страстью. Чем ты разочаровала его? Если он сказал подобное, значит, ты его разочаровала и самым страшным образом. Послушай, у тебя же должны быть какие-то предположения!

Элизабет встала с закрытыми глазами и начала демонстративно натягивать узкие лайковые перчатки, по очереди, палец за пальцем. Когда она открыла глаза, они были темными, как буря. Джейн в ужасе отпрянула.

— Единственной, на кого я всегда могла положиться, была ты, Джейн. Да, я употребила прошедшее время, так как вижу, что ошибалась. Мой муж обходится со мной возмутительнейшим образом! Я не сделала ничего, чем могла бы его разочаровать! Напротив, это он меня разочаровывает. Вчера вечером я предложила уехать от него, но он даже этого мне не позволяет! Почему? Потому что ему пришлось бы отвечать на вопросы о жене, которая его оставила! Какой же заискивающей, пресмыкающейся женой ты должна быть, Джейн! Неудивительно, что ты извиняешь такие невинные причуды, вроде любовниц.

Она уставилась в окно, игнорируя новый захлебывающийся плач сестры.

— Я вижу, моя карета подъехала. Нет, не трудись вставать, завершай спокойно свое хныканье. Я найду дорогу сама.

И она вышла вон вне себя от гнева, содрогаясь — чтобы проплакать всю дорогу домой в Пемберли. Там она прошла прямо в свои апартаменты и приказала Хоскинс задернуть занавески.

— Сообщите мистеру Дарси, что я слегла с тяжелой мигренью и не смогу попрощаться с миссис Хэрст, мисс Бингли и мисс Хэрст.

— Не хочу быть нетактичным, Элизабет, но вы хорошо себя чувствуете? — спросил на следующее утро Ангус, когда встретил свою гостеприимную хозяйку на ее любимой дорожке в лесу за пемберлийской речкой.

Она одной рукой обвела поляну, на которой они стояли.

— Трудно быть угнетенной духом, Ангус, когда меньше чем в полумиле от дома такая красота, — сказала она, уклоняясь от его вопроса. — Для цветов уже поздно, но эта поляна идеальна в любое время года. Этот ручеек, стрекозы, хрупкие перья папоротника девичьи волосы — тончайшее кружево, превосходящее всякое воображение! Наш садовник говорит, что миниатюрность листиков и кружевная воздушность — особенность девичьих волос, растущих на этой поляне. Я знаю людей, восторгающихся павлиньими перьями, но я предпочту перо этого дивного папоротника.

Но отвлечь Ангуса ей не удалось.

— Мы живем в эпоху, когда личное тщательно оберегается, и я, как никто, понимаю, что леди доверяют сокровенное только мужьям. Однако я настаиваю на привилегиях того, кто уповает стать членом вашей семьи. Я люблю Мэри и надеюсь жениться на ней.

— Ангус! — Элизабет улыбнулась ему в полном восторге. — Ах, вот это чудесная новость! А она знает, что вы ее любите?

— Нет. Я не сделал ей предложения, пока десять дней жил в Хартфорде, так как видел, что она не готова его принять. — Его глаза заискрились. — Местный солиситер попытал удачу и был отвергнут категорически, хотя он молод, достаточно богат и хорош собой. Я учел его пример и предложил себя Мэри только в качестве доброго друга. Это был правильный ход в том смысле, что она не скрыла от меня ни свои честолюбивые помыслы, ни пылкую преданность Аргусу, автору писем. С одной стороны — девичьи грезы, но с другой — достойные замыслы. Я слушал, предлагал советы, какие, по моему мнению, она могла принять, а главным образом держал язык за зубами.

Элизабет нашла мшистый валун и села на него.

— Я была бы так счастлива, Ангус, назвать вас членом нашей семьи. А что вы ей не открылись, думаю, ваш инстинкт вас не обманул. Мэри всегда была невысокого мнения о мужчинах, но противостоять столь презентабельному и умному мужчине, как вы?

— Надеюсь, не вечно, — сказал он чуть грустно. — Я обрел ее доверие и уповаю обрести ее любовь. — Ничего больше он сказать не мог; Аргус должен был оставаться его тайной.

— Почему вы выбрали ее, чтобы полюбить? — спросила Элизабет.

Он вскинул брови.

— Выбрал? Странное слово в сочетании с любовью! Не думаю, что речь вообще тут может идти о выборе. Я богат, я не дряхл и мое лицо, как считают, женщинам нравится. Говорю я все это в подкрепление тому, что обо мне говорят в свете — что я могу выбрать самую подходящую невесту. Так почему Мэри менее всего подходящая? Если имелось видимое начало, то, полагаю, причина — ее красота, которую не способна умалить даже ее жуткая манера одеваться. Но когда я кое-как сумел познакомиться с ней, я столкнулся с колючей, мизантропичной, яростно независимой душой, пылающей желанием оставить свой след в английском образе мышления. Назвать ее философом нельзя. Она не постигла основ философии, не имеет систематического знакомства с ее теориями, с ее эволюцией. Но я видел, что семнадцать лет, отданных заботам о матери, открыли ей широкий доступ к книгам, обычно не рекомендуемым для женского чтения и внушившим ей почти отчаянное желание освободиться от пут, наложенных обычаем на женщин. Невежество — лучший друг и союзник обычая, и в первую очередь обычаев, налагаемых на существа низшего порядка, вроде женщин или чернокожих. Ну а Мэри лишилась своего невежества, она стала образованной. И ей достало здравого смысла понять, что без практического опыта одного ее образования мало. Все это вместе взятое, по моему убеждению, и заставило ее приступить к осуществлению своего замысла. Думаю, своим делом она изберет не облегчение нищеты, а образование для всех.

— Но зачем ездить в почтовых каретах, зачем останавливаться в дешевых гостиницах?

— Толком не знаю, но подозреваю, для того, чтобы выглядеть бедной гувернанткой. Люди не откровенничают с вышестоящими, Элизабет. Вот Мэри и решила не выглядеть вышестоящей.

— Как поразительно хорошо вы понимаете эту Мэри! Вы пытались сказать мне, что я совсем ее не знаю, а я отчитала вас. Но неосведомленной была я, а не вы, — сказала Элизабет со вздохом.

Ангус поморщился.

— Но одного фактора я совершенно не учел, — сказал он, — ее природного дара навлекать на себя беды. Логического объяснения ему я не нахожу. Беднейшие гувернантки ездят в почтовых каретах и останавливаются в сквернейших гостиницах, но на них не нападают, их не похищают. Даже те крохотные сведения, которыми мы располагаем о ее путешествии из Грэнтема в Ноттингем, подтверждают эту тенденцию; над

ней измываются пятеро мужланов, сбрасывают ее в жижу во дворе почтовой станции и гогочут, глядя на нее. Ее приключения ужасающи! Что заставило их так себя вести? Ее красота? Гинеи в ее кошельке? Эта колючая мизантропия? Или все вместе взятое?

Элизабет нахмурилась.

— В юности она ни в какие беды не попадала, хотя наш отец ее презирал. Упорно причислял к Лидии и Китти, как одну из трех самых глупых девушек в Англии. Что было очень несправедливо. Да, она всегда вызывалась петь на званых вечерах и пела ужасно, но, хотя папа и все прочие жаловались на это у нее за спиной, в лицо ей этого никто ни разу не сказал. Из чего следует, ей ее ноты казались верными не по причине глупости. Мэри была не из тех девушек, которыми восхищаются, но глупой она не была. А добросовестной, старательной и любознательной. Качества, делавшие ее скучной, хотя Лидия и назвала бы ее занудой.

Она встала и начала прохаживаться, словно вдруг расстроившись.

— Собственно, самое худшее, что можно поставить Мэри в вину, это неуместное и безответное увлечение нашим кузенком, преподобным мистером Коллинзом, самым отталкивающим мужчиной из всех, с кем мне доводилось знакомиться. Но Мэри так страдала и нервничала в его присутствии, что я, например, полагала, будто наш кузен ищет жену красавицу. А лицо Мэри усеивали гнойные прыщики, и зубы у нее были кривыми. — Она засмеялась. — Но жены красавицы он не обрел, а женился на Шарлотте Лукас — очень некрасивой, но очень практичной. После чего Мэри быстро выбросила его из головы.

— Думается, Мэри в вашем кузене привлекал его сан. Она сказала мне, что в те дни была очень набожной. — Не желая довести себя до слез, Ангус вернулся к теме самой Элизабет: — Ну, сейчас мы не можем сделать для Мэри больше того, что предпринимает Фиц, а потому давайте сменим тему. Меня очень заботите вы, моя дорогая. Я высоко ценю вашу дружбу, как и дружбу Фица. Но только крайне ненаблюдательный и неумный человек не заметил бы, что вы несчастны.

— Только из-за Лидии и Мэри, — парировала она.

— Вздор! Вы оскорбили Фица.

— Я постоянно оскорбляю Фица, — сказала она с горечью.

— Каролина Бингли? Мне сообщили, что вы наговорили.

— Она не так важна.

— Но вы таки обрушили на нее непростительное оскорбление.

— И с радостью повторила бы. Моя дружба с вами, Ангус, насчитывает всего лишь десять лет, но Каролину Бингли я волей-неволей

терпела двадцать один год. Дружба Фица с Чарльзом Бингли такого порядка, что он готов терпеть Каролину безоговорочно. Ну, я отвечала игрой в молчанку на ее оскорбления так долго, что, полагаю, случайная соломинка сломала мне спину. Я дала сдачи. Но наше английское общество до того лицемерно, что завуалированные оскорбления считаются терпимыми в отличие от откровенности. Я же была откровенна.

— В какой мере это связано с Чарли? — спросил Ангус в уверенности, что Элизабет откровенность принесет облегчение.

— В очень большой. Она посеяла семена разлада между ним и его отцом, давая понять, будто Чарли в отношении любви следует Сократу. И она разгласила это по всему Лондону. Вместо того, чтобы винить Каролину, Фиц винил Чарли. Конечно, причина — его лицо и абсурдное впечатление, которое оно внушало некоторым мужчинам, действительно сократическим. Но он утратит свою женственную красоту, собственно, это уже происходит. Если в несчастье с Мэри можно найти светлую сторону, это сближение Фица и Чарли, которое оно вызвало. Фиц начинает убеждаться, что Чарли не заслуживает репутации, которую спроворила ему Каролина.

— Да, вам будет лучше, если Каролина перестанет быть частью вашей жизни. Однако она золовка Джейн.

Расправив плечи, Элизабет решительным шагом пошла вперед, ничего не видя вокруг себя.

— Возможно, я непростительно оскорбила Фица, но по крайней мере я сделала невозможным для Каролины быть там, где нахожусь я. Вот почему Фиц так рассержен.

— Ну, Лиззи, в Лондоне многие люди терпели Каролину Бингли из-за вас с Фицем — вы же лидеры общества далеко за пределами Вестминстера. Стоит этим людям заметить, что у Каролины больше нет доступа на приемы и прочее, устраиваемые Дарси, берусь предсказать, что приглашения в лучшие дома прекратятся. Через год Каролине и бедняжке Луизе придется затвориться в Кенсингтоне вместе с другими старыми сплетницами.

Элизабет рассмеялась.

— Ангус, нет!

— Ангус, да.

— Спасибо, что так чудесно меня подбодрили! Мысль о том, что Каролина и Луиза затворятся в Кенсингтоне, восхитительна.

— Тем не менее не она главная причина неладов между вами и Фицем?

— Сразу видно, что вы журналист — уловки, нюхны, сунь нос, обколи,

молоток, резец...

— Это не ответ.

— Я думаю, у Фица есть любовница, — вырвалось у нее.

Реакция Ангуса была инстинктивной, полной ужаса, он отозвался спокойно и взвешенно:

— Абсолютно нет.

— Почему?

— Гордость Дарси. К тому же Фиц во главе авангарда того, что он называет «улучшением нравственности» — жуткий ханжа, ваш муж! Будь его воля, он законодательным путем отменил бы право мужчины иметь любовницу. Но, поскольку это ему не по силам — любовницы есть даже у архиепископов, — он сделает кары за проституцию более всеобъемлющими и суровыми и в первую очередь поставит собственную жизнь выше всяких подозрений. Никаких авгиевых конюшен для Фицуильяма Дарси! Он намерен свести любовниц на уровень обычных проституток. — Ангус взял ее руку и подsunул под свою. — Как владелец ведущей политической газеты королевства я, моя дорогая, располагаю возможностями знать все о каждом значительном человеке. То, что происходит между вами и Фицем, касается только вас, но могу поручиться, что третьи лица тут не замешаны.

Когда они проходили под окном Малой библиотеки, к ним присоединился Фиц.

— Вижу, ты чувствуешь себя лучше, — сказал он Элизабет.

— Благодарю тебя, да. Визит к Джейн оказался довольно тяжким испытанием. Она расстроилась из-за Лидии, но несчастье с Мэри ввергло ее в прострацию. Я вернулась домой с невероятной головной болью.

Ангус выпустил руку Элизабет, поклонился ей и направился в сторону конюшни, откуда тут же донесся приветственный вопль Чарли. Его родители улыбнулись.

— Ты не вышла к отъезду Каролины, — сказал Фиц.

— Головная боль была более, чем настоящей, если ты усматриваешь в ней предлог.

— Вовсе нет, — сказал он тоном удивления. — Я знал, куда ты отправилась и какой прием тебя ожидает. Сестры Чарльза поняли. Они тоже знают Джейн.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я сожалею о том, что сказала Каролине, — жестким голосом сказала Элизабет. — Мое отвращение к этой... этому подобию женщины достигло зенита, и я больше видеть ее не могу. Собственно, не знаю почему, я не сделала этого давным-давно.

— Потому что это означало непростительное оскорбление.

— Порой толщина шкуры требует непростительного оскорбления! Ее самодовольство настолько монументально, что она считает себя совершенством.

— Я страшусь думать о том, что должен буду сказать Чарльзу, и щадить тебя не собираюсь.

— Не останавливайся перед самым худшим, — сказала она невозмутимо. — Чарльз не дурак. Причуды судьбы наградили его злоязычной сестрой, и он прекрасно это знает. Когда такие же причуды наградили тебя неприемлемыми родственницами через брак, ты убрал их из своей жизни. Так ли уж мое избавление от Каролины Бингли не похоже на это? Если можно тебе, Фиц, то можно и мне! — Она свирепо взглянула на него. — Почему ты так плохо обеспечил Мэри? Ты же безмерно богат и мог бы без малейшего ущерба для себя достойно вознаградить ее за семнадцать лет спокойствия, которые она подарила тебе. Вместо этого вы с Чарльзом назначили жалкую сумму.

— Я, естественно, полагал, что она будет жить у нас в Пемберли или с Джейн в Бингли-Холле, — сказал он сухо. — Тогда бы девять тысяч фунтов с лишним обеспечили ей доход, покрывший бы любые ее нужды.

— Да, я понимаю твою логику, — сказала она. — Однако, когда Мэри отвергла эти альтернативы, ты должен был бы немедленно назначить ей более солидную сумму, но ты этого не сделал.

— Но как я мог? — спросил он негодуя. — Я настаивал, чтобы она месяц обдумывала свое положение, а затем снова побывала бы у меня. Но она так и не явилась ко мне — и даже не известила меня о своих планах. Просто арендовала самый неподходящий дом в Хартфорде и поселилась там без компаньонки. Какие выводы мог я сделать из этого?

— Поскольку Мэри — Беннет, то наихудшие. — Царственно кивнув и тем лишив его возможности на подобный кивок, Элизабет вошла в дом, предоставив ему отправляться, куда он пожелает.

Не зная, чем заняться после неудовлетворительного завершения их розысков, Ангус, Чарли и Оуэн разлетелись в разные стороны, подобно шарам на бильярдном столе. Ангус возвратился в общество людей его возрастной группы, Чарли поддался упрекам совести и взялся за свои книги, а Оуэн решил исследовать Пемберли.

Чарли мог понять желание человека, впервые оказавшегося в этих местах, увидеть кряжи и скалы, качающиеся камни, ущелья, обрывы, вздыбленные пейзажи и пещеры, но, выросши в Пемберли, никогда не

думал об экскурсиях по его достопримечательностям.

Природа Уэльса была более дикой, чем в Дербишире, во всяком случае на его севере, а потому уэльсец получал истинное наслаждение от могучего леса, отделявшего дворец — он попросту не воспринимал его как дом — и фермы арендаторов во владениях Дарси.

Особенно его завораживали английские дубы, невероятно старые и огромные. Книги внушили ему, что дубы сгубило кораблестроение, начавшееся при Генрихе, восьмом по счету, или все возраставший спрос на дома и мебель. Однако, без всяких сомнений, дубам в лесах Пемберли никогда не угрожали топоры, пилы и клинья лесорубов. Ну, подумал он, в пределах этого непомерного поместья слову короля не тягаться со словом Дарси, а уж тем более если король — пучеглазое немецкое ничтожество.

Ситуация в семье Дарси также его завораживала, ведь он был настолько же чуток, насколько образован, и ощущал раздор, подкапывающийся под соблюдение хороших манер, будто прилив под старый причал. Само собой разумелось, что он преклонялся перед миссис Дарси. Однако более близкое и долгое соприкосновение с мистером Дарси смягчило его первоначальную антипатию. Если ты великий человек, размышлял он, то скорее всего знаешь это и не роль играешь, а руководишься самой сутью. Ангус сказал, что мистер Дарси будет премьер-министром, возможно, очень скоро, а это делало его полубогом. Однако жизнь с ним не могла быть легкой.

Прекрасно, что Чарли и его отец пришли к взаимопониманию, которого, безусловно, не было, когда Чарли только поступил в Оксфорд. Главную роль сыграло взросление, но также и природное стремление паренька постигать все стороны вопроса — качество, обеспечившее ширину и глубину его занятиям. Год разлуки отдалил его от матери, что также было во благо. Она была напоминанием о тяжком детстве, которое он стремительно оставлял позади себя.

— Эй, там! — произнес юный и очень властный голос.

Вздрагнув, он огляделся, но никого не увидел.

— Вверху, олух!

Следуя этому указанию, его взгляд обнаружил овал лица, обрамленного растрепанными каштановыми кудрями; два глаза, цвета которых он не мог различить, яростно сверкали на него.

— Что случилось? — спросил он. У него ведь было три сестры, а она с такими волосами не могла не быть сестрой Чарли.

— Сними меня отсюда, олух.

— А, так ты застряла, чумичка?

— Не застрянь я, олух, ты бы и не знал, что я здесь.

— Понятно. То есть ты швыряла бы камешки или орехи в меня из своего тайника.

— Орехи в это время года? Олух ты.

— Как ты застряла? — спросил он, начиная взбираться на дуб.

— Защемила щиколотку в развилке.

— Первая твоя изящная фраза.

— На фиг изящные фразы, — сказала она презрительно.

— О Боже, совсем не изящное выражение. — Его лицо теперь оказалось на уровне с ее ступнями, и он увидел защемленную щиколотку. — Ухватись за крепкий сук обеими руками и повисни на нем. Как только твои ноги перестанут поддерживать вес тела, согни колени. Да уж, защемила ты ее на славу! — Подняв голову, он обнаружил, что заглядывает прямо ей под юбки, и кашлянул. — Когда высвободишься, будь добра, подбери юбки, и тогда я смогу помочь тебе спуститься, не смущая твоей скромности.

— На фиг скромность! — сказала она, расслабляя колени.

— Просто делай, что тебе говорят, чумичка.

Он зажал в руках ее нижнюю ногу и поворачивал ступню, пока не высвободил ее.

Вместо того, чтобы оберегать свою скромность, плотно прижав юбки к коленям, она изогнулась, оказалась у него на плечах, соскользнула по его спине и очутилась на земле.

— Должна сказать, олух, ты клево с этим справился.

— Тогда как ты, чумичка, вела себя без всякого уважения к приличиям. — Он пристально посмотрел на нее. — Ты ведь не неряха из классной комнаты, хотя и ведешь себя на такой манер. Сколько тебе? Шестнадцать?

— Семнадцать, олух. — Она протянула выпачканную руку с обгрызенными ногтями. — Я Джорджи Дарси, но мне нравится, когда меня называют чумичкой, — сказала она, улыбаясь.

— А я Оуэн Гриффитс, и мне совсем не нравится, когда меня называют олухом. — Он пожал ее руку. Глаза у нее, обнаружил он теперь, были светло-зелеными, цвета молодой листвы; таких глаз он еще никогда не видел. Разумеется, она была красивой. Ребенок таких родителей не мог быть невзрачным.

— Оксфордский тьютор Чарли! Рада познакомиться с вами, Оуэн.

— Думаю, «мистер Гриффитс» будет уместнее, — сказал он со всей серьезностью.

— Я знаю. Но только это ничего не меняет.

— Почему мы, гости, с вами не знакомимся?

— Потому что мы еще не выезжаем. Несовершеннолетние барышни с мистером Дарси в качестве отца укрыты от света в классной комнате. — Она посмотрела на него со злокозненностью. — Вы хотели бы познакомиться с барышнями Дарси?

— Очень.

— Который час? Я проторчала на этом дереве целую вечность.

— В классной комнате время чая.

— В таком случае идемте. Попьете чаю с нами.

— Полагаю, мне сначала следует заручиться разрешением миссис Дарси.

— Пф! Чепуха! Я возьму вину на себя.

— Подозреваю, вы частенько берете вину на себя, чумичка.

— Ну, я не слишком пай-дочка, — сказала она, и кудри затанцевали в такт сложных па, которые она выделявала на мощенной плитами дорожке. — Я начну выезжать в следующем году, когда мне стукнет восемнадцать, но мама боится, что без всякого успеха.

— О, я убежден, что успех вы будете иметь, — сказал он с улыбкой.

— А мне все равно! Меня зашнуруют в корсет подпирать мои груди, уложат мои волосы в прическу, намажут мне лицо всякими притираниями, заставят меня ходить с солнечным зонтиком, если я пойду погулять на солнце, запретят мне ездить верхом по-мужски и вообще превратят мою жизнь в сплошные мучения. И все для того, чтобы добыть мне мужа! Да это я могу и без лондонского сезона! Потому что за мной закреплены девяносто тысяч фунтов. Вы когда-нибудь слышали про человека, который потребовал бы посмотреть в зубы кобылке, стоящей вполовину меньше?

— Э... нет. Только я не думаю, что возраст кобылки вызывает сомнения, и он скорее всего и смотреть в них не захочет.

— А! Вы из тех, кто обливает холодной водой!

— Боюсь, что так.

Она проделала еще одно па.

— Они заставят меня сюсюкать и запретят говорить то, что я думаю. И все впустую, Оуэн. Я замуж не собираюсь. Когда стану совершеннолетней, я куплю ферму и буду жить там, может быть, с Мэри. Говорят, — сказала она театральным шепотом, — что я очень на нее похожа.

— С Мэри я, Джорджи, не знаком, но, да, вы бесспорно на нее похожи. Как вы распорядились бы своей жизнью, будь у вас свобода выбирать?

— Стала бы фермером, — ответила она без колебаний. — Мне

нравится ощущать землю, выращивать что-то, запах хорошо содержащегося скотного двора, мычание коров... Ну, да это не важно. Мне никогда не позволят стать фермером.

— За кого бы вы ни вышли, вы всегда можете по примеру Марии Антуанетты обзавестись маленькой фермой и играть в фермера.

— Играть? Пф! Кроме того, моя голова мне нравится у меня на плечах. Она была очень глупой женщиной.

— Мой отец — фермер в Уэльсе, но, признаюсь, я не мог дожидаться, когда покину скотный двор и коров. Их ведь, знаете ли, надо доить в неслыханную рань.

— Я знаю, олух. — Ее глаза мечтательно затуманились. — Ах, как мне нравятся коровы! И грязные руки.

— Чтобы доить, они должны быть чистыми, — прозаично сказал Оуэн. — А кроме того, теплыми. Коровы не терпят холодных рук на своих сосцах.

Они вошли в дом через заднюю дверь, существование которой слегка ошарашило Оуэна, и начали подниматься по выщербленным ступенькам видавшей виды лестницы.

— Что вам может нравиться больше фермы, Оуэн?

— Академия. Я занимаюсь науками и надеюсь стать оксфордским профессором. Моя специальность — классики.

Она притворно поперхнулась.

— Э-эрк! Какая неопиcуемая занудь!

Они прошли по нескольким бесконечно длинным и затхлым коридорам и теперь остановились перед дверью, как бы просящей, чтобы ее покрасили.

Просто не верилось! Части Пемберли, открытые гостям, содержались в безупречной роскоши, но скрытые от их глаз части находились в полном небрежении.

— Классная комната! — объявила Джорджи, обводя ее широким жестом. — Девочки, это тьютор Чарли, Оуэн. Оуэн, это мои сестры. Сюзанна — Сьюзи — почти шестнадцать, Анне тринадцать, а Катерине — Кэти — десять. А это наша гувернантка мисс Фортескью. Она — прелесть, и мы ее любим.

— Джорджиана, вы не можете приглашать джентльменов на чай! — сказала прелесть мисс Фортескью, не потому, что была излишне осторожной, предположил Оуэн, но зная, какими неприятностями может обернуться ее выходка, если станет известной ее маменьке.

— Еще как могу. Садитесь, Оуэн. Чаю?

— Да, пожалуйста, — не желая отвергнуть эту чудесную возможность познакомиться с сестрами Чарли, сказал Оуэн. К тому же чай был сервирован в его вкусе — три разных сорта кексов, глазированные булочки — и ни единого куска хлеба с маслом.

Час с женской частью семьи Дарси околдовал его.

Джорджи была бесподобна; если ее убедят облечься в модное платье и болтать на светски приемлемые темы, она возьмет Лондон штурмом даже и без этих девяноста тысяч фунтов. А с ними каждый холостяк нацелится на нее, и некоторые с такой покоряющей внешностью и галантностью, что, подумал Оуэн, устоять она не сможет. Позднее он отказался от этого вывода. Стальная натура, Джорджи:

Сьюзи была более светловолосой, чем остальные, но не до белобрюсости бровей и ресниц. Голубые глаза и шелковистые льняные волосы. Чрезвычайно гордая ее талантом мисс Фортескью достала ее рисунки и картины, которые, должен был признать Оуэн, далеко превосходили обычные маранья и мазню школьниц. По натуре она была тихой, даже застенчивой.

Анна более темноволосая, чем остальные, и единственная с карими глазами. Какое-то скрытое высокомерие указывало, что она — дочь мистера Дарси, но она обладала и обаянием Элизабет и была очень начитана. Ее целью, сказала она без ложной скромности, было писать трехтомные романы в духе мистера Скотта. Приключения привлекали ее больше любовных вздыханий, а девицы, томящиеся в подземельях замков, это вообще глупость.

Кэти была еще одной каштанововолосой, но если глаза ее брата были серыми, а Джорджи зелеными, то у нее они отличались глубокой синевой, поблескивавшей шаловливостью бесенка. Она сообщила Оуэну, что отец отшлепал ее за сдабривание его постели патокой. И не проявила ни малейшего раскаяния. Единственной ее честолюбивой целью, казалось, было схлопотать побольше шлепков, что, истолковал Оуэн, как способ продемонстрировать, что она любит отца и не боится его.

Было ясно, что все четыре девочки истосковались по обществу взрослых, и Оуэн обнаружил, что жалеет их. Их статус был статусом сказочных принцесс, и подобно всем сказочным принцессам, они были заперты в башне из слоновой кости. Ни одна не была кокеткой и ни одна не считала свою жизнь достаточно интересной, чтобы завладеть разговором; они искали узнать мнения Оуэна и сведений об огромном мире снаружи.

Компания растерялась, когда в комнату вошла Элизабет. При виде мистера Гриффитса ее брови поднялись, но Джорджи бесстрашно ринулась

в сечу.

— Не виновать Оуэна! Это я!

— Не вини, — машинально поправила мать.

— Знаю, знаю, такого глагола нет! Он не хотел идти, а я заставила.

— Кого?

— Да Оуэна же! Честное слово, мама, вы так заняты исправлением наших оговорок, что никогда не успеваете выбранить нас!

— Оуэн, можете пить чай в классной комнате, когда угодно, — невозмутимо сказала Элизабет. — Ты довольна, Джорджи?

— Спасибо, мама, спасибо! — воскликнула Джорджи.

— Спасибо, мама! — хором поддержали ее остальные.

Оуэн придержал дверь, пропуская Элизабет вперед. Она продолжала идти дальше по нескончаемому коридору к более внушительной двустворчатой двери, а пройдя следом за ней, он оказался в той части дома, которую Дарси называли «публичной», возможно, потому, что она была открыта для посещения публикой, когда семья отсутствовала.

— Вы недоумеваете, почему такая большая часть Пемберли не содержится в безупречности, — сказала она, вводя его в голубую с белым Голландскую комнату, полную Вермеров и Брейделей с парой Рембрандтов на самых видных местах и полотном Босха, укrywшимся за экраном.

— Я... э... — Он запнулся, не находя, что сказать.

— Ремонт будет произведен, когда Кэти начнет выезжать — через восемь лет. Хотя вид и непрезентабельный, но стены, потолки и все прочее в прекрасном состоянии. Требуется только покраска да замена некоторых балясин и ступенек. Много поколений назад тогдашний Дарси постановил, что непубличные помещения ремонтировались бы не чаще, чем раз в тридцать лет, и это превратилось в неписанный закон. Пройдет только двадцать семь лет к совершеннолетию Кэти, но Фиц полагает, что это достаточно долгий срок. Признаюсь, я предвкушаю это и не допущу, чтобы краска была коричневой. Такой темный цвет!

— Это включает и комнаты слуг? — спросил он.

— Боже мой, нет! Постоянные слуги живут на два этажа выше, их комнаты подновляются через десятилетние промежутки, как и вся публичная часть дома. Комнаты у них приятные и хорошо оборудованные. Я считаю, что слугам следует обеспечивать комфорт. Состоящие в браке живут в коттеджах в деревушке совсем близко. Ну а слуги вроде моей камеристки Хоскинс и Мида, камердинера мистера Дарси, имеют по несколько комнат.

— Вы должны потреблять большое количество воды, сударыня.

— Да, но тут нам улыбнулась удача. Наша речка кристально чиста, потому что от ее истока и досюда на ней нет никаких селений. Под крышей — большой резервуар на железных опорах. И наша вода поступает по трубам во все части дома. Теперь, когда созданы ватерклозеты, я убедила Фица пристроить их к каждой спальне, и несколько для слуг. А теперь, когда можно приобрести мощные насосы, я хочу устроить подачу горячей воды на кухню и в некоторые из новых ваннных комнат. В таком волнующем веке мы живем, Оуэн!

— О да, миссис Дарси! — Но он не спросил, куда будет сливаться вся эта потенциально используемая вода, так как знал ответ: в ту же речку ниже Пемберли, там уже не кристально чистую.

— Ваши дочери обворожительны, — сказал он, садясь.

— Да, это верно.

— Они соприкасаются с внешним миром?

— Боюсь, что нет. Но почему вы спрашиваете?

— Потому что они там изголодались по новостям. Почему им не разрешают читать газеты и журналы? Об Александре Великом они знают больше, чем о Наполеоне Бонапарте. И так жаль, что им не разрешено знакомиться с людьми вроде Ангуса Синклера. Уж конечно, он никакого вреда им не причинит. — Он в ужасе оборвал фразу. — Прошу прощения! Может показаться, что я критикую ваш распорядок. Вовсе нет!

— Вы совершенно правы, сэр. Я от всего сердца согласна с вами. Но мистер Дарси, к несчастью, придерживается иной точки зрения. За что я могу винить моих собственных сестер. Наши родители предоставили нам полную волю в очень раннем возрасте. Джейн и мне это вреда не принесло, однако Китти и Лидию следовало бы держать в узде. Они были не просто невоспитанными шалуньями, они были отчаянными кокетками. А что до Лидии, то общение без надзора с офицерами расквартированного поблизости полка привело к шокирующему скандалу. И мистер Дарси решил, что нашим дочерям не будет разрешено соприкасаться с внешним миром, пока они не начнут официально выезжать в восемнадцать лет.

— Понимаю.

— Надеюсь, ваше сердце недоступно чарам Джорджи? — спросила Элизабет с веселыми искорками в глазах.

Он засмеялся.

— Ну, человека, который станет смотреть в зубы кобылки, имей она половину девяноста тысяч в год, не существует.

— Прошу прощения?

— Так Джорджи обрисовала мне свое положение.

— У меня опускаются руки! Я не в силах отучить ее от неприличностей!

— И не пытайтесь. Свет сделает это за вас. Под этой бесшабашной личиной скрыта трепетная уязвимость. Она думает, что похожа на свою тетю Мэри, на самом же деле она больше похожа на Чарли.

— И наделена слишком большим приданым. Как и они все, но положение Джорджи много опаснее, чем у остальных. Остальным назначено по пятьдесят тысяч фунтов каждой. Мы к этому не причастны, только отец Фица. Деньги были завещаны дочери, которая могла родиться у Фица. Нас, разумеется, пугают охотники за приданым. Некоторые так обаятельны, так неотразимы...

— Ну, я как-то не представляю, чтобы Джорджи влюбилась в охотника за приданым. Да и Анна тоже, если на то пошло. Наиболее уязвима Сьюзи. Кэти, чем бежать со своим соблазнителем, вероятно, предпочтет поводить его за нос.

— Вы меня чрезвычайно подбодрили, Оуэн. — Фиолетовые глаза сверкнули на него с шаловливостью Кэти. — Время чая. Вы способны выпить его еще раз?

— Легко, — сказал он.

— Вам двадцать пять лет, если не ошибаюсь?

— Да. В октябре будет двадцать шесть.

— Ну, так, по крайней мере лет пять-шесть вам ничто не угрожает. А затем ваша фигура уже не будет выдерживать двойных чаепитий. Джентльмены, не воздержанные, когда им минует тридцать, кончают превращением из телят в быков.

Дни Мэри тянулись все дольше и дольше. Теперь, когда ее жизнь обрела регулярность, она отмечала промежутки между доставками еды, как сутки, хотя и не была уверена, что это действительно так. Но если это правда было так, то в конце тридцати карандашных штрихов на ее стене (включая первые, прикинутые на глазок, семь) она начала отчаиваться. Где бы ни находилась ее тюрьма, она не была никем обнаружена, хотя, конечно же, не сомневалась она, ее разыскивают.

Происходившее слепило комок ужаса в тестообразности ее груди: как долго отец Доминус будет оставлять ее в живых? Вопреки всем его рассуждениям о Детях Иисуса, она не видела никаких свидетельств, что они вообще существуют, за исключением брата Джерома, брата Игнатия и сестры Терезы, а все трое находились уже на грани половой зрелости. И хотя Игнатий и Тереза свободно упоминали других детей, Мэри ощущала в

их словах привкус нереальности. Почему, например, ни один ребенок не пытался убежать, если они и правда были свободны выходить из пещер? Человеческая природа жаждет приключений, особенно в детстве и юности — какие только эскапады они с Чарли не устраивали, когда он был мальчиком! Где-то, казалось ей, Мартин Лютер упомянул, что, будь ребенок поручен ему до семи лет, он получил бы взрослого мужчину. Так сколько лет было Детям Иисуса, когда их забирали? Ни Игнатий, ни Тереза не были готовы довериться ей вполне: большая часть собранных ею по кусочкам выводов опиралась на то, о чем они отказывались говорить. Однако старик кормил своих учеников на редкость хорошо, одевал их, лечил, предоставлял им значительную вольность. То, что они работали на него без оплаты, указывало на эксплуатацию, как и его пренебрежение их образованием.

Поначалу она надеялась, что книга, которую он ей диктовал, даст ответ на некоторые из этих вопросов. Но после тридцатой диктовки он все еще был поглощен головоломкой Бога и зла, присущего свету. Выявлялась определенная закономерность кругового прохождения его загадок, подобно тому, как случается с безнадежно заблудившимися людьми: они начинают кружить и всегда возвращаются к исходному месту. То же происходило и с книгой отца Доминуса. Он, казалось, не знал, как свернуть с замкнутого кольца и пойти по прямой.

Кроме того, он прекратил ее общение с Игнатием и Терезой. Теперь она ходила к подземной речке без провожатых, а Игнатий нес дозор у начала туннеля и, когда она выходила, запирал ее в камере. Их общение свелось к «здравствуйте» и «прощайте»; очевидно, ему было велено не говорить ей ничего, кроме этих слов вежливости. Удаление Терезы было более странным. Разговоры с отцом Доминусом, не касавшиеся диктовки, убедили Мэри, что он презирает женский пол независимо от возраста. Когда он говорил о мальчиках, его лицо смягчалось, но стоило Мэри коснуться в разговоре девочек, он ожесточался, его лицо выражало брезгливость, и он отмахивался от нее, будто от вредного насекомого.

Затем у Мэри начались месячные, и ей пришлось попросить у Терезы тряпок, с тем, чтобы после использования они вымачивались и кипятились. Оказалось, что попросить материи на эти тряпки Тереза должна была у отца Доминуса, который избил ее палкой и назвал нечистой. В тряпках отказано не было: Тереза с опухшими от слез глазами принесла их и рассказала о реакции старика, но больше Мэри Терезу не видела. С того дня все ежедневно необходимое ей приносила Камилла, не поддававшаяся ласковым словам Мэри, хотя в испуганных голубых глазах пряталась тоска по этой ласке.

И чаша весов в поведении Мэри с ним резко опустилась. До сих пор чувство самосохранения подталкивало ее держаться кротко, не пробуждать в нем антагонизма, но подобная сдержанность была чужда прямому характеру Мэри, и узы, сдерживавшие ее язык, были хрупкими. Когда он появился в следующий раз для диктовки, она набросилась на него — словесно, поскольку прутья ее клетки препятствовали всякому другому протесту.

— О чем ты думал, отвратительный ты старик, — сказала Мэри, стреляя каждым словом, — называя невинное дитя нечистой? Или ты сомневаешься в своей власти над сознанием маленькой девочки, раз ты бьешь ее палкой? Какой позор! Эта девочка управляется на кухне, готовящей хорошую еду для пятидесяти животов, и как ты ее благодаришь? Ты не платишь ей за работу, что неудивительно, ведь ты не платишь никому из Детей Иисуса! Но бить ее? Бить за то, что она попросила тряпок для моих месячных? Назвать ее нечистой? Сэр, вы лицемер и позор для вашего призвания.

Он взвился в возмущении, глаза его вращались, но, когда Мэри упомянула тряпки и месячные, он вскинул руки, закрывая уши ладонями, и принялся раскачиваться в своем кресле.

Примерно минуту она гневно взирала на него, затем опустилась на свой стул и вздохнула.

— Отче, вы шарлатан, — сказала она. — Вы думаете, будто вы сын Бога и держите при себе этих детей, чтобы они преклонялись перед вами, молились на вас. Я снимаю с вас обвинение в корыстолюбии, я верю, что доходы от своих снадобий вы тратите на хорошую еду и другие полезности для ваших последователей. Ваши расходы должны быть значительными, включая корм для ваших ослов и уголь, который, полагаю, требуется вам не только для кухни, но и для вашей лаборатории. Ничего из того, что вы надиктовали мне до этих пор, не объяснило мне, почему вы здесь и как долго вы пробыли здесь, или что вы надеетесь совершить. Но вы горько разочаровали меня, срывая свой сплин на невинном создании вроде Терезы — и всего лишь по причине ее пола. Женский пол такое же творение Бога, как и мужской пол, и наши телесные функции Он определил по Своему усмотрению, и вас это не касается, так как вы не бог! Вы меня слышите? Вы не бог!

Он уже отнял ладони от ушей, хотя выражение его лица говорило, что ему не нравится ни выбранная Мэри тема, ни ее тон. Но он не вскочил и не убежал, нет, он резко повернулся к ней, и узкие губы оттянулись с безупречных зубов.

— Я Бог, — сказал он вполне спокойно и улыбнулся. — Все, кто мужского пола, суть Бог. Женщины — творения Люцифера, созданные искушать, соблазнять, развращать.

Она насмешливо фыркнула.

— Чушь! Мужчины — не Бог, как и женщины. Мужское и женское начала равно сотворены Богом. И вам не приходило в голову, что не женщины соблазняют и развращают, но мужчины слабые и недостойные? Если в роду человеческом скрыт дьявол, то в мужчинах, которые стремятся развращать женщин, чтобы потом винить женщин. Мне доводилось сталкиваться с дьяволом в мужчинах, сэр, и уверяю вас, чары женщин тут ни при чем. Это врожденное.

— Этот разговор не имеет смысла! — рявкнул он. — Будьте добры, возьмите карандаш, сударыня.

— Возьму, отче Доминус, если вы предложите мне новую тему. Я уже вручила вам почти двести страниц, но свежи и оригинальны лишь первые пятьдесят. После этого вы только повторяетесь. Сдвиньтесь с места, отче Доминус! Меня крайне интересует генезис Космогенезиса. Пора сообщить вашим читателям, что произошло после того, как вы вошли в Престол Бога на тридцать пятом году жизни. Почему, например, вы вошли в него?

Она поймала его; он уставился на нее пораженный, почти так, будто ему вновь предстало видение. Мэри испустила беззвучный вздох облегчения. В его власти было убить ее, и, пожалуй, на несколько секунд, пока она его обличала столь уничижительно, он готов был поручить брату Джерому сбросить ее в нужной колодец на верную гибель, но сама того не зная, она спасла свою жизнь, указав ему, где он допустил ошибку. Мозг, который когда-то не уступил бы ни единому во всей стране, размягчался в постепенном процессе, который, быть может, он частично осознавал, однако не знал, как излечиться. Избил бы он в пору своего расцвета бедную маленькую Терезу? Или считал весь женский пол нечистым? Мэри не знала, но очень хотела узнать. Теперь удача могла ей улыбнуться, ведь он был настолько благодарен ей за ее критику, что счел ее жизнь заслуживающей сохранения. Он хотел написать эту книгу, но не знал как. Ум, способный изобрести лампу и панацею от всех недугов, не обладал способностью планировать словесные построения. До тех пор пока она будет руководить им в его литературном труде, он будет сохранять ее живой.

— Продолжайте следующим образом, — сказал он. — Величайшей страгемой Люцифера в его стремлении управлять судьбой мужчин было изобретение золота. Оцените его качества и восхититесь хитроумием

Люцифера! Оно обладает его собственным цветом, блистательное и желтое, как Солнце. Оно никогда не тускнеет. Оно достаточно податливо и ковко, чтобы делать из него всякие предметы. Оно столь же прочно, как и тяжело. Оно не содержит никаких ущербоностей. С момента своего появления мужчины поклонялись золоту и тем самым поклонялись Люциферу. Мужчины убивают ради него. Они копят его. Они строят на нем экономическое процветание своих сообществ. Они воюют ради него. Они хвастают своим богатством, обвешивая им себя и тела своих женщин, которые жадно желают его для украшения. Оно кладется в гробницы вождей и императоров, дабы оповещать будущие поколения, сколь велика была власть этого мертвеца. На тридцать пятом году моей жизни мне было поручено заведовать золотом, накопленным человеком, всецело преданным Люциферу, хотя тогда я этого не видел. Это золото имело разные формы — монеты, оправы драгоценных камней, украшения, безделушки. Мой хозяин вынимал камни из украшений и отдавал мне оправы, цепочки, обломки. Я должен был расправлять золото, извлекать вкрапления и отливать его в слитки. Затем я должен был приносить слитки ему. Однако рафинирование золота должно было происходить в такой тайне, что мой хозяин не позволил мне сказать ему, где я буду заниматься этим.

Его лицо обрело задумчивое выражение. Мэри нажимала на карандаш и молчала, выдерживая паузу.

— Он знал, что я не предаю его, ибо владел моей душой. Я вспомнил вереска и пещеры Скалистого края и нашел большую пещеру, которая теперь вмещает мою лабораторию. Она во всех отношениях отвечала моей цели, включая даже соседство с укромной пещерой, где я мог держать ослов, дабы по ночам доставлять все, что мне требовалось. Когда я все устроил, то угостил моих помощников отравленным ромом, а затем сбросил их тела через пролом во мрак. Шесть месяцев я трудился, переплавляя золото в десятифунтовые слитки — меньше обычных, но мне требовался такой вес, чтобы я мог носить их в одиночку. Я был тогда молод и крепок.

А когда мой труд был завершен, я начал исследовать пещеры и вот так нашел темного Того, кто есть Бог. Это было откровение во многих отношениях далеко за столпами Космогенезиса. Ибо я поглядел на слитки золота и узрел, что они суть такое — работа Люцифера. Собственность Люцифера. Орудие Люцифера. И я понял, что мой хозяин был слугой Люцифера во всем и во вся. А потому он не должен был получить свое золото. Я забрал его, я укрыл его далеко от пещеры-лаборатории, и я не вернулся к моему прежнему хозяину.

Я пребывал с Богом во тьме много лун. Сколько миновало Солнечного времени Люцифера, я не знаю. Но когда я наконец вышел из пещеры, я стал другим. Золото не имело надо мной власти, как и все другие хитрости Люцифера. Абсолютно белые пауки плели свои бесцветные сети над золотом. Небрежение, швырявшее власть Люцифера ему в лицо, как бессильную, как ничто. И там оно находится до сих пор во тьме Бога, лишенное всякой силы.

Положив карандаши, Мэри уставилась на отца Доминуса с благоговейным ужасом и новым уважением.

— Вам нет подобных, отче, — сказала она. — Вы фанатик и тиран, но вы обладали силой противостоять чарам золота.

Подергиваясь, словно его мышцы ныли, он встал на ноги.

— Я устал, — почти прошептал он. — Будьте добры, перепишите это.

— С радостью. Но даже с большей радостью, если бы вы прислали ко мне Терезу.

Однако, как обычно, он уже исчез в мгновение ока, и она не была уверена, что он вообще услышал ее слова.

Какая история! Правда ли все это? Отец Доминус умел лгать и лгал, но почему-то в этой повести о золоте слышался отзвук правды. Однако кем мог быть его таинственный хозяин, накопивший столько золота, что отцу Доминусу потребовалось на его рафинирование шесть месяцев? И действительно ли он позволит опубликовать невозмутимое описание убийства своих помощников?

Появился ее обед: бифштекс с грибами и картофельное пюре, а на десерт — ломоть пудинга с патокой. Награда за то, что она направила диктующего ей на верную дорогу, догадалась она. Будучи не из тех, кто смотрит в зубы дареному коню, Мэри пообедала с истинным удовольствием и ощутила, как силы возвращаются к ней. Может быть, он и не сумасшедший, подумала она. Полный желудок располагал к необычной снисходительности.

Продлившейся лишь до следующего дня, когда отец Доминус пришел растрепанный и, видимо, не выспавшийся, сел в кресло и принялся диктовать ей прямо-таки трактат о химических свойствах золота и способах его рафинирования. Ей приходилось спрашивать его, как пишется чуть ли не каждое четвертое или пятое слово, до того диктовка была перегружена непонятными терминами, и это вывело его из себя.

— Научитесь грамотно писать, сударыня! — завопил он, вскакивая в ярости. — Я тут не для того, чтобы служить вам словарем!

— Я пишу грамотно, отче, но я не аптекарь и не химик! Если я спрашиваю, как пишется то или иное слово, значит, оно никогда прежде мне не встречалось. Будь вашей темой музыка, мне не потребовалось бы спрашивать, как пишется «глиссандо» или «токатта», потому что музыку я знаю хорошо. Но то, что вы диктовали мне сегодня, для меня тайна за семью печатями.

— Пф! — свирепо фыркнул он и исчез.

Ее меню вернулось к хлебу, маслу и сыру, хотя ей удалось добиться замены некрепкого пива на воду — вопреки его возражениям. Для отца Доминуса вода знаменовала сыпной и брюшной тиф, а три процента алкоголя в некрепком пиве, не говоря уж о процессе его варения, позволяли пить его, ничего не опасаясь. В этом убеждении он пребывал отнюдь не в одиночестве: семьи в большинстве переводили своих детей с молока прямо на некрепкое пиво. Мэри его не терпела, но добилась замены пива на воду, только напомнив ему, что речки и ручьи, текущие в пещерах, настолько кристально чисты, насколько вообще можно требовать от воды.

В Игнатии, все еще приходившем выпускать ее из клетки для прогулки по речному туннелю, она начала подмечать тревожные признаки, что в мире Детей Иисуса не все ладно.

С фонарем в руке, обутая в сапожки, она прикоснулась пальцами к грубой шерстяной ткани его рукава и принудила мальчика поглядеть ей в лицо.

— Милый Игнатий, что случилось?

— Мне запрещено разговаривать с вами, сестра Мэри! — прошептал он.

— Вздор! Нас тут никто не услышит. В чем дело?

— Отец говорит, что мы должны покинуть Южные пещеры в два счета, и сделать надо так много! Джером не жалеет своей трости, а малышам это не по силам.

— Насколько малы малыши?

— Четыре годика, может, пять, что-то вроде.

— Где Тереза?

— Ушла сегодня в Северные пещеры. Ее новая кухня готова.

— Ну а я? Меня должны перевести?

Лицо у него стало затравленным, глубоко несчастным.

— Не знаю, сестра Мэри. Идите же!

Когда она вернулась, он торопливо отвел ее в клетку, забрал ее сапожки и исчез за экраном. У Мэри оборвалось сердце. Конфискация ее сапожек не предвещала ничего хорошего. Прежде Игнатий оставлял их у

входа в туннель.

Отец Доминус, когда он пришел, дергался, словно ученик, поставленный в колпаке дурака на стул, а то, что он в конце концов начал диктовать, вполне заслуживало колпака дурака — бессвязные фразы, бормотание, не имеющие никакого отношения к золоту, Богу или Люциферу. В конце концов она попросила его, как сумела смиреннее, продиктовать ей по буквам список неизвестных ей слов, чтобы в будущем ей не пришлось бы нарушать его сосредоточенность просьбами о помощи. После тридцати двух слов для списка он внезапно вскочил и стремительно исчез.

Некоторое время Мэри пыталась внушить себе, что все это было следствием смены места; конечно же, очень хлопотно переместить пятьдесят с лишним детей из системы пещер, много лет бывших их домом, в новую систему, которой они, возможно, особенно боялись, так как там, очевидно, находились и лаборатория, и упаковочное помещение. А золото? Нет, это навряд ли. Золото находится там, где пребывает Бог, а то, что он говорил, не позволяло определить, где именно.

На следующий день явился брат Джером с хлебом и водой, хотя без масла, сыра или джема. Презрительно следя за ней темными глазами, он протянул руку:

— Давайте вашу работу.

Она молча просунула ее между прутьями, жалкую пачку страниц в сравнении с предыдущими диктовками, переписывание которых настолько ее поглощало, что у нее не оставалось времени ни для тревог, ни для праздных мыслей.

Один день — бифштекс, грибы и пудинг, теперь хлеб и вода, думала она. Что происходит? Этот хрупкий ум рассыпался? Или мой новый режим всего лишь следствие того, что теперь я нахожусь в нескольких милях от кухни? Воды можно набрать где угодно, но хлеб и то, что намазывается на хлеб, доставляется из кухни.

Во второй день ее пребывания на хлебе и воде отец Доминус с воплем возник из-за экрана, сжимая в одной руке страницы, которые она отдала Джерому.

— Что это? Что это? — визжал он, а в уголках его рта клубилась пена.

— Это то, что вы продиктовали мне позавчера, — сказала Мэри, и ее голос не выдал ни малейшего страха.

— Я диктовал вам тогда два часа, сударыня, два часа!

— Нет, отче, не так. Вы сидели в вашем кресле два часа, но

единственная нужная информация, которую вы мне дали, записана тут. Вы путались, сэр.

— Лгунья! Лгунья!

— Зачем мне лгать? — ответила она рассудительно. — Я достаточно умна, чтобы понимать, в какой мере моя жизнь зависит от того, насколько полезной могу я быть вам, отче. Так зачем бы я стала вызывать ваше неудовольствие? — На нее снизошло вдохновение. — Признаться, я думала, вам необходимо хорошенько выспаться, и, полагаю, усталость мешала вам сосредоточиться. Я не ошиблась?

Два маленьких шарика глядели на нее с синеватой молочной стеклянностью снятого молока, но она отвечала твердым взглядом. Пусть себе пялится!

— Может быть, вы правы, — сказал он и стремительно ушел, видимо, раздумав диктовать ей на этот раз.

Его ум слабел, больше она в этом не сомневалась, но можно ли было назвать это сумасшествием, оставалось спорным.

— Ах, если бы я только могла склонить его поговорить разумно о детях! — сказала она себе, примостившись на краешке кровати. — Я все еще понятия не имею, зачем он набрал их или каким образом, или что происходит с ними, когда они взрослеют. Мне необходимо привести его в более податливое настроение.

Брат Игнатий не появлялся, не приходил и Джером пополнить ее хлебные запасы, равные теперь половине краюшки. Какой-то инстинкт подсказал Мэри не расходовать воду на мытье лица или какой-либо другой части тела: то, что у нее есть, может потребоваться ей для питья, притом ограничивая себя. Переписывать было нечего, каждая книга была прочитана и перечитана по меньшей мере несколько раз, и день тянулся мучительно долго, тем более что ее не вывели на прогулку. Сон долго не приходил, мешался с кошмарами и продолжался недолго.

Когда появился отец Доминус, он нес свежую буханку и кувшин с водой.

— Ах, как я рада увидеть вас, отче! — вскричала Мэри, улыбаясь самой лучшей своей улыбкой в надежде, что ничего соблазняющего в этой улыбке нет. — Я истомилась от ничегонеделания и с нетерпением жду следующей главы вашего Космогенезиса.

Он сел, видимо, решив, что в ее улыбке соблазн не прятался, но хлеб и кувшин оставил возле себя на полу, а не на ее полке. Это, не сомневалась она, означало, что получение его щедрот зависит исключительно от ее поведения теперь.

— Прежде чем мы начнем диктовку, отче, — сказала она самым просительным своим голосом (огромное усилие для Мэри), — мне так много хотелось бы понять о тьме Бога. Люцифер очевиден, и я от всего сердца согласна с вашей философией. Но пока мы еще не касались Иисуса. А он должен занимать ведущее место в вашей космогонии, иначе вы не окрестили бы своих последователей «Детьми Иисуса». Их пятьдесят, вы говорите, тридцать мальчиков и двадцать девочек. Эти числа должны иметь значение, ведь во всем, что вы говорили до сих пор, есть глубокий смысл.

— Да, вы умны, — сказал он ублаготворенно. — Все числа со смыслом должны завершаться отсутствием числа, тем, что греки называли «Зеро». Ноль, пишем мы, имея дело с арабскими цифрами. Зеро — не просто отсутствие числа, но по-арабски у него нет начала и нет конца. Оно вечно. Вечное Зеро. Пять плюс три плюс два равно десяти. Линия, которая никогда не встречается с собой, и круг, всегда замкнутый на себе.

Он замолчал. Мэри заморгала. Какая невероятная чушь! Но она сказала благоговейно:

— Как глубоко! Изумительно! — Она поколебалась настолько долго, насколько могла себе позволить.

— А Иисус?

— Иисус это порождение перемирия между Богом и Люцифером.

У нее отвалилась челюсть.

— Что-о?

— Мне казалось это самоочевидным, сестра Мэри. Люди были не в силах сносить бесформенность, безликость и бесполость Бога, но и не поддавались полностью уловкам Люцифера. Бог ничего не достигал и Люцифер ничего не достигал. А потому они встретились на скале в небе, которая ненадолго превратилась в звезду, и выковали Иисуса: Человека и все же не Человека. Смертного и все же бессмертного. Знаменующего доброту и тем не менее зло.

Мэри не могла бороться с испариной, покрывшей все ее тело, ни с дрожью отвращения, сбросившей ее со стула.

— Отче, вы богохульствуете! Вы анафема! Вероотступник! Но вы ответили на все мои вопросы, даже те, которые я не задавала. Для чего бы вам ни требовались дети, это зло! Им ведь никогда не будет дозволено вырасти, так ведь? Маленькие девочки говорят про школу в Манчестере, руководимую матушкой Беатой, которая обучит их стать камеристками, но нет никакой школы, нет матушки Беаты! Что ты делаешь с мальчиками? Об этом мне ничего не известно, так как брат Игнатий слишком туп, а брат Джером слишком хитер, чтобы сказать мне. Злодей! Ты злодей! Проклинаю

тебя, Доминус! Ты украл детей слишком маленьких, чтобы работать на жестоких хозяев. И, значит, покупал их за деньги на бутылку джина у их безбожных родителей или у приходских властей! Ты используешь их невинность и думаешь, будто ты квит, потому что кормишь их, одеваешь и лечишь! Будто телят, откармливаемых для стола. Ты убиваешь их, Доминус! Убиваешь невинных!

Он слушал ее диатрибу в изумлении, настолько ошеломленный, что онемел. Рот для водопада слов ему разверзло ее обвинение, что он убивает невинных; если ей требовалось доказательство, его омерзительная истерика доказала все. Он пронзительно вопил, визжал, брызгал слюной, его тело сводили судороги чудовищной ярости. Он называл ее стервой, шлюхой, соблазнительницей, Лилит, Иезавель, именами дюжины других библейских искусительниц, а затем начинал повторять их снова и снова. А Мэри вне себя перекрикивала его опять и опять одним-единственным обвинением:

— Ты убиваешь невинных! Ты убиваешь невинных!

Будто не зная, что еще сделать, он схватил кувшин и швырнул его на прутья, обдав Мэри черепками и бесценной водой. Затем слепо повернулся, наткнулся на экран и убежал, визгливо призывая проклятия на ее голову.

Экран зашатался и упал, казалось, невероятно медленно, его верхний край зацепил что-то позади и разорвался. В каморку ворвалась неизмеримость света, столь слепящего, что Мэри вскинула руку, чтобы защитить глаза. Только уверившись, что сумеет выдержать подобную яркость, она открыла их и увидела панораму, которая в иных обстоятельствах ошеломила бы ее своей красотой. Она находилась по меньшей мере в тысяче футов над окружающим пейзажем вересков, причудливых скал и вершин холмов. Дербишир! Во многих милях от Мэнсфилда.

В пещеру со свистом врывался ветер. Ветер, которому прежде, очевидно, препятствовал занавес темно-зеленой парусины, который теперь валялся на полу за экраном. Так вот почему в ее тюрьме постоянно слышалось негромкое постанывание! Не окно, неплотно закрытое, но парусиновый занавес, где-то неплотно прилегавший к камню.

Ах, подумала она, вся дрожа, я погибну от холода задолго до того, как успею умереть от жажды.

Она, разумеется, не могла добраться до входа в пещеру: до него было добрых двадцать футов, и решетка по-прежнему препятствовала ей. Хлеб лежал вне ее досягаемости, а вода быстро высыхала под этим жутким ветром. Откуда они входили и куда выходили? В стене по правую руку не было ничего, но слева вырисовывались пасти трех туннелей — ее

прогулочного и двух других подальше. Рядом с самым дальним лежала груда сальных свечей и трутница; значит, этот туннель уходил глубоко под землю в направлении Северных пещер. Средний, решила она, ведет к старой кухне по соседству. Ах, что произошло с Терезой? С Игнатием? Они были опасно близки к половой зрелости, которая, подсказывал Мэри ее инстинкт, была границей для отца Доминуса. Стоило ребенку пересечь ее, обрести мужественность или женственность, от него или от нее избавлялись. Ей оставалось только уповать, что смерть от рук искусного аптекаря была быстрой и незаметной. Конечно же, в физической расправе нужды не было. Однако, наслушавшись этих извращенных понятий о Боге и Дьяволе, она не могла избавиться от подозрений, что они все-таки были упитанными тельцами, предназначенными по достижении зрелости на заклание в жертву какому-то обессвеченному богу. Нет, конечно же, нет!

Но кто, продолжала ее беспощадная логика, способен предсказать непредсказуемые завихрения сознания столь больного, как у отца Доминуса? Не всякий сумасшедший обязательно неистовый безумец, хотя отец Доминус порой и являл собой неистового безумца. А в другое время он казался таким же здоровым, как и она сама, способным излагать факты в логическом порядке и даже раза два сумел убедить Мэри, что его Космогенезис обладает некоторыми достоинствами, учитывая пережитое им.

Мне нужно увидеть этих детей! Так сказала она себе, зная, что шансов на это практически нет. Я хочу поговорить с ними не пугливым шепотом, вполуха вслушиваясь, не приближается ли отец Доминус или Джером, но за чашкой горячего сладкого шоколада с восхитительными пирожными, всеми теми лакомствами, которыми обезоруживают детей. Мне необходимо удостовериться, что наименованные в честь полубога-гибрида, наполовину темного, наполовину светлого, они не испортились в том смысле, как портятся съестные припасы; что их невинность все еще сохраняется, все еще цела. Если он нуждается в них как в рабочей скотине и не позаботился приобщить их к Космогенезису, значит, они уцелели. Опасность заключается в том, что этим единственным его ученикам требовалось привить его философию, или теологию, или как он ее там определяет. Безусловно, это не идеология разумного человека и порождена его ущербностью. Но какой мозг способен засвидетельствовать абсолютную тьму и поклоняться ей, как Богу? Или заклеить любой свет, как зло?

Поуспокоившись, она оглядела свою тесную тюрьму. Да, в кувшине на ее столике все еще была вода, которой, если пить ее бережно, должно

хватить на много дней. Для еды — краюха черствого хлеба. Ну, еда далеко не так обязательна для поддержания жизни, как вода. Сознывая, что необходимость вырваться отсюда возросла еще больше, она подергала и потрясла все прутья по очереди, но без всякого толка. Вставленные в стены Пещеры, они были закреплены известковым раствором; будь у нее хоть какое-то орудие, даже ложка, она могла бы попытаться расковырять стены, но с диетой из хлеба и воды ложку, единственное приспособление для еды, у нее забрали.

Слезы потекли по ее лицу, несколько минут она рыдала. Затем, обессилив, поникла на краю своей постели и зажала голову в ладонях. Карандашные штрихи указывали, что она провела тут около шести недель и, казалось, что она все-таки обречена на смерть. Никто из Детей Иисуса не придет к ней на помощь; они ушли в Северные пещеры, включая Игнатия и Терезу.

Однако отчаяние проходит, особенно когда речь идет о таких, как Мэри. Ее плечи расправились, она села прямо, сжав зубы. Я не смирюсь покорно со своей участью, сказала она себе. Я выпью два глотка воды, а затем посплю. Когда силы вернутся ко мне, я попытаюсь расшатать прутья. На этот раз — большой двери, через которую они входили и выходили. Может быть, она не так крепка.

План этот она полностью выполнила. Но большая дверь не поддавалась, как и замок полки. Ах, если бы при ней была ее рабочая шкатулка! Крючочек для выпарывания стежков мог бы сработать в замке большой двери. Но у нее не было ничего!

Я, наконец, исчерпала все свои возможности, подумала она, но я не сдамся! Я в Руце Бога, да, но и в моей собственной руке. Пока у меня есть вода для питья, я не поддамся безысходному отчаянию.

Лидия также поняла, что заключена под стражу, причем очень скоро после того, как Нед Скиннер доставил ее в «Хеммингс» и в когти мисс Мирабель Мэплторп. Более опытная, чем ее сестры, Лидия быстро сообразила, что прошлое ее тюремщицы — публичный дом. Но не шлюхи, одной из тех, кто обслуживает клиентов. Нет, мисс Мэплторп командовала шлюхами и следила, чтобы они неукоснительно обслуживали благородных клиентов, как те пожелают. С какой целью Фиц нанял подобную женщину? Маме предоставили Мэри; а ей всучили бандершу. Из чего, возможно, следовало, что Фиц питает к ней презрение не меньшее, чем страх, что она может сорвать его планы. Решетки на окнах означали страх, но мисс Мэплторп означала полнейшее презрение.

Не то чтобы мисс Мэплторп была невежлива, наоборот. Единственно, в чем Лидии было отказано, так это в свободе. Неограниченные запасы вин, портвейна и коньяка, предоставленные в ее распоряжение, подсказывали, что Фиц и правда ожидал, что она погрузится в перманентное пьяное одурение. Тогда как на самом деле Лидия принадлежала к выпивохам особого рода, способным при желании вовсе перестать пить. А сейчас, бесспорно, наступило время перестать пить: ей необходимо узнать, что происходит.

Однако она решила держать свою трезвость в секрете. Поначалу она выливала содержимое бутылок из окон своей спальни, но оно оставляло следы на кирпичах внешней стены. Затем она обнаружила, что если всунуть горлышко бутылки между прутьями окон нижнего этажа, содержимое льется на клумбу и всасывается в землю. Она проводила достаточно времени в одиночестве, чтобы проделывать это, времени, когда она притворялась, будто пьет. Никто вроде бы по доброй воле не ищет общества пьяницы.

Она прожила там неделю, когда Нед Скиннер приехал навестить ее... Вот он! Вот ее момент! Побрызгав коньяком на платье, Лидия развалилась в кресле и начала ждать. И правда, очень скоро Нед вошел с ее тюремщицей, нагнулся заглянуть ей в лицо, почуял, чем пахнет платье, и выпрямился.

— Нализалась, — сказал он.

— Как обычно. Пойдем, мы можем поговорить в соседней комнате.

Едва удостоверившись, что они расположились в соседней гостиной, Лидия на цыпочках подошла к двери, приоткрыла ее самую чуточку и начала слушать. Ей были видны их затылки, что гарантировало достаточную безопасность.

— Как ты справляешься? — спросил Нед.

— Ну, она никаких хлопот не доставляет. Начинает пить за завтраком и продолжает до беспробудности, но ей нравится трахаться. Моим ребятам хватает дела обслуживать ее. Не зря, Нед, ты посоветовал захватить сюда помощников-мужчин.

— Мистер Дарси распорядился, чтобы в выпивке ее ограничить.

— Зачем, Бога ради?

— Ее сестры навестят ее через десять дней.

— А-а! Но поскольку ограничить ее в выпивке значит накликать припадки буйства, не лучше ли обойтись без ограничений? Пусть сестры увидят, какова она на самом деле.

— Мистер Дарси этого не хочет.

— А мистер Дарси — твой идол!

— Вот именно.

— Ты нашел какие-нибудь следы той другой сестры, Мэри?

— Никаких. Она исчезла с лица земли.

— Могу заверить тебя, что ни в каком борделе она не объявлялась, разве что к югу от Кентербери или на севере за Твидом, а это очень маловероятно при ее-то возрасте. Красота красотой, но тридцать восемь лет делают женское тело жилистым или оплывшим. Судя по тому, что ты о ней говорил, в ее случае — жилистым.

— Да, она жилистая. И плоскогрудая.

— Значит, она не в борделе, — сказала мисс Мэплторп.

— Сколько времени ты сможешь присматривать за этой, Мирри?

— Еще два месяца. А тогда мне надо будет вернуться в Шеффилд, Эгги строга, но хлыст пускать в ход недолюбливает.

— А прислать Эгги себе на смену ты не смогла бы?

— Нет, она слишком вульгарна. Миссис Дарси и миссис Бингли сразу ее раскусят. Нет, я думаю, тебе надо поискать кого-нибудь в бедламе.

— Такие женщины не могут не быть вульгарными? Попрошу мистера Дарси дать объявление.

— Прекрасно. Вы кого-нибудь подыщете. Время терпит.

— Мне пора, Мирри.

— Скажи своему идолу, что миссис У. безопасна и здорова. Да, конституция у нее, как у быка, раз она выдерживает такое количество отравы. Ведь выпивка в таких количествах, в каких она ее поглощает, настоящий яд. Бьюсь об заклад, ум у нее не выдержит прежде тела. А не хочешь, чтобы я подмешивала ей в портвейн настой отца Доминуса с таким же вкусом?

— Кого-кого?

— Да старого аптекаря, одетого монахом. Он снабжает меня отличными снадобьями для выкидышей, и Старый Хозяин как будто держал под рукой некоторые его яды. А еще микстурки, сводящие с ума или вызывающие паралич. Удивляюсь, как это ты его не знаешь, он же все время вел дела со Старым Хозяином.

— Я был еще мальчишкой, Мирри, а когда Старый Хозяин появлялся, я прятался. Должен сказать, моя дорогая, что тебе твоих лет никак не дать.

— Спасибо отцу Доминусу.

— Мистер Дарси не одобрил бы. Так что никаких зелий, Мирри.

— Нет, я правда думаю, ты поклоняешься этому человеку, как дураки — Богу.

— Ну, так не богохульствуй. — Он встал. — Теперь о решетках...

Как Лидии ни хотелось послушать еще, она притворила дверь, кинулась к своему креслу, рухнула в него и вся обмякла с большим реализмом. Но никто не вошел. Вскоре она услышала цокот копыт по гравиию дороги и в негодовании села прямо.

Ну и злодеи же! И хотя может показаться, будто Фицуильям Дарси с чем-то считается, он бессердечен. Ну, да она всегда это знала. Отсылать Джорджа с одной войны на другую! Ах, Джордж, мой Джордж! Как могу я жить без тебя? Трезвой, подумала она яростно. Вот как я буду жить — трезвой.

А я неплохая актриса, думала Лидия десять дней спустя. Через какие обручи они у меня прыгали. Особенно эта корова Мирри, Му-у-у! Слезы, истерики, часы воплей и визга... Потребовалась настоящая смелость продолжать мое представление, когда этот олух Роб пригрозил придушить меня, если я не заткнусь. Ну, я не заткнулась, а Мирри Му-у-у пришлось выгнать его из дома, не то как бы он и правда меня не придушил. Я пустила в ход самые лучшие мои выражения — странно, до чего людям они не нравятся. На мой взгляд, царапины и укусы куда хуже, а я на них не скупилась.

Такова была обстановка, когда вскоре после второго завтрака у дверей «Хеммингса» остановился великолепный пемберлийский экипаж. Лидия была почти вне себя от возбуждения. Теперь ее тюремщики получают свое заслуженное воздаяние!

Идеальная компаньонка мисс Мэплторп оставалась в комнате ровно столько времени, сколько потребовалось, чтобы устроить посетительниц поудобнее, а затем оставила их наедине с Лидией. Едва дверь за ней закрылась, как Лидия села прямо, и все признаки опьянения исчезли.

— Так-то лучше! — воскликнула она.

Джейн и Элизабет были ошеломлены, увидев, как переменилась их младшая сестра — она выглядела так хорошо! Ее лицо и фигура утратили всякий намек на одутловатость, она была чистой с головы до ног и одета в модное платье из льдисто-голубого батиста. Ее льняные волосы были собраны в пучок на макушке, а лицо обрамляли полупрозрачные локоны, и то, чем она подчеркнула брови, не могло вызвать никаких нареканий. Она выглядела так, как не выглядела уже много лет — истинной леди.

Джейн посмотрела на Элизабет, Элизабет посмотрела на Джейн; преобразование было поразительным, не говоря уж о том, насколько желанным.

— Тебе лучше? — спросила Элизабет.

— Лучше? — повторила Джейн.

— Я трезва, — заверила их Лидия. — Мне необходимо было отрезветь, чтобы рассказать вам, что творится!

— Творится? — переспросила Элизабет, нахмурившись.

— Да-да, творится! Твой бессердечный муженек-сноб похитил меня, Лиззи, я узница в этой ужасной тюрьме.

— То есть как узница? — спросила Джейн.

— Господи, Боже ты мой, Джейн, у тебя что глаз нет? Разве эти решетки на окнах не говорят сами за себя?

— Какие решетки? — рявкнула Джейн. Такого испытания не выдержала даже ее миролюбивая натура.

Прищурив глаза от слепящего света чудесного летнего дня, Лидия обнаружила, что силуэты прутьев сквозь тюлевые занавески не видны. С такой стремительностью, что стул опрокинулся, она кинулась к ближайшему окну.

— Идите сюда, они тут! Идите сюда и сами увидите решетку!

Джейн и Элизабет последовали за ней с тревожным выражением на лицах. Но теперь у окна Лидия решетки не увидела. Куда девалась решетка?

— До чего хитро! — закричала она. — Коварные жестокие подлецы! Подстроили это, чтобы сделать из меня лгунью! Джейн, Лиззи, клятву даю, что все это время все окна первого этажа в этом доме были зарешечены! — Сверкая глазами, стискивая кулаки, Лидия заскрежетала зубами. Ужасный звук! — Клянусь мертвым телом моего мужа, решетки были!

Элизабет открыла окно и осмотрела кирпичи за ним.

— Не вижу ни единого места, где могли быть прутья, дорогая, — сказала она мягко. — Вернись к столу, сядь.

— Путья были, были! Клянусь могилой Джорджа!

— Лидия, это игра твоего воображения, — сказала Элизабет. — Последнее время ты была немножко не в себе. Если ты сейчас трезва, то не можешь не видеть, что на этих окнах никогда решеток не было.

— Лиззи, я не настолько выпивала, чтобы мне что-нибудь мерещилось! На этих окнах решетки были. На них на всех! — В ее голос вкралось отчаяние. — Вы должны мне поверить, должны! Я ваша сестра!

— Если ты правда свободна от влияния вина, дорогая, то почему в твоём дыхании я чувствую его запах? — спросила Элизабет.

— За завтраком я выпила стаканчик или два. — Лидия надулась. — Чтоб поднабраться храбрости.

— Лидия, милочка, здесь нет решеток, — сказала Джейн самым ласковым своим тоном. — Выглядишь ты очень хорошо, но тебе предстоит еще долгий путь, прежде чем ты излечишься от своего пристрастия.

— Говорят же вам, я узница! Мирри Му-у-у не позволяет мне выходить из дома без нее!

— Кто-кто?

— Мирри Му-у-у. Я называю ее так, потому что она корова.

— Ты несправедлива к очень приятной леди, — сказала Элизабет.

— Никакая она не леди! Мирри Му-у-у — хозяйка бардака в Шеффилде.

— Лидия! — ахнула Джейн.

— А вот, да! Да! Я слышала, как она разговаривала с Недом Скиннером десять дней назад, и от него она это в секрете не держала. И более того: он про нее знает все. Они говорили о том, чтоб напоить меня отравой или чем-то таким, чтоб меня хватил паралик, либо я спятила бы. И, значит, Фицу про них все известно.

— Думаю, тебе пора предъявить какие-то доказательства этим диким утверждениям, — мрачно сказала Элизабет.

— С пропажей решеток я мои доказательства потеряла! — Лидия заплакала. — Ох, это нечестно! Если вы мне не верите, то кто поверит? Лиззи, ты же разумная женщина, конечно же, ты понимаешь, что я угроза для твоего бесценного Фица?

— Только из-за твоей невозддержанности, Лидия. Как ты можешь ждать, что тебе поверят, если ты обвиняешь Фица в убийстве и употребляешь при этом слова, каких избегают и самые беспутные женщины? Я не могу поверить этим наветам на мисс Мэплторп — или на мистера Скиннера! Ведь, судя по твоему виду, о тебе хорошо заботятся, много дней ухаживают со всем тщанием. Нет, я тебе не верю, Лидия.

Когда Элизабет договорила, Лидия уже обливалась шумными слезами.

— Ну-ну, милая, слезами ничему не поможешь, — сказала Джейн, обнимая ее. — Позволь нам позвонить. Чашка чая принесет тебе больше пользы, чем все вино под небесами. Ты горюешь о Джордже, мы это знаем.

Всепонимающий взгляд, каким мисс Мэплторп, войдя, одарила Лидию, говорил сам за себя.

— Боже мой! Миссис Уикхем пыталась убедить вас, будто окна зарешечены?

— Да, — сказала Элизабет.

— Часть ее бредового состояния, миссис Дарси.

— Она говорит, что вы содержите дом терпимости в Шеффилде, —

сказала Джейн.

Мисс Мэплторп рассмеялась.

— Не понимаю, как такое могло прийти ей в голову?

— Она говорит, что услышала разговор между вами и мистером Эдвардом Скиннером, — сказала Джейн с такой агрессивностью, что Элизабет даже вздрогнула.

— Как странно! Я видела мистера Скиннера только раз, когда он привез миссис Уикхем в «Хеммингс».

— Где вы жили до того, как приехали в «Хеммингс»? Какого рода обязанности выполняли? — спросила Джейн с редкой для нее настойчивостью.

— Я управляла женским бедламом на Бродмурской Пустоши, затем я ухаживала за родственницей маркиза Райпона, — сказала мисс Мэплторп. — У меня великолепные рекомендации, миссис Бингли.

— Женским бедламом? Я думала мужчины и женщины помещаются в одном заведении, — сказала Джейн, которую великолепные рекомендации, видимо, оставили равнодушной.

— Совершенно верно, — сказала мисс Мэплторп с несколько затравленным видом, — но тем не менее надзирательница над женщинами необходима.

— Я не знала, что на Бродмурской Пустоши есть бедлам, — сказала Джейн.

— Но он существует! Как и маркиз Райпон, — сказала мисс Мэплторп не без едкости.

— Из писем Аргуса следует, что сумасшедших в бедламах содержат самым возмутительным образом, — сказала Джейн. — Как животных в зверинце, только хуже. Зеваки платят пенни, чтобы дразнить и мучить их, а служащие заведения прибегают к пыткам.

— Вот почему я покинула Бродмурскую Пустошь, чтобы сначала наняться к маркизу, чья родственница скончалась, а затем поступить сюда. — Лицо мисс Мэплторп стало кремневым. — И это все, что мне есть сказать, миссис Бингли. Если вы еще чем-либо недовольны, то обратитесь к моему нанимателю, мистеру Дарси.

— Благодарю вас. Не могли бы мы выпить чаю? — поспешно сказала Элизабет и отвела мисс Мэплторп в сторону. — У меня тоже есть вопрос, мисс Мэплторп. Ум миссис Уикхем расстроен безвозвратно?

— Пока еще рано судить. Уповаю, что нет.

— Но если так, каких забот она потребует?

— Таких же, какими она окружена сейчас в «Хеммингсе», но, увы,

решетки эти должны будут обрести подлинность. Она, как будто... э... очень любит общество джентльменов. Мне уже приходилось несколько раз убеждать ее вернуться домой. Если это еще один новый симптом, простите, что мне пришлось сказать вам об этом, миссис Дарси.

— Прошу, не думайте, будто это явилось шоком, она всегда была такой.

— Ах, так!

— Она говорит, что пьет не очень много.

— Это правда... Она заметно подтянулась.

— Благодарю вас!

Бросив на мисс Мэплторп выразительный взгляд, Элизабет вернулась к Джейн и Лидии, которая уже не плакала.

Хотя по природе она была пустоголовой, необузданной и сосредоточенной на себе самой, если не считать ее преданности покойному капитану Джорджу Уикхему, у Лидии достало ума понять, что она загнала себя в угол. Единственное, чего она не предвидела, было бесшумное удаление решеток; а без них ее собственное поведение не предрасполагало Джейн и Лиззи поверить ее рассказу. Решение сохранять трезвость улучшило ее внешний вид — а также и здоровье — настолько, что она никак не выглядела жертвой похищения. Как раз наоборот. И слезы, скоро поняла она, не пойдут ей на пользу. Ее освобождение теперь зависит только от нее самой, ни Лиззи, ни Джейн ее не поддержат, а уж тем более ей не уговорить их забрать ее из «Хеммингса». А потому больше никаких слез, никаких упоминаний похищения, положения узницы или Неда Скиннера.

Хотя это не было время чая, мисс Мэплторп прислала чудесный чай, который все три сестры пригубили с восторгом. Лидия очень весело болтала, успокаивая опасения, какие Джейн и Элизабет все еще испытывали. Только подумать, как Джейн накинута на Мирри Му-у-у! Но, конечно, долго это не продлилось. Джейн всегда придерживалась наилучшего мнения о людях, даже если они стояли под виселицей.

Так как она ничего не знала про исчезновение Мэри из-под охраны Неда Скиннера, Лидия сосредоточилась на этой теме.

— Сначала я думала, что она просто объявится после припадка рассеянности, — сказала Джейн.

— Они за ней водились, — сказала Лидия. — Всегда утыкалась носом в книгу и отчаянно мечтала о доступе в библиотеки побольше.

— Но уже четыре недели, как она пропала, — сказала Элизабет, — и я, например, не думаю, что исчезла она по доброй воле. Фиц со мной согласен. Он сумел отправить на ее поиски две трети констеблей каждого

графства, и было разослано объявление из одного конца Англии в другой. Награда в сто фунтов. Очень много людей сообщали то или се, но ни единое заявление не привело к Мэри, хотя бы отдаленно. — Ее лицо стало очень суровым. — Мы теперь начинаем бояться, что она погибла. Фиц в этом убежден.

— Лиззи, нет! — вскричала Лидия, отвлекшись от собственных несчастий.

Элизабет вздохнула.

— Я все еще не теряю надежды, — сказала она.

— Как и я, — сказала Лидия. — Мэри могла бы преподать урок упрямства даже мулу. Меня тревожит, что поиски поручены констеблям... Джейн, Лиззи, они же бестолочь!

— Мы согласны, — сказала Джейн. — По этой причине мы с Лиззи превращаем жизнь Фица в ад. Правда, Чарли и Ангус все еще отправляются на поиски каждый день.

— Ангус? — сказала Лидия.

— Ангус Синклер, издатель «Вестминстер кроникл». Лиззи говорит, что он влюблен в Мэри.

— Джейн, нет! Это правда?

Старшие сестры пробыли еще час, а затем распрощались, чтобы спокойно вернуться в Бингли-Холл задолго до заката. Элизабет предстояло переночевать там, и она предвкушала вечер с мальчиками, пусть и без Присси.

— Что ты думаешь о Лидии? — спросила Джейн, пока экипаж преодолевал особенно непроезжую часть дороги.

— Я в недоумении. После недель в «Хеммингсе» она выглядит гораздо лучше. И я не думаю, что она помешана.

— Решеткам вопреки.

— Да. Но больше всего я недоумеваю, Джейн, из-за твоей атаки на мисс Мэплторп. Так не похоже на тебя!

— Из-за взгляда, который она бросила на Лидию, когда она только что вошла, — сказала Джейн. — Ты сидела больше вполоборота, чем я, а потому, возможно, истолковала этот взгляд не так, как я. По-моему, он выражал насмешку и презрение.

— Как странно! — воскликнула Элизабет. — Ее манеры не оставляли желать ничего лучшего. Как у истинной леди.

— Я убеждена, это притворство, Лиззи. И не верю, что она когда-либо видела бедлам. — Джейн засмеялась. — Мирри Му-у-у! Ну, просто Лидия лонгбонских дней!

— Не сомневаюсь, что Мэтью Споттисвуд и его Йоркское агентство тщательно проверили прошлое мисс Мэплторп.

— Значит, Лиззи, нам следует регулярно посещать ее.

Когда Элизабет вернулась в Пемберли, она сделала нечто, чего никогда прежде не делала: послала за Эдвардом Скиннером, который, сказал Парментер, был дома.

Разговор их, однако, начался скверно, поскольку Неду потребовался час, прежде чем он явился. Элизабет указала на его промедление с наиболее властной своей манерой.

— Прошу прощения, миссис Дарси, но когда меня позвали к вам, я был занят физическим трудом и должен был привести себя в пристойный вид.

— Так-так. Что вам известно о мисс Мирабель Мэплторп?

— О ком?

— О компаньонке миссис Уикхем в «Хеммингсе».

— А, про нее! Я видел ее только один раз и не помню, назвали ли мне ее имя.

— Значит, вы знаете о ней очень мало?

— Вообще ничего, сударыня. Мистер Споттисвуд должен знать побольше.

— Тогда я обращусь к мистеру Споттисвуду.

— Так будет лучше всего, сударыня.

— Вы живете в Пемберли дольше меня и, значит, должны знать, какое это гнездо сплетен. Вам неизвестны никакие слухи о мисс Мэплторп?

— Только, что мистеру Споттисвуду повезло заручиться ее услугами.

— Благодарю вас, мистер Скиннер. Вы свободны.

И я не заручилась тут дружбой, подумала Элизабет. Но почему Фиц ставит его так высоко?

Она отправилась искать Мэтью Споттисвуда, задача из самых простых, так как свою конторку он покидал только в сопровождении кого-либо из Дарси. Элизабет питала привязанность к нему в той же мере, в какой ее отталкивал Нед Скиннер, и не могла поверить, что он допустил какой-либо промах, нанимая компаньонку для Лидии. Только необычная реакция Джейн на эту женщину вообще побудила ее наводить справки, так как менее подозрительное существо, чем Джейн, было бы невозможно отыскать во всем мире. Разумеется, Элизабет могла обратиться к Фицу, но он был последним, у кого она стала бы искать помощи. В эти дни, казалось, они не могли встретиться без ссоры, а будучи столь возмутительно

оскорблен Лидией, он не приветствовал бы вопросы ее старшей сестры. Кроме того, Лидия обходилась ему в огромные деньги.

— Мэтью, — сказала она, входя в кабинет управляющего, — расскажите мне, что вам известно о мисс Мирабель Мэплторп.

Мэтью Споттисвуду было под шестьдесят, и всю свою жизнь он провел на службе пемберлийских Дарси. Сначала у отца Фица в качестве помощника управляющего, а затем помощником управляющего у Фица, пока не был повышен в управляющие. Его образование было не лишено пробелов, зато идеально подходило для его обязанностей, так как он блистательно владел арифметикой, писал грамотные письма каллиграфическим почерком, содержал счетные книги в скрупулезном порядке и обладал мозгом, который хранил все факты наготове, если в них появлялась надобность. Он был счастлив в браке, жил в поместье и наслаждался тем, что все его дети служили в Пемберли.

— О леди, которая ухаживает за миссис Уикхем? — спросил теперь мистер Споттисвуд, без малейшего труда вспомнив, кто она такая.

— Именно. Мистер Скиннер направил меня к вам.

— Да. Я нанял ее через агентство в Йорке, подыскивающее работу для нуждающихся леди, в которое я всегда обращаюсь — агентство мисс Скримптон. — Он проницательно посмотрел на свою хозяйку. — Все делалось второпях, но мне выпала особая удача, миссис Дарси. Агентство как раз внесло мисс Мэплторп в свои списки. Поскольку мистер Дарси желал, чтобы миссис Уикхем поселилась в «Хеммингсе» немедленно, я ознакомился с рекомендациями мисс Мэплторп и, убедившись, что они полностью соответствуют требующемуся, не стал тратить время на дальнейшие поиски. В списках мисс Скримптон не было другой леди, хоть сколько-нибудь подходящей.

— Будьте добры, расскажите мне о ее рекомендациях, Мэтью.

— Ну, у нее были письма таких особ, как сэр Питер Орстед, виконт Хэнсбери, миссис Бассингтон-Смит и лорд Саммертон. Двумя ее прямыми нанимателями были, во-первых, на протяжении многих лет бедлам на Бродмурской Пустоши, где она присматривала за его обитательницами и их надзирательницами. Весьма похвальный документ! Второе ее место было в Восточном Йоркшире — уход за родственницей маркиза Райпона. Эта пациентка как раз скончалась.

У особ, снабдивших ее рекомендательными письмами, к несчастью для них, были родственницы в бедламе. — Он виновато кашлянул. — Вы понимаете, миссис Дарси, что те, у кого помешанные родственницы, крайне чувствительно относятся к этому обстоятельству, и я счел

невежливым беспокоить их, поскольку письма все были подлинные, уверяю вас.

— Я поняла. Благодарю вас, Мэтью.

Вот так! Мисс Мэплторп была очищена от всех подозрений. Джейн, должно быть, вообразила этот взгляд... или скорее всего Лидия была нестерпимо груба со своей компаньонкой и не внушила привязанности к себе.

Звуки веселья, доносящиеся из классной комнаты, вызвали у нее улыбку, она открыла дверь и увидела Оуэна, пьющего чай с девочками, и прикинула, уж не подался ли он чарам Джорджи. Однако, решила она позднее, если и так, то скрывал он это настолько хорошо, что это смахивало на хитрый расчет, а она не считала его расчетливым. Истинной причиной этого визита, поняла она, была жалость. Ну, принять какие-то меры необходимо, что бы там ни говорил Фиц! Пусть Оуэну не угрожает опасность влюбиться, но ее-то девочки так неопытны, что сказать то же о них она не может. Сюзи прямо-таки тает, стоит Оуэну посмотреть на нее, да и Анна тоже.

Нед Скиннер покинул дом в большой тревоге. Что, черт побери, толкнуло Элизабет Дарси наводить справки о Мирри? Лидия не могла сказать ей ничего такого, а решетки убрали без сучка без задоринки. Рабочие бесшумно заменили каждый кирпич с дырой в нем.

Решетки не восстановить, как ни жаль. Миссис Дарси и миссис Бингли будут часто навещать Лидию, а Лидия, сообщила ему Мирри в гневной записке, присланной с нарочным, только прикидывалась пьяной. И, значит, она не зависит от бутылки, хитрая стервоза!

Что ему делать с Лидией? Для него значение имел только один факт: ее намерение погубить карьеру Фица. Она прямо так и сказала, и никаких сомнений тут нет. Но допустить этого нельзя, не важно, каким бы крайним ни оказался выход из положения.

Разумеется, Фиц и Споттисвуд понятия не имеют, кто такая Мирри на самом деле. Люди вроде Фица, Нед знал по горькому опыту, были вознесены слишком высоко, чтобы снисходить до понимания некоторых особенностей функционирования мира. Его собственная функция сводилась к тому, чтобы оградить Фица от всего недостойного его внимания, и когда Фиц — в безумной спешке, такой на него не похожей! — решил, что Лидии требуется компаньонка, Нед сообразил, как обеспечить ее выбор. Настоящей респектабельной компаньонке никогда не сладить с такой фурией, как Лидия.

Женщиной, которую наметил Нед, была Мириам Матчем, содержательница борделя в Шеффилде, которую он знал с рождения. Хотя она предупредила его, что сможет уделить ему лишь несколько месяцев, ей была уплачена сумма побольше прибылей, приносимых ей борделем за год. Она связала его с человеком, набившем руку в подделке любых документов, и вместе они сочинили историю жизни Мирри. Бродмурская Пустошь была далекой глушью, так почему бы ей и не иметь бедлама? И кто в Дербишире может знать, так это или не так?

И вот теперь не кто-нибудь, а миссис Дарси задает вопросы! Сует нос, куда не следует, как будто одной Лидии мало! Хитрой, как лисица, бессовестной и безнравственной, без стальной хватки Мирри или мозга Элизабет Дарси.

Он отправился в «Хеммингс» узнать поточнее, что, собственно, происходит — долгая поездка, которую, подсказал ему инстинкт, не следовало прерывать ночлегом в гостинице, хотя он пока еще не собрал воедино кусочки убийственной мозаики; несколько часов он проспал на лугу, где Юпитер мог попасться, а затем продолжил путь. И на протяжении каждой мили его мысли оставались с Лидией, ища решения страшной проблемы, в которую она превратилась. Если она способна перестать пить по желанию, значит, она крайне опасна, и ее нельзя заточить, как в свое время миссис Беннет в упоительном тумане комфорта и сплетничающих приятельниц. Его мысли продолжали избегать окончательной альтернативы, но к тому времени, когда он добрался до «Хеммингса», кусочки сложились в жуткий вывод, и он уверился, что это — единственный выход. Оставалось только решить, где и когда.

— Ох, Нед, я так рада видеть тебя! — вскричала мисс Мэплторп, когда он проскользнул в дом через заднюю дверь, оставив Юпитера с ослабленной подпругой в рощице за деревьями под попой от холодающей росы и с сочной травой вокруг.

— Пьяна ли она все время или нет? — спросил он на кухне, где не было подслушивающих ушей.

— Насколько я могу судить, она чаще трезва, чем пьяна, но она актриса и гребла бы хорошие деньги на сцене. Сейчас она трезва и расхаживает туда-сюда, будто она тут хозяйка. Но что мне делать, если ей вздумается пойти погулять?

— Иди с ней, Мирри.

— А что мне делать, если она решит поехать в Лик? Или в Стоук-он-Трент?

— Поезжай с ней. Но ведь спрашиваешь ты не об этом, верно? Ты

хочешь знать, можно ли тебе употребить силу?

— Да, правда.

Когда она сочла, что его молчание затянулось, она ткнула его под ребра.

— Ну? Употребить мне силу или нет?

— Нет. Не знаю, что ты сделала, чтобы обе ее сестры учуяли неладное, но что-то ты сделала, а Лидия ведь не какая-то паршивка с навозной кучи, как твои девки в Шеффилде, Мирри. Тебе следовало бы ходить на цыпочках.

— О черт! Я знала, что это слишком уж легко!

— Так много денег и так мало работы, хотела ты сказать?

— Да. Дай мне точные указания, Нед, или ищи-свищи свою компаньонку. И увидишь, твоя мадам быстрее молнии окажется в постели какого-нибудь мужика! Ты знаешь, как я удерживаю ее в «Хеммингсе». Мои... э... помощники совсем истощились, обслуживая эту сучку.

— Ну, ты для этого их и захватила. Указания... Дай сообразить... Если стервоза поедет в экипаже, ты едешь с ней. Если она идет гулять, ты гуляешь с ней. И накорми своих ребят шпанской мушкой или чем-нибудь вроде, что им требуется, чтобы продолжать ее трахать. — Он начал натягивать перчатки такие большие, что их приходилось шить ему на заказ. — Только помни, что покончить с тобой может просто наведение справок о маркизе Райпоне.

— Плевать мне на маркиза Райпона! Вспомни, что зовут меня не Мирабель Мэплторп.

— Может быть, у кого-то найдется сказать что-нибудь про мисс Мириам Матчем.

— Подыскал бы ты для твоей грязной работы кого-нибудь другого, Нед!

Он задержался у двери и засмеялся.

— Подбодрись, Мирри! Говорят, и в Новом Южном Уэльсе есть бардаки. Нет-нет, я шучу. За Недом Скиннером ты, как за каменной стеной.

Когда он подошел к Юпитеру, то не стал затягивать подпругу, а снял с него седло, сменил уздечку на недоуздок и привязал коня так, что он мог щипать траву, оставаясь за деревьями, которые заслоняла от дома высокая живая изгородь. Позабывшись о Юпитере, Нед растянулся на земле и некоторое время дремал. Он мгновенно пробудился — со стороны дома доносился шум. Люди метались туда-сюда, словно в спешке.

Сомкнулась темнота. Нед Скиннер продолжал наблюдать. Да, он не ошибся! Они сбегали отсюда! Подъехал фургон, был загружен лучшей

мебелью вместе с коврами и уехал с двумя из пятерых мужчин на козлах. В полночь из дома вышла Мирри с птичьей клеткой, как раз когда от конюшни подъехала коляска, села в нее со своей горничной, а двое ее подручных взгромоздились на козлах. Коляска укатила, оставив в доме Лидию и одного из мужчин. Нет, Лидию должны были оставить одну. Пятый подручный вскоре появился в тележке, покрикивая: «Пошел! Пошел!» на своего грузного пони, и тот затрусил неуклюжей рысцой. Возможно, увозит серебряные приборы, саркастически подумал Нед.

Почему Лидия не подняла тревогу? В гостиной горели свечи, как и в верхней спальне. Значит, она там, но пьяная или трезвая? Пьяная, решил он. Будь она трезвой, от ее визга обрушилась бы крыша.

Вопрос заключался в том, что делать? Он должен был принять решение сейчас же, задолго до новой зари, когда Лидия зашагала бы в... Бингли-Холл? Да, в Бингли-Холл. Конечно, по дороге ей кто-нибудь встретится и либо подвезет ее туда, либо в участок в Лике! Да только констебля в Лике нет! Как и все другие, он ищет Мэри. Но значения это не имело: стоит кому-либо ее увидеть, и он уже не сможет ее контролировать.

Всепоглощающей силой в жизни Неда была его любовь к Фицу. И преданность только ему. И какое значение имеет, что половина того, что он делает ради Фица, Фицу неизвестна? Любовь, как понимал ее Нед, условий не ставит. Она столь чиста, столь могуча, что в признании не нуждается. Лидия Уикхем ищет погубить карьеру Фица — великого человека низвергнет глупая безмозглая тварь, недостойная лизать его сапоги.

Сегодня ночью. Если вообще это сделать, то только сегодня ночью, пока она одна в доме, покинутом прислугой и компаньонкой. Были у нее драгоценности? Деньги? В последнем он сомневался, но драгоценности не исключались. Две ее сестры очень богаты, так что могли дарить ей красивые украшения. Не то чтобы это имело значение, только выглядело бы логично. Мебель исчезла. Ковры исчезли, серебряные приборы исчезли, драгоценности исчезли.

Он достал часы и увидел, что они показывают начало второго. Еще почти час, прежде чем он должен будет принять окончательное решение.

— Что скажешь, Юпитер, старина? — спросил он коня.

Услышав свою кличку, конь поднял голову, посмотрел на Неда, кивнул и опять принялся щипать траву.

Юпитер говорит «да», подумал Нед. Старина Юпитер говорит «да».

Идиоты, даже не заперли за собой дверь! Нед толкнул ее и бесшумно вошел. Отблески света из гостиной помогли ему найти подсвечник. Он зажег новую свечу от догорающего фитиля и пошел к лестнице. Ни единая

ступенька не скрипнула. «Хеммингс» — прекрасный дом.

Звуки храпа подсказали ему направление спальни Лидии; даже если последнее время она соблюдала трезвость, то в этот вечер явно напилась. Да, вот она, растянулась поверх одеяла в дневном платье из розового муслина. Смазливая бабенка, подумал он, глядя на нее без малейшего проблеска желания. Такое обилие почти бесцветных волос, разметавшихся вокруг нее, — неприятная помеха, учитывая то, что ему предстояло сделать.

В подушках недостатка не было. Он выбрал самую жесткую, набитую пухом слишком туго, взобрался на кровать и сел верхом на спящую, чтобы удобнее было подобраться к ее голове. Не идеальный способ убивать, так как мягкий матрас проминался больше, чем подушка. Сделать это мог только очень сильный человек, но Нед Скиннер отличался нечеловеческой силой. Он положил подушку на лицо Лидии и держал так, сидя на ней, чтобы нейтрализовать слабые попытки ее сопротивления. Он напрягался целых пятнадцать минут по часам на каминной полке, затем счел, что она мертва. Задыхание — процесс медленный. Он это знал.

Снятая подушка открыла слегка выпученные глаза с белками в сетке мелких прожилок и полуразинутый рот с прискорбно потемнелыми зубами. Он сел ей на грудь, удостовераясь, что она не дышит. Она не дышала. Лидия Уикхем была мертва. Фиц был избавлен от наипоследней из беннетовских угроз.

Утром придет мясник либо бакалейщик, удивится, почему никто не откликается на его стук, а затем и его крики, а под конец и вопли. После этого открытие будет неизбежным. В комнате догорали свечи в двух канделябрах; при их свете он принялся искать деньги и драгоценности. Ее пустой кошелек лежал на туалетном столике рядом с пустой серой жестяной коробкой, в которой, вероятно, она хранила свои украшения. Чудесно! Они украли все!

Половина третьего по его часам; заря займется примерно через два часа. Оседлав и взнуздав Юпитера, Нед сел в седло и зарысил прочь. Он ехал прямо домой, но не обычным путем. Он обогнул Пемберли, чтобы подъехать с севера. Только кто-то все время его выслеживавший знал бы, откуда он приехал. Но его никто не выслеживал. Как всегда после таких тошнотворных деяний он упорно сосредотачивался на воспоминании о безбородой щеке Фица, прижатой к его собственной почти младенческой макушке. Первая радость в ужасной жизни.

Как ни странно, именно сам Нед привез известие о смерти Лидии в

Пемберли, и этим он был обязан Элизабет.

Южная часть Скалистого края стала средоточием поисков Мэри, поскольку именно там находились пещеры, а все безоговорочно решили, что Мэри заключена где-то в пещере. Из них известны были наиболее живописные; их наводняли толпы посетителей, и каждый держал лампу со свечой, так что группа за группой еще немножко чернили копотью их красоту. Но многие пещеры никогда свечей не видели, и никто понятия не имел ни об их существовании, ни об их протяженности.

Когда Нед подъехал на Юпитере, он увидел во дворе конюшни миссис Дарси и вежливо приподнял шляпу. К его удивлению, едва он спешился, она поманила его к себе.

— Мистер Скиннер, не могли бы вы не в ущерб вашим розыскам уделить немного времени, чтобы заехать в «Хеммингс» и узнать, как себя чувствует миссис Уикхем?

Волосы у него на затылке встали дыбом; будь его глаза не такими темными, она могла бы заметить, как в них расширились зрачки, но их чернота спасла его. Просьба эта его ошеломила. Мгновение он только потрясенно смотрел на нее, затем использовал миг растерянности себе на пользу, изобразив недоумение.

— Вас тревожит неясное чувство, миссис Дарси? — спросил он.

— Чувство? Какое?

— Ну, я точно не знаю. Что-то вроде предчувствия? — Вид у него был виноватый. — Такое на вашем лице было выражение, сударыня. Из-за всех этих хлопот с мисс Мэри, признаюсь, я начисто забыл про миссис Уикхем.

Она чуть переменила мнение о нем и положила ладонь ему на локоть.

— Милый мистер Скиннер, может быть, и правда у меня какое-то дурное предчувствие. Как вы проницательны, если заметили это. Я очень сожалею, что затрудняю вас просьбой съездить туда. Но Ангус и Чарли не вернулись, а уже прошла неделя с тех пор, как мы с миссис Бингли побывали у нее. Мисс Мэплторп обещала написать, но не написала. Я тревожусь, не произошло ли чего-нибудь.

— Не принимайте к сердцу, миссис Дарси. Мы с Юпитером отправимся сейчас же. Он добрый малый, мой конь. Единственный, кому по силам выдерживать мой вес.

При упоминании о лошади она испытала укор совести.

— Вы уверены? Разве Юпитеру не надо отдохнуть?

— Нет, сударыня. Мы с ним вполне готовы поскакать туда.

И он сумел спастись, прежде чем пот у него на лбу стал заметен. Мерзкая, мерзкая женщина. Вот уже двадцать один год заноза в боку у

Фица и в боку у Неда Скиннера тоже. Однако, подумал он, удостоверюсь, что Юпитер напился прохладной воды, Лидию должны найти с минуты на минуту, и, пожалуй, так будет лучше всего. Вопреки этой мысли все мили до «Хеммингса» он ехал с жуткой свинцовой тяжестью в животе и с серой завесой перед глазами. Пусть бы ее уже нашли, умоляю!

Удача была на его стороне. Близился вечер, когда он свернул на подъездную дорогу «Хеммингса» и увидел, что ее загораживают несколько экипажей. Перед входной дверью стояла кучка респектабельного вида мужчин; он спешил и подошел к ним.

— Что случилось? — спросил он.

— А вы кто такой, чтобы вмешиваться? — настырно спросил кто-то из них.

— Личный помощник мистера Дарси из Пемберли по имени Эдвард Скиннер. Что случилось?

Имя Фица, конечно, сотворило чудеса. Настырный субъект сразу забыл про высокомерие.

— Констебль Томас Барнс из Лика, — сказал он заискивающе. — Трагедия, мистер Скиннер! Ограбление, убийство и полный разгром! — Фраза, произнести которую он дожидался полжизни.

— Миссис Уикхем? — озабоченно спросил Нед. — Очень светлые волосы, моложавая.

— Это фамилия леди, сэр? Мертва, сэр. Убита.

— Господи Иисусе! Она свояченица мистера Дарси.

Воцарилось неистовое возбуждение. Прошло несколько минут, прежде чем Нед добился от них более или менее ясной истории, которую должен был перебивать собственными объяснениями, почему свояченица мистера Дарси жила так далеко от Пемберли. Большинство их торчало тут, только чтобы разнюхивать и разведывать, и на констебля Барнса они ни малейшего внимания не обращали. Но на Неда Скиннера они его скоро обратили, и он сказал, чтобы они уезжали — очень мягко, но с таким выражением в глазах! Бр-р-р! В результате группа свелась к доктору Лэнхему, констеблю Барнсу и двум олдерменам графства, которые придерживали языки.

Их реконструкция произошедшего в значительной мере пополнилась объяснениями Неда о том, кому следовало бы находиться в «Хеммингсе» и кого там не оказалось. Несколько искусных намеков быстро натолкнули их на вывод, что мисс Мэплторп и ее прислуга накинудись на бедную миссис Уикхем, прикончили ее и сбежали со всем ценным, что было в доме. Вдобавок, указал Нед, когда они пошли осмотреть конюшни, к коляске, паре породистых лошадей, пони и тележке. И хуже всего остального то, что

злодеи были наняты мистером Дарси!

— Мне надо вернуться в Пемберли, как можно скорее, — сказал Нед по истечении получаса. — Доктор Лэнхем, могу я попросить вас доставить тело миссис Уикхем в Пемберли завтра? — Несколько гиней перешли из рук в руки. — Констебль Барнс, могу я попросить вас написать полный отчет для мистера Дарси? — Еще несколько гиней перешли из рук в руки. — Благодарю вас, джентльмены, особенно за вашу тактичность и сдержанность.

И все это прошло куда лучше, чем я мог надеяться, думал Нед, уезжая. История о преступных слугах разойдется вдаль и вширь. Так тебе и надо, Мирри! Твоя трусость — вот твой приговор, что бы там ни болтали законники о невиновности, пока подозреваемый не признан судом виновным.

Он был счастлив, очень счастлив. Фицу больше ничто не угрожает, и никому в голову не придет связать его со смертью Лидии.

Он нагнулся, чтобы похлопать Юпитера по потной шее.

— Ты был прав, старина. Самое время убить ее: пока было на кого свалить вину. Потерпи еще! Не дальше Лика, дорогой мой. Там я найму коляску четверней и остальную часть дороги проеду, что твой лорд. Ты достаточно потрудился.

Когда он, наконец, добрался до Пемберли почти к полуночи, то с удивлением увидел, что Пармендер еще не ложился и ждет его с поручением от мистера Дарси.

— Хозяин желает видеть вас сей же момент, — сказал старик, источая любопытство. — Мне велено подать вам ужин в Малую утреннюю столовую, когда мистер Дарси вас отпустит. Мисс Мэри отыскалась?

— Об этом я ничего не знаю. И спасибо за ужин. Я готов съесть целую лошадь, кроме Юпитера, конечно.

Фиц был в своей Парламентской библиотеке и один. Большое облегчение! Вероятно, это значит, что Мэри не нашлась, но что хочет Фиц сказать ему? Фиц выглядел бледным и измученным, и у Неда защемило сердце — кто обременил его новыми заботами? Проклятая жена?

— Нед, у меня очень тревожные новости.

Нед подошел к графину с портвейном и наполнил красную винную рюмку до краев — день был очень долгим, полным забот, а Юпитер остался в конюшне незнакомой гостиницы, хотя конюхи были предупреждены оберегать Юпитера, если им жизнь дорога.

— Сперва расскажи мне свою новость, Фиц. У меня тоже плохая новость.

— Мэтью Споттисвуд получил письмо от мисс Скримптон — старой девы, которая держит в Йорке агентство по найму женщин благородного происхождения, находящихся в стесненных обстоятельствах. Оказывается, мисс Скримптон случайно повстречалась в Йорке с маркизом Райпоном и осмелилась сообщить ему, что мисс Миранда Мэплторп оказалась столь же безупречной компаньонкой для ее клиентки, какой была для его покойной родственницы. Однако Райпон наотрез заявил, что ничего не знает о сумасшедших родственницах, мертвых или живых, как и о мисс Мэплторп. После чего мисс Скримптон обнаружила, что в бедламе Бродмурской Пустоши женщины не содержатся, и предназначен он только для самых буйных сумасшедших мужского пола.

Фиц встал и поднял ладони.

— Что это может означать, Нед? Кто-то пытается подобраться ко мне через Лидию? Но все это произошло так быстро... Никакого смысла я здесь не нахожу.

— А я кое-какой нахожу, — сказал Нед мрачно. — Я должен сообщить тебе, что мисс Мэплторп — самозванка, во всяком случае, ее самозванство хорошо согласуется с тем, что она натворила в «Хеммингсе». — Он умолк, допил рюмку и снова ее наполнил. — Нет, Фиц, я еще не дошел до того, чтобы напиваться твоим лучшим портвейном, но моя новость самая скверная. Миссис Уикхем убита.

— Боже милостивый! — Фиц рухнул в кресло, словно у него подкосились ноги, прядь совершенно седых волос, недавно появившаяся в его смоляной шевелюре, упала на лоб. Его глаза широко раскрылись. Однако онемел он только от шока, его острый ум ни на миг не затуманился. — Ты подразумеваешь, что ее убила мисс Мэплторп?

— Да, с помощью пяти подручных. Мне сразу показалось странным, что вся прислуга там, если не считать ее горничной, состояла из мужчин. Однако она внушала доверие, а потому я не стал вмешиваться. В конце-то концов, согласно рекомендациям, у нее был большой опыт в присмотре за... э... буйными пациентами. Очевидно, в заговоре они участвовали все.

— Заговоре? Откуда тебе известно про обман?

— У миссис Дарси было ощущение, что в «Хеммингсе» не все ладно, Фиц. Сегодня утром она попросила меня съездить и посмотреть, все ли там в порядке. К тому времени, когда я добрался туда, там уже были местный доктор и констебль. Я восполнил пробелы в их сведениях о том, что произошло. Как все было точно, мы никогда не узнаем, но, полагаю, первоначально в их план входило только ограбление. Вся лучшая мебель исчезла, ковры, серебро, коляска и лошади, пони и тележка, а также,

думается, какие-то драгоценности. Ну а как... местный доктор говорит, что один мужчина душил ее подушкой, а другой сидел у нее на груди.

Фиц поник, он словно сглотнул рвоту. Нед налил портвейна в бокал и протянул ему. Затем, снова наполнив свою рюмку, он сел.

— Выпей, Фиц, прошу тебя, не то понадобится коньяк.

Он следил, как Фиц пьет, увидел, что его щеки чуть порозовели, и с облегчением сел. Фиц справится.

— У миссис Уикхем были какие-нибудь драгоценности? — спросил он.

— Кажется, да. Сапфировые с бриллиантами кольцо и браслеты, которые Элизабет никогда не надевала и подарила ей перед отъездом в «Хеммингс». Бедная женщина! Ах, бедная, бедная женщина! А Джейн как будто подарила ей жемчуга. Поскольку у Лидии не было случая заложить их, вероятно, их забрала мисс Мэплторп, если их не нашли. — Он встал и начал нервно расхаживать по комнате. — Какой это был ужасный год! Двух сестер моей жены больше нет. Одна безусловно мертва. Вторая? Приходится предположить, что мертва и она.

— Еще рано, Фиц. Они ведь, кажется, были очень непохожи. Миссис Уикхем присосалась к бутылке. Мисс Мэри способна справиться с чем угодно. — Он ухмыльнулся. — Я ни разу не видел мисс Мэри в сознании, но она и в обмороке боролась. — Он потянулся и вздрогнул.

— Я эгоистичная свинья, Нед! Поешь и отправляйся домой выспаться.

— Миссис Уикхем доставят в Пемберли завтра в сопровождении доктора из Лика. Будет это поздно, но доктор за всем присмотрит.

— Спасибо. Ты, должно быть, поиздержался.

— Не важно.

— Но для меня важно. Представь мне запись твоих расходов, Нед, будь так добр.

Едва Нед ушел, Фицуильям Дарси встал и направился в апартаменты Элизабет. Когда он легонько поцарапался в ее дверь, она открыла ее сама, попятилась, давая ему войти, и устремила на него проницательный взгляд.

— Я знала, что это ты. Нед привез дурные новости?

— Да. — Он устало подошел к паре кресел и, сев, похлопал по сиденью второго. — Сядь, Элизабет.

— Очень дурные?

— Хуже некуда. Лидия умерла.

Как странно! Он был поражен, точно молнией, тогда как она выглядела почти спокойной, если не считать ее широко раскрывшихся глаз.

— А! Должно быть, я что-то подобное предполагала, так как ощущение такое, будто вернулся старый друг... старый друг, которого не видела много лет. Я ждала, но и знала. Я просто... чувствовала, что что-то случилось. Сегодня утром Нед это заметил.

— Обычно ты предчувствиями не страдаешь.

— Не спорю. Так и есть. Стоило Чарли захворать, я тут же ошибалась! — Она выдавила улыбку и приклеила ее к своим губам, которые словно окаменели. — Я постоянно его хоронила. Но он всегда выздоравливал. Я воображала, будто он не очень дорожит жизнью, но знает, что если он умрет, то умру и я. И это сознание заставляло его поправляться.

— Довольно сбивчивое объяснение, моя дорогая.

— Возможно. Отчаяние и Чарли были в те дни спаяны, но погляди на него теперь! Он сбросил свое детство, будто старую кожу. Я так счастлива за него... и за тебя, Фиц.

Горело лишь несколько свечей, творя ореол яростного света вокруг ее головы и погружая ее лицо в тень. Он прищурился в усилении видеть ее яснее и подумал: мое зрение портится.

— Я был недобр с Чарли, — сказал он голосом не таким твердым, как ему хотелось бы. — И недобр с тобой, Элизабет.

— Больше всего ты недобр к себе, Фиц. Расскажи мне все, что произошло... и, пожалуйста, прошу, не щади меня. После смерти Джорджа Уикхема смерть Лидии была лишь вопросом времени. Как она его любила! Из нас пяти она любила лучше и сильнее. Без него существование ее утратило смысл.

— Это не было самоубийством, даже опосредствованным. Она стала жертвой шайки воров, хотя, подозреваю, все не так просто. Достаточно сказать, что мисс Мэплторп была самозванкой, ее слуги — ее подручными и что они замыслили ограбить «Хеммингс» — забрать мебель, серебро, экипаж, лошадей и драгоценности. Те, что вы с Джейн подарили ей перед отъездом в «Хеммингс». Лидия, наверное, застала их врасплох, и они ее убили. Видимо, она в тот момент была пьяна. Доктор сказал, что от нее разило вином и виски. Они задушили ее подушкой, так что, возможно, надеялись, что ее смерть сочтут естественной. Безусловно, об этом и речи нет.

— Джейн сразу прониклась неприязнью к мисс Мэплторп, — сказала Элизабет. — Джейн, которая никогда ни к кому неприязни не питала! В тот день, когда мы навестили ее, Лидия не была пьяна, хотя и притворялась в присутствии мисс Мэплторп. Она твердила что-то о решетках на окнах, но

решеток не было, да и раньше их там быть не могло, я внимательно все осмотрела. Говорят, решимость блюсти трезвость хрупка, и, возможно, Лидия, когда ей не удалось убедить ни Джейн, ни меня в существовании решеток, взялась за прежнее. Хотя я тоже подозреваю, что все не так просто.

— Элизабет, на окнах были решетки, — сказал Фиц, его лицо исполнилось ужаса. — Их должны были снять до того, как Лидия была отослана в «Хеммингс». Там содержался сумасшедший. Почему мисс Мэплторп не объяснила? — Он взял ее руки в свои. Рассеянно, подумала она. — Я спрашиваю себя, почему «Хеммингс»? Как успела воровская шайка спланировать подобное? Ведь Лидию поместили туда в такой спешке? Прошло менее недели между той ужасной сценой в столовой и ее отправкой в «Хеммингс»! И тем не менее они были наготове с компаньонкой и своим планом — как это возможно?

— И Лидия была убита? Фиц, это какая-то бессмыслица!

— Может быть, мисс Мэплторп записалась в агентство мисс Скримптон, готовая воспользоваться первым удобным случаем, который подвернется? Пока я склонен думать именно так, поскольку тут есть смысл. Драгоценности стоят около трех тысяч фунтов, если Джейн подарила именно те жемчуга, о которых я думаю. Мебель и серебро стоят не более тысячи фунтов, хотя ковры были недурны — я купил их новыми за тысячу фунтов. Коляска и пара подобранных в масть породистых лошадей — вот самое ценное, чем они поживились. Примерно четыре тысячи. Пони и тележка стоят гроши.

— Итого около десяти тысяч.

— Да, неплохой улов, полагаю даже для профессиональных воров, разумеется, знающих, как наиболее удачно сбыть свою добычу. Если скупщик заберет треть, они останутся с большой прибылью. Мисс Мэплторп заплатит своим людям по двести фунтов каждому и станет на тысяч пять богаче. Может быть, она рассчитывала на сумму побольше, поскольку тут было замешано мое имя. Не знаю, но в любом случае она, безусловно, ждать не стала. Суток не прошло, как ее фамилию занесли в книги агентства, а она уже была на пути в «Хеммингс».

Он начал ритмично поглаживать гладкую кожу ее рук — это успокаивало и утешало его, и он не понимал, почему теперь они ссорятся при каждой встрече. Причиной отчасти, как он знал, служила его неспособность сносить ее нескончаемые поддразнивания, привычку без конца над ним посмеиваться. В те дни, когда его страсть достигала белого каления, он терпел это, догадываясь, что по некой причине выше его

понимания, она полагала, будто ему полезно, чтобы его дразнили, мучили, высмеивали. Но чем дольше они состояли в браке, тем труднее становилось терпеть эти игривые выпады, и в конце концов он начал накидываться на нее всякий раз, когда она унижала его. Однако в эту минуту она не взяла язвительного тона, а потому было так приятно быть с ней, чувствовать, как утихает его хандра.

— У тебя могучий ум, Фиц, — говорила она. — Займи его этой загадкой. Должен быть более верный ответ. Когда ты найдешь его, мы сможем успокоиться. — Она отклонила голову, ореол исчез, и он увидел, что ее прекрасные глаза полны слез. — Бедная, бедная маленькая Лидия! Такая горькая судьба с самого начала. Ну, кто верит в любовь пятнадцатилетних? Мы не верили, Джейн и я. Как и папа, хотя он был слишком вялым, слишком равнодушным, чтобы исполнить свой отцовский долг и укротить ее. Мы считали ее бегство следствием безнравственности, но теперь я понимаю, что для нее это был единственный способ не лишиться своего Джорджа. Она любила его каждой частицей своего существа! А он был таким негодяем, таким лжецом! Его отец оказал ему дурную услугу, допустив, чтобы он рос рядом с тобой, будто вы были равней. Его ничего не ожидало впереди, тогда как ты был наследником одного из самых больших состояний в Англии. Я помню его с лонгборнских дней — наивного, глубоко невежественного... да, я знаю, он поступил в Кембридж, но ничему там не научился, как и в школе. Несомненно, все его планы сводились к тому, чтобы, используя свою красоту и обаяние, жениться на деньгах, но каждая попытка оборачивалась провалом. Так что в его глазах Лидии сопутствовала некоторая степень обеспеченности благодаря нашей близости к тебе.

— Ты не веришь, что я оказался причиной его смерти?

— Конечно, нет! Он был профессиональным военным и погиб в сражении, так говорила Лидия.

— Только три категории военных, Элизабет, погибают в сражениях. Храбрец, который ни перед чем не останавливается. Несчастный неудачник, который оказывается перед ядром или штыком. И ленивый подлец, который прячется в укромном убежище, чтобы проспять бой — не озаботившись удостовериться сначала, что убежище это недостижимо для вражеской артиллерии.

— И Джордж Уикхем погиб, как третий?

— Так мне сообщили его командиры. Но Лидия теперь никогда этого не узнает. — Он встал, поцеловал ее руки. — Благодарю тебя за понимание, Элизабет. Ее тело привезут в Пемберли. Мы похороним ее здесь.

- Нет, только в Меритоне. Джейн и я отвезем ее.
- Пока Мэри еще не найдена? Ты уверена?
- Ты прав. Ах, как ненавистно для нее было бы быть похороненной здесь.
- Ну, она всегда может сорвать свой гнев на мне, рыская призраком по Пемберли, где найдет многочисленное общество.

Грум из Пемберли отыскал Чарли, Ангуса и Оуэна в Шапель-ан-ле-Фрит, деревне такой же старинной, как ее нормандское название, и расположенной на небольшом расстоянии от пещер. Поэтому Чарли ее и выбрал. Грум перехватил их прежде, чем они отправились провести день под землей, и, оставив этот план, они поехали домой.

Не только крепко выкованная дружба соединяла Чарли и Ангуса, но и общий живой интерес к пещерам — интерес, который Оуэн отказывался разделять. Поскольку его отвращение диктовалось скорее страхом, нежели брезгливостью, он, как откровенно сообщили ему остальные двое, только, черт подери, путался под ногами, особенно когда исследуемая пещера больше походила на туннель. А потому Оуэн редко отправлялся пещерничать и предпочитал проводить время в Пемберли среди девочек Дарси. С ними он ощущал себя полезным. Мог ездить верхом с Джорджи, играть роль придирчивого критика перед творениями Сьюзи, помогать Анне с ее классическими авторами и старался отговорить Кэти от какой-нибудь отчаянной шалости, за которую, конечно же, она будет отправлена спать без ужина. Волею судеб день, когда за ними прислали, был пещерным днем для Оуэна, который выехал из Пемберли на заре и присоединился к своим друзьям за завтраком. Теперь они все возвращались в Пемберли — какое облегчение!

Краткое распоряжение Фица повергло всех троих в недоумение. Грум ничего не знал и получил распоряжение не возвращаться с ними, что вполне устроило трио — они могли гадать спокойно, не опасаясь лишних ушей. Из чего можно заключить, что они не мчались в безотчетной тревоге, но высматривали интригующий пролом в склоне холма или на стене ущелья, а их было много, хотя по большей части они оказывались не более чем тесными нишами. Ангус придумал способ, чтобы по ошибке не осматривать дважды один пролом: у тех, где они побывали, снаружи надежно привязывалась ярко-красная тряпка.

— Вон вход без тряпки, — внезапно сказал Ангус. — Как бы я хотел, чтобы у нас были карты получше! Я написал генералу Мобрею в надежде разжиться армейскими топографическими картами, но пока от него ни

звука. — Он отметил эту пещеру, как сумел, на своей карте и оглядел местность вокруг. — Немножко в стороне от проверенных пещер, Чарли, — буркнул он с досадой.

— Не зуди, Ангус, займемся этой, чуть снова отправимся пещерить, — сказал Чарли умиротворяюще.

Ангус последнее время выглядит скверновато, подумал Чарли. Его волосы заметно лишились абрикосового оттенка, а складки на щеках грозили превратиться в трещины. Если у Чарли и оставались сомнения в глубине чувства, которое Ангус питал к Мэри, они исчезли; бедняга влюблен по уши и с ума сходит от тревоги. Пять с лишним недель — и нигде ничего. Если она все еще жива, ее держат в пещере. Конечно, ее могли тайно увезти за сотни миль отсюда, но зачем?

С подветренной стороны выпуклого обрыва они столкнулись с необычайной процессией, двигавшейся навстречу им пешком, и любезно свернули с лошадиной тропы, чтобы пропустить ее. Около тридцати маленьких фигурок в коричневых одеяниях с капюшонами, почти закрывающими их лица, шли парами за маленьким старичком, одетым точно так же с той лишь разницей, что его капюшон был откинут, а на его груди висело большое распятие. Он немного смахивал на монаха-францисканца. Замыкали процессию двое мальчиков постарше, катившие ручную тележку, нагруженную коробками, которые позвякивали, словно в них хранились бутылки.

— Привет, отче! — окликнул Чарли, когда монах поравнялся с ним. — Куда путь держите?

— В Хейзел-Грув и Стокпорт, сэр.

— По какой причине? — спросил Чарли, сам не зная почему.

— Дети Иисуса по Его делу.

— И что же это за дело?

— Следуйте за мной. — Монах отступил в сторону. — Дети, идите дальше, — сказал он, и дети послушно пошли дальше.

«Какими несчастными они выглядят!» — подумал Ангус, разглядывая их, когда они проходили мимо. Ссутуленные плечи, капюшоны, полностью прячущие лица, глаза, устремленные в землю. Вздрагивая, трясаясь, будто от боли, даже тихо постанывая. Затем он увидел, что монах направляется к тележке и пошел за ним.

— Стойте! — крикнул старик. Одна скрюченная рука указала на коробки. — Прошу, сэр, откройте любую, какую пожелаете. Они свидетельствуют о чистоте наших намерений.

Коробка с голубыми пузырьками была снабжена ярлыком «Сироп от кашля Детей Иисуса», а зеленые пузырьки в другой хранили средство от инфлюэнцы и простуд. Густая бурая жидкость объявляла себя эликсиром для излечения диареи. Коробка с прозрачными пузырьками содержала красную жидкость «Примочку Детей Иисуса для нарывов, язв, карбункулов и болячек». Еще одна коробка хранила жестянки с мазью для лошадей.

— Внушительно, — сказал Чарли, пряча улыбку. — Значит ли это, что вы изготавливаете панацеи и зелья от всех болезней и недугов, отче?

— Да. Мы должны доставить их в лавки аптекарей.

Чарли взял жестянку с мазью для лошадей.

— А она помогает?

— Прошу, возьмите ее и передайте вашему старшему конюху, молодой сэр, — сказал монах.

— Сколько вы берете за нее?

— Шиллинг, но продавать ее будут дороже. Она пользуется большим спросом.

Чарли порылся в кармане жилета и выудил гинею.

— Это за ваше беспокойство, отче. — Он сумел придать лицу выражение, которое перенял у отца: полное симпатии и стальное изнутри. — Такой прекрасный день, отче! Почему ваши мальчики натянули на глаза капюшоны? Им следует попользоваться солнцем.

Ярость заплясала в каменно-голубых глазах, но ответ был без запинки и разумным:

— Они все терпели дурное обращение жестоких хозяев, сэр, и мне приходится лечить их притиранием, на которое солнце действует вредно. Их кожа обгорит.

Вмешался Ангус:

— Отче, доставляя свой товар, вы не видели заблудившуюся леди?

Ярость угасла, глаза невинно раскрылись пошире.

— Как выглядит эта леди, сэр?

— Высокая, худощавая, лет сорока, рыжевато-золотистые волосы. Красивая.

— Нет, сэр, точно нет. Единственная леди, повстречавшаяся нам, была Кошачья Мег. Она возвращалась домой с кроликами для своих кошек и сбилась с дороги, но мы показали ей куда идти.

— Спасибо, отче, — сказал Ангус. — А где вы живете? Вы и ваши дети?

— В «Приюте Детей Иисуса» под Йорком, сэр.

— Далековато для пеших прогулок, — сказал Чарли. — А в этой части

Англии монастырей нет, так где вы останавливаетесь?

— Мы просим милостыню и разбиваем лагерь, сэр. Бог добр к нам.

— Надо ли вам сбывать ваш товар так далеко? В Стокпортс?

— Мы не уличные торговцы, сэр. Аптекари в этих местах предпочитают наши лекарства всем остальным. И возьмут все, что нам по силам доставить.

Трое друзей приготовились продолжить путь, но монах поднял ладонь, чтобы задержать их, и обратился к Чарли:

— Когда я буду благодарить Бога за эту гинею, сэр, мне бы хотелось назвать имя дарителя. Могу ли я осведомиться о нем?

— Чарльз Дарси из Пемберли. — Чарли приподнял шляпу и пришпорил коня. Остальные двое поскакали за ним.

— Дети Иисуса, — сказал Ангус. — Ты когда-нибудь слышал о них? Я так нет, но я же нездешний.

— Ни единого словечка. Однако, если он правда из Йорка, моя неосведомленность естественна.

— Вот только, — сказал Оуэн задумчиво, — почему они идут по лошадиной тропе? По дикой пустынной местности? Ведь, конечно же, это не прямая дорога из Йорка в Стокпорт? Они выглядят как католики и, может быть, стараются избегать нежелательного приема и мелочных преследований — ну, того, что терпят цыгане. Монах сказал, что они разбивают лагерь и просят милостыню, а это уподобляет их цыганам.

— Но никто ведь не примет их за цыган, Оуэн, и они же дети, мальчики, как я догадываюсь. Одному малышу под капюшон забралась пчела, и он его на секунду откинул, чтобы его товарищ пчелу прогнал. Мальчик и с тонзурой на макушке. Люди в деревенской глуши чаще добры — это в городах милосердие скудно и жалко, — сказал Чарли. — Я попрошу отца навести справки о них. Как член парламента он должен знать адреса всех сиротских приютов.

— Они не католики, — придрался Ангус. — Монастырские ордена не продают средства от импотенции, а как раз они наполняли большинство коробок на тележке. Это также объясняет, почему старик может продавать снадобья Детей Иисуса так далеко от Йорка, как Стокпорт. Мне кажется, это его средство действительно, иначе он не сосредоточился бы на нем. — Он фыркнул. — Дети Иисуса! Одна из христианских сект, которыми кишит Северная Англия. Как по-твоему, Чарли?

— По-моему, так, хотя приз за самый дотошный вопрос должен быть присужден Оуэну. Что их занесло на лошадиную тропу?

Когда трое всадников скрылись из виду, отец Доминус вновь задержался.

— Брат Джером! — позвал он.

Приподняв одеяние, Джером подбежал к нему, оставив Игнатия держать тележку.

— Что, отец?

— Ты был прав, Джером, мне не следовало выводить мальчиков на дневной свет, каким уединенным ни был наш путь.

— Нет, отец, это не было ошибкой, а лишь легким просчетом, — сказал единственный грамотный из Детей Иисуса, всегда старавшийся быть, елико возможно, подобострастным в своих отношениях со стариком. — Они были непослушны, им требовалось особое наказание, а что может быть поучительнее дня под светом Люцифера? К тому же это кратчайший путь к лавкам.

— Они наказаны достаточно?

— Учитывая, что мы повстречали мистера Чарльза Дарси, полагаю, что так, отец. Игнатий и я можем одни доставить тележку, когда мальчики вернутся в Северные пещеры. Пусть им не нравится жить в Северных пещерах в сравнении с Южными, но сегодняшняя кара примирит их с ними, — сказал Джером самым масляным своим тоном.

— Брат Игнатий! — позвал отец Доминус.

— Что, отец?

— Сейчас Джером и я отведем мальчиков назад в Северные пещеры. Ты останешься ждать у этого конца туннеля, пока брат Джером не вернется. Еды и пива на тележке предостаточно.

— А как же сестра Мэри? — спросил Игнатий.

— Что сестра Мэри? — спросил Джером.

— О ней позаботятся, брат, не тревожься, — сказал отец Доминус.

Брат Джером, уповавший унаследовать одеяние отца Доминуса, когда старик умрет, понял скрытый смысл этих слов. В отличие от брата Игнатия.

— Назад к тележке, друг. Дети, идите дальше!

Они продолжали путь, но недолго. В глубоком овраге перед отверстием, которое Ангус пометил на своей карте, они вытащили из-за пазухи сальные свечи, очень грязные, зажгли первую с помощью трутницы отца Доминуса и направились внутрь гуськом, так как вход в туннель был очень узким, хотя внутри сразу же расширялся. Последним вошел брат Джером, который прежде удостоверился, что замел все следы там, где они свернули с лошадиной тропы, а затем выдернул с корнями несколько кустов и поместил их поперек входа так, что они целиком его заполнили.

Снаружи пещера исчезла. Внутрь, однако, просачивалось достаточно света, и ожидание Игнатия возле тележки было вполне сносным, а для ночных часов у него был фонарь. Его вполне устраивало мирно сидеть тут в одиночестве, хотя в ограниченном поле его сознания не возникло и мысли потратить часть этого времени, чтобы освободить сестру Мэри, до которой было рукой подать. Прогулка при солнечном свете измучила его до мозга костей, точно так же, как маленьких мальчиков. Только Джером и отец Доминус были способны переносить яркость люциферного Солнца, потому что Бог особо вооружил их для борьбы со злом.

Детям Иисуса предстояло пройти двадцать миль полного мрака, но отец Доминус все предусмотрел. Через интервалы хранились запасы свечей и не портящейся еды, а в воде недостатка не было, так как подземные потоки проложили русла через мягкий известняк.

Всего в миле за входом темнел боковой туннель, который вел к старой кухне и клетке Мэри, но они прошли мимо. Иногда даже самому маленькому мальчику приходилось сгибаться в три погибели, а те, что повыше, ползли на животах, но путь оставался четким от одного конца до другого, хотя вовсе не был прямым, а петлял и кружил самым невероятным образом. Чтобы пройти его, понадобились сутки, но привалы были недолгими, только чтобы поесть, попить и сменить свечи.

В конце концов они вышли в цепь продуваемых ветром пещер, смутно освещенных в дневные часы сквозь узкие проломы, которые они же и сотворили по приказу отца Доминуса, так как известняк тут был толщиной в фут-другой и лежал на глинистой подпочве. Снаружи перед каждым отверстием был посажен куст, который выдерживал не стихающий ветер, и никому даже в голову не приходило, что пещеры Скалистого края тянутся столь далеко на север.

Вход, которым обычно пользовались дети, прятался за водопадом на одном из притоков Деруэнта, и тут снаружи земля представляла сплошной камень, на котором ни подошвы, ни чугунные ободья колес тележки не оставляли никаких следов.

Труд соединения лабораторной пещеры и упаковочной с десятком каверн за ними потребовал много лет, так как вначале отец Доминус трудился один, затем, послав в Шеффилд за Джеромом, с некоторой помощью. Когда мальчики постарше достаточно окрепли, они тоже стали участниками этой работы, которая все более заметно ускорялась. Вентиляционные отверстия отнимали большую часть их времени, и их всегда вели снизу вверх, сначала киркой, затем, по достижении подпочвы, острой заточенной лопатой. Как мистик, отец Доминус предпочел бы

сохранять тьму, но ему требовались пещеры, чтобы разместить своих детей в тесной близости от места, где они изготавливали его снадобья.

Чего он никак не предвидел, так это небольшого мятежа: дети отказались переселяться, и в конце концов их пришлось гнать в глухую ночь через вереска, будто овец, рыдающих, стонущих, пытающихся сбежать. Они ненавидели лабораторную пещеру, как и упаковочную, и, хотя не умели ни читать, ни писать, были достаточно умны, чтобы сообразить, что переселение означает дополнительные часы их вонючей, омерзительной, а иногда и опасной работы. Даже когда Тереза водворилась в своей новой кухне — куда лучше оборудованной к тому же! — они каждую ночь пытались вернуться в свои любимые Южные пещеры. Тут на отца Доминуса снизошло озарение: вывести мальчиков на свет дня и заставить их совершить многомильную прогулку. Джером возражал, опасаясь, что даже на заброшенной лошадиной тропе они могут повстречать кого-нибудь, но старик отмахнулся от такого предположения с презрительным фырканьем. В нем было слишком много от самодержца, чтобы уважать мудрый совет. И только подумать — Чарльз Дарси из всех людей в мире! Это могло означать гибель — ведь Джером рассказал ему, что о сестре Мэри пишут все газеты. Свояченица Фицуильяма Дарси! И эта женщина прокляла его, назвала вероотступником!

Съежившись в своей келье вверху пещер, отец Доминус раскачивался от горя, ибо, хотя он и был почти слеп, эта весть была написана четким багрянцем на иссохшем пергаменте его мозга: где-то Бог покинул его, и Люцифер в лице Мэри Беннет восторжествовал. Его мир рассыпался, но он хотя бы знал почему. Мэри Беннет, Мэри Беннет. Ну, они с Джеромом выживут. Им придется вернуться в Шеффилд, пока шум не стихнет, и он сможет возвратиться и начать заново. Тьма Бога пронизывала Скалистый край. Бога можно обрести вновь. Но на этот раз без детей. Они сделали его задачу слишком тяжелой.

Его левая рука тряслась в мелкой дрожи, повторявшей ту, что удручала его голову. Новый феномен. Даруй мне время, даруй мне время!

Появился брат Джером и застыл на пороге его кельи.

— Отец? С вами все хорошо?

— Да, Джером, очень, — сказал он энергично. — Мальчики утихомирились?

— Как ягнята, отец. Именно то, что следовало сделать.

— А девочки?

— Послушны. Мальчики им рассказали.

— Сестра Тереза... Может Камилла справиться на кухне?

— Да, отец.

— Сначала вернись к Игнатию, Джером. Доставь снадобья, но когда вы с Игнатием вернетесь к водопаду, настанет время позаботиться, чтобы с ним произошел несчастный случай. Потом ты сможешь отправить Терезу к...

— Я понял, отец. Все будет по вашему желанию.

Несмотря на малое число провожающих, похороны Лидии были печальнее похорон ее матери. Элизабет, Джейн, Китти, Фиц, Ангус, Чарли и Оуэн собрались в старинной норманской церкви в границах поместья, а затем у могилы. Против обыкновения Джейн не обливалась слезами, она была слишком разгневана коварством мисс Мирабель Мэплторп.

За поимку этой леди была объявлена награда в пятьсот фунтов. К несчастью, никто с художественным талантом никогда ее не видел, а потому на объявлениях в городах, деревнях и на почтовых станциях ее портрета не было.

Приближалась середина июня, и исчезновение Мэри продолжалось уже шесть недель. Хотя никто вслух пессимизма не выражал, втайне все чувствовали, насколько маловероятно, что она еще жива. И потому в этот солнечный безмятежный день, когда Лидия упокоилась на пемберлийском кладбище, мысли всех занимала та, кто скорее всего должна была стать тут следующей.

Самая младшая и все-таки первая умершая, думала Элизабет, тяжело опираясь на руку Фица. Когда похоронный обряд завершили, Чарли было попытался взять ее под руку, но сразу ретировался, когда его отец не отпустил ее, а повел к дому. Трения между его родителями крайне угнетали его, но он всегда так пылко был на стороне матери, что отказывался увидеть в отце что-либо хорошее. Теперь он замечал в папаше совсем иные эмоции, бесспорно, более мягкие и добрые, чем на протяжении прошлого года, когда мама начала давать ему сдачи. Хотя, благодарение Богу, она оставила свою манеру отпускать по его адресу, как она полагала, безобидные шуточки — до того она была убеждена, что ему требуется беззаботный юмор, которого он лишен, и что она сумеет привить его ему. Тогда как Чарли знал, что этому никогда не произойти. Папаша был горд, высокомерен и ужасно тонкокож. Неужели папаша и мама правда думают, будто он и его сестры не знали, что их родители то и дело сцепляются, как пара кошек.

Не заполучив свою мать, он взял под руку Китти, а Джейн предоставил Ангусу, который не знал обычно слезливой Джейн. Убийство! В уме не

укладывалось, что такое жалкое создание, как Лидия, могла быть убита!

Замаячила тень. Нед Скиннер, как обычно самотушующийся и все же всегда тут на случай, если он понадобится папаше. Что-то в этой близости смущало Чарли, но что именно, он не понимал. Словно бы они знали друг друга всегда, чего быт никак не могло. Папаше было лет двенадцать, когда Нед родился. Чарли знал чуть больше о происхождении Неда, чем кто-либо еще, исключая папашу: что его мать была арапкой, шлюхой в борделе где-то там, и что отцом Неда был предводитель шайки преступников, местом сборищ которым служил этот самый бордель. Все эти факты он нашел в бумагах деда, но ничего больше: кто-то вырвал кучу листов из дневников дедушки. Когда он пожаловался на это папаше, папаша сказал, что дедушка сделал это сам в припадке старческого безумия перед самой смертью. Ничего из этого не объясняло, почему папаша и Нед — друзья не разлей вода, хотя характеру Дарси из Пемберли никак не соответствовала тесная дружба с таким человеком, как Нед Скиннер. Папаша был жестоковыйным — никто из знающих его не стал бы это отрицать. Так почему Нед?

Лидию Чарли никогда не знал и горевать о ней не мог, но глубоко понимал горе своей матери. И тети Джейн. Тетя Китти, женщина в сравнении куда более пустая, словно бы считала, что у этой смерти есть своя светлая сторона: ведь теперь она сможет провести лето в Пемберли. Люди, с которыми она общалась, в этом году не значились в пригласительном списке папашы, поскольку он ожидал нечто великое от палат общин и лордов.

— Я в восторге, что Китти здесь, — сказала Элизабет сыну и Джейн. — Она придаст Джорджи чуточку столичного лоска, который ей так требуется. Не совсем понимаю почему, но Джорджи ее любит.

— Она пава, мама! — засмеялся Чарли. — Джорджи нравятся те, кого не назовешь заурядными, а тетя Китти такая элегантная!

— Надеюсь, она сумеет убедить Джорджи не грызть ногти, — сказала Джейн. — Это губит ее руки, а они очень красивы.

— Ну, я отправляюсь искать пещеру, которую потерял Ангус, — сказал Чарли, послал им воздушный поцелуй и исчез.

— Я рада, что Лидию похоронили тут, — сказала Джейн. — Мы рядом с ней и сможем возлагать цветы на ее могилу.

— При жизни ей выпало мало цветов, бедняжке. Ты права, Джейн. Хорошо, что она похоронена здесь.

— Не жалею, если у нее не было того, за что она жалела нас, так как мы это имели, — сказала Джейн. — Лидия любила жизнь в армейских городках, она любила разнузданные вечеринки и общество мужчин —

интимное общество мужчин. Она жалела нас за наше упорядоченное, респектабельное существование.

— Я способна помнить лишь то, как она любила Джорджа Уикхема.

— Да, но, вопреки ее утверждениям обратного, Лиззи, она отлично веселилась, пока он отсутствовал. — Лицо Джейн стало гневным. — Ни слова об ее убийцах, я полагаю?

— Нет. Ни единого намека.

Когда труп паренька лет пятнадцати был выловлен из реки Деруэнт, внимание он привлек только из-за исчезновения мисс Мэри Беннет, тесно связанной с Пемберли. Констебль графства был отправлен осмотреть распухшие жуткие останки, которые, по словам местного доктора, течением могло нести мили и мили, так как паренек был мертв по меньшей мере три дня. Доктор придерживался мнения, что он просто утонул — на теле он не обнаружил никаких признаков насильственной смерти, и лишь две странности: во-первых, лысинку вроде тонзуры на его макушке и, во-вторых, он был обрезан. В остальном паренек был вполне упитан, и на его теле не было никаких следов жестокого обращения, из чего следовало, что он не работал на фабрике или в литейной и не был солдатом. Так как труп был нагим и безымянным, констебль записал его так: «Юноша мужского пола. Еврей». Он отправил рапорт по начальству и распорядился похоронить тело в общей могиле для неимущих. Нет нужды тревожить освященную землю из-за нехристианина, как этот.

Однако, когда второй подростковый труп был найден у подножия обрыва неподалеку от первого, об этом было сообщено мистеру Дарси вкупе с рапортом констебля о первом. Фиц вызвал к себе Чарли и Ангуса, но не Оуэна, который, измученный чувством вины, уехал домой в Уэльс, оставив в классной комнате надрывающиеся сердечки и воинственный блеск в глазах Джорджи.

Лицо Фица было угрюмым. Затем он объяснил, почему позвал их.

— Юноши и дети умирают с гнетущим постоянством, — закончил он, — особенно в нынешнее время, когда Закон о бедных попирается с таким постоянством. Но эта парочка необычна. И он, и она примерно ровесники — четырнадцати-пятнадцати лет. Пришли в возраст, но совсем недавно. Юноша и девушка. — Он поерзал в кресле. — Ни на нем, ни на ней не обнаружены стигматы принудительного детского труда — ни рубцов от неумеренно применявшихся плети или хлыста, никаких ссадин на коже. Паренек уже похоронен в могиле для бедняков, но труп девушки по моему настоянию подвергли доскональному осмотру, и у нее не оказалось ни

сломанных костей, ни шрамов от прошлых побоев. Оба выглядели упитанными и здоровыми. Девушка была здорова во всех смыслах. Ни эпилепсия, ни апоплексия не сразили ее преждевременно.

— Значит, она не сорвалась с обрыва, — сказал Ангус, чьи аргусовские уши чутко насторожились.

— Да. Ее положили там, чтобы создать именно такое впечатление, и я полагаю, если бы не исчезновение Мэри, констебля даже не поставили бы об этом в известность. Ее попросту сразу же отправили бы в могилу для бедняков.

— Папаша, когда ты послал за нами после смерти тети Лидии, мы столкнулись с очень странной процессией, — сказал Чарли, взглянув на Ангуса. — Впрочем, полагаю, рассказать тебе про них следует Ангусу. Ты ведь можешь подумать, что я преувеличиваю.

— С какой стати? — удивленно сказал Фиц. — Ты отлично излагаешь события, Чарли. Но пусть расскажет Ангус, если ты так хочешь.

— Мы повстречались с процессией... мальчиков, мы полагаем, которую вел старик, — сказал Ангус. — Он назвал их Детьми Иисуса и сказал, что они из сиротского приюта под таким же названием вблизи Йорка.

Фиц нахмурился.

— Сиротский приют при религиозной общине?

— Возможно, католической. Они походили на францисканцев, хотя коричневый цвет был не того оттенка.

— Сиротский приют, управляемый квазифранцисканцами, расположенный вблизи Йорка. Подобное учреждение не существует ни вблизи Йорка, ни где-либо еще к северу от Темзы. По-моему «Дети Иисуса» звучит неправдоподобно. «Священное сердце Иисуса» или «Непорочная Мария» были бы католичнее. Католикам не свойственно заикливание на Иисусе, как таковом, в отличие от многих протестантских сект — то есть тех, которые так много толкуют об Иисусе, что Бог почти не упоминается. Название «Дети Иисуса» выглядит так, будто его сочинил кто-то не слишком искушенный в богословии.

— Значит, мы были правы, усомнившись в них! — воскликнул Чарли. — Главное этот старик. Подозрительная личность. Не смотрит тебе в глаза.

— Мы ехали по лошадиной тропе, — сказал Ангус, — которая Чарли, разумеется, известна, но повстречали на ней только Детей Иисуса. Откуда монах из Йорка мог узнать про нее? Старик сказал, что он аптекарь и поторопился — слишком поторопился! — показать нам свои снадобья,

нагружавшие ручную тележку. Примерно пятьдесят коробок эликсиров и панацей всевозможных описаний. Смотрите что хотите, предложил он и вручил Чарли жестянку с лошадиной мазью. На всех значилось то или это детей Иисуса. Кто знает? Возможно, старик полагает, что «Дети Иисуса» — придают особый смак его медикаментам. — Он откашлялся и виновато посмотрел на Чарли. — Не успел сказать тебе, но я отправился в Бакстон заглянуть в лавку аптекаря и с удивлением узнал, что владелец весьма ценит зелья Детей Иисуса. Восхваляет их до небес. Как и его клиенты, готовые платить чуть ли не любую цену за «Элексир Детей Иисуса от желчи». — Он состроил лукавую гримасу. — Излечивает от импотенции. Если бы старик открыл лавку в Вестминстере и торговал бы только им, он бы разбогател дальше некуда!

Когда смех утих, заговорил Чарли:

— По-моему, старик безумен, — сказал он. — В нем гнездилась злокозненность, и мне еще в жизни не доводилось видеть тридцать маленьких мальчишек таких чинных и послушных, как его. Они так задрожали, просто затряслись, когда я попросил позволить им откинуть капюшоны, что, уверен, они не хотели, чтобы он мог видеть их лица. Думаю, старик совсем их запугал. Ах, как я боялся некоторых моих школьных учителей! А ведь я счел его безумцем, что куда страшнее. Мальчишкой я каменел только перед тобой, папаша — извини! — и редкими сумасшедшими, с которыми мне приходилось сталкиваться. Некоторые люди паникуют перед сумасшедшими, потому что их поведение непредсказуемо и их невозможно в чем-либо убедить. Для мальчиков этот старик может быть страшнее самого Сатаны.

— Аптекарь в Бакстоне назвал его «Отец Доминус», — сказал Ангус. — Я еще не кончил рассказ о моих приключениях, Чарли. Отец Доминус всегда приходит днем, чтобы получить деньги, но товар неизменно доставляется в середине ночи и детьми в монашеских одеяниях. Мой аптекарь не слышал ни про единую доставку днем. Он как будто полагает, что дети сбежали от своих хозяев, и Доминус укрывает их.

— Любопытно, — сказал Фиц, складывая ладони пирамидкой и прижимая кончики пальцев к губам, что придало ему вид премьер-министра. — Откуда они, раз не из Йорка? — спросил он. — Если они обычно выходят по ночам, это может объяснить их странное поведение в разгар дня, однако они должны быть откуда-то, где их знают.

— Прошу прощения, что причислил тебя к сумасшедшим, папаша.

Фиц взглянул на сына с улыбкой в глазах.

— У меня, Чарли, не хватает воображения, чтобы понять, почему

маленький мальчик мог причислить меня к сумасшедшим. Наверное, я был совершенно неприступен.

— Куда больше, чем теперь, папаша.

— Мы должны разделить наши силы, чтобы разобраться с этим, — сказал Фиц, снова посуровев. — Чарли и Ангус, вы займетесь пещерами. Возможно, отец Доминус пользуется в своих блужданиях какой-то пещерой, а если Мэри еще жива, нам остается предположить, что ее заключили в пещеру. Есть ли какая-то связь между ней и Детями Иисуса, неизвестно, но если вы постараетесь, может быть, что-нибудь и обнаружится. Ангус, как долго вы можете оставаться здесь?

— Столько, сколько нужно, Фиц. Помощники, ведущие мои дела в Лондоне, абсолютно надежны, а мои журналисты, наверное, резвятся, как мыши, пока кот остается в Дербишире. Не слишком отполированная проза.

— Отлично. Нам остается молиться, чтобы все разрешилось прежде, чем всем нам, хотим ли мы того или нет, придется разъехаться. Если Мэри не будет найдена прежде, чем в Оксфорде начнутся занятия, а летние каникулы парламента кончатся, полагаю, всякую надежду придется оставить.

— А как насчет сиротских приютов? — спросил Чарли.

— Ими займется Нед. Работа особенно ему по вкусу: сесть на своего чудовищного вороного и ездить туда и сюда, — бесстрастно сказал Фиц.

— Кстати, папаша. Пока Ангус ездил в Бакстон, я наводил собственные справки, — сказал Чарли. — Я расспрашивал о процессии детей, одетых или не одетых, как монахи. Я расспрашивал на фермах, в деревеньках и в деревнях. Ни процессия, ни даже гурьба никогда не появлялись у того или другого конца нашей верховой тропы. Единственное селение, со стороны которого они шли, это Пемберли, а мы знаем, что в Пемберли они никогда не бывали. Думаю, что они спустились на нее со Стэнеджского обрыва, хотя не были ни в Бэмфорде, ни в Шапельан-ле-Фрит.

— Ты подразумеваешь, что они вошли в какую-то пещеру? — спросил Фиц.

— Либо это, либо они пересекли безлюдные пустоши между Пемберли и севером Скалистого края.

— А было ли похоже, что они несут с собой еду, съестные припасы?

— Под их одеяниями, папаша, кто знает? Воду нетрудно найти где угодно, но я никогда не слышал, чтобы компания без палаток или повозок устраивалась па ночлег под открытым небом. Пустоши беспощадны.

— Это так. Я спрошу у Неда, не слышал ли он чего-либо.

Ничего, как выяснилось, когда Фиц поговорил с Недом.

— Не важно, каким бы спросом ни пользовались снадобья от импотенции отца Доминуса, Фиц, бьюсь об заклад, замыслы у него самые черные. Ну, полная бессмыслица, верно? У человека в запасе средства излечения всего что ни на есть, гребет обильные прибыли, аптекари нарасхват берут все, что он может им поставить, а он шагает по лошадиной тропе, которая никуда, кроме Пемберли, не ведет, командуя группой детей, с которыми, судя по их виду, плохо не обращаются. Чего он добивается? — спросил Нед, нахмуясь.

— Чарли полагает, что он сумасшедший, и, возможно, так и есть. Самое простое объяснение. Во всем этом деле на здравый смысл и намек нет. Смерть Лидии по сравнению кажется хрустально прозрачной. Теперь, Нед, и ты говоришь, что ни малейшего смысла тут не усматриваешь.

— Куда важнее место, где находятся его мастерские, верно? И у него должен быть склад. Сиротский приют был бы отличным прикрытием, верно?

Фиц насторожился.

— Ты прав. Именно так. Сиротские приюты в ведении приходов. Но не в каждом приходе они есть. Я знаю, что некоторые филантропы жертвуют средства на приюты. Думаю, работные дома и богадельни мы можем отбросить — в них содержатся неимущие всех возрастов. Я написал во все религиозные общины, обладающие определенным влиянием, и со временем получу ответы, но могут существовать заведения, никак не связанные ни с какой религией.

— Не беспокойся, Фиц! Мы с Юпитером поедем там и сям. Возможно, вплоть до Йорка. Сиротские приюты, работные дома и богадельни не так многочисленны, как яблоки на дереве.

— При условии, что дерево это — не груша.

— Если ты шутишь, Фиц, значит, ты измучен, — сказал Нед, улыбаясь. — Эта чертова седая прядь! Клянусь, она с каждым днем становится все шире.

— Элизабет думает, что она придает мне благообразие.

— Ну, тем лучше для премьер-министра.

— Тебе понадобится много золота. Вот! — Фиц бросил Неду мешочек золотых монет, ловко пойманный на лету. — Найди их, Нед! Меня удручают страдания Элизабет.

— Странно, а? — спросил Нед.

— Прошу прощения?

— Ну, вся эта заварушка началась из-за письма Мэри к Чарли, которое

я перехватил и переписал. Тебя оно так расстроило! Но если оглянуться на него теперь в нашем нынешнем положении, оно вроде бы не стоило и десятой части твоих переживаний.

— Не напоминай об этом, Нед! Я слишком предвосхищал возможные последствия, думая на месяцы — а то и на годы — наперед. Мне следовало бы ждать событий. Теперь я вижу это. Ты был прав, когда сказал, что я делаю из мухи слона.

— Не помню, чтобы я это говорил, — сказал Нед, наморщив лоб.

— Слова были другими, но подразумевал ты именно это. Мне следовало бы прислушиваться к тебе. Ты обычно бываешь прав, Нед.

Нед засмеялся. Грохочущий звук.

— Это кочерга у тебя в заднице, Фиц. Очень больно пятиться.

От другого человека — смертельное оскорбление, от Неда — правда, сказанная с любовью.

— Чересчур церемонный, э? Гордость предками всегда была моим главным грехом.

— И честолюбие.

— Нет, это более поздний грех. Однако если бы я дожидался событий, то не поручил бы тебе следить за Мэри, и мы потеряли бы ее в Мэнсфилде.

— Но я все равно ее потерял.

— Ах, перестань, Нед! Но если мы ее отыщем, пусть пишет свою чертову книгу с моего благословения. Я даже оплачу ее издание.

— Результат будет одним и тем же, оплатишь ли ты или издатель. Читать ее никто не станет.

— А! Вот это ты тогда и сказал!

На дне ее кувшина оставалось примерно три столовых ложки воды, хотя жажда не оказалась той пыткой, какой Мэри ее неустанно воображала. В пещере стоял лютый холод, особенно по ночам; возможно, экран был поставлен тут, чтобы скрывать то, что находилось за решеткой, но парусина преграждала доступ ветру, дующему без конца, хотя и не заглушала постоянное визгливое постанывание. Защититься Мэри могла, только плотно задергивая тяжелый бархатный занавес, но это мало чему помогало. Зимой она и недели не выжила бы. Однако, бесспорно, холод этот не вызывал неистовой жажды. Если она расхаживала по каморке, ей становилось теплее, но и пить хотелось больше.

Теперь вся одежда, какую они ей оставили, была надета на ней, грязная, как и чистая: четыре пары шерстяных носков, четыре фланелевые ночные рубашки, один фланелевый халат. Перчаток у нее не было, и руки

очень мерзли. Хлебная корка была съедена, прежде чем слишком уж зачерствела бы. Теперь, когда она видит дневной свет, легче следить за ходом времени. Ее желудок, вероятно, съежился, потому что голодных спазм она не испытывала. К ее ужасу вокруг буханки, которую отец Доминус отшвырнул ногой, когда в последний раз приходил к ней, собрались полчища крыс; покончив с хлебом, они не разбежались и в темные часы рыскали вокруг, поджидая куда более вкусного обеда — ее собственного мертвого тела. Они совсем не походили на тех немногих крыс, которых ей доводилось видеть. Они были черными и свирепыми, а те — маленькими, серыми, трусливыми. Нет, эти — явное порождение пустошей.

Но вот время теперь стало нестерпимым гнетом, и она поняла, как занята и увлечена была большую часть своего заточения. Страница каллиграфически безупречных строчек без единой помарки — плод труда, совсем не похожего на обычное письмо, когда можно вычеркнуть слово, или перемарать его, или поставить галочку и сверху написать пропущенное слово. Главное же, как она ни осуждала идеи отца Доминуса, запечатлевание их без ошибок на странице выматывало ее, как вымотало бы кого угодно, кроме разве что профессионального писца, одного из тех тружеников, которые делают копии прозы честолубивых авторов. Она была бы достойна глаз издателей.

Теперь же все ее горести будто обрушились на нее разом. Ей нечем было занять свое время, и этот факт главенствовал в ее списке. Будто опять она заботилась о маме, пребывая в зиянии бездеятельности, только хуже: ни музыки, чтобы утешиться, ни книги, которую она ни перечла бы по меньшей мере десятков раз. Добавьте к этому отсутствие пищи, разминок и воды, и... о, невыносимо!

Дни, когда она находила опору в молитве, давно ушли в прошлое. Однако теперь, не имея, чем заняться, она вновь начала молиться, просто чтобы скоротать время, и без крупицы надежды, что Бог отзывается на молитвы. Будь я мамой, подумала она, го обрела бы облегчение и утешение, предаваясь сну. Мама всегда была способна обретать их так. Но я не похожа на маму, а потому не могу забывать время с помощью сна.

И чтобы отвлечься от холода, она принялась потрошить свое поведение с тех пор, как смерть мамы освободила ее. И пришла к выводу, что все, что она ни предпринимала, сводилось к нелепостям. Ничего не получалось так, как планировалось. И сделать можно было только два вывода: либо на нее ополчился Сатана, либо ее замыслы, ее практичность и самая ее личность были в чем-то ущербны. Поскольку казалось

маловероятным, что она достаточно значима, чтобы заслужить подобное внимание Сатаны, верен, очевидно, был второй вывод.

Я была одержима Аргусом и думала, если я напишу книгу, подтверждающую его теории и наблюдения, то произведу на него такое глубокое впечатление, что он возгорится желанием познакомиться со мной. Ну, я никогда не узнаю, могло ли это сбыться. Нет, я действительно готова вступить в бой за бедняков и угнетенных, но кто я такая, чтобы полагать, что я способна сделать что-то, чтобы помочь им? Теперь я вижу, что мои розыски не были достаточно полными, включая и распределение моих финансовых ресурсов. Мне следовало бы в первую очередь списаться с несколькими издателями и узнать, во что обойдется опубликование моей книги. А раз я примирилась с мыслью, что буду жить у Лиззи в Пемберли, когда израсходую все свои средства, так почему я отказывала себе хотя бы в нескольких удобствах, какие положены респектабельной женщине, когда она путешествует? Отчасти потому, что я не хотела выглядеть обеспеченнее тех, кого намеревалась расспрашивать. Но я же изобретательна и могла бы спланировать так, чтобы путешествовать с удобствами и тем не менее в остальное время быть, например, нуждающейся гувернанткой. Отчасти это объяснялось опьянением, что наконец-то я свободна поступать как хочу, но главным образом колоссальной неосведомленностью о жизни вообще. Не было ни малейшей нужды возить столько гиней в ретикюле! Ведь у меня был аккредитив, и я могла бы брать две-три гиней по мере надобности.

Задним числом как не понять, Мэри Беннет! Опыт придал тебе мудрости, но прихоти случайностей поставили твою жизнь под угрозу. Видимо, ты не способна даже в почтовой карете проехать без неприятностей, а что они в сравнении с теперешним твоим положением?

Благоразумная женщина приняла бы столь искреннее предложение руки и сердца мистера Роберта Уайльда, а, скажи-ка, как поступила ты? Да ты поглядела на него так, будто он отрастил вторую голову, а затем откусила ее! Но ты прекрасно знаешь причину — ты смогла увидеть, насколько негармоничным был бы этот союз: ведь он моложе тебя, богаче, более притягателен для противоположного пола. Взгляни правде в глаза, Мэри! Отказав ему, ты поступила правильно. Он найдет более подходящую жену, которую сможет любить, не подвергаясь насмешкам, а таков был бы его жребий, женись он на тебе.

От Роберта Уайльда ее мысли перешли к Ангусу Синклеру, который не произнес ни единого слова о любви. Он предложил дружбу, и ее она сочла возможным принять. И это его ей не хватало в ее странствованиях: родственности душ, обращенного к ней чуткого уха, всегда готового

услышать ее слова. Да, ей его очень не хватало, и она понимала, что, бульон с ней, ее приключения приняли бы совсем новый оборот. Лицо мистера Роберта Уайльда она практически не помнила. Но лицо мистера Ангуса Синклера тут же всплыло перед ней, будто портрет кисти мастера.

Стосковалась она и по милой Лиззи, хотя по Джейн заметно меньше. Джейн постоянно плакала, а слезы ничего не дают, ничего не меняют. Мэри уважала только слезы, исторгнутые самым глубоким, самым мучительным, самым ужасным горем, а с этими слезами слезы Джейн ни в какое сравнение не шли. Нет, Лиззи была разумной и чуткой — но почему она так несчастна? Когда я выберусь отсюда, решила Мэри, я выясню, почему Лиззи несчастна.

Ночью, свернувшись чуть угловатым клубочком, чтобы согреть хотя бы какое-то местечко, она прикидывала, как и почему была сооружена ее клетка. Воспользовавшись случаем, когда отец Доминус был в наиболее доступном расположении духа, она спросила, зачем ему потребовалось что-то подобное, но ответа не получила, и не из желания держать ее в неведении — это было бы понятно. Нет, отец Доминус вообще отрицал, что соорудил ее! Когда она продолжила искать объяснение, он ответил, что никаких предположений у него нет и переменял тему. Так кто же соорудил клетку в пещере? Более того, в пещере, находящейся далеко в стороне от легко доступных, если верить Игнатию и Терезе. Так кто же ее соорудил и зачем? Разбойники? Скрывающиеся? Похитители? Похоже, ей никогда этого не узнать. Однако поиски отгадки немного отвлекли ее мысли, позволили погрузиться в сон. Но когда она освободится, то попытается узнать.

Когда я освобожусь, — повторяла она себе, — ни в коем случае не «Если я освобожусь». Воды осталось три столовые ложки, но она продолжала повторять «когда», а не «если».

Следующий рассвет был солнечным, увидела Мэри, когда кое-как отдернула занавес для утренней разведки, и тут же его задернула, чтобы укрыться от ветра. Холодно, до чего же холодно! Губы у нее пересохли, кожа на них загрубела и лупилась. Так выпить или нет?

— Я не молю тебя, о Господь, выручить меня, но ниспошли мне силы и находчивость, — сказала она и выпила последнюю воду.

Не успела она поставить кувшин, как в недрах под ней раздался грохот, чудовищное содрогание швырнуло ее навзничь; кое-как поднявшись на ноги, она увидела, что ее деревянный стульчак перекосился и развалился. Провал под ним уцелел, но вместо звуков бегущей воды из него поднялось облако пыли, заколыхавшейся вокруг нее.

Вновь раздался оглушающий звук, но на этот раз внутри ее клетки — резкий и металлический. Она кинулась к занавесу и отдернула его, открыв решетку. Прутья погнулись! Когда она дернула большую дверь, та распахнулась вовнутрь, взвизгнув петлями. Замок разломился в гнезде. Мэри юркнула в нее. Если оседание продолжится, ей лучше оказаться снаружи клетки, а не внутри! Затем, вспомнив про леденящий холод, она заставила себя вернуться в клетку и забрать оба одеяла. Еще пара слоев, чтобы согреться.

— Благодарю тебя, о Господи, — сказала она затем, вновь благополучно оказавшись снаружи.

В левой боковой стене, кроме туннеля, которым она пользовалась для разминки, оказались еще два входа. Она заглянула в оба и увидела черную тьму. Кучка самых дешевых сальных свечей лежала у входа в дальний туннель, а также трутница, почти полная сухого мха, качеством почти не уступавшего шерсти. Но ни на секунду у Мэри не возникло желания воспользоваться свечами. Она не была Ариадной, с помощью клубка нити находящей путь в Лабиринте Минотавра, а после такого оседания, кто знает, что произошло в туннелях?

Нет, она вернется в мир прямо с обрыва, и не важно, какой он крутой. Она подошла к краю. Слава Богу, не отвесный! Вниз простиралась каменная осыпь, а над пещерой нависал массивный валун; он вкуче с темно-зеленой парусиной, несомненно, маскировал пещеру от взглядов с пустоши. Теперь она увидела, что находится над пустошью не в тысяче футов, а всего в трехстах. Ветер хлестал и рвал ее, но осыпь была сухой, и одеяла, когда она сумела закутать в них плечи, обеспечили некоторую защиту от него. Положение солнца сказалось ей, что она смотрит на север через безлюдье пустошей, конических пиков и хаотичное нагромождение скал. Нигде она не увидела ни единого дома, ни малейших признаков какого-либо селения. Следовательно, спустившись, она должна повернуть на юг и, подсказал неясный инстинкт, на запад, а не на восток. Если тут живут люди, то в той стороне! Ах, будь на ней ее сапожки!

Спуск по камням оказался мучительным. Они впивались ей в ладони, когда ей приходилось вцепляться в них, нащупывая пальцами ног какую-нибудь опору внизу. Десять минут более чем согрели ее, и она сбросила одно одеяло вниз, чтобы хоть как-то оберечь носки. Ее силы опасно убывали. Но мисс Мэри Беннет не собиралась быть побежденной собственной телесной слабостью. Она продолжала кое-как спускаться, иногда срываясь, но всякий раз торчащий валун останавливал ее падение, прежде чем ушибы могли стать серьезными.

Это, казалось, заняло целую вечность, но примерно час спустя Мэри стояла на пахучей, жесткой траве, на которую польстилась бы только самая голодная овца. Ее носки выдержали это испытание, но им скоро наступит конец, если ей придется прошагать мили и мили. Нет, но это, несомненно Скалистый край в Дербишире, подумала она и пожалела, что не знает, в каком направлении лежит Пемберли. Но раз так, она зашагала вдоль подножия невысокого холма, в котором пряталась ее пещера; оставалось только надеяться, что до обитаемых мест рукой подать.

Вначале — ничего обнадеживающего: пейзаж выглядел таким же диким и пустынным, как на севере, и Мэри совсем пала духом. Ни дороги, ни тропы, ни тропинки...

Но когда она прошагала около пяти миль, вздрагивая, чуть острые камешки, усыпавшие землю, впивались ей в подошвы, ее чувствительный нос уловил смрадную смесь ароматов скотного двора — свиньи, коровы, гуси, лошади. Да-да! Это был путь в обитаемые места! К людям!

Фермер Уильям Хокинс увидел, что по проселку бредет пугало, спотыкаясь и пошатываясь. Высокое, тощее, в лохмотьях, с волосами ярмарочного клоуна, рыжими, торчащими вверх, и с лицом, как у ярмарочного скелета — из одних костей. Окаменев, он смотрел, пока пугало не приблизилось настолько, что в нем можно было распознать женщину; тут он сообразил, кто она такая, и завопил так громко, что Молодой Уилл пулей вылетел из амбара.

— Это мисс Мэри Беннет, — сказал мистер Хокинс сыну. — Да только погляди на ее ноги — бедняжка! Давай руки, Уилл. Отнесем ее в дом, как в кресле. Потом садись на пони и отправляйся за мистером Чарли. Он где-то тут, пещеры обыскивает.

Мэри усадили в деревянное кресло возле кухонного очага и дали выпить воды, а затем бульону. К тому времени, когда Молодой Уилл отыскал Чарли и Ангуса, Мэри обрела владение своим телом, ощутила себя согретшейся, окруженной заботами, живой. Бульон был зачерпнут с поверхности настоящей фермерской похлебки из котла, всегда на крючке, всегда пополняемого тем, что попадало под руку в этот день, и был он восхитительным. Самая чуточка ее насытила, но она знала, что ощущение сытости было временным, и скоро она будет поглощать обильную еду, восполняя ущерб, который потерпело ее тело.

Затем в дверь ворвался Ангус с мокрым от слез лицом, с руками, протянутыми, чтобы заключить ее в объятия. К ее изумлению, Мэри обнаружила, что объятия эти были именно тем, чего она хотела бы, если бы

ей в голову пришло хотеть их, но только в голову ей это не приходило.

— Ах, Мэри, если бы вы только знали, в каком отчаянии мы все прожили эти недели, — сказал он в ее волосы, от которых пахло свечным салом и каменной пылью, но и Мэри где-то под этим.

— Отпустите меня, Ангус, — сказала она, опомнившись. — Я очень рада вас видеть, но я не в состоянии стоять долго, даже если меня поддерживает джентльмен.

Готовый выполнить любой ее каприз, он усадил ее в кресло.

— Я легко могу вообразить, что наше отчаяние — ничто в сравнении с вашим, — сказал он, понимая, что она еще не готова к объяснению в любви. — Где вы были?

— В пещере, пленницей сумасшедшего старикашки, который называл себя отцом Доминусом.

— А! Так от него действительно нельзя ждать ничего хорошего! Чарли, Оуэн и я повстречали его примерно с тридцатью маленькими мальчиками, которые несли его панацеи.

— Дети Иисуса, — сказала она, кивая. — А где Чарли, если сегодня он был с вами?

— Отправился домой за каретой для вас. — Вспомнив свои манеры, Ангус повернулся к семейству Хокинсов и поблагодарил их за заботу о мисс Беннет. Разумеется, они получают награду в сто фунтов.

— Нет, нет, мистер Хокинс. Я настаиваю.

Мэри клевала носом. Ангус зашел сзади и прислонил ее голову к своему плечу, потому что спинка кресла была низкой. Она все еще спала, когда прибыли Чарли и карета, а потому Ангус отнес ее туда и закутал в меха; какой она была холодной! Миссис Хокинс отодрала ее носки, обмыла и забинтовала ступни, но Ангус и Чарли торопились отвезти ее домой, где их, конечно, ждет доктор Маршалл.

— Вы достаточно оправились, Мэри, чтобы рассказать нам вашу историю целиком? — спросил Фиц день спустя, когда все общество собралось в Комнате Рубенса перед обедом. Несмотря на ее чрезмерную худобу, было очевидно, что, по сути, ее здоровье не пострадало от перенесенных испытаний; горячая ванна, волосы, вымытые самолично Хоскинс, и платье, одолженное Лиззи, сделали ее сногшибательной, решил Ангус. Пусть она излишне худа, но это лишь подчеркивает безупречную лепку ее костей. Только перебинтованные ступни напоминали о ее страданиях.

Если у Мэри была добродетель превыше остальных, то заключалась

она в отвращении к жалобам вкупе с нежеланием занимать центральное место на сцене. А потому без жалости к себе или изукрашиваний Мэри рассказала свою историю. Она понятия не имела, что Нед Скиннер вез ее в Пемберли, когда отец Доминус нанес свой удар; впрочем, она вообще не помнила, что происходило между ее изгнанием из «Брата Така» и пробуждением несколько дней спустя в пещере пленницей. И леди, и джентльмены не могли поверить, что она была похищена ради того лишь, чтобы стать писцом книги о его странных верованиях.

— Хотя первоначально он похитил меня, чтобы поставить на мне опыт, — уточнила она, решив не обрисовывать его более безумным, чем он был на самом деле. Да и что такое безумие, если на то пошло? — Он сказал мне, что я должна была вот-вот умереть от опухоли мозга — по-видимому, его искусство врачевания он постиг настолько, что сумел поставить этот диагноз только по моему виду, пока я лежала на пригорке, где он наткнулся на меня. По-видимому, он изготовил средство от опухолей внутренних органов, но испытать его ему было не на ком. А потому он похитил меня, скормил мне свое снадобье и исцелил меня.

Вот тогда я и стала его писцом. Поначалу его Космогенезис, как он его называет, заинтриговал меня. Истинно оригинальная концепция, согласно которой Бог есть тьма, а всякий свет есть Зло. Он называет творца зла не Сатаной или Дьяволом, но Люцифером. В какой мере Космогенезис породила его усиливающаяся слепота, я не знаю, но, без сомнения, свою роль она сыграла. Хотя он никогда этого не говорил, я поняла, что свет причиняет ему боль. Игнатий как-то сказал, что, отправляясь получить деньги с аптекарей, он надевает очки с закопченными стеклами.

— Значит, поведение мальчиков, которых мы повстречали, объяснялось тем, что они не терпят света, — сказал Чарли. — Я подумал, что причина — их страх перед ним.

— Страх перед ним у детей это что-то новое, и, если так, то боятся его девочки. Произошло кое-что, толкнувшее его назвать их нечистыми.

— Но что происходило с вами, Мэри? — спросил Фиц.

Она криво улыбнулась.

— Мой недисциплинированный язык, естественно. Я держала его под строжайшим контролем, понимая, что задеть старика значит навлечь на себя смертный приговор. Но когда он сообщил мне, что Иисус явился результатом циничного сотрудничества между Богом и Люцифером, я не могла промолчать. Я назвала его вероотступником, носителем зла, и он убежал, осыпая меня проклятиями. Это был последний раз, когда я его видела. Я была брошена умирать, и умерла бы, если бы не оседание.

— Полагаю, он решил бросить вас там после того, как повстречался с нами, — сказал Чарли в ужасе. — Я сказал ему, что я Чарльз Дарси из Пемберли и расспрашивал о вас. Видимо, он впал в панику.

Допрос Мэри Фицем продолжался несколько часов, однако при исходе их он, как и Ангус, не был уверен, что узнал что-либо еще, кроме подробностей о Космогенезисе. Но, конечно же, она должна была как-то соприкасаться с детьми! И все же она это категорически отрицала.

— Перестаньте, джентльмены, — сказала она, наконец, усталая и немного рассерженная. — Я не могу приукрасить факты. Вы видели тридцать маленьких мальчиков. Я видела всего двух, которых и вы видели у тележки. Верьте показаниям собственных глаз, а не моим домыслам, ведь это не более чем домыслы. Меня держали в зарешеченной пещерке, и выходила из нее я только в туннель, который вел вниз к подземной речке. Где бы ни содержались дети, у них не было случая своими глазами увидеть женщину, про которую говорили Тереза и Игнатий. Когда я спросила отца Доминуса про пещерку, он отрицал, что соорудил ее. Кто бы ни установил решетку, сделал это задолго до его времени. И я могу сказать вам только, что злополучных детей переселили в другое место, и им это не нравилось. По какой причине отец Доминус переселил их, мне неизвестно. Но план этот не возник внезапно. Видимо, это был его давний план.

— Прекращаем, — сказал Фиц, не спуская глаз с лица Мэри. — Вы достаточно натерпелись. И не ошиблись, предположив, что произошло оседание. Хотя открытые для посещений пещеры затронуты не были, сотрясение ощущалось повсюду, и пока любой осмотр пещер запрещен. Остается предположить, что существует еще много пещер, пока неизвестных, и что где-то в них находятся Дети Иисуса. Вопрос в том, произошло ли оседание там или совершенно в стороне? Безумие старика, видимо, прогрессирует, и неизвестно, держит ли он их взаперти или все еще позволяет бродить свободно. То есть если они живы.

Не было смысла щадить Мэри, скрывая от нее что-либо. Фиц рассказал ей, а тем самым Элизабет, Джейн и Китти про два трупа. Услышав это так скоро после рассказа о смерти Лидии, Мэри чуть было не сорвалась. К ее собственному удивлению, она протянула руку Ангусу и встретила его руку. Такая утешающая поддержка!

— Мертвая девочка, вероятно, сестра Тереза, — сказала она, смигивая слезы. — Я уверена. Я никогда не верила в существование матушки Беаты. Думаю, когда девочки выросли, их было положено убивать. Да, это, конечно, сестра Тереза, и я настаиваю, чтобы ее похоронили подобающе. Провожаящие, камень в изголовье. Освященная земля.

— Этим займусь я, — сказал Ангус. — У Фица более неотложные заботы. Не знаю как, но мы должны отыскать этих несчастных детей. Если, прогрессируя, безумие отца Доминуса перешло в бесчеловечность, он махнет на них рукой.

— Он объяснил тебе, Мэри, зачем они ему? — спросила Элизабет. — Ведь он хорошо их кормил, одевал. Не указывает ли это, что он их любил, по крайней мере вначале? Я знаю, Чарли, ты сказал, что они выглядели запуганными, но если бы он всегда действовал на них так, они бы не присоединились к нему. Судя по твоим словам, Мэри, брат Игнатий любил его.

— Брат Игнатий был умственно неразвитым. Думаю, отец Доминус сознательно препятствовал их умственному развитию — во всяком случае, их не учили ни читать, ни писать. Мне он сказал, что выкрадывал их у жестоких хозяев, однако никаких следов жестокого обращения не было заметно ни на сестре Терезе, ни на брате Игнатии, так что, возможно, он крал их в самом нежном возрасте у их родителей... или даже покупал у родителей или у приходских попечителей. Приходское попечение может быть очень жестоким в зависимости от алчности попечителя. Заполучить их совсем маленькими за деньги труда не составляло. А убил бы он их всех по достижении взрослости, мы, вероятно, никогда не узнаем, так как Игнатий был старшим из мальчиков, а Тереза — из девочек. — Мэри вздохнула и крепче стиснула руку Ангуса. — Если он безумен, а я, во всяком случае, в этом не сомневаюсь, то преклонение этих простодушных малышей, вероятно, подкрепляло его высочайшее мнение о себе. Не забывайте, что они работали на него и не получали никакой платы. В Евангелии от Марка сказано: «Пустите детей приходить ко Мне». Если отец Доминус мнил себя избранным, тут можно уловить логику.

— Многое прояснится, если мы их найдем, — сказал Фиц.

— Можно я скажу, как вести их поиски? — спросила Мэри.

— Разумеется.

— Не ищите там, где пещеры хорошо известны, а дальше к северу. Если первый труп принадлежал брату Игнатию, значит, он плыл вниз по течению Деруэнта и все-таки оказался севернее посещаемых пещер. В недрах моей тюрьмы была речка. Я ясно слышала ее плеск, а затем увидела ее во время моих разминок. Пока я не поговорила с Ангусом и Чарли, мне не приходило в голову, что эти подземные речки текут именно под землей и, значит, много глубже под ней, чем я предполагала. Отправляйтесь на север в унылое безлюдье. Эти дети, точно кроты, они не выносят дневного света. Ищите по ночам.

Джентльмены смотрели на Мэри с восхищением, а Ангус просто лопался от гордости.

— Ну и голова же у вас на плечах, — сказал он.

— Если так, то почему я попадаю в такие жуткие переделки?

Вмешался Фиц, недовольный отвлечением от темы:

— Луна в четверти, так что мы можем вести поиски по ночам достаточно долго. У меня есть подзорная труба, и, возможно, я сумею раздобыть еще несколько. Лето довольно сухое, и, следовательно, облачность невелика.

— Я распоряжусь, чтобы о детях молились в церквах всех вероисповеданий, — сказала Элизабет. — Они лишат меня сна, пока не будут найдены. Но если их найдут мертвыми, я никогда уже не смогу спать спокойно. Фиц, могу я распоряжаться деньгами?

— Конечно, — ответил он сразу же. — Как и тебя, Элизабет, они лишат меня сна. Я призову Неда, чтобы поручить поиски и ему. Зрение у него очень острое, и лучше всего ему работает по ночам. Ну а те из Пемберли, которые займутся поисками, возьмут с собой палатки и разобьют лагерь на пустоши. Поездки взад-вперед отнимают слишком много времени, хотя мы и будем держать лошадей при себе. Должен попросить дам воздерживаться от пользования каретами и верховыми лошадьми, так как конюхи нужны мне для поисков. Хакстеп отправится с нами, а здесь оставит заместителя с двумя конюхами. Кроме того, я заберу садовников и лакеев, если ты скажешь мне, без скольких ты сможешь обойтись.

— Бери всех, кто тебе требуется, — сказала Элизабет. — Хотя, — сказала она мужу позднее в этот вечер, — я не верю, что такой способ решит задачу. Мэри освободило естественное содрогание земли. Мои молитвы принесут не меньше пользы, чем твои люди.

— Я верю в Бога, — сказал он иронически, — но в Бога своего рода. Мой Бог ждет, чтобы мы сами себе помогали, а не принуждали Его делать за нас всю работу. Вера слишком слепа, а потому я полагаюсь на людей.

— И на Неда Скиннера в первую очередь.

— У меня есть кое-какое предчувствие.

— Почему ты так упорно противился изысканиям Мэри?

Он весь собрался.

— Я не вправе сказать.

— Не вправе?

— Тем более теперь, когда наш сын так преуспевает!

— Загадочен до конца.

Он поцеловал ей руку.
— Спокойной ночи, Элизабет.

— Ну, Лиззи, — сказала Джейн за завтраком на следующее утро, — хотя мы не можем прямо помогать мужчинам в поисках, нам есть чем заняться. — Большие янтарные глаза смотрели сурово. — Я намерена считать, что дети отыщутся живыми и здоровыми, ничуть не пострадавшими.

— Ах, чудесно сказано, Джейн! — вскричала Китти. — Их спасут, я тоже в этом уверена.

— К чему ты клонишь? — спросила Элизабет настороженно.

— А вот к чему, — ответила Джейн. — Лидия оставила зияние в моем сердце, и помогут мне только время и поимка ее убийц. Но, Лиззи, подумай вот о чем. Примерно пятьдесят детей от четырех до двенадцати лет, вероятно, не помнящих иной жизни, кроме той, которую вели у отца Доминуса. Что с ними будет, когда их найдут?

— Они будут возвращены под опеку своих приходов, если удастся их установить, или помещены в сиротские приюты, где отыщутся свободные места, — невозмутимо сказала Китти, тонким слоем намазывая масло на ломтик неподслащенной булки.

— Вот именно! — воскликнула Джейн, словно в гневе. — Последнее время столько переживаний! Сначала Лидию убивают воры, которых невозможно отыскать, теперь пятьдесят с лишним детей которые никогда не знали радостей детства!

— Какие радости детства можно обрести под опекой прихода или в сиротском приюте, или бродя по дорогам Англии, потому что у них вообще нет прихода? — бесстрастно сказала Мэри. — Люди состоятельные привилегированы и могут позволить себе дарить своим детям радости, то есть если одной рукой они не портят их баловством, а другой безжалостно их секут. — Она встала, чтобы наложить себе вторую порцию колбасок, печени, почек, омлета, бекона и жареного картофеля. — Слишком часто дети в любом сословии воспринимаются как досадная помеха: их видят, но не слышат. Аргус говорит, что нищим женщинам дешевле вскармливать своих детей на джине, чем на молоке, так как их груди слишком иссохли, чтобы давать их младенцу. Беднейшие дети, каких я видела во время моих недолгих поездок, были завшивлены, с гнилыми зубами, сутулыми спинами и с до ужаса кривыми ногами, покрыты гноящимися болячками, вечно голодные, в лохмотьях и босые. Радости, Джейн? Не думаю, что детям бедняков они известны. Тогда как дети нашего сословия обычно

получают их в избытке, а потому приучаются ждать удовольствий, и это порождает в них непреходящую неудовлетворенность, преследующую их до конца жизни. Комфорт должен быть постоянным, а радости — лишь время от времени, как неожиданные сюрпризы, исключая лишь единственные по-настоящему важные радости — общество братьев, сестер и родителей.

«Как мы могли забыть такую Мэри? — подивилась Элизабет. — Именно такая тирада, какими она разражалась в лонгборнские дни, но только полная умудренности. Где набралась она этой мудрости? Прежде она была вовсе ее лишена. Ее путешествия и беды, я полагаю, отнюдь не свидетельствуют в пользу укрытого от всех забот существования женщин заведомой респектабельности».

Джейн морщится, так как отлично знает, что ее собственные сыновья крайне избалованы, и им все сходит с рук, особенно когда отец отсутствует и не может дисциплинировать их. А затем они отправляются в Итон или другую такую же школу, где их мучают и избивают, пока они не подрастают, чтобы, в свою очередь, стать мучителями и избивателями. Порочный круг!

— Мы отклонились от темы, — сказала Джейн с непривычным раздражением. — Мы говорим о Детях Иисуса.

— Что ты имеешь в виду, Джейн? — спросила Элизабет.

— Что как только дети будут найдены живыми и здоровыми, джентльмены тотчас утратят к ним всякий интерес. Фиц возложит на кого-нибудь из своих многочисленных секретарей обязанность разобраться с ними, вернуть их в приходы или родителям, или поместить в сиротские приюты. Да только мы знаем, что приюты уже переполнены, и для них не найдется места, тем более что, по словам Мэри, они не помнят ни своих родителей, ни приходов. Так что они окажутся в худшем положении, чем под опекой отца Доминуса. Ведь как-никак он кормил их и одевал, и они как будто не болели.

— Ты хочешь построить для них приют, — сказала Китти, проявив способность к дедукции, никем ранее в ней не подозревавшуюся.

Элизабет и Мэри уставились на свою легкомысленную сестрицу. Джейн в изумлении, довольная, что обрела союзницу.

— Вот-вот! — сказала Джейн. — Зачем разлучать бедняжек, когда они годы жили вместе? Мэри, у тебя, как сказал Ангус, голова на плечах. Поэтому тебе предстоит заведовать деловой стороной — например, во что обойдется учреждение сиротского приюта? Китти, ты посещаешь все лучшие дома Лондона, а потому должна собирать пожертвования на приют Детей Иисуса. Я берусь поговорить с Ангусом Синклером и уговорю его

живописать их беды в его газете. Кроме того, я поговорю с епископом Лондонским и дам ему понять, что мы также ставим своей целью изгладить папистские, методистские или баптистские идеи, каких дети могли набраться у отца Доминуса, чья теология, по словам Мэри, изобличает его как вероотступника. Епископ Лондонский не фанатичный борец за веру, но это такой неотразимый повод, чтобы англиканская церковь сказала свое слово.

Глаза Джейн горели, такие же огромные и желтые, как у кошки, а ее лицо совершенно преобразилось.

— Мы вспашем новую почву в заботах о неимущих детях! Я сама отберу штат и буду следить за преуспеванием приюта в будущем. Эту обязанность, Лиззи, ты разделишь со мной, а потому я считаю, что приют должен находиться на полпути между Бингли-Холлом и Пемберли. Думаю, Фиц и Чарльз смогут купить участок земли и оплатить постройку подобающего здания. Да! Я и слышать не хочу о том, чтобы мы использовали уже существующий дом! Наш будет построен специально для нашей цели. Деньги, собранные Китти, будут выгодно вложены и обеспечат необходимый доход на уплату жалованья, еду, одежду и содержание респектабельной школы с библиотекой под эгидой англиканской церкви.

К этой минуте Элизабет еле переводила дух. Кто бы подумал, что Джейн — Джейн! — полна столь фантастичной ревностности. Ну, по крайней мере это убавит ей времени тосковать по Чарльзу. Только она, Элизабет, предвидела возражения джентльменов. Мэри сочла создание приюта великолепной идеей, однако малый размах ее не устраивал, и она полагала, что построить следует их несколько. Китти сидела, сосредоточивая свой не слишком острый ум на задаче, как извлекать пожертвования из великих мира сего, очень и очень привязанных к своим денежкам. А Джейн была категорически убеждена, что ее план успешно осуществится.

— Только подумать, что все это возникло из помешанности Мэри на бедняках, — сказала Элизабет Ангусу, который приехал в Пемберли верхом, чтобы (объяснил он Фицу и Чарли) написать срочное письмо в Лондон, на самом же деле, чтобы удостовериться, что его Мэри никуда не уехала. — Будто камень, брошенный на заснеженный склон, — продолжала Элизабет. — Вместо того чтобы безобидно остановиться, он продолжал катиться, превращаясь в огромный снежный ком, и уже угрожает сокрушить нас. Я рада, что Джейн как будто утратила всякое желание обливаться слезами, доводя себя до истерики, но по крайней мере прежде,

когда с ней происходило подобное, мы знали, чего нам ждать. Теперь же может произойти что угодно.

Ангус хохотал, пока выражение упрека на лице Элизабет не сказало ему, что ничего смешного она тут не находит.

— Джейн скорее всего права, — сказал он тогда. — Мы бы, ничтоже сумняшеся, передали детей заботам приходских попечителей и забыли бы о них. Логика подсказывает, что они были слишком малы, чтобы знать даже слово «приход», когда их похитили — или продали, — и, возможно, не помнят своих родителей. А потому приют Детей Иисуса — превосходная идея. Полагаю, Мэри всецело ее поддерживает?

— На самом деле только это вас и интересует, помешавшийся от любви шотландец! Да, конечно, хотя она уже видит, как сиротские приюты возводятся по всей Англии, — сказала Элизабет, улыбаясь. — Однако я не могу представить себе, что Фиц согласится на план, который разорит его за один год.

— А его не следует ставить перед такой дилеммой или просить об этом. Жернова любого правительства мелют медленнее, чем даже жернова Бога, ведь тонкий помол требует времени, и особенно в Вестминстере. Неотложнейшая задача Фица, на мой взгляд, это принудить своих парламентских коллег приступить к радикальным изменениям в нижних слоях общества. Он всегда может протрубить о том, что произошло во Франции: лорды склонны прислушиваться к этому аргументу. Все люди противятся переменам, Лиззи, но наступить перемена должна. И, спасибо местному налогу в пользу бедняков, не окажет такую уж услугу неимущим, во многих и многих приходах. В их списках вряд ли сыщется кто-нибудь, способный работать, будь то мужчина или женщина, до того привлекательна мысль получать гроши за то, чтобы не работать. Процент неимущих взмывает до небес!

— Идите отыщите Мэри, — сказала она, устав от бедняков.

Его возлюбленная «все не так», казалось, обрадовалась ему, но не в облике влюбленного. Пока еще.

Кое-какие признаки в ней после ее возвращения внушили ему надежду, но врожденный здравый смысл предупреждал его не придавать им излишне большого значения. Он мог только воображать, каково ей приходилось в заключении, и до сих пор ему не удавалось поговорить с ней достаточно долго, чтобы удостовериться, насколько глубоко прятались родники ее неутомимой решимости. А потому он объяснил эти перемены признанием ее женской слабости, тогда как на самом деле она ничего подобного не признала. Мэри знала, что она не слабая женщина; Ангус же

все еще хранил мужское заблуждение на этот счет.

— Мы нашли место оседания, — мог он ей сообщить. — Очевидно, пещеры тянутся гораздо дальше, чем кто-либо предполагал. Но теперь их протяженность останется неизвестной. Самые нижние пещеры полностью скрыл гигантский обвал. Остается некоторой тайной, почему, собственно, произошло оседание.

— А подземная речка?

— Ее слышно, но она изменила русло.

— Когда вы отправитесь на север и будете искать по ночам?

— Сегодня вечером. День был относительно безоблачным, а потому мы рассчитываем на лунный свет. Мы вооружились несколькими подзорными трубами, о которых говорил Фиц. Он попросил фермеров, чьи отары пасутся в тамошних местах, отогнать их дальше на юг. Меньше движущихся силуэтов, чтобы сбивать нас с толку, пока мы ищем в ночные часы.

— Бог мой! — сказала Мэри под впечатлением от услышанного. — Ну, просто военные маневры. А об овцах я и не подумала. Но разве ночью они не спят?

— Да, но любой непривычный шум их вспугивает.

— А олени там водятся?

— Полагаю, что да.

— Разглядеть детей в их коричневых одеяниях будет не просто.

— Мы это понимаем, — сказал он мягко.

Они договорились, что поисковые партии (их было три: Фица, Чарли и Ангуса) сосредоточат розыски у подножий пиков и скал, а кроме того, тщательно обследуют берега Деруэнта и его притоков. Деруэнт, самая большая река тут, полноводная даже летом. Поскольку брата Игнатия (если это правда был он) обнаружили в ней, это указывает на близость, если не к самому Деруэнту, то к какому-то его притоку или к впадающей в него подземной речке.

Первая ночь оказалась жутковатой; ведь мало кто из оседлых жителей, будь то труженики или джентльмены, привык ходить пешком по ночам, да еще украдкой. Полумесяц пока стоял высоко, затоплял ландшафт бесцветным светом, не оживляя его; но едва он закатился, небеса окутало сияние из смешенного света такого множества звезд, какое им и не грезилось. Когда их глаза свыклись с темнотой, видеть оказалось легче, чем, например, Ангус считал вообще возможным. Два-три оленя были опознаны верно, особенно теми, кто был вооружен подзорными трубами. Более неожиданными оказались собаки, рыскавшие в поисках добычи —

кроликов, землероек, крыс, а в недалеком будущем и ягнят. Прежде они были любимцами хозяев или псами-тружениками, объяснил Фиц, и их либо бросили, либо они искали пищу получше той, какую им уделяли хозяева. И были они равно свирепыми, утратив все признаки одомашнивания.

Затем Чарли пришла блестящая мысль одеть сынишку пемберлийского конюха в коричневое одеяние и попросить его отойти по берегу реки на некоторое расстояние, потом повернуться и пройти по пустоши. Семилетний малыш ничего не боялся и только радовался своей прогулке, тем более что обычно его давно бы уже уложили спать. А они, следя за ним, получили некоторое представление, что им предстоит увидеть, если появится кто-то из Детей Иисуса.

Прошла неделя, наступило полнолуние, а небо все еще оставалось относительно безоблачным. Таким ярким был прекрасный серебряный шар, что при его свете можно было читать. И это вопреки дымящим трубам Манчестера неподалеку. Ветер благоприятствовал им, унося дым на восток, в Йоркшир.

Затем луна, восходившая каждую ночь все позднее, пошла на убыль, а ни единый ребенок еще не был замечен. И значит, несчастные Дети Иисуса скорее всего теперь содержались в заключении. Отчаяние начало овладевать сердцами ищущих, полных такого энтузиазма, когда поиски только начались.

Нед Скиннер не желал иметь ничего общего с поисковыми партиями, он предпочитал действовать в одиночку, и у него были собственные предположения, где искать. Пока три отряда рыскали, по его мнению, все еще слишком на юге, он, оседлав Юпитера, объезжал места много выше по течению Деруэнта и особенно возле устья большого притока. Фиц был против, указывал, что его силуэт на фоне звездного неба сразу выдаст его присутствие там, но Нед и внимания не обратил. Он считал, что именно в этом заключалась главная беда трех поисковых партий — они шли пешком, ведя лошадей на поводу, а потому двигались слишком медленно.

У него была собственная подзорная труба, много мощнее инструментов в распоряжении Фица; прежде она принадлежала морскому капитану, любителю плавать в таких краях, где моряку требовалось проверять, не украшают ли себя туземцы на берегу человеческими головами. С лошадиной спины труба позволяла обозревать дальние расстояния, однако и находящееся вблизи виделось четко и ясно, так как трубу можно было фокусировать, и она отнюдь не в первый раз верно служила Неду в его ночных приключениях.

Луна теперь шла на убыль, а потому всходила позднее. Однако сумерки окончательно истекали кровью почти перед восходом луны, и Нед не собирался покидать свое тайное убежище, прежде чем наступит окончательная темнота. Он освоил пещеру, но совсем незатейливую, возможно, просто высверленное ветром углубление в выходе мягкой породы. В ней хватало места для него и Юпитера, и он совершил несколько поездок, чтобы запастись пищей для себя и коня. Сочной травой-муравой пустоши похвастать не могли!

Когда сомкнулся полный мрак, Нед покинул пещеру; восточный край неба уже серебрился, возвещая лунный восход. Пожалуй, ни в какое другое мгновение даже его зоркие глаза не уловили бы белый проблеск падающей воды притока в милях к западу от него. Его кольнуло предчувствие, он напрягся в седле настолько, что перемена в его настроении передалась Юпитеру, который встряхнул головой. Нед наклонился и похлопал его по шее.

— Легче, легче, старина, — сказал он негромко.

Они рысили, пока водопад не открылся полностью; около пятидесяти футов в высоту с мощными струями, разливавшимися широкой заводью у подножия обрыва, с которого он падал и за верхним краем которого где-то неподалеку, видимо, бил большой родник. Будь водопад поближе к другим прельстительным достопримечательностям этого края, он, несомненно, привлекал бы множество посетителей, но его окружали мили невзрачных холмов, оврагов и пустошей. Пределом любознательности посетителей был Пик много южнее — разве что они были поэтами, писателями, художниками и прочими чудаками, влюбленными в пустынность, где можно вольно бродить и бредить. По ночам они и им подобные обычно свертывались калачиком в теплых постелях гостиниц или фермерских домов. Бесспорно, в эту ночь тут никого из таких не было, и все это принадлежало ему одному.

В тени нависающей скалы Нед соскользнул со спины Юпитера и обустроил коня для одного из тех ожиданий, которым иногда его подвергал. Затем, тише охотящейся кошки, он боком приблизился к заводи, держась в тени обрыва.

Берегом заводи был известняк, отполированный до некоторого блеска в ленту около ярда шириной, которая вела от водопада к траве примерно еще сотню ярдов, прежде чем сузиться до невидимости. Тропинка, вытоптанная маленькими ножками! На границе между травой и известняком Нед остановился, наклонил голову набок и прислушался, но не услышал ничего, чуждого звукам падающей воды. Он сунул руку в

левый карман плаща, затем в правый, удостовераясь, что его pistols наготове, как и ножи. Следуя по тропинке к водопаду, он обнаружил, что она проскальзывает за водяную завесу, но осталась сухой, так как ветер дул на восток.

Через широкое отверстие он вошел в огромную каверну, освещенную не только воняющими салом свечами, но и поразительными лампами. Пол, почти ровный, был занят простыми деревянными столами, у которых фигурки в длинных одеяниях наклонялись над тазиками и мисками, ступками и пестиками, занятые как будто смешиванием субстанций или дробя их в порошок. В стене пещеры ближе к выходу была большая ниша, где жарко горели угли, и железные прутья поддерживали чугунные котлы и горшки над искрящейся, мерцающей поверхностью огня. Нишу сверху накрывал странного вида купол. Из его маковки торчала широкая металлическая труба, которая, поддерживаемая скобами, выходила наружу в воздух позади водопада. В чем бы ни заключался принцип этого устройства, было оно очень эффективным: в каверне почти не чувствовалось дыма. Поблизости стояли конденсаторы для дистилляции, и целый стол был отдан фильтрации жидкостей через грубую марлю или рядно. Лаборатория Детей Иисуса, где отец Доминус изготавливает свои панацеи!

Освещение было настолько слабым, что дети откинули капюшоны. Только одни мальчики, решил Нед: на макушках у них у всех были лысинки тонзуры. А ему не приходилось слышать, чтобы девочкам выбривали тонзуры. Почти тридцать мальчиков, а от стола к столу переходит плечистый парень — грубые черты лица, безжалостные глаза. Они его боялись и съеживались или вздрагивали при его приближении. Не брат Игнатий, про которого говорила Мэри, решил он. У этого нет сердца.

Пройти мимо брата Джерома (так обратился к нему один из мальчиков) было непросто, но Нед сумел, когда парень отошел к огню и заорал, чтобы принесли еще угля. Да, неплохое упражнение — перетаскивать мешки с углем! В задней части пещера суживалась в высокий и относительно широкий туннель. Через некоторое расстояние он расширился в еще одну обширную каверну тоже со столами. На них стояли пузырьки и флаконы, наполняемые через воронки черпаками, погружаемыми в кувшины. Девочки! Волосы длиннее, нет тонзур. Работали они лихорадочно, хотя за ними никто не следил. Значит, брат Джером надзирает за всеми детьми. Так где отец Доминус?

Воздух пропитывали всевозможные запахи от омерзительных до приторно-сладких. Или отец Доминус изготавливает женские духи, а не

только традиционно смрадные снадобья, вылечивающие от всех недугов? Где-то в этой смеси ноздри Неда определили один конкретный запах — запах, хорошо ему известный, который он вдыхал чуть ли не ежедневно. Порох! Боги, что затевает старый мудила? Едва вдохнув его, Нед понял, почему произошло оседание южных пещер: отец Доминус в роли Гая Фокса взорвал их! Следовательно, он использовал их, а после встречи с Чарли понял, что ему необходимо их покинуть. Что может быть лучше пороха? Он же аптекарь и, конечно, знает способ его изготовления. Даже я, подумал Нед, мог бы его изготавливать, знай я верные пропорции составных частей, всего лишь серы, селитры и толченого древесного угля. Так просто, так разрушительно!

Где этот порох? Тут он заметил, что проход между лабораторией и разливочной был шире, чем казался на первый взгляд. Вдоль его стен стояли небольшие бочонки. Но где дорожка пороха, которая ведет к детонирующему ящику? Порох был черен, будто смола, пол покрыт черной пылью... так, может, весь пол и есть дорожка? Нет, он погаснет, не успев разгореться. Несмотря на доступ свежего воздуха, разливочная пещера была более душной, чем лабораторная. Из-за ядовитых паров и дыма от жаркого огня лабораторию пришлось поместить ближе всего к наружному воздуху.

Прежде всего, решил он, надо убрать брата Джерома. Рано или поздно он придет по проходу проверить, как трудятся девочки. Нед перешел в самый темный угол у конца короткого коридора и вытащил нож. Удар должен быть быстрым и окончательным: стоит парню хоть раз вскрикнуть, и может появиться отец Доминус. Разделаться с братом Джеромом просто, но отец Доминус умен не менее, чем безумен. И Неду требовалось, чтобы старик не подозревал о его присутствии, пока ему не удастся найти пороховую дорожку. Ведь необходимо вывести девочек наружу, именно этого превыше всего ждет от него Фиц! Мальчики находились по ту сторону бочонков, и их положение было лучше, пусть и не намного. Девочки будут либо погребены под обрушившимся сводом, либо замурованы во мраке, чтобы погибать медленно, может быть, в муках от переломов и ушибов. Нестерпимая мысль! Вскоре действительно пришел брат Джером. Он даже не понял, что с ним произошло, так быстр был нож, вонзившийся в его грудную клетку снизу и повернувшийся вверх налево, чтобы пронзить его сердце. Он упал, будто камень. Немо.

Нед вышел из тени и подошел к ближайшему столу, за которым шесть маленьких девочек отсчитывали пилюли в круглые коробочки. Пилюли были лавандового цвета — несомненный признак, что они предназначались

для лечения почек. Это все знают.

— Не бойтесь, — сказал он негромко, — и не кричите. Я тут, чтобы спасти вас. Видите бочонки в проходе? Они набиты порохом. Если вы будете здесь, когда они взорвутся, вы умрете. Обойдите остальные столы и скажите, чтобы все девочки ушли в пещеру за водопадом — я правда ничего плохого вам не желаю!

Они уставились на него округлившимися глазами, ведь им не доводилось видеть мужчины, такого большого и такого дюжего, и, может быть, что-то от его силы зазвучало в них успокаивающе, так как ни одна не вскрикнула и не кинулась бежать. Более беспощадного человека, чем Нед Скиннер, было бы трудно отыскать, и все-таки в этот миг он излучал не только силу, но и искренность. Хотя он не мог знать, что они полностью и жутко были осведомлены о свойствах и опасностях пороха, поскольку его изготовили они и видели, как умерли двое из них, и подозревали, что все станут его жертвами. Они заметили перемену в отце Доминусе и безмерно его боялись. Он завел привычку называть их грешными, нечистыми, исчадиями зла и поносил женщин, как творения Люцифера. Сестра Тереза пропала; сначала они думали, что она уехала к матушке Беате, но затем брат Джером начал бахвалиться, как он свернул ей шею, и этому они поверили безоговорочно.

Вскоре все девочки уже бежали через обставленный бочонками коридор, выплескиваясь из него среди мальчиков, которые смотрели на них с недоумением, хотя некоторые и с раздражением. Когда следом за последней девочкой появился Нед, они заблеяли, заметались, а некоторые попытались пробраться мимо него в коридор. Ну, да с мальчиками он всегда умел справляться.

— Вперед, наружу! Тут все обрушится! Останетесь здесь, так будете взорваны. Вон! Вон!

Поскольку единственный путь к свободе выводил под открытое небо, они устремились под водопад и в ночь, а Нед пошел назад искать пороховую дорожку.

На ходу он приготовил свой пистолет, сдвинул кремьень с полки в положение для выбивания искры, затем согнул палец на спусковом крючке, держа огнестрельное оружие прямо перед собой и совершенно горизонтально: едва порох на полке был открыт, наклонять пистолет возбранялось, не то отверстие, пропускающее искру к заряду, заблокировалось бы.

В нескольких шагах от прохода стоял отец Доминус с лицом, искаженным от ярости и бессилия, с пылающим факелом в левой руке.

— Ты, путающийся под ногами болван! — завизжал старик. — Как ты посмел украсть моих детей!

Нед выстрелил ему в грудь слева, полагая, что это простейший выход из нестерпимого положения. Однако отец Доминус обладал силой фанатика и швырнул факел смертельной ране вопреки.

— Я мертв, и ты умрешь со мной!

Нет, подумал Нед невозмутимо, уже на бегу к водопаду. Однако особенности формы пещеры направили часть чудовищной взрывной волны вперед в лабораторную каверну, и она рухнула практически вместе со всем холмом, источенным лабиринтом отца Доминуса. Нед почувствовал, как глыба ударила его ноги и таз, и неопишемую боль; со мной все-таки покончено, подумал он, но оно того стоило — оказать эту последнюю добрую услугу милому Фицу.

Эхо взрывов разнеслось над пустошами и достигло поисковых партий, медленно продвигавшихся вдоль подножия Пика.

Трое руководителей как раз собрались вместе поговорить, когда громовый звук достиг их.

— Это не оседание пещер, — сказал Фиц. — Это порох!

Лошади были при них. Чарли и Ангус бросились скомандовать «В седло!» своим людям, а Фиц уже скакал на север, угрюмо хмурясь, и его люди поспевали за ним, как могли. Нед собирался начать с того конца, думал Фиц, дай Бог, он цел и невредим!

Без руководства и надзора дети оставались на месте, только отбежали от катящихся камней. Они, плача, прижимались друг к другу, когда подъехали Фиц и его партия; они позволили закутать себя в одеяла, захваченные спасателями с собой, и выпили воды, щедро одобренной ромом.

Фиц обошел их, высматривая сообразительное личико, и выбрал девочку лет десяти, потому что она опекала остальных, как заботливая наседка.

— Я Фиц, — сказал человек, который никогда не разрешал людям вне семейного круга называть его по имени. — А как тебя зовут?

— Сестра Камилла, — сказала она.

— Ты не видела очень большого мужчину, которого зовут Нед?

— Да-да! Он спас нас, Фиц.

— Каким образом?

— Он сказал, что проход заставлен бочонками с порохом, и мы умрем, если не убежим наружу. Некоторые мальчишки хотели помешать нам, только

Нед замахал на них пистолетом, и мы все убежали. Порох взорвался, совсем так, как когда мы его изготавливали. Сестру Анну и брата Джеймса убило, а у меня брови сгорели. Потому, когда Нед сказал нам, что порох взорвется, мы знали, что он взорвется. По-моему, Нед не ждал, что мы ему поверим.

У Фица рухнуло сердце.

— Нед все еще внутри, Камилла?

— Да.

Чарли и Ангус как раз подъехали, возликовав при виде фигурок в коричневых одеяниях.

— Скверные новости, — сказал им Фиц. — Нед отыскал эту пещеру и вызволил детей в последнюю минуту. Отец Доминус начинил ее порохом — заставлял детей изготавливать его! Тогда погибли мальчик и девочка. Трудно поверить в глубину его злодейства! Нед наружу не вышел. — Он перевел дух, сжал руки в кулаки. — Я пойду искать его. Чарли, пошли Тома Мэддербери в Пемберли. Нам понадобится ландо для Неда, сомневаюсь, что его удастся поместить в закрытый экипаж. А еще повозки и фургоны для детей. Они выпили воды с ромом и уснут, но мы не можем задерживать их здесь. Удобнее всего будет поместить их в бальном зале — пусть Парментер затопит камин в этом конце дома, чтобы там было сухо. И вели Мэддербери предупредить всех, что дети полуслепы из-за жизни в вечном сумраке. Зрение вернется к ним полностью, но это потребует времени. Нам нужны деревянные носилки для Неда, слегка вогнутые, на случай, если у него сломана спина, всякие лубки, бинты, подстилка, компрессы, самый крепкий опиумный сироп. Обеспечь, чтобы Маршалл уже ждал нас. Он сможет осмотреть и детей.

Чарли сразу же ускорился. Фиц повернулся к Ангусу.

— Избавиться от Чарли было несложно, но теперь я должен просить вас, Ангус, отойти в сторону. Я должен войти туда один.

— Нет, я пойду с вами. Я настаиваю.

— Ангус, ни в коем случае! Нет смысла терять больше одного человека, если произойдет новый обвал. Это ведь не природное явление, но взрыв, а мы слишком мало знаем о свойствах взрывов в закрытых пространствах, чтобы подвергать себя ненужному риску. Если я сочту это безопасным, то позову вас. И не пускайте Чарли внутрь.

Признав здравость этих доводов, Ангус остался ждать снаружи, а когда Чарли попытался броситься в пещеру за своим отцом, убедил его, что одна смерть, если уж она неизбежна, предпочтительнее двух. Но остановило Чарли только упоминание о его матери.

Водопад полностью иссяк, и, хотя заводь осталась, открылся зияющий вход в пещеру. С факелом в левой руке Фиц вступил в мир обломков и валунов; подобно большинству пещер Скалистого края, она была сухой, продуваемой ветром и не представляла интереса для любителей зрелищ. Он не осознал, что ее прятал водопад, и удивлялся, почему ее прежде никто не заметил.

— Нед! — позвал он. — Нед! Нед!

Место, где он стоял, было безопасным, решил он, но, вероятно, прежде обширная пещера теперь превратилась в колоссальную грудку валунов, перемешанных с камнями поменьше и поострее, и всякими обломками. Как ни напрягал он слух, но не услышал шуршания осыпающейся земли или поскрипывания перегруженных камней — ничего, предвещающего новый обвал. Он пошел дальше, ступая осторожно, опасливо.

— Нед! Нед! Нед! Нед!

— Здесь, — сказал слабый голос.

Направившись на этот звук, Фиц нашел Неда, лежащего наполовину под валуном, скрывающим его ноги и нижнюю часть торса.

— Нед! — прошептал он, опускаясь на колени.

— Они в безопасности? Все выбрались наружу?

— Все до единого. Не говори, Нед, сначала мы должны снять с тебя этот непомерный камень.

— Сомневаюсь, что это что-нибудь изменит, Фиц. Со мной покончено.

— Чепуха!

— Нет, простая правда. Мочевой пузырь и кишки расплющены в лепешку. Бедренные кости тоже. Но можешь попытаться. Ты же не успокоишься, если не попытаешься, верно?

По лицу Фица струились слезы.

— Да, Нед, я должен попытаться. Такова моя природа. Но прежде мы дадим тебе хорошую дозу опиума.

У плеча отца возник Чарли.

— Папаша... нет, я отказываюсь употреблять это нелепо напыщенное обращение, даже если таковы обычай и традиции Дарси! «Папа» вполне устраивает большинство людей и меня тоже. Папа, что надо делать?

— «Папа» устраивает и меня, Чарли! — Фиц поднялся на ноги, не замечая своих слез. — Опиум привезли? Думаю, мы сможем поднять камень с помощью двух-трех людей посильнее и прочных железных рычагов. У нас они тут есть?

— Да, мы не знали, надо ли будет приподнимать камни, но все равно прихватили их. — Он криво усмехнулся. — И бочонок пороха. — Он

опустился на колени рядом с Недом напротив своего отца.

— А отец Доминус, Нед? — спросил Фиц.

— Я застрелил сукина сына в сердце. Старикашка должен был бы повалиться, как сноп, только нет. Кинул факел, который нес, в проход. Верно, слышал мои шаги и навалил кучу пороха перед детонирующим ящиком. Клянусь, там ничего не было, когда я шел по нему назад в первую пещеру. — Нед застонал, потянулся к руке Фица. — Я рад, что дожил увидеть тебя.

— Подбодришься. Ты еще годы и годы будешь меня видеть.

Они решили не трогать его, пока не подъедет ландо, что произошло на заре, когда немного естественного света пролилось на хаос в пещере. Фиц не отходил от Неда, хотя Чарли ходил туда-сюда; обязанность присматривать за детьми унаследовал Ангус.

Мэддербери, конюх, вернулся с экипажем и доложил, что вскоре подъедут повозки и фургоны за детьми. Доктора Маршалла вызвали, и он привезет с собой сиделку.

Трое сильных мужчин с помощью рычагов одним движением сняли валун с Неда. Фиц и Чарли в ужасе уставились на месиво ниже его талии. Ему не выжить, подумал Фиц. Но, подсунув шестифутовые деревянные носилки под тело Неда, они сумели поднять его и дотащить до ландо, поднять носилки над дверцами и положить их по диагонали на переднее и заднее сиденья — единственный способ поместить человека его роста в экипаж. Фиц сел рядом с ним, держа опиум наготове, а Чарли влез на козлы и сильно осложнил работу кучера непрерывными предостережениями побережись того или не наткнуться на это.

Миновало много часов, хотя летний день еще не угас, когда ландо, наконец, достигло Пемберли. Доктор Маршалл ждал их. Один взгляд на повреждения, и доктор похвалил их за то, что здравый смысл подсказал им сохранять Неда в горизонтальном положении. Раздавленность препятствовала обильному кровоизлиянию, но...

— Никакой надежды нет, — сказал он, отведя Фица в сторону по завершении первоначального осмотра. — Я провел год в Португалии с сэром Артуром Уэлсли и видел подобные повреждения раньше. Рана рваная, открытая и загрязнена содержимым кишечника. Он потерял много крови, так что я воздержусь от кровопускания. Однако он отказывается принять еще опиума, пока не поговорит с вами и с мистером Чарли без кого-либо еще. И попросил, чтобы поскорее. Он знает, что умирает.

Почему папа так из-за него плачет, недоумевал Чарли, когда, все еще с ног до головы грязные после своих поисков, они вошли в комнату, где

лежал Нед Скиннер.

Могучее тело выглядело в постели странно съежившимся. Фиц придвинул стул к его изголовью и сел. Его рука потянулась к пальцам Неда, щипавшим одеяло. Чарли поставил свой стул сразу же за спиной отца — Нед повернулся, чтобы смотреть на Фица, а Чарли хотел видеть его лицо. Нед улыбнулся и внезапно преобразился в до нелепости юного, хотя ему было тридцать восемь.

— Чарли должен узнать, — сказал он голосом твердым и звонким.

— Да, Нед, он должен узнать, это достойно и справедливо. Ты расскажешь ему? Или я?

— Мне неместно, Фиц. Расскажи ты.

Это вырвалось без предисловий.

— Нед и я — сводные братья.

— Меня это не удивляет, папа.

— Потому что ты Дарси. Человек не мог бы пожелать лучшего брата, чем Нед, Чарли. И все-таки я не мог признать его. Не по своей воле, а по воле моего отца. Он заставил меня дать страшную клятву, что я никогда не заикнусь об этом родстве. Нед тогда был слишком мал, чтобы брать с него клятвы, и он внушил ему, будто он недостойн.

— Дедушка? Гарольд Хансфорд Дарси?

— Да, Гарольд Дарси. Каждый день благодарю Бога, что ты его не знал, Чарли. Поистине негодяй из негодяев. Он держал притоны воров и всяких головорезов — а также бордели! — в Шеффилде, Манчестере и многих других северных городах. Зачем? Для развлечения! Ему до того надоела жизнь джентльмена, что он развлекался преступлениями. Да, он воображал себя великим преступным умом. А управлял он большинством таких начинаний из своего любимого борделя в Шеффилде. Мать Неда, с Ямайки, была его страстью, и все же он принуждал ее продаваться. Она умерла от сифилиса, когда Неду было три года. Папаша умер тоже от сифилиса, хотя моя бедная мать об этом не знала. От на редкость злокачественного — убил его в течение шести месяцев, бредящего, безумного. Мама, после того как родила Джорджиану, всегда недомогала и тоже умерла. Смерти эти случились в одном и том же году. На смертном одре он написал мне письмо и вынудил дать клятву, когда показал мне этот ужасный документ. Бахвальство всяческими преступлениями, но из него я узнал, где находится Нед. Похоронив его, я отправился в Шеффилд, забрал Неда и поручил его заботам респектабельной супружеской пары. Мне было девятнадцать, Неду четыре. Когда мне удавалось выкроить время, я проводил его с ним. Так странно, Чарли! Я смотрел на это смуглое личико,

на курчавые черные волосы, и я любил его беззаветно. Много сильнее, чем даже Джорджиану. Как бы то ни было, после смерти Гарольда я вновь склеил мой мир на манер Шалтая-Болтая, клеем моим были гордость и высокомерие. Но, имея Неда, чтобы любить, я никогда не был одинок.

Чарли сидел, онемев и почти не дыша. Столько ответов!

— Дядя Нед? — Он прикоснулся к плечу Неда очень бережно, поскольку руку держал его отец. — Дядя Нед, вы совершили подвиг. Почти пятьдесят детей остались живы, благодаря вам. — Он сумел улыбнуться. — И жить они будут хорошо, за это я ручаюсь.

— Отлично. — Нед несколько секунд хмурился, затем открыл темные глаза, которые, теперь заметил Чарли, были так похожи на папины. — Я должен очиститься до конца, — внезапно сказал он прерывисто. — Очиститься до конца.

— Так говори, Нед.

— Я убил Лидию Уикхем. Задушил ее. Пьяную. Мертвецки. Ничего не почувствовала. До того пьяная.

— Почему, Нед? Не ради же меня!

— Да, ради тебя. Легко было видеть, что тебе никогда... от нее не избавиться. Никогда. Почему? Ты только давал деньги... этой парочке. Стоило им поклянуться... всегда. И она отблагодарила тебя, стараясь погубить. Тебя, самого лучшего человека на свете. Когда наш отец... умер... ты приехал за мной... дал мне дом... послал в школу... проводил время со мной, как... с равным... а ведь ты... стоял так... высоко... а я... так низко. Я радовался, убивая ее! — Он посмотрел на Чарли. — Оберегай отца. Меня... тут не будет. Твой долг...

— Обязательно, дядя Нед, обязательно.

Фиц безутешно рыдал.

— С Лидией надо было покончить, Фиц, — сказал Нед более четко, без одышки. — Грязноротая шлюха, на уме только деньги, выпивка да траханье. А потому я все хитро устроил и убил ее. Мирри и ее люди сыграли мне на руку. Тот же бордель, новая мадам, Мириам Мэтчем ее имя. Убила в свое время с десятков шлюх, любит смотреть, как какой-нибудь бездушный извращенец их приканчивает. Совсем, как наш папаня... Да, Мирри Мэтчем десять раз надо бы висеть, так пусть ее повесят за Лидию. Это успокоит миссис Бингли. — Он закрыл глаза. — Ох, я устал. Почему я так устал?

— Тебя погребут в Пемберли, как Дарси, — сказал Фиц.

Глаза открылись.

— Этого нельзя. Не согласен.

— Да! — сказал Чарли.

— Видишь, Нед? Твой племянник согласен со мной.

— Не подобает.

— Нет, подобает! На твоей плите будет сказано: «Эдвард Скиннер Дарси», чтобы весь мир видел. «Любимый брат Фицуильяма, дядя Чарльза, Джорджианы, Сюзанны, Анны и Катерины». Я так хочу!

— Я — нет. Чарли, пожалуйста.

— Нет. Подобаяще и достойно.

— Юпитер! — внезапно вскрикнул Нед, пытаясь приподнять голову. — Я оставил его в пещере... объясню, где...

— Он вернулся домой раньше тебя, Нед.

— Пригляди за ним. Самый лучший конь в мире.

— Мы приглядим за Юпитером.

Боль, которую он словно держал в узде геркулесовым усилием воли, вернулась терзать его, и он кричал, пока ему не дали крепчайшего опиумного сиропа. Чуть позже он умер, видимо, во сне и без страданий.

Чарли разжал пальцы отца на руке Неда и увел его из комнаты.

— Пойдем в мою библиотеку, — сказал Фицуильям Дарси своему сыну. — Мы должны поговорить, прежде чем кто-то из нас встретит твою мать.

— Ты действительно намерен признать Неда открыто? — спросил Чарли. — Нет-нет, я не возражаю. Я просто хочу удостовериться, что это не была мимолетная фантазия, сказанная для утешения бедного Неда.

— Я обязан признать его! Он ради меня пошел на убийство, хотя, клянусь головой твоей матери, я не просил его об этом ни словом, ни намеком. Будь вся правда известна — подозреваю, он был слишком измучен, чтобы рассказать все на пороге смерти — он ради меня убивал и других. Чтобы я мог стать премьер-министром Великобритании. — Он обнял Чарли за плечи, отчасти из нежности, отчасти из-за упадка сил. — Ну, этого не произойдет. Я останусь в парламенте, но заднескамеечником. Это обеспечит столько влияния, сколько мне может потребоваться. Твоя мать называла это гордостью, но я бы употребил слово «хубрис» — всеподавляющая гордыня. Мои мысли были исполнены желания стать премьер-министром, но, может быть, когда-нибудь им сможешь стать ты. Однако я пойму, если ты не выберешь политическую карьеру. Сказать правду, политика подла и жалка. Я должен просить у тебя прощения, Чарли, что превратил твою жизнь в мучения, когда ты был ребенком. Во многих отношениях я был таким же тираном, как отец Доминус. Но все это позади. Смерть Неда Скиннера не будет напрасной.

— Сколько мы расскажем маме? — сказал Чарли, принимая с переполненным сердцем весь вес отца на свои плечи. Я перешел ров с острыми кольями, отделяющий детство от взрослости, с этой минуты я сын моего отца.

— Мы исполним желания Неда. Мириам Мэтчем и ее подручные могут нести ответственность за убийство Лидии. Мы получим доказательства, что они ограбили «Хеммингс» и сбежали в ночь смерти Лидии, и у нас есть показания мисс Скримптон о подложности ее рекомендаций. Хотя, как ты прекрасно знаешь, показаний Дарси из Пемберли вполне достаточно, чтобы отправить Мириам Мэтчем и ее пособников на виселицу.

— Как ты считаешь лучше, папа. Ну-ка, присядь.

— Мы похороним Неда, как подобает моему брату. Другого у меня нет, Чарли, и я жалею, что не дал тебе брата, пусть даже незаконнорожденного. Но я был слишком горд, чтобы блудить, а ужасные поступки моего отца показали мне, что может произойти с людьми богатыми и знатными, когда они начинают скучать. Я выбрал парламент, у тебя есть твоя латынь и греческий, а потому нам не нужно идти по стопам Гарольда Дарси. — Он сухо усмехнулся. — К тому же я породнился через брак с семейством Беннетов — более чем достаточно, чтобы избежать скуки!

— Я начинаю понимать, почему ты был против изысканий Мэри, — сказал Чарли. — Ты боялся, как бы она не собрала сведения о Гарольде Дарси, если начнет копать в Шеффилде, ведь от Манчестера до него рукой подать. А что ты сделал с письмом Гарольда?

— Сжег его и никогда об этом не жалел. Мальчиком я его не терпел; возможно, потому-то он и привязался к Джорджу Уикхему, пресмыкавшемуся перед ним без всякого стыда. Думаю, Джордж ожидал, что ему будет завещана внушительная сумма, однако моего отца позабавило бы разжечь надежды Джорджа, а затем погасить их, да еще сведя все к приходу! Если кто-нибудь знал, насколько Джорджу претила сама мысль стать приходским священником, то это был мой отец. Он наслаждался жестокостями подобного рода. Впрочем, о темных делах моего отца Джордж ничего не знал, иначе я бы никогда от него не избавился. С твоей тетей Джорджианой у него ничего не вышло, и вот тогда, полагаю, его ястребиные глаза высмотрели мою любовь к твоей матери — иначе почему я уплатил его долги и принудил жениться на Лидии? Быть женатым на Лидии его вполне устраивало, поскольку позволяло торчать у меня под носом и обеспечивало, что я и впредь буду оплачивать его долги и долги Лидии.

— Большую часть того, папа, что ты сказал мне, придется также сказать маме, и с некоторыми подробностями о Лидии. Но только не о том, кто ее убил.

— Разумно! Это останется нашей тайной.

— Ну а про Гарольда Дарси?

— Может быть, но с умолчаниями.

— Да, папа. Объясни про Неда, кто он и что он, а также про некоторые гнусности Гарольда, однако не самые худшие. Но только я настаиваю, чтобы ты рассказал ей про свою клятву Гарольду касательно Неда и его родства с тобой. Она боялась и не терпела Неда, думая, что у него есть что-то против тебя и что втайне ты страдаешь из-за его власти над тобой. Надо доказать ей, что ты любил его братской любовью. Мама всегда понимала отношения, построенные на кровном родстве.

Фиц снова заплакал. Чарли обнял сгорбленные плечи отца, прижал его к себе. Сколько меняется, когда узнаешь, что полубог тоже человек!

— Я объясню маме. А более личное ты должен сказать ей сам, когда сможешь. — Ободренный таким смягченным и более доступным отцом, Чарли решил пойти ва-банк. — Ваших детей так огорчает, когда вы с мамой ссоритесь, но что даже больше огорчает — так это то, что мы могли бы кататься на коньках по льду между вами. Нельзя ли улучшить это положение?

— Не перегибай палку, Чарли. Спокойной ночи.

Измученный Фиц на следующий день проснулся в самый разгар утра и обнаружил, что Элизабет сосредоточенно пишет за столиком возле его кровати, но лицо, которое он увидел, было лицо Неда, и он очнулся с отчаянным криком:

— Нед! Нед!

Она тотчас положила перо и села на край кровати, взяв его за руку.

— Тс-сс, Фиц. Это я, Нед обрел покой, ты помнишь?

Конечно, он помнил, теперь, когда сон рассеялся, но не сумел остановить слезы.

— О, Нед, Нед! Как мне жить дальше без Неда, Элизабет!

— Наверное, как я, будь это Джейн. Только время может заживить некоторые раны, но полностью — никогда. Я тяжело перенесла кончину моего отца и оплакивала его очень долго. Ты был тогда так мил со мной! А я выхаживала бедняжку Чарли, такого больного и слабенького... Фиц, разве не поразительно, как он вырос? Когда он пришел ко мне вчера вечером, я была... потрясена. Словно он отправился на поиски детей еще мальчиком, а

вернулся мужчиной. Даже лицо у него изменилось. Миловидность, так портившая ему жизнь, исчезла, испарилась без следа. Он очень, очень красив, но всякий намек на женственность абсолютно изгладился.

Он понимал, что она говорит, чтобы дать ему время успокоиться, но это горе не подчинялось светским правилам. Пройдет еще много дней, прежде чем он сумеет окончательно взять себя в руки.

— Как возликовала бы Каролина Бингли, если бы увидела меня сейчас, — сказал он, беря носовой платок, который она ему протянула.

— Значит, к лучшему, что я вышвырнула ее.

Он сумел выдавить бледный смешок.

— Да-да.

— Нед очень усердно трудился для тебя, — сказала Элизабет. — Джейн немного успокоилась теперь, когда она знает, кто убил Лидию. Чарли известил шеффилдских констеблей, и эта Мэтчем и ее сообщники будут арестованы. Если бы не упорство Неда, мы бы никогда этого не узнали. Я бы так хотела поблагодарить его и особенно — как моего брата. И Джейн тоже.

— Что ты пишешь? — спросил он, меняя тему. Говорить о Неде было слишком больно.

— Да просто списки для Мэри, она прямо помешалась на сиротских приютах. Надо было чем-то заполнять время, пока ты не проснулся.

Он застонал.

— Будут ли сиротские приюты более переносимыми, чем книга о бедах Англии?

— Пожалуй, нет, но только хуже всего Мэри без дела. Бедный Ангус! Он так безумно влюблен в нее, а она этого не замечает.

Он сел на кровати, утер лицо, высморкался.

— Я лег спать во всей своей грязи, и мне необходимо принять ванну. Ты не попросишь Мида приготовить ее? — Он посмотрел на нее с улыбкой. — Нам надо поговорить, но не сейчас. После похорон Неда, когда все войдет в колею. У нашего сына хватило наглости сказать, что наши дети устали кататься на коньках по льду между нами, и каким-то образом мы должны растопить этот лед. Через несколько дней. Хорошо?

— Да, — сказала она, вставая и отодвигая столик. — Оставляю тебя, милый, для твоей ванны.

— Я люблю тебя, Элизабет.

— А я тебя.

— Я сказал, будто жалею, что женился на тебе, только чтобы причинить тебе боль, вызвать хоть какой-то отклик. Ужасно, сказать такое!

— Потом, Фиц. А теперь — ванна.

Она одарила его чудесной улыбкой и вышла из комнаты, держа свои бумаги в одной руке.

Джейн и Мэри были в Розовой утренней гостиной, восхитительной небольшой комнате, предназначенной для дам.

— Фиц проснулся, — сказала Элизабет, входя. Она дернула сонетку. — Мне необходим кофе. Присоединяетесь?

Распорядившись подать три кофе, она села за стол, загроможденный бумагами.

— А где Китти?

— С Джорджи, — ответила Джейн. — Сегодня, как держаться по-королевски, я думаю. Или как быть очаровательной.

— Она, бесспорно, нуждается и в том и в другом, — фыркнула Мэри.

Разумеется, тема Неда Скиннера уже была разодрана в клочья, но воскресла, едва Элизабет присоединилась к ним.

— И подумать, что я его терпеть не могла, — сказала Джейн в десятый раз. — Все время, пока он вел свои расследования ради нас. Лидия теперь может упокоиться с миром, ее убийцы не уйдут от возмездия. Уильям говорит, что Англия вешает гораздо больше преступников, чем вся Европа взятая вместе, но их и следует вешать, раз они убивают ни в чем не повинных людей. Я только жалею, что отец Доминус не дожил, чтобы быть повешенным. Особенно после того, что он сделал с бедным Недом.

— Да, кстати, — сказала Мэри, устав от тирад Джейн на тему Лидии и повешений. — У тебя в Бингли-Холле, Джейн, собрались на лето восемь детей, а ты словно бы проводишь все свои дни и ночи в Пемберли. Они уже необузданны, точно дикари в джунглях. Во что они превратятся, когда ты наконец вернешься домой?

Джейн приняла невыносимо самодовольный вид.

— Ах, Мэри, милая, я разрешила все трудности, неотъемлемые от детей. Когда Лидия умерла, я послала за Каролиной Бингли. После оскорблений Лиззи она не могла переступить порог Пемберли, но ей так нравится проводить лето здесь, на севере. Она гостит у меня со следующего дня после похорон дорогой Лидии. Дети боятся ее до дрожи, даже Хью и Артур. Она их шлепает! Признаюсь, я и пальцем их тронуть не в силах — они выглядят такими раскаявшимися и обворожительными! Но с Каролиной это не проходит! Долой панталоны, и она их шлепает во всю мочь. Конечно, еще до первого шлепка они вопят, словно их убивают — просто при виде ее ручищ. — Джейн вздохнула. — Но должна сказать одно: они ведут себя гораздо лучше, когда за них берется Каролина.

— Она и старших шлепает? — спросила Мэри с любопытством.
— Нет. Наказывает тростью.
— А Присси?
— Заставляет ее часами расхаживать, балансируя книгу на голове, или упражняться в реверансах, или спрягать латинские глаголы.
— Значит ли это, что ты намерена остаться здесь? — вмешалась Элизабет.
— Нет, всего лишь, что я могу приезжать и уезжать, когда хочу. Каролина прямо-таки обожает дисциплинировать детей.
— И почему только это меня не удивляет? — сказала Мэри.

Присмотр за двадцатью девятью мальчиками и восемнадцатью девочками пришелся настолько не по вкусу пемберлийским слугам, что через неделю они взбунтовались.

— Я крайне сожалею, миссис Дарси, — сказал Элизабет изнемогающий Парментер, — но «Дети Иисуса» название неверное. «Дети Сатаны» было бы куда правильнее.

Элизабет поняла гораздо больше, чем сказал ее дворецкий, но решила казаться спокойной, не озабоченной.

— Боже мой! — сказала она безмятежно. — Объясните мне, что произошло, Парментер.

— Да все! — взвыл он. — Мы выполнили все ваши распоряжения, сударыня, вплоть до того, что закрыли ставни бального зала и уменьшили количество свечей. Мы достали со склада койки, предназначенные для дополнительных летних слуг, набили матрасы свежей соломой, накрыли их чистыми простынями, одеялами и покрывалами из хлопчатобумажной ткани. Старые стульчаки из детской были поставлены за ширму, которую дети тут же опрокинули. Все до единой игрушки были принесены с чердака и теперь валяются, разорванные на куски. Право, сударыня, упущено ничего не было! Мы поставили столы на козлах и скамьи, чтобы кормить их, разложили ножи, вилки, ложки. Стаканчики для лимонада. И какова благодарность за наши заботы? Бедлам, сударыня, клятву даю! Еда им не понравилась, и они разбросали ее повсюду. И они не пользуются стульчаками! Присаживаются, как бездомные собаки, чтобы справить нужду, а затем швыряют это в стены! Они стащили матрасы с коек и спали на полу среди луж... луж... предоставляю вашему воображению луж чего. Ах, сударыня, такая грязь! Наш прекрасный бальный зал погублен!

— Полагаю, они отказались мыться?

— Наотрез, сударыня. Даже отказались снять свои одеяния, которые

смердят до небес!

— Понимаю. В таком случае, Парменстер, запирайте каждую дверь и каждое окно в зале и не отпирайте их, пока я не приду и не отдам вам новые распоряжения.

И Элизабет удалилась на поиски сестер, но не прежде, чем побывала у мистера Мэтью Споттисвуда.

— Мэтью, мне все равно, чем вы заняты, будьте добры, оставьте это! — скомандовала она, врываясь в его кабинет.

Поскольку новость о происходящем в бальном зале уже давно облетела Пемберли, он и не попытался возразить, а только положил ладони на конторку и вопросительно посмотрел на Элизабет.

— Да, сударыня?

— Мне требуются двадцать самых крепких, самых рослых нянек, какие только имеются в Йоркшире. В Йоркшире, так как сильно сомневаюсь, что в Дербишире существуют няньки, достаточно рослые и сильные. Предложите им несметное богатство, чтобы они бросили любые свои занятия и отправились в Пемберли — я имею в виду вчера.

— Разумеется, миссис Дарси. Хотя я очень и очень опасаюсь, что и при несметных богатствах пройдет несколько дней, прежде чем я завершу их поиски, — сказал мистер Споттисвуд. (Глаза серьезные, губы сжаты в прямую линию, весь смех укрыт внутри.) — Полагаю, вы хотите, чтобы этим занялся я сам?

— Да! И начните с Манчестера! В случае неудачи — Ливерпуль.

Из сестер только Элизабет более или менее верно оценивала причины бедлама в бальном зале. Она не сомневалась, что до их водворения в Пемберли они были ближе к ангелам, чем обычные смертные дети. Зная это, все ожидали, что ангельское поведение останется прежним. Тогда как Элизабет увидела в прошедшей неделе свидетельство о новом страхе иного рода. Что в конце-то концов они знали о какой-либо другой жизни, кроме той, на какую их обрек отец Доминус? И многие годы любви, конечно же, намного перевешивают страх перед ним и Джеромом, возникший столь недавно. Будь я восьмилетним Ребенком Иисуса, думала она, торопливо шагая по сногшибательным раззолоченно-кремовым коридорам Пемберли, как бы я восприняла, что орава мужчин уволокла меня из единственного известного мне дома, а потом была бы заключена в чуждом мне и непонятном мире? Полагаю, я выражала бы свой протест любым доступным мне способом. А мы — Мэри, Китти, Джейн и я — приветили их, когда они были привезены? Нет и нет. Мы поступили, как поступают

все женщины нашего круга — ждем, чтобы слуги почистили бы их, убрали бы за ними. Но слуги... сами себе закон! Если им претит порученная работа, они срывают досаду на беззащитных. В данном случае на самих Детях Иисуса. Ни одна челядинская рука не угрожала им, но сказать того же о челядинских языках никак нельзя. На них орали, визжали, сыпали бранью. Я знаю это, я знаю это.

Ну, поклялась она, когда впереди замаячила нужная дверь, пора все это изменить. Не подслащиванием, не лаской. Они к этому еще не готовы. Но властью, какую они почувствуют в новых людях, как чувствовали ее в отце Доминусе. Наставлениями, нацеленными на то, чтобы научить их, как жить дальше. Мы спасли их не для того, чтобы вышвырнуть в мир без руля и нищими. Иными словами, наша обязанность — начать их образование здесь и сейчас.

Джейн, Мэри и Китти мирно беседовали в Розовой гостиной. Длилось это ровно до того мгновения, когда туда вихрем влетела Элизабет.

— Джейн, — сказала она гневно, — это все твоя идея, а потому не ссылайся на то, что твоя чувствительность и тонкость натуры извиняют твое неучастие! Китти, сними это легкомысленное подобие платья и надень что-нибудь, сшитое из матрасной ткани. Сию же минуту, ты меня слышишь? Мэри, поскольку ты ответственна за появление Детей Иисуса в Пемберли, обрати свои страхолюдные способности на благие цели!

Все три сестры смотрели на нее, разинув рты, вытаращив глаза.

— Я польщена, что меня считают страхолудной, Лиззи, но я понятия не имею, что ты считаешь благими целями, — сказала Мэри. — Прошу, объясни, что произошло? Что-то ведь произошло?

— Дети Иисуса... Дети Сатаны, называет их Парменстер, ведут себя хуже дикарей. Мои слуги в полной растерянности, и, если мы четверо не подадим добрый пример, мне придется искать десятки новых слуг, начиная с дворецкого, — ответила Элизабет сквозь зубы.

— Господи! — прохныкала Китти, бледнея. — У меня нет платьев из матрасной ткани, Лиззи.

— Джейн, если ты заплачешь, клянусь, я отшлепаю тебя и покрепче, чем Каролина Бингли шлепает твоего маленького миленького Артура, отвратительнейшего мальчишку! Встретьте меня у парадного входа в бальный зал через полчаса, одетые для войны.

— Нет, право, Лиззи скрылась в клубе дыма, — сказала Мэри, чуя вызов и подбодряясь. — Что же, девочки, без споров! Китти, если у тебя нет платья, за которое ты заплатила меньше двухсот гиней, советую тебе занять платье у какой-нибудь младшей горничной. Я бы дала тебе свое, но

ты в нем будешь спотыкаться.

Джейн вскочила на ноги вне себя от ужаса.

— Мне хочется заплакать, но я боюсь! — простонала она.

— Отлично! — сказала Мэри с удовлетворением. — Китти, пошевеливайся!

Элизабет ждала их, нагруженная белыми накрахмаленными фартуками и четырьмя гибкими тростями. С кремневым лицом она раздала три трости, а одну оставила себе.

— Надеюсь, их будет достаточно только показать, — сказала она, вынимая большой ключ из кармана широкого фартука, который Китти в последний раз видела на миссис Торп, младшей экономке. — Наденьте, пожалуйста, фартуки. Сейчас явятся лакеи с совками, вениками, щетками, тряпками, ведрами мыльной воды и швабрами — по крайней мере им лучше явиться! Если верить Парментеру, стены внутри изукрашены всем, начиная от кушаний и кончая экскрементами. Мэри, в этой вылазке ваш командующий — я, понятно?

— Да, Лиззи, — сказала Мэри, безоговорочно подчинившаяся.

— Ну, так начнем. — Элизабет вставила ключ в замок, повернула его и открыла дверь.

Им в ноздри ударил четкий запах экскрементов, но прошло слишком мало времени, чтобы комья пищи успели протухнуть, не малое благо! Большое число чего-то вроде бурых свертков скользило и елозило на паркете, натертом до блеска для танцев. Ни единый из свертков не обратил внимания на вторжение женщин, что дало Элизабет время закрыть и запереть дверь, а затем вернуть ключ в карман.

По неизвестной ей причине Парментер поставил очень большой обеденный гонг у самой дверной арки. Фиц привез его из Китая, пленившись тонкой чеканкой бронзы, — только для того, чтобы обнаружить, что Парментер не пожелал расстаться со своим старым гонгом и «потерял» новый. Едва ее взгляд упал на гонг, Элизабет улыбнулась с искренней радостью и ударила тростью по его гравированной поверхности.

БУ-УУ-МММ! Когда отголоски этого громового удара замерли, наступившая тишина была идеальной. Каждый бурый сверток замер на половине скольжения.

Элизабет рассекла воздух тростью для порки, пугающе свистнувшей, и вышла на середину зала, старательно избегая наступить на что-либо подозрительное.

— Снимите свои халаты! — прогремела она.

Они поспешили скинуть одеяния, продемонстрировав, что отец Доминус не верил в нижнее белье. Или в мытье. Или в тряпки для подтирания задниц. Их коже следовало быть белее молока, но она была тускло-серой с зигзагами под мышками и в паху, где они потели, трудясь.

Другой ключ повернулся в замке, внутрь вошли десятеро лакеев с принадлежностями для отмыwania пола и стен.

— Благодарю вас, — сказала Элизабет. — Поставьте их — я пригляжу за тем, что надо будет сделать тут. Герберт, будьте добры, соберите все жестяные лохани, какие имеются в Пемберли. Если их окажется недостаточно, займите в деревне. Удостоверьтесь, что прачечная сможет в нужное время обеспечить достаточно горячей воды, чтобы наполовину наполнить каждую. К ним мне потребуются парижское мыло, губки и мягкие щетки для мытья. — Она повернулась от Герберта с деревянной физиономией к равно ничего не выражающему Томасу. — Томас, пусть кто-то на быстрой повозке немедленно отправится в Манчестер и купит тридцать пар кальсон, панталон, рубашек и курточек по размеру подходящих для десятилетнего мальчика. А также двадцать пар штанишек, нижних юбочек, платьев и кофточек, по размеру подходящих для десятилетней девочки. Обувь может подождать. Я хочу, чтобы одежду доставили сюда вчера, будьте так любезны.

Как верно, подумала Элизабет, сохраняя лицо суровым, что люди, если их раздеть, чувствуют себя нестерпимо уязвимыми. Жуткие звереныши минуту назад теперь глина, готовая для лепки. Она вновь свистнула тростью.

— Теперь, мисс Мэри, мисс Китти и мисс Джейн покажут вам, как чистить и мыть пол. Мисс Мэри возьмет пятнадцать мальчиков, мисс Китти пятнадцать девочек, а мисс Джейн всех остальных. Леди, отсчитывать придется вам, так как дети считать не умеют. Я намерена наблюдать за всеми, но мне нужна помощница. Камилла, пожалуйста, подойди сюда. Быстрее!

Мэри без задержки отсчитала своих пятнадцать мальчиков, а Китти от облегчения, что унаследовала девочек, тоже не замешкалась; медлила лишь Джейн, пока не навлекла на себя угрожающий взгляд.

— Как ты называешь желтую воду, которая течет из твоего тела? — спросила Элизабет.

— «Писи», мисс... мисс...

— Мисс Лиззи. А как ты называешь коричневые колбаски, которые выходят из твоего тела?

— «Каки», мисс Лиззи.

— Благодарю тебя. — Элизабет выпрямилась. — Внимание! — рывкнула она так похоже на мисс Сэкбатт меритонских школьных дней, что ее сестры подпрыгнули и задрожали. — Камилла, подтолкни этот стульчик с дырой в сиденье вот сюда, пожалуйста.

— Ну, мне известно, — завопила она, — что отец Доминус никогда не позволил бы вам пикать и какать где попало в его пещерах! Так почему вы относитесь к этой красивой комнате с меньшим уважением? Называется он стульчак, а под дырой стоит ночной горшок для писей и каков. Теперь вы будете пользоваться моими стульчаками — и содержать их в полной чистоте! Если нет, я вытру вашими носами ваши писи и каки! А потом шесть раз хлестну этой тростью! Вы поняли?

Каждая грязная головенка кивнула.

— Великолепно! В будущем эти стульчаки будут стоять снаружи на террасе под навесом на случай дождя. Вы будете укрыты для своих отправок. А пока вы очистите эту комнату от кушаний, писей и каков. Мисс Мэри, мисс Китти и мисс Джейн покажут своим группам, как это делать, а делать это надо как следует. Сначала совки, чтобы собрать все плотное, затем будете оттирать, вытирать и швабрить. За дело!

Пока они трудились, Элизабет выбросила бурые одеяния на террасу и велела Герберту проследить, чтобы их унесли и сожгли. Стульчаки были поставлены под навес, после чего командующий навела справки у Камиллы о еде.

Детским меню занялся пемберлийский шеф-повар самолично — большая ошибка. Тереза стряпала на пятьдесят с лишним ртов, но ее единственным инструктором был отец Доминус. Тогда как деспот пемберлийской кухни впадал в истерику, если один из его соусов оказывался перемасленным или, хуже того — недомасленным. Элизабет послала за мистером Парментером.

— Поручите кому-нибудь из младших поваров готовить простую еду, — распорядилась она. — Абсолютно никакого вина, экзотической зелени или любых других приправ, меняющих вкус. Жаркое, тушеное мясо, супы, немножко курятины, чтобы познакомить их с чем-то еще, кроме говядины. На десерт тарталетки, пудинги, желе. Простой хлеб, но его побольше. Блюда вроде яичницы с беконом ограничьте завтраком. И для начала режьте все на мелкие кусочки. Эти несчастные дети не умеют пользоваться ножами и вилками. Пить им давайте некрепкое пиво, они к нему привыкли.

Все это не шло ни в какое сравнение с мытьем каждого ребенка.

Элизабет нарочно выбрала для начала одного из самых маленьких мальчиков по имени Уильям. На вид ему было годика четыре.

— Ах, какой очаровашка! — прошептала Джейн с влажно заблестевшими глазами. — Такой милый маленький человечек!

— Рада, что он тебе понравился, — сказала Элизабет. — Тебе достанется честь погрузить Уильяма в первую ванну в его жизни.

К тому времени, когда горячую воду донесли до бального зала, она была идеальной температуры для мытья, теплой, но не чересчур. Куски мыла были из Парижа и пахли жасмином; губки были из Красного моря, и выжимаемые из них струйки упоительно щекотали спину. Надежно офартученная, предвкушая удовольствие Уильяма, Джейн подхватила его на руки и опустила в неглубокую жестяную лохань.

Конец тихой умиротворенности! Уильям испустил вопль ярости, впился зубами в ребро ладони Джейн и доказал, что способен ходить по воде.

— Мэри, мне кажется, Джейн нуждается в помощи, — сказала Элизабет.

— Ничего подобного! — пробурчала Джейн, стиснув челюсти. — Я справлюсь с маленьким чудовищем! — Хлоп! Рука Джейн опустилась на бочок Уильяма. — А теперь сядь в воде и не дергайся, сатанинское ты отродье!

К этому моменту Мэри уже боролась с Тимми, а Китти обнаружила, что девочки точно так же противятся испытанию водой и мылом. Ничтоже сумняшеся Элизабет ухватила Камиллу и опрокинула в свободную лохань, держа наготове щетку, чтобы оттереть слои грязи, накопившейся за одиннадцать лет.

Миссис Торп, которая задержалась, чтобы собственными глазами увидеть победу миссис Дарси, привела на подмогу десяток дюжих горничных, и, мало-помалу, дерясь, визжа и сопротивляясь на протяжении всей процедуры, сорок семь Детей Иисуса приняли свою первую ванну. К тому времени, когда мытье завершилось и вопящие дети были завернуты в полотенца из сурового полотна, взрослые женщины успели промокнуть насквозь.

Впереди предстоял ужас объяснения детям, как надевать нижнее белье, не говоря уж об остальных слоях одежды, установленных обществом. Они требовали свои одеяния и безутешно их оплакивали, но пещеры остались в прошлом, как и их одеяния.

Предвидя грядущие беды, Элизабет взяла Уильяма за руку и показала ему, как спустить кальсоны и панталончики (он в них тонул), прежде чем

сесть на стульчак, и дала мальчикам индульгенцию уходить в сад и мочиться там. В результате девочки возмутились против такой дискриминации, что потребовало лекции о необходимости сесть, чтобы помочиться, тогда как для мальчиков ее не существует.

— О-ох! — простонала размоченная Элизабет, откидываясь в кресле в Розовой гостиной и жадно прихлебывая чай. — Только сейчас я поняла, до чего мы привилегированны. Мы рожаем столько детей, сколько посылает Бог, но мы поручаем их нянькам и не видим их дурных сторон, не говоря уж, чтобы возиться с писями и каками.

— Да, этот день должен научить нас, что такое растить детей без слуг, — сказала Мэри, пережевывая кекс.

— Однако, — сказала Китти, — Дети Иисуса ведь особенные, разве нет? Их ни к чему не приучали, тогда как, думается, даже самая нищая мать старается избегать того, чего мы насмотрелись сегодня. И по-моему, ее старшие дети помогают ей с младшими и с младенцами.

— Прекрасно сказано, Китти! — Мэри налила себе еще чаю.

— И отлично сделано, девочки, — тепло сказала Элизабет. — Наши труды не завершены, но самый плохой день уже завершился сегодня. К тому времени, когда сюда придут двадцать нянек, которых я просила Мэтью нанять, мы уже привьем нашим подопечным некоторые необходимые навыки. — Она встала. — Чай был первоочередной необходимостью, но теперь я пойду в свою комнату, лягу, вздремну и переоденусь к обеду, приняв ванну!

— Никогда не произноси при мне это слово! — вскричала Джейн, содрогнувшись. — Только подумать, что я шлепнула ребенка!

— Да, ты будешь долго страдать, куда дольше, чем он, — сказала Мэри злоехидно.

Херес или мадера в Комнате Рубенса вернули дам к некоторому подобию самих себя; Китти, пересказывая происходившее в бальном зале, доказала, что рассказчица она очень даже искусная, и джентльмены сгибались пополам от смеха.

— Одна только Лиззи, казалось, предвидела, что произойдет, — заключила Китти, с лихорадочной любовью опустив взор на свое перламутрово-кружевное платье. — Она велела мне надеть платье из матрасной ткани. И через десять минут в бальном зале, как я жалела, что у меня такого нет! Впрочем, я надела жутко старое из льняного батиста, а потом отправила его сжечь. Больше ни на что оно не годилось, уверяю вас.

— Я понимаю, — сказала Мэри, — что содержать детей в бальном зале много дольше никак нельзя. Меня радует, что дух их сломлен не был и что они бормочут «свет Люцифера» и «тьма Бога», как бессмысленный набор ханжеских слов. То есть их никогда не муштровали в Космогенезисе. Однако я вовсе не это хотела сказать, а что, пока сиротский приют для них не построен, их следует поместить в каком-нибудь подходящем месте. Я не настолько глупа, чтобы думать, будто подходящие дома вырастают за ночь, наподобие поганок. Ангус, вас отличает редкий здравый смысл. Что вы предложите?

— Мне нечего предложить, — сказал он, растерявшись.

— Фиц, вы член парламента и, значит, должны знать хоть что-то. Что вы предложите?

— Использовать «Хеммингс», поскольку срок моей аренды истечет еще не скоро. Я уже распорядился, чтобы Мэтью нанял плотников соорудить двухъярусные кровати в трех спальнях — одна для девочек, две для мальчиков. Так что останутся три спальни для нянек, если вы согласитесь на каких-то девять вместо двадцати. Большая гостиная отлично подойдет для классной комнаты, малая — для учительской. Столовая вместит всех детей разом на скамьях за столами наподобие трапезных. Две учительницы будут жить в коттедже, прислуга на чердаке. И так далее, и тому подобное.

— Блестяще, папа, — сказал Чарли, ухмыляясь.

— Значит ли это, Фиц, что вы построите приют? — лукаво осведомился Ангус, пока дамы слушали, затаив дыхание.

— А есть ли у меня выбор? Но я выбью пожертвование у Чарльза Бингли, не сомневайтесь! Я нашел восемь акров, не пригодных ни для пахоты, ни для пастбы по эту сторону Бакстона и почти на полпути между Пемберли и Бингли-Холлом. Однако мы раскинем сети достаточно широко, чтобы поймать еще пятьдесят трех детей, и построим приют на сто детей. — Он кашлянул и поглядел на дам с виноватой усмешкой. — При обычных обстоятельствах я отнесся бы к столь большому учреждению с моим врожденным скептицизмом, не сомневаясь, что сотрудники займутся растратами, а может быть, будут подвергать детей дурному обращению. Однако, раз наши дамы будут надзирать за каждым чихом и шмыганьем, сомневаюсь, что кто-либо посмеет выйти за рамки.

— Превосходная новость, Фиц, — сказала Мэри, крайне довольная.

— Как вы говорите, Мэри, члены парламента должны годиться хоть на что-то.

Следующие три дня Ангус Мэри не видел; все ее время было отдано детям, потому что найти даже девять нянек за такой короткий срок оказалось нелегко.

Это нечестно, сказал он себе; в дни, пока она жила в Хартфорде, я видел ее чаще, чем здесь в Пемберли. Она все время занята каким-нибудь делом, включая этих чертовых детей — и притом, что во всем ее теле не найти ни единой косточки материнства! Джейн занимается ими, тая от чувствительности, Китти — потому что подчиняется нажиму, а Элизабет — потому что единственная из них, она истинная мать. Но Мэри занимается ими из-за своего колоссального чувства долга — да есть ли вообще доступ любви в ее жизнь? В эту минуту я склонен думать, что нет. Она добрая, но не любящая.

Жертва хандры и нетипичной усталости, он был выдернут из того, что угрожало превратиться в трясину жалости к себе, появлением его возлюбленной, которая сбросила фартук и потребовала, чтобы он повел ее проветриться.

— Потому что я устала от писей и каков, — объявила она, когда они вышли из дома и направились к любимой полянке Мэри, которая была и любимой полянкой Элизабет.

— Детские словечки тягостны, — сказал он.

— Как и человеческие отходы, — парировала она и скрипнула зубами. — Я нахожу, что настроена больше на перспективу обучения их грамотности и арифметике, чем на сюсюканье и стирку. Как могут они пугаться чего-то столь восхитительного, как вода?

— Вы находите ее восхитительной, потому что не помните, когда ваша няня искупала вас впервые, — сказал он, обретая чудесное настроение только потому, что был с ней.

— Их обучение следует начать как можно скорее. Если не ошибаюсь, в Манчестере есть склад, торгующий партами, грифельными досками, карандашами, мелками, классными досками, тетрадями и тому подобным. — Она выставила подбородок с воинственным видом. — Теперь, когда мне не надо оплачивать издание моей книги, у меня денег вдосталь... Да, я оставила всякую мысль о написании книги. Прежде чем ходить, надо научиться ползать, а где лучше ползать, как не в классной комнате? Одним из самых нестерпимых аспектов детства в Лонгборне было нежелание папы видеть нас образованными. А потому нас отправляли в меритонскую школу научиться читать, писать и считать, но после этого у нас даже не было гувернантки. Будь она у нас, возможно, Китти и Лидия не были бы столь необузданно легкомысленными, а я — такой педанткой.

Дочерям джентльменов положены гувернантки. А вместо этого папа тратил деньги на свою библиотеку, мамины платья и наш обеденный стол.

Ангус в ошеломлении уцепился за наиболее конкретный факт в этих доверительных признаниях:

— Могу я задать вам вопрос, Мэри?

— Конечно, можете.

— Оплачивать издание? Вот что вы планировали сделать, закончив вашу книгу?

— Да. Я знала, что это обойдется во много тысяч... практически во все мои деньги.

— Мэри, глупая вы цыпочка! Во-первых, если издатель знает, что вы готовы оплатить опубликование своей книги, он заберет все ваши деньги до последнего фунта. Ни в коем случае нельзя платить за издание книги! Если она заслуживает чтения, издатель будет готов взять расходы по опубликованию на себя. По сути он делает ставку на автора — что книга привлечет достаточно читателей, чтобы принести доход. Если она принесет доход, он выплатит вам так называемый гонорар с каждого проданного экземпляра. Гонорар обычно равен небольшому проценту цены книги. — Он свирепо посмотрел на нее. — Глупая вы цыпочка! Значит, вы скряжничали и экономили каждый пенс в своих поездках из-за вашей книги?

Восхитительная розовость залила ее щеки; она понурила голову, видимо, не имея ничего против, что ее определяют, как глупую цыпочку.

— Я хотела, чтобы ее опубликовали, — сказала она ворчливо.

— И чуть было не были убиты! Встряхнуть бы вас хорошенько!

— Прошу, не сердитесь.

Он бешено замахал руками.

— Нет, я не сержусь! Ну, самую чуточку. Ох, Мэри, вы доведете здорового умом трезвого человека до безумия и бутылки!

Наблюдать Ангуса в таком исступлении было увлекательно, но также вызывало ощущение внезапной беспросветной паники в ее внутренностях — что, если однажды она настолько его рассердит, что он уйдет? — она сглотнула и попятилась от этой мысли.

— Вы не смогли бы отвезти меня в Манчестер для нужд классной комнаты? — спросила она.

— Конечно, но не завтра. На случай, если вы забыли, завтра мы хороним бедного Неда Скиннера.

— Нет, я не забыла, — сказала она тихим голосом. — О, а мы рассмешили Фица и Чарли.

— И тем самым оказали им добрую услугу. Смерть всегда рядом с нами, Мэри, и вы это знаете. Все, что облегчает горе, пусть на минуту, истинное благо. Пока Нед лежал в гробу, ожидая признания, которого он не мог получить при жизни, вы и ваши сестры заботились о тех, кого он спас. Он бы не мог не одобрить ваши заботу и усердие. В каком-то отношении они же ЕГО дети.

— Да, вы правы.

В молчании они дошли до полянки, где солнце, стоящее прямо над головой, превратило воду в ручейке в золотой слиток, но искрящийся бриллиантами там, где она подпрыгивала на камнях.

Мэри ахнула:

— Ангус! Я только сейчас вспомнила!

— О чем? — спросил он опасливо.

— Отец Доминус сказал мне, что спрятал клад золотых брусков. Я знаю, пещеры обрушились, но, как вам кажется, не смогли бы вы поискать это золото? Только вообразить, сколько приютов можно на него построить!

— Не так много, как вы полагаете, — сказал он прозаично. — К тому же старый негодяй должен был украсть его у правительства. На каждый слиток — таково правильное название бруска золота — ставится метка его владельца, и владельцем этим почти неизбежно оказывается правительство.

— Нет, он сказал, что отливал их из монет и оправ украшений, которые вручал ему какой-то еще более страшный злодей. Он расплавлял золото и отливал слитки сам. Ничего больше мне не известно, однако оно безусловно было добыто преступным путем.

— Думаю, он втирал вам очки.

— Он сказал, что каждый слиток весит десять фунтов.

— Значит, поскольку это золото, они невелики. Золото, Мэри, весит очень много, и десятифунтовый его слиток размерами далеко уступает обычному кирпичу, уверяю вас.

— Пожалуйста, Ангус, пожалуйста! Обещайте мне, что поищете!

Как он мог отказать?

— Хорошо. Обещаю. Но не питайте надежд, Мэри. Чарли, Фиц и я отправляемся проверить, не произошло ли нового оседания, а также обследовать холм. Если мы найдем какое-то золото, то предъявим права на него от лица Детей Иисуса. Они, подозреваю, будут иметь право на немалый процент от любой находки. Если так, то можно будет доказать, что подлинный собственник — не правительство.

Ее лицо приняло воинственное выражение.

— О нет! Нельзя, чтобы золото получили дети. Они потратят его на

всякие ненужности, как любые бедняки, на которых свалится нежданное богатство. Счастье, построенное на песке. — Ее грудь вздымалась в экстазном вздохе. — Только подумайте, Ангус! Вдруг мое заключение имело божественную цель: извлечь из земли дурнонажитое золото и обратить его на обеспечение бедняков истинными благами — здоровьем и образованием.

— Она категорически решила, — сказал Ангус Фицу, после того, как Нед Скиннер был погребен.

— Если этот клад существует, Ангус, отец Доминус не накопил его, продавая снадобье от импотенции, каким бы успехом оно ни пользовалось. Золото может быть обретено нечистым путем, но откуда и от кого? Правительство действительно отправляет морем грузы золотых монет в различные порты страны. Но на моей памяти или памяти других членов парламента ни один корабль ограблен не был. Вот почему я сомневаюсь в этой истории. Однако мне известен человек, который мог бы накопить столько, и добытое исключительно преступлениями. Человек давно умерший и, насколько я знаю, никак с отцом Доминусом не связанный. Однако правда, что после смерти этого человека его преступно нажитые сокровища нигде отыскать не удалось, кроме драгоценных камней, выковыранных из оправ.

Выражение на лице Фица возбуждало вопросы... как ни жаль. Кто из людей, известных Фицу, обладал подобным складом ума и характера? Многослоен, как французский бисквит, наш Фиц. Изменившийся радикально, но к лучшему.

Когда он сказал Ангусу, что откажется от премьерства, Ангус был потрясен.

— Фиц, вы жаждали этого всем сердцем и душой! — вскричал он.

— Да, но до всего произошедшего. Некоторые секреты я унесу с собой в могилу. Хотя этим летом я глубоко полюбил вас и начал уважать даже больше, чем прежде, и, надеюсь, мы станем свояками. Мы, Дарси, пользовались кристальной репутацией и будем дальше хранить ее кристальной. Стань я премьер-министром, то мог бы поддаваться искушению употреблять мою власть не всегда безупречно. Ну, и я не намерен пойти по такой дороге. Я не буду претендовать на этот пост, о чем известил людей, поддерживающих мою кандидатуру. Сожалею, если ввел вас в заблуждение, дорогой Ангус, но более всех я вводил в заблуждение самого себя.

— Да, я понимаю, Фиц.

С тех пор прошло несколько дней. Теперь это было золото, спасибо Мэри, а она, в своей стихии, ездила взад и вперед в Макклесфилд в поисках учительниц и нянек.

Теперь, когда они узнали о существовании водопада, Фиц припомнил, что видел его, охотясь на оленей, и стало проще понять, каким образом отцу Доминусу удавалось прятать Детей Иисуса от посторонних глаз. Едва ли один англичанин на тысячу умел плавать, а потому заводи и водопады воспринимались как феномены, которыми восхищаются издалика — даже поэты, писатели, художники и прочие им подобные чудаки. Чарли был слишком легок, чтобы ездить на Юпитере, а потому его отец взял коня себе, и тот принял его с радостью. Вероятно, подумал Чарли, у папы тот же запах, что был у Неда, или та же посадка, несмотря на разницу в весе... Кто знает тайны животных?

В хаосе камней и валунов виднелись свидетельства прежнего обитания — бутылки, жестянки, ярлыки, плавающие на тихой поверхности заводи. Они рискнули войти внутрь, но Фиц не хотел снова увидеть место, где Нед лежал столько часов, и они его избегали.

Самое гнетущее открытие поджидало их в пещере, ответвляющейся от лаборатории. Колоссальные груды обрушившихся камней были уже настолько привычными, что все трое уверенно лавировали в этом хаосе; неделю и более спустя после взрывов новые обрушения представлялись маловероятными, тем более что погода держалась по-прежнему сухая — даже в Манчестере не шли дожди.

Запах разложения пропитал воздух внутри лаборатории, запах, подтолкнувший Ангуса более внимательно обследовать стену сбоку от ниши с топкой. За валуном он обнаружил туннель, который уцелел. Пропуская мимо ушей предостерегающие крики Фица и Чарли, он вошел в него. Через десять футов туннель вывел его в еще одну большую каверну, от которой теперь мало что осталось. Здесь смрад был почти нестерпимый, распространяемый трупами ослов.

Любопытство взяло верх над опасливостью Фица и Чарли, но никому из троих не хотелось задерживаться тут.

— Бедные твари сдохли от ушибов или были частично завалены, — сказал Ангус. — Многие, вероятно, погребены целиком.

— Во всяком случае, это объясняет нам, как отец Доминус доставлял сюда свои припасы, — сказал Фиц, направляясь назад в лабораторию. — Ослиный караван! Учитывая, что многих приходилось нагружать всяким ослиным кормом, сколько же их было у отца Доминуса?

— Минимум пятьдесят, — предположил Ангус. — По одному на каждого обитателя пещер, и еще несколько вдобавок. Интересно бы узнать, где он делал покупки. Наведу справки хотя бы только, чтобы удовлетворить мое любопытство. Ставлю на Манчестер.

— Их вели дети? — спросил Чарли.

— Быть может, иногда, если он использовал нескольких для доставки медикаментов, но, судя по тому, что говорила Мэри, думается, обычно брат Джером управлялся в одиночку, привязывая их друг к другу.

— Мэри не слишком много рассказывает о пережитом ею здесь, — сказал Фиц, нахмурившись.

— Да, бесспорно. — Ангус погасил свой факел и вышел на свежий воздух. — Признаюсь, я не понимаю хода ее мыслей. Большинству женщин не терпится описать свои приключения до мельчайших подробностей, но она как будто не доверяет, что мы разделим ее точку зрения. Подозреваю, причина в детстве и юности, проведенных в гнетущей обстановке.

— Ангус, поздравляю вас! — воскликнул Чарли, просяив. — Чтобы истолковать это верно, вы должны действительно ее любить! В лонгборнские дни папа Мэри был единственным мужским влиянием в ее жизни, а он ее не терпел. По-моему, это привило ей недоверие к мужчинам вообще. Она же, понимаете, так умна, что ей претит общепризнанное превосходство мужского пола.

Все эти философствования были слишком чужды Фицу, чтобы их терпеть. Фыркнув, он сказал:

— Если старик припрятал тут какое-то золото, оно погребено на вечные времена. Давайте поднимемся на холм и поглядим, что еще обвалилось.

Поверхность холмов испещряли круглые вмятины и длинные впадины там, где ниже произошли обвалы, но, взобравшись выше, они увидели кусты, которые не росли бы тут, занимайся их посадкой Природа.

— Погляди, папа, — сказал Чарли, вырвав куст с корнем. — Тут круглая дыра. Она уходит далеко вниз и сужается.

— Вентиляционные колодцы, — сказал Фиц. — Свет они пропускают незначительный.

Чем выше они поднимались, тем меньше свидетельств обвалов им попадалось, а вблизи скалистой вершины уже не было ни вмятин, ни впадин, хотя кусты росли и тут, пряча дыры. В одном из кустов они обнаружили тушку овцы и решили, что отец Доминус нес тут дозор, чтобы убирать погибших овец, прежде чем их найдут пастухи. Что могло создать

холму дурную славу среди пастухов, и они предпочитали пасти свои отары подальше от него.

— Не понимаю, — сказал Ангус, когда они остановились перед очередным кустом. — Он прятал тут около пятидесяти детей, а ведь мог бы разместить их и тысячу, судя по вентиляционным колодцам. Зачем тратить время на эти верхние пещеры... или они всего лишь туннели? Если туннели, у него должна была быть какая-то причина.

— Мы никогда не узнаем, Ангус, что им двигало, — сказал Фиц со вздохом. — Мы даже не знаем, как долго он был безумен, сверх того, что он сказал Мэри про снизошедшее на него озарение в тридцать пять лет. Бесспорно, он сохранил свои таланты аптекаря, а они были немалыми, иначе его панацеи не исцеляли бы, а они, мы знаем, исцеляли. Полагаю, Мэри не сказала нам всего, что ей известно об отце Доминусе — вспомните, как нескоро она упомянула о возможности, что он прятал золото. Где-то на протяжении его жизни у него, несомненно, было какое-то дело или лавка, а в какое-то другое время у него должен был быть доступ к золоту — если верить Мэри.

— Нет! — отрезал Ангус. — Если верить отцу Доминусу!

— Прошу прощения.

— Очень увлекательно строить догадки о жизни старикана, — сказал Чарли в роли миротворца. — Что, если одно время у него таки была аптека, жена, дети, а если так, что произошло с ними? Умерли ли они во время какой-нибудь эпидемии, предоставив ему сойти с ума? — Он засмеялся. — Из этого получился бы отличный трехтомный роман.

— Может быть, они все еще живы и гадают, что могло приключиться с их дорогим папочкой, — сказал Ангус с ухмылкой.

Чарли выдернул последний куст на холме.

— Я спущусь и погляжу, — сказал он, заглянув в дыру. — Эта пошире. Я пролезу.

— Но не без веревки и факелов, — сказал Фиц.

— Вообще нет! — вскрикнул Ангус.

Но Чарли уже бежал вниз с холма.

— Фиц, вы должны остановить его.

Взгляд красивых темных глаз обрел ироничность.

— Знаете, Ангус, вам пошло бы на пользу стать отцом трех-четырех детей. Уверен, Мэри это вполне по силам, так что, пожалуйста, не позволяйте ей засохнуть на лозе. Леди Кэтрин де Бэр родила Анну в сорок пять лет. Согласен, Анна никак не свидетельство в пользу поздних детей, но она доказала, что это... э... возможно. Мэри же едва исполнилось

тридцать девять.

Пунцовый Ангус буркнул в ответ что-то нечленораздельное, рассмешив Фица.

— Я просто говорю, друг мой, что иногда необходимо отвязывать помочи, как бы ваше сердце ни вопияло против. Я позволю Чарли исследовать колодец, как это ни опасно. Просто буду стоять тут и молиться всем известным мне богам.

— Ну, тогда и я буду молиться.

Чарли вернулся, ведя на поводу Юпитера, нагруженного веревками, факелами, мешками.

— Папа, этот чудесный конь безупречен во всем! Эх, будь я потяжелее! Тогда бы ты его не заполучил. И такой кроткий!

— Ты никогда бы не получил его, Чарли. Он — моя последняя связь с Недом.

Фиц обвязал конец длинной веревки вокруг пояса, поставив Ангуса в трех футах перед собой; вместе они принимали тяжесть на себя, пока Чарли спускался в глубину с факелом в одной руке и трутницей в другой. Тридцать футов — и веревка неожиданно ослабела. Чарли достиг дна пещеры пока благополучно.

— Не очень глубоко, — донесся его голос, приглушенный, но различимый. — Предпоследняя пещера, довольно маленькая. По-моему, приют отца Доминуса: стол, стул, конторка, еще стул и кровать. Смахивает на монашескую келью, пол даже камышовой циновкой не застелен. Два отверстия, почти напротив друг друга. Тут внизу полагаться на чувство направления рискованно, но сначала я обследую незанавешенное отверстие.

— Чарли, будь осторожен! — вырвалось у Фица.

Они с Ангусом ждали словно бы целую вечность.

— Это просто туннель, ведущий вниз, — наконец донесся голос Чарли. — Второе занавешено черным бархатом, метущим пол, точно он хотел отгородиться от всякого света. Я иду туда.

— Надир отцовства, — сказал Фиц сквозь зубы. — Поберегитесь, Ангус. Никто не способен избежать этого.

Они вновь ждали, онемев, напрягая слух в надежде на голос Чарли, страшась громового рокота.

— Ого, папа! Потрясающе! Думается, храм отца Доминуса его Богу. Полнейшая чернота. Тащите меня наверх.

Появившийся из дыры Чарли был весь в пыли и паутине, без факела и трутницы, оставшихся внизу. Он улыбался до ушей.

— Папа! Ангус! Я нашел золото Мэри! Храмовая пещера очень тесна и совсем круглая. Изучение классиков не прошло даром: они подсказали мне истолковать эту каверну мистически, как центральный камень или римский храм неведомому богу с алтарем ему точно в центре и тоже круглым. Он накрыт черным бархатом и состоит из бесчисленных брусочков золота. Дар его Космогеиезисному Богу, я полагаю. Он сунул руку за пазуху и вытащил маленький кирпичик, который блестел так волшебным, как способно блестеть только чистое золото: огонь без огня, жар без жара, свет без света.

— Видите? Десять фунтов довольно точно, — сказал Чарли, очень довольный собой. — И никаких правительственных клейм! Да и вообще никаких меток, если на то пошло.

Они сели, чтобы оправиться и от пережитого в ожидании Чарли, и от шока, что отец Доминус сказал Мэри правду.

— Сколько там этих кирпичиков? — спросил Ангус.

— Невозможно определить, не разобрав алтаря — полый он внутри или сплошной. Он округлил его, кладя каждый кирпичик под углом, а потому, полагаю, что сплошной, не считая мелких пустот, неизбежных при такой кладке, — сказал Чарли. Его глаза сияли. — Диаметр алтаря примерно три фута, а его высота тоже три фута. Подношение, что надо! —

— Лучше, чем кто-либо из его детей, — сказал Ангус мрачно.

— Мы должны все это хорошенько продумать, — сказал Фиц, вычерчивая палкой круг в пыли. — Во-первых, мы не можем объявить об этой находке ни теперь, ни когда-либо в будущем. Я прозондирую правительство, членом которого остаюсь до следующей парламентской сессии. — Он нахмурился. — Это значит, что нам придется самим переправить золото в Пемберли. Интересно, что свинец добывался в Скалистом краю много веков. Если мы сумеем поднять золото на поверхность и погрузить на салазки, тщательно завернутым, его можно будет выдать за запасы свинца, оставшиеся после неудачи отца Доминуса алхимически трансмутировать свинец в золото. Свинец достаточно ценен, и будет выглядеть разумно, что мы забрали его от лица Детей Иисуса. Мы просто скажем, что свинец уже был завернут в практичные пакеты, и мы предпочли извлечь его из пещер сами, опасаясь новых обвалов.

— И тем самым придадим себе вид добропорядочных граждан, — сказал Ангус с усмешкой.

— Именно так. Я распоряжусь, чтобы пемберлийские плотники изготовили двое салазок. Судя по размерам алтаря, их будет достаточно. Жаль, что ослы погибли. Они подошли бы идеально. — Фиц повернулся к

сыну: — Боюсь, тебе придется вернуться в колодец немедленно, Чарли. А я пролезу?

— Думаю, да, но только не Ангус.

— Об Ангусе речи нет! Кто-то должен остаться тут, чтобы вытащить нас наверх. Юпитер вполне на это способен, но под его руководством. Мы с тобой спустимся пересчитать слитки. От их числа зависит, как устроить перевозку.

Мучительная работа для двоих мужчин, не привыкших к ручному труду, но то, что работали они вместе, служило отличной поддержкой: они могли подбадривать друг друга, поддразнивать, если другой давал волю усталости, шутить над трясущейся рукой или глазами, залитыми потом.

— Одна тысяча двадцать три слитка, — сказал Фиц, растянувшись навзничь на земле и глядя вверх на сумеречное небо, где Венера сияла, как Вечерняя Звезда, холодная, чистая, равнодушная. — Чарли, я трость сломленная. Неподходящая работа для человека пятидесяти лет, да еще ведущего сидячий образ жизни. Тело у меня будет ныть недели и недели.

— А у меня месяцы и месяцы, — простонал Чарли.

— В келье старика мы нашли весы и установили, что один слиток весит полных десять фунтов согласно торговой системе. По непонятной мне причине отец Доминус предпочел не пользоваться тройской системой, принятой для драгоценных металлов — всего двенадцать унций на фунт. Исходя из двух тысяч двухсот сорока фунтов на тонну по торговой системе, у нас тут внизу примерно четыре с половиной тонны золота.

Чарли подбросило, и он сел.

— Господи, папа, значит, мы перебрали больше двух тонн каждый!

— Каких-нибудь пара футов и без нижнего слоя, — сухо отозвался Фиц и посмотрел на Ангуса. — Будь мы вынуждены вести счет при свете факелов, то вряд ли выдержали бы, но в келье Доминуса мы нашли две необычайные лампы, а также бочонок какого-то жидкого масла для них. Мэри права — его отличал редкий ум. Я нигде не видел ничего им подобного. Почему бы, Ангус, вашей компании не взять на них патент и не начать производить их, если мы напоследок захватим одну из них?

— Думаю, патент должны взять Дети Иисуса, — сказал Ангус.

— Нет, им достанется все золото за вычетом вознаграждения, положенного Мэри. Возьмите лампу, Ангус, иначе я разобью обе, и никто ничего не получит.

— Но почему не Чарльз Бингли?

— Это мой подарок, — сказал Фиц королевским тоном, — и его получите вы.

Мне никогда его от этого не отучить! Как и никому другому, подумал Ангус.

— Ну, хорошо и благодарю вас, — сказал он вслух.

— Салазок четыре, — сказал Чарли. — Нам понадобятся ослы, но не тащить салазки, а притормаживать их.

— Откуда вы знаете про салазки, Фиц?

— Ими пользуются в Бристоле, там, где склады расположены под набережными. Вес груза ровнее распределяется по полозьям, а не сосредотачивается на четырех точках, где колеса фургона соприкасаются с дорогой. Полозья позволят благополучно свезти груз через пустоты под склоном.

— Полагаю, дамам мы ничего не скажем? — спросил Ангус.

— Ни малейшего намека, даже самого темного.

— Но мы будем помогать погружать завернутые слитки на салазки? — настойчиво спросил Чарли.

— Да. Но только работникам из Пемберли и самым надежным. Нам понадобится ворот, чтобы поднимать пакеты из пещеры, и корзина небольшого размера, чтобы она не застряла в вентиляционном колодце. Корзина требуется безупречно сбалансированная и снабженная колесиками. Это позволит нам загрузить ее и вкатить в келью Доминуса. Чарли, позаботься, чтобы у нас было достаточно перчаток, когда мы вернемся. Каждый пакет надо будет не только как следует завернуть, но и как следует перевязать.

— Ну и ум у тебя, папа! — сказал Чарли. — Предусматриваешь каждую мелочь.

Блеснула редкая улыбка Фица.

— Как ты думаешь, почему никому не известному члену парламента из Дербишира оказалось так легко прицелиться на премьерство? Мало кому нравится заниматься всякими мелочами, а это большой недостаток.

— Когда мы начнем этот геркулесов труд? — спросил Ангус с неловкостью, так как его атлетическое телосложение мешало ему прямому участию.

— Сегодня среда. В следующий понедельник, если салазки будут к тому времени готовы и ослы приобретены. Будем надеяться, что уложимся в пять дней.

Когда они начали спускаться с холма, Чарли предоставил Ангусу вести Юпитера и нарочно отстал, чтобы поговорить с отцом наедине.

— Папа, это награблено дедушкой? — спросил он.

— Полагаю, что да.

— Так каким образом отец Доминус наложил на него лапу?

— Думаю, на этот вопрос могла бы ответить Мэри, во всяком случае частично, но не желает. В показаниях Мириам Мэтчем шеффилдским властям упоминается некий отец Доминус, снабжавший ее ядами и abortивными средствами — он был бы идеальной аббатисой. Поскольку ее мать унаследовала бордель от Гарольда Дарси, видимо, отец Доминус начинал, как человек Гарольда Дарси. Возможно, он был доверенным подручным. Бесспорно, за годы и годы Гарольд должен был накопить огромное количество золотых украшений и монет, только золото это исчезло без следа, в отличие от драгоценных камней — у него был сундучок, полный рубинов, изумрудов, бриллиантов и сапфиров — без оправ, но ограненных. Ни жемчуг, ни полудрагоценные камни не объявились. Учитывая разносторонность Доминуса, не исключается, что ему было поручено переплавлять золото. Впрочем, все это лишь предположения.

— Отличные предположения, папа. Но почему Мэри хранит его секрет?

— Если ты спросишь ее, возможно, тебе она скажет, но мне она никогда не доверится. Ей представляется, что я обходился с ней пренебрежительно. Да так это и было.

— Прежде она бы мне открылась, но не теперь, я слишком сблизился с тобой, — сказал Чарли расстроенно. — Мужчин и женщин словно бы разделяет невидимый барьер, правда?

— Да, увы! — Такой оборот разговора был Фицу неприятен, и он сделал финт в сторону. — Во всяком случае нам твердо известно, что старик никогда не пытался обратить часть золота в деньги или как-либо иначе выдать Гарольду Дарси, где он прячется.

— Какой это, думается, был удар для дедушки!

— В этом мы тоже можем быть уверены. Когда мне исполнилось двенадцать, мой отец заметно изменился. Он стал необузданней, куда более злобным, жестоким с мамой и слугами. До непростительности!

— Папа, твое детство было невыносимым, — выпалил Чарли. — Мне так жаль!

— Но это не извиняет, что я был столь суров с тобой, мой сын. У меня куда больше причин просить прощения, чем у тебя.

— Нет, папа. Давай поставим знак равенства и начнем сначала.

— Договорились, Чарли, — сказал Фиц хрипло. Теперь остается только обрести примирение с твоей матерью.

Золото было забрано за пять дней, на удивление, без особых хлопот. Верным пемберлийским служителям и в голову не приходило усомниться в истории их господина о четырех с половиной тоннах свинца, а уж тем более даже самым простодушным из них, что Фицуильяму Дарси и его единственному сыну был по плечу тяжкий труд, требовавшийся, чтобы поднять, завернуть и перевязать стофунтовые чушки много-много раз. Ни разу золото не блеснуло в прорехе тонкой холстины, и ни единый пакет не развязался в неуклюжих руках. После нескольких довольно завлекательных скатываний с холма, груз с салазок был уложен в фургоны и доставлен в Пемберли, где упокоился в большом и безопасном помещении — каменном амбаре, который Фиц использовал как хранилище Ценностей.

В положенное время несколько фургонов доставили свертки в Лондон, в странное место назначения — Тауэр.

Доступные пещеры вновь открылись для посетителей; вновь туристы могли дивиться пасти пещеры Пика, заходить внутрь и любоваться хождением по канату, а также древними лачугами, которые время от времени давали приют жителям Каслтона от разгула непогоды, или в смутные времена — шайкам разбойников.

К большой радости Элизабет Фиц постановил, что впредь его дочери будут обедать с семьей, и даже проводил с ними некоторое время. Склонность Кэти шалить угасла. Сьюзи научилась поддерживать свою часть разговора, не заливаясь свекольным румянцем, Анна же проявляла живейший интерес ко всем политическим и европейским вопросам. Джорджи всячески старалась вести себя, как леди, и согласилась, чтобы ее ногти смазали горьким алоэ — омерзительнейший вкус! — и героически умудрялась не смывать отвратительное снадобье.

— Что произошло между Сьюзи, Анной и тьютором Чарли? — спросил Фиц у жены, угрожающе хмурясь.

— Абсолютно ничего, хотя они и воображали, будто влюблены в него, — ответила Элизабет невозмутимо. — Он никак их не поощрял, могу тебя заверить.

— А Джорджи?

— Заметно предвкушает свой лондонский сезон, теперь, когда Китти рисует заманчивые картины, завораживающие ее. Она так красива, что успех ей обеспечен, если она оставит свои мэриизмы, а Китти заверяет меня, что так и будет, о чем свидетельствуют ее усилия отвыкнуть грызть ногти.

— Это было ужасное лето, — сказал он.

— Да. Но мы выдержали его, Фиц, и это главное. Я очень жалею, что не знала, что вы с Недом были братья.

— Я бы сказал тебе, Элизабет, если бы мог.

— Он всегда напоминал мне могучего черного пса, который охранял тебя от всех, кто появлялся.

— Нед, безусловно, выполнял эту роль и многие другие. Я любил его. — Он посмотрел на нее прямо, темные глаза в ее глаза. — Но не так сильно, как люблю тебя.

— Нет, не сильнее. Просто... по-другому. Но почему ты перестал говорить, что любишь меня, после рождения Кэти? Ты исключил меня из своей жизни. Не моя вина, что я не могла дать тебе другого сына, кроме Чарли, или что он не отвечал твоим ожиданиям. Но ведь теперь ты больше так не думаешь, правда?

— Сына лучше Чарли пожелать невозможно. Он идеальное слияние тебя и меня. И это правда, что я исключил тебя из моей жизни, но потому лишь, что ты исключила меня из своей.

— Да, правда. Но ты-то почему?

— Ах, я был так измучен твоими постоянными насмешками надо мной! Сарказмы и тонкие колкости, шуточки исподтишка — ты не могла простить Каролине Бингли, что она чернила тебя и унижала, и все-таки ты унижала меня. Казалось, стоило мне только открыть рот, и меня корили за мое самомнение или высокомерие — за качества, худо ли, хорошо ли, но врожденные. Однако это не шло ни в какое сравнение с твоим чураньем брачной жизни. Мне чудилось, что я занимаюсь любовью с мраморной статуей! Ты не отвечала на мои поцелуи, мои ласки — я чувствовал, что ты превращаешься в камень, едва я приближался к твоей постели. У меня возникало ощущение, что тебе отвратительны самые мои прикосновения. Я бы с радостью продолжал попытки зачать второго сына, но после Кэти я уже не мог этого выносить.

Она ощутила дрожь, столь же легкую, как мурлыканье кошки, мучительно сглотнула, глядя не на него, но в окно своей гостиной, хотя уже давно стемнело, и она видела только танцующее отражение свечных огоньков. О, до чего же уверена она всегда была, что сумеет преобразить натуру Фица, заставить его увидеть, как он бывает смешон из-за этих ледяных манер и сухости. Только в этом году она перестала мягко подшучивать над его негибкостью, но лишь от гнева и отвращения. Однако теперь она наконец-то постигла все, что можно было постигнуть о леопардах и их пятнах. Фиц никогда не будет способен посмеяться над

собой. Он слишком высоко ставил семейное достоинство Дарси. Чарли, возможно, удастся растопить лед Фица, но ей — никогда. Ее прикосновения были слишком беспощадными, ее чувство юмора слишком неукротимо. Ну а остальные обвинения — что она может сказать в свою защиту?

— Мне нечего сказать. Я признаю свое поражение, — сказала она.

— Элизабет, этого мало! Если ты будешь молчать, мы никогда не сможем положить конец разлому между нами! Когда-то давным-давно, когда Джейн была так больна после рождения Роберта, она сказала в полубреду, что ты решила принять мое предложение, только увидев великолепие Пемберли.

— Ах, эта одна легкомысленная фраза! — вскричала она, прижимая ладони к горящим щекам. — Даже Джейн не знает, когда я шучу! Я подразумевала совсем не то и понятия не имела, что Джейн воспримет мои слова всерьез! — Она встала на колени перед его креслом, устремив на него глаза, сияющие нежностью. — Фиц, я действительно тебя полюбила, но не из-за Пемберли. Я влюбилась в твое щедрое благородство, твою доброту, твое... твоё терпение!

Глядя на нее сверху вниз, он понял, что вновь покорился этим сияющим внутренним светом глаз, этим чудесным сочным губам.

— Я бы хотел верить тебе, Элизабет, но статуя не лжет.

— Нет, лжет. — Может быть, если ей не смотреть на него, а тут у его ног это было много легче, она сумеет объяснить ему. — Я попробую объяснить, Фиц, но не заставляй меня смотреть на тебя, пока я не выговорюсь. Пожалуйста!

Он положил руку ей на волосы.

— Обещаю. Скажи мне.

— Акт любви вызвал во мне невыносимое отвращение. И все еще вызывает! Я нахожу его жестоким, животным... и никак уж не актом любви. Он обернулся для меня физическим страданием и душевной потерей. Тот Фиц, которого я люблю — не этот мужчина! Он не может быть этим мужчиной! Унижение! Опозоривание! Я не могла этого вынести и вот почему превратилась в статую. Со временем я начала молиться, чтобы ты перестал меня посещать, и со временем ты перестал. Но почему-то это ничего не изменило.

Фиц смотрел в огонь сквозь стенку слез. Единственное, что никогда не приходило ему в голову! То, в чем он видел доказательство силы своей страсти, ей представлялось поруганием, изнасилованием. Она вступила в брак настолько девственно-наивная, что его плотская сторона была для нее тайной за семью печатями. Но поскольку она была из этой семьи, я не

считал ее такой осторожной. Ведь в юности ее мать, наверное же, была той же Лидией, и ее дочери, казалось, не могли не знать про физическую сторону любви.

— Полагаю, — сказал он, смигивая слезы, — мы, мужчины, считаем, будто наши жены оправятся после шока первой ночи и научатся получать наслаждение из того, что Бог, безусловно, предназначил быть большим наслаждением. Но, возможно, некоторые женщины слишком умны и слишком чувствительны, чтобы оправиться от шока. Женщины вроде тебя. Я крайне сожалею, но почему, Элизабет, ты мне никогда об этом не говорила?

— Я не думала, что тот мужчина меня поймет.

— Отдели его от меня.

— В тебе много мужчин, Фиц, со многими секретами.

— Да, у меня есть секреты. Некоторые я расскажу тебе. Просто не сомневайся, что те, которые я скрою от тебя, никак с тобой не связаны. Их я доверю Чарли, моему наследнику и моему кровному сыну. — Он начал ритмично гладить ее по волосам, будто не замечая этого. — Тот мужчина, как ты его называешь, неотъемлемая часть меня! Ты не можешь отделить его от целого. Я был бесчувственным животным, теперь я способен это видеть, но по невежеству, Элизабет, не нарочно. Я люблю тебя больше, чем любил Неда, больше, чем моего сына или моих дочерей. И теперь, когда я выбрал задние скамьи, у тебя не будет соперников в Вестминстере.

— Ах, Фиц! — Она подняла голову и потянула его к себе, чтобы поцеловать медленно и томно. — Я люблю тебя не меньше!

— Что ставит нас перед исходной проблемой, — сказал он, пододвигаясь в кресле так, чтобы она могла втиснуться рядом с ним. — Возможно ли вдохнуть жизнь в статую? Могу ли я стать Пигмалионом твоей Галатеей?

— Мы должны попробовать, — ответила она.

— Вероятно, не так уж плохо, что такое положение вещей длилось столь долго. Мне пятьдесят. И я способен контролировать свои первозданные потребности надежнее, чем тридцатилетний мужчина. И вдохнуть в тебя жизнь всецело зависит от меня. — Он снова ее поцеловал, как в первые чудные дни их помолвки. — Тебе требуется то, что мне дается трудно. Нежность.

— Я возлагаю надежды на того мужчину, как и на тебя, Фиц. Мы все изменились за прошедший год, от Мэри до Чарли.

— Так мне посетить твою постель?

— Да, пожалуйста. — Она вздохнула и положила голову ему на

плечо. — Я надеюсь, что обрету счастье, но сильно опасаясь за счастье Мэри. Если она выйдет за Ангуса, брачная жизнь обернется для нее шоком. — Она хихикнула. — Впрочем, она не так невежественна, как была я. Знаешь, Фиц, когда мы собрались в мэноре Шелби на похороны мамы, она прямо-таки отпечатаала мне, что хотела бы, чтобы Чарльз Бингли закупорился пробкой ради здоровья Джейн! Она такая практичная!

— И будет топтать беднягу Ангуса вдоль и поперек!

— Очень опасаясь, что тут ты абсолютно прав. Да, она изменилась во многих отношениях, но по-прежнему остается предвзятой, упрямой и решительной, какой всегда была.

— Будь благодарна, Элизабет, что Чарли сказал ей, как она визжит. Подумай, от скольких песен мы были избавлены!

Отказавшись взять на себя роль официального председателя, Фиц устроил конференцию за круглым столом касательно золота. Присутствовали Элизабет, Джейн, Китти, Мэри, Ангус, Чарли, мистер Мэтью Споттисвуд и сам Фиц. Он со всем тщанием объяснил четырем дамам, что у каждой есть право голоса, что каждый их голос равносителен голосу джентльмена, а поскольку мистер Споттисвуд права голоса не имеет, то они, объединившись, могут одержать победу над джентльменами четырьмя голосами против трех. Это сбilo с толку Джейн и Китти, но приятно взволновало Элизабет и Мэри. Однако оказалось, что Фиц, хотя и отказался быть официальным председателем, был твердо намерен вести собрание по всем правилам. Он постучал пресс-папье по буквально круглому столу.

— Каждый приют будет носить название «Приют Детей Иисуса», а мы будем именоваться Основателями с большой буквы. Поскольку число голосов у нас нечетное — семь, — иметь официального Председателя-Основателя необязательно, — объявил Фиц.

Послышались шорохи и шепотки.

Фиц стукнул пресс-папье.

Наступила тишина.

— Имеется одна тысяча двадцать три золотых слитка, каждый весом десять фунтов, — сказал Фиц тоном учителя. — К удивлению Мэтью и моему, мы обнаружили, что отец Доминус избрал для своих слитков торговый вес, а не тройский, принятый для драгоценных металлов. В результате слитки эти весят полные шестнадцать унций на фунт, а не двенадцать унций, составляющих тройский вес. Это увеличивает их стоимость на одну четверть, иначе, на четыре унции. Аптекарь, столь

искусный, как отец Доминус, имел какие-то основания поступать так. Я предполагаю, он предпочел отливать слитки весом отличным от избранного правительством и все же удобным для переноски. Даже ребенок способен нести десять торговых фунтов.

— То есть он заставлял детей носить их? — спросила Мэри.

— В пределах пещер — безусловно. — Он подождал других вопросов, затем продолжил: — Из-за своих обширных колоний и торговых путей наша собственная Британия стала источником золота для ряда европейских стран, желающих создать денежную систему, опирающуюся на золото. И они покупают золото у Британии.

— Но как платят за золото? — спросил Чарли.

— Сырьем и другими товарами, в которых Британия нуждается, но сама производить не может. Уголь у нас в изобилии, но наши железные руды истощены, как и наши собственные запасы металлов для варки стали и меди. Мы не можем выращивать достаточно зерна, чтобы прокормить население. Список этот можно продолжать буквально до бесконечности. Однако и запасы золота невелики, хотя некоторые количества поступают из Индии, а некоторые из других стран былой Ост-Индской компании. Однако это означает, что мы, Основатели, сидящие здесь вокруг стола, находимся в прекрасном положении, так как невозможно доказать, что наше золото когда-либо было золотом правительства.

Они впивали каждое его слово и, когда он снова сделал паузу, никто не нарушил молчания.

— Я полагаю, мы можем продать наше золото казначейству за шестьсот тысяч фунтов без каких-либо вопросов. Стоит оно куда дороже.

Громкие аханья. Чарли испустил боевой клич.

— Отлично. Будем исходить из того, что у нас будет фонд в шестьсот тысяч фунтов для приютов Детей Иисуса, — продолжил Фиц. Он бросил на Мэри грозный взгляд. — И прежде, чем вы накинетесь на меня, Мэри, будьте добры, выслушать меня до конца. Расходовать деньги на строительство приюта это одно, однако стоимость здания и участка земли означает, что мы не можем построить их сто или даже полсотни. Прежде чем добавить еще хоть один приют, нам следует определить стоимость содержания первоначального заведения. Чтобы кормить и одевать сто детей надлежащим образом, удобно их устроить, обеспечить им надлежащий надзор и удовлетворительное образование, нам понадобятся три учительницы и одна директриса, десять нянек и кастелянша, четыре кухарки и по меньшей мере двадцать слуг. Иначе вы получите типичный приходской приют, где штат слишком малочислен, слишком

малооплачиваем и слишком раздражен, чтобы быть добрым и справедливым в обращении с детьми, где об образовании вообще и речи нет и где детей заставляют заменять прислугу. Насколько я понимаю, вы хотите создать заведение, которое послужит образцом для всех других сиротских приютов. То есть вы хотите подготовить детей к четырнадцати годам для перспективных и хорошо оплачиваемых занятий, а не оставлять их ничему не обученными, я прав?

— Да, — сказала Мэри.

— В таком случае первый ваш приют будет обходиться вам в год примерно в две тысячи фунтов только на оплату штата. Вы должны положить примерно по двадцать пять фунтов на ребенка в год на питание и одежду. Это еще две тысячи пятьсот фунтов. Многие вещи, от постельного белья до полотенец, будут требовать замены по крайней мере раз в год. И так далее, и так далее. Я упомянул эти цифры, чтобы дать вам некоторое представление о расходах, неотъемлемых от содержания одного образцового приюта. Запомните их и держите в уме.

Он посмотрел направо и налево, избегая взгляда Ангуса из опасения, что тот рассмеется.

— Если мы вложим наши шестьсот тысяч фунтов под четыре процента, они будут приносить годовой доход в двадцать четыре тысячи фунтов. Я бы порекомендовал четыре тысячи вкладывать вновь с учетом роста цен с течением времени. Таким образом, ваш доход на текущие затраты составит двадцать тысяч фунтов годовых. Я настоятельно советую, чтобы вы согрелись в сторону осмотрительности, друзья Основатели. Постройте второй приют, Бога ради, но не больше. Тогда у вас всегда будут деньги на их содержание. Ведь стоит вам хотя бы раз обратиться за дополнительными фондами к какому-либо учреждению или обществу, как вы утратите контроль, автономность. С помощью Мэтью и моих поверенных я составлю документы, которые воспрепятствуют каким-либо будущим опекунам наложить лапу на фонды. Задачей Ангуса будет обеспечивать аудиторские проверки со стороны.

Я так счастлива! Таковы были мысли Элизабет, далекие от происходящего. И почему я так этого боялась? Ах, до чего чудесно быть в его объятиях, ничего не пряча! Он был так нежен, так ласков, так заботлив. Вел меня, будто младенца за руку, объяснял мне, для чего делает то или это, какое наслаждение испытывает, подбадривал меня забыть страх и тоже испытать наслаждение. Я пышно чувственна, говорит он, и теперь я знаю, что означает это выражение. Оно меня не оскорбляет. Его руки гладили меня так упоительно! Как он выразился? Он отправил того мужчину... нет,

я не должна думать так! Он отправил эту часть себя заснуть на десять лет. Время проходит, облегчая задачу, сказал он. И я тоже отправила себя в спячку. Вернее, я вообще не просыпалась. Но теперь мы вместе проснулись в совершенно ином мире.

— Лиззи!

Пунцово покраснев, Элизабет опомнилась и не знала, куда девать глаза, лишь бы не смотреть на Фица, который улыбался, будто знал, о чем она задумалась.

— О! Что?

— Ты ни единого моего слова не слышала! — отрезала Мэри.

— Прости, дорогая. Повтори, пожалуйста.

— Я думаю, что мы должны построить по меньшей мере четыре приюта, но со мной никто не согласен, даже Ангус! — Она с яростью обернулась к злополучному шотландцу. — Я рассчитывала хотя бы на вашу поддержку!

— Я никогда не поддержу вашей неразумности, Мэри. Фиц совершенно прав. Если вы построите четыре приюта, но не сможете расколоться на четыре сегмента, то это значит, что за приютами не будет надлежащего надзора. Вас будут обманывать, водить за нос. То, что мы видим как благотворительность, другие увидят как случай нагреть руки. Есть старое присловие, что благотворительность начинается с собственного дома. Ну, многие служащие благотворительных учреждений сделали его своим девизом, но отнюдь не в похвальном смысле. — Вид у Ангуса был героическим от такой атаки на Мэри. У Мэри вид был растерянный.

— Укушена тартановой молью, Мэри? — с ехидцей спросил Чарли.

— Вижу, что никто мужского пола со мною не согласен, — буркнула Мэри.

— И я тоже с тобой не согласна, — сказала Элизабет. — Я предлагаю, чтобы мы построили два приюта Детей Иисуса — один под Бакстоном, а второй вблизи Шеффилда. Манчестер слишком уж огромен.

На этом и остановились.

Сорок семь наличных Детей Иисуса поселились в «Хеммингсе» и познали все ужасы чтения, письма и правил арифметики. В одном отношении Мэри сохранила свой здравый смысл: старшей учительнице и главной няньке надлежало беречь розги, но не чрезмерно.

— После столь изолированного существования и жесткой муштры они не могут не повести себя поначалу наоборот, — сказала она учительнице и няньке, каменевшим в ее присутствии. — Им необходимо привить благие

принципы сейчас, а не позднее. Их истинные характеры выявятся благодаря нашей заботливой опеке, но на сорок семь ангелов нам надеяться никак не следует. Будут бесенята — например, Уильям — и, возможно, один-двое дьяволят — Джонни и Перси. Потребуйте от них исполнения разумных правил, чтобы они знали, за что получают похвалы, за что выговоры, а за что березовые розги. Те дети, которых не дисциплинируют и розги, будут предупреждаться об исключении или других суровых последствиях. — Она поглядела вокруг. — А, фортепьяно! Думаю, нам следует обеспечить детям уроки музыки, тем, кто любит музыку. Я поищу учительницу музыки. В наших приютах Детей Иисуса у нас будут фортепьяно и скрипка. — Ее лицо исполнилось ярости. — Но не арфа! Идиотский инструмент.

И она промаршировала к карете.

Путь для посещения «Хеммингса» был долгим. Водворившись в экипаж, она откинула голову на спинку сиденья и вздохнула от чистого удовольствия.

Кто бы мог предположить, чем обернется ее краткая одиссея? Дни, когда она грезилась об Аргусе, казалось, затерялись в тумане времен, так много произошло с тех пор. Я страдала влюбленностью школьницы, думала она. Его идеи воспламенили меня, и я сочла это за свидетельство любви. Ну, я по-прежнему не знаю, что такое любовь, но категорически она не то, что я испытывала к Аргусу, который не прислал ни единого письма в «Вестминстер кроникл» со времени моего отъезда. Хотела бы я знать, каким выдалось для него это лето? Может быть, заболела его жена или ребенок. Вот то, что губит личные, сугубо личные страсти. Да, знать я хотела бы, но не испытываю ничего, кроме естественного сочувствия его бедам, каковы бы они ни были. Он совершил великое дело, но что еще можно сделать, если, по словам Фица, парламент никаких мер принимать не намерен? палата лордов правит Британией, потому что палата общин битком набита их вторыми, третьими, четвертыми и так далее сыновьями. Ничего не произойдет до того времени, пока в палате общин не начнут заседать члены подлинных общин простых людей, чьи корни не восходят к палате лордов.

Вероятно, она задремала, так как ее карета уже проехала Лик и теперь катила по бакстонской дороге. Проснувшись, она толком не помнила, о чем, собственно, думала. Ну, пора подумать и о своем будущем. Фиц вчера виделся с ней и принес ей искренние извинения... до чего он изменился! Ничуть не гордый, не надменный. Разумеется, любому дураку видно, что у них с Лиззи все наладилось. Ведут себя будто новобрачные —

обмениваются многозначительными взглядами, разделяют шуточки, известные только им. Однако в то же самое время они обзавелись неприятной привычкой людей, состоящих в браке много лет: в одну и ту же секунду произносят одну и ту же фразу и ухмыляются друг другу.

Фиц сказал ей, что она получит вознаграждение за находку золота — пятьдесят тысяч фунтов. Вложив их в ценные государственные бумаги, она обеспечит себе годовой доход в две тысячи фунтов — более чем достаточно, заверил он ее, чтобы жить именно так, как она пожелает, и именно там, где пожелает. Если она не захочет взять компаньонку, то он не станет возражать и лишь предупредит об опасности жить одной в большом городе. Сколько у нее осталось от ее изначальных девяти с половиной тысяч фунтов? Такой вопрос он ей задал. И она, немало этим гордясь, смогла ответить: да почти все. Так употребите их на покупку хорошего дома, сказал он. Обещав обо всем подумать, чувствуя себя очень неловко с этим доброжелательным Фицем, поскольку обнаружила, что поддержку она всегда обретала в отпоре, а теперь никто не возражал, что бы она ни говорила и ни делала. Только в вопросе о числе приютов с ней никто не согласился, но она и сама пришла к тому же выводу: два и только два.

Ах, это уже слишком! Независимость стоило отстаивать, когда все отказывали ей в этом, но теперь, когда она по сути могла поступить, как ей заблагорассудится, независимость поутратила свой блеск. Однако зависимость была несравненно хуже! Только подумать, что ты будешь нуждаться в ком-то, как Лиззи, очевидно, нуждается в Фице, а он в ней! Девочкой ей не довелось быть близкой ни с кем — как Лиззи и Джейн или Китти и Лидия. А Мэри посередке, никем не замечаемая. Теперь Мэри вновь посередке, но куда в лучшем положении. Лиззи, Джейн и Китти восхищаются ею, а не просто любят ее, и любят к тому же сильнее, чем прежде. Будучи разумным существом, она признавала, что заслужила их любовь, что увеличила свое всегда присутствовавшее ядрышко в нечто несравненно большее и закругленное. Однако ни в чем этом ответа на ее дилемму не было: что она будет делать со своей жизнью? Сможет она заполнить ее сиротскими приютами и благотворительностью? Предельно удовлетворительно и все же не удовлетворяюще.

Бакстон возник и остался позади к тому моменту, когда она пришла к единственному выводу: за шеффилдский приют она будет отвечать единолично, предоставив бакстонский Лиззи и Джейн. Тогда ей не надо будет постоянно мотаться в карете между двумя приютами. Вскоре, подозревала она, детские лица спутались бы, и она уже не могла бы вспомнить, какой ребенок находится в каком приюте. У Лиззи и Джейн есть

семьи, и они могут выполнять свои обязанности посменно. Шеффилдский приют строится в Стэннингтоне, и, пожалуй, она купит дом в Брэдфилде или в Хай-Брэдфорде на границе вересков. Идея ей понравилась, Мэри нравились красивые виды. Господский дом ей не потребуется, достаточно просторного коттеджа с кухаркой, экономкой, тремя горничными и приходящим работником, он же садовник. Снимая дом в Хартфорде, она узнала, что обременительные обязанности никаким слугам не по вкусу, и все слуги знают способы, как увильнуть от работы. Выход, решила она, — платить щедро и получать за свои деньги все требуемое.

Сейчас, например, настало время вновь сесть за фортепьяно; она неделями не разминала пальцы. Вот и будет чем заполнить часть досуга. Библиотека... В ее новом доме будет великолепная библиотека! Раз в неделю она будет проводить день в шеффилдском приюте. Если посещать его чаще, штату это не понравится. Они почувствуют, что лишены независимости. Опять это слово! Все нуждаются в определенной доле независимости, подумала она. Без нее мы зачахнем. Так что я должна выглядеть не надзирательницей, а той, кем я являюсь на самом деле — благотельницей. Хотя им будет неизвестно, в какой именно день недели меня ждать!

В особое недоумение ее приводила тоска по Хартфорду, по миниатюрной жизни, которую она вела там. Да, ей не хватало раутов и вечеров, знакомых — мисс Ботольф, леди Эпплби, миссис Маркхем, миссис Маклеод, мистера Уайльда. И мистера Ангуса Синклера, в чьем обществе она провела девять чудесных дней, по сути, дольше, чем в Пемберли, где столько людей собиралось в столовой для каждой трапезы, каждого разговора, каждого обсуждения приютов, каждого... каждого! В Пемберли он не принадлежал ей так, как в Хартфорде, и это причиняло боль. Какими беседами они услаждались! Как ей его не хватало, когда она отбыла навстречу своим приключениям! И как она обрадовалась, увидев его лицо, когда ее испытаниям пришел конец! Но он отступил назад в сумрак, вероятно, чувствуя, что теперь, когда она воссоединилась со своими близкими, он ей больше не нужен.

Но ведь нужен! — крикнула она самой себе. Я хочу, чтобы мой друг вернулся, мне необходим мой друг в моей жизни, а когда я перееду ближе к Шеффилду, то видеть его буду, только приезжая в Пемберли, когда он там, а это бывает редко. Только летом вместе с другими гостями. В этом году он задержался из-за меня, но не по личному порыву, а просто чтобы помочь своим друзьям Фицу и Элизабет. Теперь он говорит о том, чтобы вернуться в Лондон. А как же иначе? Лондон — его дом. Пока я жила в Хартфорде, он

был близко. Север означает длинное и тяжелое путешествие из Лондона, пусть даже в собственной карете. Я больше никогда его не увижу! Какую жуткую пустоту эта мысль порождает во мне! Будто потеря Лидии, но только много тягостнее. Она была важна для меня по требованию долга. Я не восхищалась ею, не считала хорошей женщиной. А смерть мамы была, как освобождение из капкана. Я даже не заметила утрату папы, который относился ко мне с презрением. Ах, но я буду оплакивать Ангуса! А ведь он даже не умер, а просто исчез из моей жизни. Как это ужасно!

Она проплакала весь дальнейший путь до дома.

Да, действительно, пемберлийское общество рассеялось. Фиц и Элизабет решили, что проводят Чарли в Оксфорд, а оттуда поедут прямо в Лондон. Фиц — чтобы заседать в парламенте, Элизабет — чтобы подготовить Дарси-Хаус к приходу весны, когда Джорджи начнет выезжать в свет. Ангус поехал с ними, а вот пригласить Мэри никому в голову не пришло. С Джорджи и Китти в карете Элизабет не будет одна. До чего странно, думала Элизабет, не ощущать теперь темное присутствие Неда Скиннера где-то близко, но невидимого! Он оберегал меня, а я и не знала.

Приюты уже строились, но пригодными для обитания должны были стать только на исходе весны, и, признала Мэри, предстояло еще много решений, принять которые может только кто-то из Основателей. Ее дни в Пемберли не будут праздными.

И вот в начале сентября она пожелала им доброго пути в Оксфорд и Лондон, затем, чураясь безделия, вызвала мисс Юстасию Скримптон проветриться в Пемберли, чтобы обсудить кандидатуры старших служащих для приютов.

Натурально, мисс Скримптон не замедлила приехать, и они расположились обсудить, какие качества требуются, чтобы занять столь соблазнительные вакансии.

— У вас будет выбор из наилучших, дорогая мисс Беннет, — сказала мисс Скримптон, — принимая во внимание столь щедрые жалованья. Для старших слуг мы назовем вознаграждение «жалованьем» — это придает им ощущение важности. «Плата» — для низших.

К тому времени, когда мисс Скримптон неделю спустя отбыла в Йорк, все было готово для объявлений в лучших газетах.

Мэри устремилась к Мэтью Споттисвуду, у которого также нашлись недурные идеи, некоторые из них подсказанные строителями.

— Каминь под каменный уголь, каминь в дортуарах, горячая вода для омовений, — сказала Мэри категорически.

— Тогда приют Детей Иисуса будет много уютней Итона или Хэрроу, — сказал Мэтью с улыбкой.

— Несомненно, избалованным сыновьям сильных мира сего полезно постучать зубами от холода, — взъерошилась Мэри, — но наши дети уже отстучат свое, когда попадут к нам.

— Конечно, конечно! — торопливо сказал Мэтью; до чего же она вспыльчива!

Отбор реальных детей оказался поистине тяжелой задачей, поскольку только сорок семь из двухсот были уже, так сказать, зачислены. Сто пятьдесят три ребенка были лишь несколькими песчинками в песчаных кучах колоссальной бедности и беспризорности. Помимо очевидного условия — отсутствия родителей, — удачливый ребенок не мог находиться под опекой прихода. Столь важная персона, как сам епископ Лондонский, написал Мэри, сообщая ей фамилии двух джентльменов, искушенных в подобных делах.

Ну а теперь что делать? Такой вопрос задала себе Мэри, когда наступил декабрь, и замаячило Рождество. Лиззи прислала ей прямо-таки фургон коробок и шляпных картонок, все полные одежды для нее. Одежда! Какое возмутительное швыряние денег на ветер! Так думала Мэри, с отвращением открывая коробку за коробкой и глядя на платья из наилучшего батиста и муслина, изумительно мягких шерстяных тканей, шелков, тафты, атласа и кружев. Вечерние туалеты! А, так вот почему пропали ее любимые туфли! Лиззи украла их, как образчик для сапожника! Ах, какая пустая трата денег! Чем плох черный цвет, даже если она прекратила траур? Лиззи постановила, что они не будут носить траур ни по Лидии, ни по Неду.

И все-таки какое прелестное платье из сиреневого батиста, расшитое цветочными бутонами разных радужных оттенков. И пара сиреневых туфель, явно предназначенных для него. Шелковые чулки! Шелковое белье! Однако, если она не станет носить эти вещи, Лиззи они не подойдут; Лиззи ведь почти на голову ниже нее и куда более пышная в груди. Ну, и ступни у нее много меньше. Не бросать же их на ветер, сказала себе Мэри на следующее утро, надевая сиреневое платье и всовывая в туфли обтянутые шелком ступни. Лиззи назначила ей горничную, симпатичную девочку по имени Берта, а у Берты оказался куаферский талант. Мэри, разумеется, отказалась от модного подрезания волос вокруг лица для завивки их в обрамляющие локоны, и Берта собрала воедино всю медно-золотую массу и взгромоздила ее Мэри на макушку, но не стягивая волосы в пучок, так что они выглядели такими же густыми и волнистыми, какими были на самом

деле.

— Во всяком случае, деточка, — сказала Мэри ворчливо, избегая смотреть на себя в зеркале, — когда ты причесываешь мне волосы, я не ощущаю шпилек и гребенок.

Потребовалось все ее мужество, чтобы выйти из спальни к завтраку, но те, с кем она встречалась по пути в столовую, одаривали ее ошеломленными улыбками, какие она не могла истолковать ни как снисходительные, ни как насмешливые.

Аппетит ее все еще оставался завидным, хотя, едва она обрела свой прежний вес, так, словно бы перестала полнеть. Разумеется, благодаря тому, что она — личность деятельная, энергичная и предпочитает ходить пешком даже на далекие расстояния; ездить верхом ей не нравилось, ведь в Лонгборне ей ни разу не довелось сесть на лошадь. Нелли — их единственный боевой скакун — была пахотной кобылой, с таким широким крупом, что упасть с нее было затруднительно, и слишком медлительной, чтобы ввергнуть в панику. Но стоило Мэри увидеть Лиззи или Джорджи на одном из породистых обитателей конюшен Фица, как ее сердце взмывало ей в горло.

Настоящая зима еще не вступила в свои права. С ее приходом, догадывалась Мэри, Пемберли обретал сходство с улиткой, укрывшейся в своей раковине. Лучше ходить на прогулки, пока еще можно.

Шелковое белье оказалось изумительно приятным, а мягкая кожа туфель была, несомненно, и очень прочной. Они не терли ей ни пальцы, ни пятки. Ступни у нее были такие длинные и узкие, что купленные в лавках башмаки или сапоги всегда натирали пузыри. Да, богатство имеет свои компенсации, решила она, окутывая плечи сиреневой шалью из тяжелого шелка. Покинув дом, она направилась в лес через маленький каменный мост, столь искусно построенный, что, казалось, его возвели еще римляне.

По-прежнему не ощущая пузырей, она свернула с дорожки на свою любимую поляну, которую весной, по словам Лиззи, цветущие нарциссы превращали в колышющееся желтое море, потому что она была открыта солнцу. Пора и отдохнуть; Мэри села на мшистый камень у края большой прогалины, с восхищением оглядываясь по сторонам. Белки, лихорадочно разыскивающие два-три последних ореха, лиса в кустах, зимние птицы...

И вновь нахлынуло ее тайное горе, единственное, что омрачало ее полное полезных дел существование: ей не хватало Ангуса, ах, если бы он был здесь! Всецело ее теперь, когда остальные уехали. Так много сказать ему! Как она нуждается в его советах! Ведь он так разумен! Гораздо разумнее ее.

— Ах, Ангус, как бы я хотела, чтобы ты был тут! — сказала она вслух.

— Замечательно, — ответил он.

Она ахнула, вскочила с камня, вихрем обернулась, вытаращила глаза.

— Ангус!

— Угу, это мое имя.

— Что вы делаете тут?

— Направляюсь в Глазго, где находятся семейные предприятия. Они сами собой не управляют, Мэри, хотя, признаюсь, у меня есть младший брат, который следит, чтобы паровые машины грохотали, а трубы литейных смрадно дымили. Мы всегда проводим Рождество вместе, затем я выкину что-нибудь эдакое и отплыву назад в Лондон по зимним валам. Как все шотландцы, я люблю море. Это в нас викинги. — Он сел на камень напротив нее. — Сядьте, моя дорогая.

— Я так хотела увидеть вас, — сказала она, садясь.

— Да, я слышал. Вам очень одиноко с тех пор, как они уехали?

— Да. Только не хватает мне не Лиззи, Фица или Чарли. Джейн меня не посещает, хотя мне не хватает не Джейн. Только вас.

Его ответ был обтекаем.

— Выглядите вы восхитительно, — сказал он. — Чем вызвано такое преображение?

— Лиззи прислала мне множество всякой одежды. Устрашающее мотовство! Однако, если я не буду их носить, они никому не подойдут. Я более высока и худя, чем остальные.

— Не бросать же их на ветер, правда?

— Совершенно верно.

— А почему вам не хватало именно меня?

— Потому что вы подлинный мой друг, а не кровный родственник или через брак. Я вспоминала наше время в Хартфорде, когда, казалось, мы говорили обо всем. И особенно как я предвкушала увидеть ваше лицо, когда вы подошли ко мне на улице; и вы ни разу ни в чем меня не разочаровали. Вы не пытались обморочить меня или вкрадчиво отговорить от моей поездки, хотя теперь я знаю, насколько глупой она была. Вы, конечно, и тогда это понимали, но не обескураживали меня, не гасили мой энтузиазм. И как по-идиотски я возвеличивала Аргуса, кем бы он ни был. Право, я так благодарна вам за ваше понимание! Ведь ни у кого другого я его не находила, хотя бы отдаленно. Каким бы заблуждением ни обернулись мои розыски, я должна была отправиться в эту поездку! После семнадцати лет взаперти в мэноре Шелби я была, как выпорхнувшая на волю птица! И беды Англии... Аргус... снабдили меня веской причиной

исследовать более широкий мир. Вот почему я всегда буду любить Аргуса, хотя я его не люблю.

— Значит, пришло время мне сделать признание, — сказал он с напряженно серьезным лицом. — Надеюсь, у вас достанет доброты простить меня. Но даже если и нет, я все равно должен сказать вам правду.

— Правду? — переспросила она, и глаза у нее стали совсем серыми.

— Я Ангус, но я также Аргус.

Ее челюсть отвисла, она вытаращила на него глаза.

— Вы... Аргус?

— Да, за мои грехи. Я умирал от скуки, Мэри, и безделья. Семейными предприятиями управлял Аластейр, а «Кроникл» начала изживать себя. И тогда я придумал Аргуса с двумя целями. Во-первых, обеспечить себе занятие. А во-вторых, привлечь внимание обеспеченных людей к положению бедняков. Вторая причина никогда не была для меня важнее первой, и это чистая правда. Во мне сидит бес, и я получал огромное удовлетворение, обедая в лучших домах и слушая, как мои гостеприимные хозяева брызжут яростью, понося гнусные злопыхательства Аргуса. Восхитительное чувство! И все же менее восхитительное, чем расхаживать по коридорам Вестминстера, чтобы встречать членов палаты лордов и общин... Набирался идей от них всех и смаковал скандалы, которые творил, куда больше, чем пробуждение общественной совести, которому способствовал.

— Но эти письма были такими подлинными! — вскричала она.

— Да, они подлинные. В этом часть власти слов, Мэри. Они покоряют даже на бумаге. Сказанные или написанные, они могут вдохновить погрязших на восстание, как произошло во Франции и в Америке. Слова — вот что отделяет нас от животных.

Гнев словно бы не желал вспыхивать. Мэри сидела в ошеломлении, пытаюсь вспомнить, что именно она говорила Ангусу про Аргуса. До какой степени душой она выглядела? В какой мере — глупой, иссохшей без любви старой девой? Получал ли сидящий в нем, как он сам выразился, бес удовольствие, мороча ее?

— Вы сделали из меня дуру, — пробормотала она.

Он схватил ее запястья, вздохнул.

— Никогда сознательно, Мэри, клянусь. Ваши превозношения Аргуса повергали меня в смирение и стыд. Я жаждал признаться, но не смел. Открой я правду, вы бы оттолкнули меня. Я бы потерял самого дорогого мне друга. Мне оставалось только ждать, пока вы не узнаете меня настолько хорошо, чтобы простить. Молю вас, Мэри, простите меня!

Он упал на колени и моляще простер к ней сжатые руки.

— Да встаньте же! — рявкнула она. — Вы выглядите дурачки. Можно подумать, вы предлагаете мне брак.

— Так я же и предлагаю брак, — взвыл он. — Я люблю вас больше жизни, упрямая, прагматичная, предубежденная, слепая, глухая, обворожительная деваха!

— Встаньте! Встаньте! — Вот все, что она сказала.

Сокрушенный, он с трудом снова взгромоздился на свой камень, глядя на нее в полном ошеломлении. Она ни на йоту не утратила спокойствия, хотя как будто не оскорбилась на то, как он ее величал. До чего же она красива с чудесной прической, одетая в платье, пленительно ей идущее. Ее губы полуоткрылись.

— Вы говорите, что вы — Аргус, это шок. И вы меня любите — это еще один шок. Вы хотите жениться на мне — третий шок. Должна сказать, Ангус, когда вы начинаете говорить на серьезные темы, то словно не знаете, когда остановиться.

Внутри нее разгорался уголек упоительной теплоты, но она не собиралась сказать ему про этот уголек, пока он не помучается гораздо больше. Ах, мой самый дорогой друг! Если мы поженимся, ты всегда будешь рядом со мной. Не знаю, любовь ли это, но, безусловно, подходит, как ее замена.

Наверное, ее лицо немножко приоткрыло спрятанный уголек, так как Ангус внезапно расслабился, а на его щеках появились ямочки, грозя перейти в рытвины.

— Минута остановиться, — сказал он, — наступит, когда мы разберемся во всем к нашему взаимному удовлетворению. Я полюбил вас с первой же нашей встречи в Хартфорде... Ах, какое унижительное мучение сознавать, что я — Аргус, пока вы восхваляли достоинства этого чертова вымысла! Мое самоуважение скукожилось в ничто, потому что я, богатый, влиятельный Ангус Синклер, для вас был всего лишь соприкосновением с вашим героем Аргусом.

— Это продолжалось недолго. Во время нашей первой же прогулки мне стало ясно, что я обрела друга, который не вынудит меня спровадить его из-за признания в любви и предложения брака. И к нашей девятой прогулке, вкуче со всеми обедами и зваными вечерами, я уже представить себе не могла, как я буду дальше жить без вас. Даже нынче после признания в любви и предложения брака у меня нет сил вас спровадить.

— Если вы меня простите, то потому, что любите меня в ответ, — сказал он, порывисто наклоняясь к ней. — Вы меня простите?

— Уже простила. Означает ли это любовь? Тут я должна положиться на ваше слово. Однако я знаю твердо, что для счастья мне необходима ваша верная непреходящая дружба. Я выйду за вас, чтобы сохранить моего самого дорогого друга. И когда буду выводить вас из себя, вы должны говорить мне об этом. Я убеждаюсь, что принадлежу к тем людям, которые постоянно выводят других людей из себя. Бедная мисс Скримптон уже не находила слов, когда я позволила ей вернуться в Йорк, а Мэтью Споттисвуд завел привычку прятаться, чуть узнает, что я вот-вот приеду. Чарли говорит, что я эксцентрична. Ангус, я не вижу смысла в притворстве. Я очень трудная и допекающая личность, — сказала Мэри без намека на жалость к себе или огорчение, что она такая. Правда — это правда, так к чему роптать?

— Поэтому я и люблю вас, — сказал он, чуть не лопааясь от счастья. — В чем-то мы похожи: нам, например, нравится рыться и подсматривать, а стоит нам вонзить зубы, мы их не разожжем. К тому же я и сам немножко сумасшедший. Не то бы я не отправлялся в плавания по Северному морю зимой. Но, к величайшей моей радости, дражайшая моя Мэри, жизнь с вами никогда не будет скучной.

— Я испытываю точно то же, — сказала она, вставая. — Идемте, нам пора вернуться. Я хочу узнать про Аргуса все.

Да, он лопался от счастья... но она? Возможно, я никогда этого твердо знать не буду, подумал он. Ее самообладание сходно с каменной стеной. Как мне протаранить эту стену?

В этот вечер они пообедали а *deux*^[7], что заметно смутило Парментера, всегда впадавшего в уныние, когда владельцы отсутствовали. В Дарси-Хаусе был свой штат прислуги. Дружеская фамильярность между мисс Мэри и мистером Синклером не соответствовала его понятиям о приличиях, но он знал, что мистер Фиц и миссис Дарси не увидели бы ничего неподобающего в желании двух людей на пороге сорока лет провести вечер наедине друг с другом. И когда они удалились в плюшево-лиловую маленькую гостиную, хранившую по одной картине Фра-Анджелико, Джотто, Боттичелли и три Каналетто (откуда и ее название «Итальянская комната»), Парментер наконец сдался. Поставив на стол портвейн, коньяк и черуты, он предоставил их самим себе.

— Хотела бы я знать, кто из Дарси коллекционировал эту великолепную живопись? — спросила Мэри, принимая рюмку портвейна для храбрости.

— Понятия не имею, хотя и уверен, что они были проданы в сто раз

ниже своей истинной цены какими-то обедневшими итальянцами.

Ангус не потрудился взглянуть на картины: он был поглощен созерцанием Мэри в ее платье с низким вырезом из тафты лимонного цвета с карминными полосками. Этой длинной изящной шее, думал он, не требуются драгоценные камни для придания ей красоты, однако бриллианты подчеркнут ее. Какой безупречный изгиб!

— Я считал Элизабет самой красивой из известных мне женщин, — сказал он вслух, — но ей далеко до вас.

— Вздор! Вы одурманены, Ангус, что притупляет ваш вкус и способность судить. Я слишком худа.

— Может быть, по канонам нынешней моды. Но худощавость идет вам, хотя большинство женщин она превратила бы в тощих старых куриц. На память сразу приходит Каролина Бингли.

— Можете курить, если хотите. Пить портвейн дамам не положено, но мне он нравится больше других вин. Не так смахивает на уксус.

Он пересел из покойного кресла на кушетку и приподнял бровь.

— У меня нет желания творить облака. Сядьте-ка вот тут со мной. Я ведь все еще не поцеловал вас.

Она села рядом с ним, но боком — слишком далеко для поцелуев и ласк.

— Это мы должны обсудить.

Он вздохнул.

— Мэри, когда вы предстанете перед Богом, то потребуете обсудить это. Я знал, что у вас найдется что сказать. Всегда находится! Рано или поздно, моя нестерпимая возлюбленная, поцелуи неизбежны. А также более смелые и более интимные ласки. Полагаю, вы столь же неосведомлены, как и другие незамужние леди.

— Нет, не думаю, — ответила она, взвесив вопрос. — В библиотеке мэнора Шелби были всевозможные книги, и я прочла их все. Так что я знаю очень много о телах и соитиях. Благопристойное название — супружеский долг, не так ли?

— И как вы относитесь к этой стороне брака?

— Не думаю, что вас удовлетворит дружба? — спросила она с надеждой.

Он засмеялся.

— Нет, я настаиваю, чтобы вы выполняли свой супружеский долг. — Он наклонился и взял ее руку. — А, надеюсь я, что настанет ночь, когда это из долга станет наслаждением. Можно я вас поцелую? Помолвленным это разрешается.

— Да, гораздо лучше начать, не откладывая, раз мы намерены продолжать, — согласилась она, ни на йоту не утратив невозмутимости. — Можете меня поцеловать.

— Вначале, — сказал он, притягивая ее к себе, — необходимо находиться в... э... интимном соседстве. Вы не против?

— Будет лучше, если вы снимете фрак. Я обнимаю только одежду.

Он снял его — не без труда, так как сшитый Вестоном фрак облегал фигуру, будто лайковая перчатка.

— Что-нибудь еще?

— Галстух. Он царапается. Почему он так накрахмален?

— Чтобы не сминаться. Так лучше?

— Гораздо. — Она расстегнула его воротничок и просунула ладонь под рубашку. — Как приятна ваша кожа! Будто шелк.

Глаза у него закрылись, но от отчаяния.

— Мэри, перестаньте поступать, как соблазнительница! Я сорокаоднолетний мужчина, но если вы будете меня провоцировать, я не смогу себя контролировать.

— Мне так нравятся ваши волосы, — сказала она, погладив их свободной рукой. Она понюхала. — И пахнут замечательно... не помадой, а только дорогим мылом. Вы никогда не облысеете. — Ее вторая рука прокралась на его грудь. — Ангус, вы такой мускулистый!

— Заткнись! — пробурчал он и поцеловал ее.

Он хотел, чтобы это первое прикосновение к ее губам было бы нежным и любящим, но огонь в нем был уже запален, а потому поцелуй получился крепким и страстным, ищущим. К его изумлению она среагировала пылко, обе руки теребили его рубашку, а его руки, презирая безделье, умело расправились со шнуровкой у нее на спине. Ее прелестные маленькие грудки каким-то образом оказались в его власти, и он принялся целовать их в блаженном экстазе.

Внезапно он оттолкнул ее.

— Мы не можем! Вдруг кто-нибудь войдет! — охнул он.

— Я запру дверь, — сказала она, поднялась с кушетки, вышагнула из платья и нижних юбок, отбрыкнула их в сторону и шагнула в своем шелковом нижнем белье к двери. Щелк! — Ну, вот. Она заперта.

Ее волосы рассыпались, последняя нижняя юбка отлетела в угол, нижняя сорочка и панталончики лежали позади нее на полу, точно измученные белые бабочки.

Он тоже использовал это время с успехом и схватил ее в объятия таким же нагим, как и она, хотя снять с нее чулки она позволила ему. О, что за

рай! Больше никакой сдержанности, только аханье и мурлыканье, и стоны восторга.

— Теперь тебе придется жениться на мне, — сказала она долгое время спустя, когда он встал, чтобы подбросить поленьев в камин.

— Отправляйся в Шотландию со мной, — сказал он, стоя на коленях перед огнем и так повернув голову, чтобы улыбаться ей. — Мы сможем обвенчаться перед наковальней в Гретна-Грин.

— О, это идеальный способ вступить в брак! — воскликнула она. — Я так страшилась семейной свадьбы, всех любопытствующих, явившихся поглазеть на нас. Это наилучший способ. Но ведь Гретна-Грин далеко на востоке? Я думала, что дорога в Глазго куда западнее.

— У меня карета, милая, любознательная любовь моя. А от нас Глазго отделен заливом под названием Солуэй-Фёрт. Дорога в Глазго, как и в Эдинбург, проходит через Гретна-Грин.

— А! Так уместно, чтобы одна из сестер Беннет вступила в брак убегом в Гретна-Грин.

— Просто не могу тебе поверить, — сказал он, утопая в любви.

— Должно быть, во мне есть куда больше сходства с Лидией, чем я подозревала, самый дражайший из дражайших Ангусов. Ничего более чудесного я не испытывала. Давай испытаем это еще раз! Пожалуйста!

— Ну, еще один раз, ненасытная ты деваха! — Он опрокинул ее на пол и положил ее голову себе на плечо. — А затем мы должны будем придать себе респектабельный вид и пойти спать. В свои комнаты, учти! Парментар и так уже на грани апоплексии. Сон, увы, будет кратким. На заре мы отправимся в Гретна-Грин. Если, по воле случая, ты понесла от меня, нам надо поторопиться. Не то все старые сплетницы примутся отсчитывать на пальцах.

Фиц вошел в спальню Элизабет с озабоченным видом.

— Любимая, боюсь, мы получили дурное известие из Пемберли, — сказал он, сядя на край ее кровати и протягивая письмо. — Его доставил курьер для тебя.

— Ах, Фиц! Что-то с Мэри! — Дрожащими пальцами Элизабет сломала печать и развернула единственный лист, а затем прочла несколько строк.

Она испустила нечто среднее между воем и визгом.

— В чем дело? — спросил Фиц. — Объясни мне!

— Мэри и Ангус на пути в Гретна-Грин! — Она сунула письмо ему в

руку. — Прочти сам!

— Это бьет все! — выдохнул он. — Вдвоем и никого с ними. Ловко же они провели нас!

— Как они смогут ладить? — спросила Элизабет, не зная, что и думать.

— Прекрасно, рискну я предположить. Она эксцентрична, а его влечет все необычное. Он предоставит ей полную свободу, пока она слишком уж не взбрыкнет, а тогда обуздает ее твердо, но ласково. Я очень рад за них, нет, правда.

— И я тоже... мне кажется. Она говорит, что написала Чарли о своей новости. Ах, почему мы в Лондоне? Я хочу домой!

— Мы не сможем вернуться, пока сезон не кончится, сама знаешь. Я искренне надеюсь, что Джорджи и дальше будет вести себя безупречно, но если нас тут не будет...

— Да, конечно, ты прав. Ты думаешь, Джорджи даст согласие герцогу или лорду Уилдерни?

— Нет, она слишком Дарси, чтобы интересоваться пэрами. Думаю, она может выбрать мистера Джона Паркера из Виргинии.

— Фиц! Американца?

— Почему бы и нет? Он принят в обществе, ведь он сын леди де Мейн. Кроме того, он безмерно богат и, значит, приданое Джорджи его не интересует. Впрочем, для предположений еще рано. Сезон только-только начался.

— Наш первый птенчик, вероятно, упорхнет из гнезда, — сказала Элизабет грустно.

— У нас есть еще четыре.

— Нет, — сказала она, розовея, — еще пять.

— Элизабет! Нет!

— Элизабет, да. В июне, я полагаю.

— Значит, домой мы вернемся в апреле, сезон там или не сезон! Ты ведь не захочешь заметно располнеть в Лондоне? Весной тут так сыро и дымно.

— Меня это вполне устраивает. — Она испустила удовлетворенный вздох. — Следующий год будет тихим. А год спустя мы должны будем вывезти в свет нашу Сьюзи.

Джейн нагрянула в Лондон, едва весть о бегстве Мэри достигла ее. Она могла себе это позволить, поскольку Каролина Бингли наконец нашла полезное занятие, преображая мальчиков Бингли из безалаберных

оболтусов в джентльменов с безупречными манерами. Хотя не скупясь на всяческие жалобы, втайне она упивалась. Для нее не существовало ничего приятнее, чем употреблять власть. Мальчики Бингли были достойными противниками ее оружия.

— Луиза и Букетик получили свободу сделать то, о чем так давно мечтали, — сообщила Джейн Элизабет на следующий день своего водворения в Дарси-Хаус.

— И что же это? — покорно осведомилась Элизабет, как от нее требовалось.

— Продать хэрстовский дом на Брук-стрит и переехать в Кенсингтон, — сказала Джейн.

— Не может быть! Поселиться среди тех, кого Фиц называет сплетницами и старыми драными кошками?

— Лучше быть единственными персидскими кошечками в обществе драных кошек, чем цепляться за рукав Чарльза гинеи ради, — ответила Джейн, улыбнувшись. — Мистер Хэрст не оставил им ничего, кроме дома, не заложенного потому лишь, что Чарльз воспрепятствовал. Продажа обеспечила им приличный доход, который позволит, во всяком случае, Луизе не экономить на платьях и не продавать свои драгоценности.

— Ну, движущей силой всегда была Каролина. А она знает?

— О да.

— И что она сказала?

— Почти ничего. Хью придумал накануне ночью утащить простыни с ее кровати, а Персиваль наразбивал тухлые яйца в ее любимые прогулочные сапожки. — Джейн приняла огорченный вид. — К тому времени, когда она отыскивала виновников и воздала им по заслугам, новости Луизы потеряли всякую свежесть.

— Как ты можешь терпеть ее в Бингли-Холле день за днем, Джейн?

— С полнейшим спокойствием.

— Так что привело тебя в Лондон?

— Хочу попрощаться с Луизой и Букетиком. Вряд ли у меня будет время ездить в Кенсингтон.

— И Чарльз возвращается домой, — обвиняюще сказала Элизабет.

— Да. О, как восхитительно будет увидеться с ним!

— И, значит, вновь чередой пойдут младенцы, — сказала Элизабет Фицу ночью, уютно свернувшись калачиком рядом с ним.

— Это их дело, моя дорогая.

— Да я бы ничего против не имела, если бы не ее здоровье.

— В сорок шесть лет сколько еще младенцев она способна родить?

— О! Об этом я не подумала! — Она села на кровати и обняла колени. — Ты прав, как всегда, Фиц. Мы все стареем. — Она погрустнела. — И куда уходят годы?

— При условии, что ты благополучно родишь, мне все равно, — сказал он, поглаживая ее по щеке. — Когда ты планируешь сказать нашим детям, что ожидается новое пополнение к семье?

— Не раньше февраля, я полагаю. Сразу перед балом для Джорджи.

— Разумно ли это? Почему не теперь?

— Если я скажу тогда, это облегчит нервы Джорджи. После отказа герцогу и графу я не хочу, чтобы она подверглась этому испытанию, ощущая, будто все другие дебютантки едят ее глазами.

— Завидуют их маменьки, любовь моя.

* * *

Вот так новость и была объявлена не без некоторой неловкости со стороны Элизабет.

Чарли в восторге обнял и расцеловал свою маму, горячо потряс руку отцу и объявил, что в своем солидном возрасте он будет чувствовать себя не столько братом, сколько дядей.

Сьюзи и Анна были довольны, но не совсем понимали, как отнестись к дряхлым родителям, обзаводящимся младенцами. Кэти пришла в ярость; семье пришлось терпеть взрыв всяких шалостей, которые прекратились только после того, как Чарли тряс ее, пока у нее не застучали зубы, и не сказал ей категорично, что она эгоистичная свинюшка.

Джорджи была настолько заморожена, что оттанцевала свой бал без сучка без задоринки и ознаменовала этот достопамятный вечер, отказавшись стать миссис Джон Паркер из Виргинии.

— Почему? — спросила выведенная из себя Элизабет. — Отказаться от стольких завидных партий нелепо! Ты прослывешь невозможной капризницей и никто больше не попросит твоей руки.

— С приданым в девяносто тысяч фунтов? — самодовольно спросила Джорджи. — Я пока еще не собираюсь замуж, мама, если вообще когда-нибудь захочу. Мне нравится выезжать в свет, а особенно — разбивать сердца. Вам был двадцать один год, когда вы вышли за папу, и вам делали другие предложения. К тому же я не желаю, чтобы у меня под ногами путался жених, пока я буду занята, следя, как наша новая бесценная крохотулечка обретает личность.

Ну, во всяком случае, это ответ на один вопрос, подумала ее мать. Ни в кого из своих поклонников Джорджи не влюблена.

Но она не знала (а Джорджи не собиралась признаться ей), что каждую неделю Джорджи писала Оуэну Гриффитсу, который пока не поддался ее чарам, но поддастся, не сомневалась она. Она продумала, как сохранять свой пирог и есть его, пусть королева Мария-Антуанетта этого и не сумела. Когда время докажет, что она убежденная старая дева, она обзаведется фермой под Оксфордом и будет фермершей, а Оуэн — оксфордским профессором...

Из Глазго пришло известие, что мистер и миссис Ангус Синклер вскоре сядут на корабль и прибудут в Ливерпуль, так как оба приюта были

уже почти готовы, и Мэри хотела быть под рукой, чтобы доводить обе бригады строителей до бешенства. Все знали, что строителям можно довериться на девяносто процентов, и никогда не беспокоились о последних десяти. Эти два заведения, поклялась Мэри, будут завершены до последнего гвоздя и последнего мазка краски в самом темном углу.

Ангус, наконец, сдался необходимости обладать поместьем, как положено всякому богатому человеку. Аластейр и его семейство занимали шотландский дом, и несколько недель в обществе Мэри довели их до непреходящего трепетного ужаса. Самая мысль, что Мэри станет жительницей Шотландии, ввергала жену Аластейра в истерики, а сам Аластейр был уже готов эмигрировать в Америку. И известие, что Ангус намерен жить в тесной близости к шеффилдскому приюту, преисполнило ликованием каждое синклеровское сердце к северу от шотландской границы. Они могли проводить Ангуса и Мэри на борт судна с легкой душой и с искреннейшими пожеланиями доброго пути. Пусть Ангус живет среди сэссенеков.

Он нашел семь тысяч акров под Брэдфордом на краю вересков, включающие лес, парк и надлежащее число арендуемых ферм. Поскольку господский дом предполагалось возвести на вершине высокого холма, мистер и миссис Ангус Синклер согласились, что поместье следует назвать «Бен Синклер» — «Синклеровская Горная Вершина» в переводе с гэльского.

А пока, говорилось в письме Ангуса Фицу в Лондон, Фиц не будет возражать, если они погостят в Пемберли, пока Бен Синклер не будет построен?

На лето 1814 года все собрались в Пемберли, нетерпеливо ожидая рождения двух желаннейших и тревожащих младенцев. Отсутствовал только Оуэн Гриффитс, который не был уверен, что сумеет противостоять чарам Джорджи, если увидит ее во плоти, а потому благоразумно уехал домой в Уэльс. Его трактат о передвижениях Цезаря в Галлии разошелся широко и далеко, настолько проницательно и тонко рассматривались в нем проблемы вроде неточности в расстояниях у Цезаря; и власти предрекающие академического мира теперь предрекали ему внушительное будущее. Если внушительный будущий ученый хранил письма Джорджи в аккуратной пачке, перевязанной атласной лентой цвета ее глаз, это было его личное дело и никого другого не касалось. Когда он писал ей, то называл ее своей милой чумичкой. В ее письмах к нему говорилось «Дорогой Оуэн».

Беременность Элизабет протекала спокойно, но и тяжело; она клялась Фицу, что этот их отпрыск прямо-таки великан. Роды тянулись мучительно долго, но без осложнений, и в результате на свет появился могучий мальчик с кудрявыми черными волосами и прекрасными темными глазами Фица. Поскольку его обслуживали две кормилицы, он был тихим и спокойным младенцем, хотя и живчиком.

— Бог был милостив к нам, — сказала Элизабет Фицу.

— Да, моя любимейшая леди. Нед возвращен нам, и на этот раз будет радоваться своему имени. Эдвард Фицуильям Дарси. Кто знает, может быть, он когда-нибудь станет премьер-министром?

Беременность Мэри протекала более бурно, главным образом из-за книги, которую прислала ей Китти. Автором был аристократический немецкий акушер с весьма определенными понятиями о материнстве вопреки (настаивал Ангус) его неспособности лично испытать этот феномен. Все, что она употребляла в пищу, тщательно взвешивалось или измерялось, вся диета регулировалась соответственно, ее телесное состояние беспощадно контролировалось.

Месяцы тянулись, и Ангус все больше приходил к выводу, что Мэри в ожидании родов прекрасно являет свою способность преобразиться в замужнюю леди. На супружеское ложе она прыгнула со всей неудержимостью Лидии, преисполнив его глубокой благодарности, что в ее годы деторождения на исходе. Иначе, размышлял он, она, вероятнее всего, по примеру Джейн попадалась бы всякий раз, когда следующие двадцать лет он скидывал бы панталоны. Посему он мог не сомневаться, что его супруга вполне готова к физическим требованиям брака.

Что до интеллектуальных и духовных требований, она преуспевала и в них. Кто еще ухватился бы за идеи безвестного немецкого акушера, словно его трактат был родовспомогательной библией? Какая еще женщина приняла бы беременность, словно нечто само собой разумеющееся, и отвергла затворничество, а по мере увеличения живота в обхвате тыкала бы им людям в талии, будто была худой по-прежнему? Непривычные к виду бесцеремонно беременных леди, те, с кем она встречалась, включая штат «ее» приюта в Шеффилде, были вынуждены притворяться, будто она и правда была такой же худой, как прежде. Когда «ее» дети сказали ей, что она растолстела, она прямо объяснила им, что растит в своем пузике нового младенчика, и превратила их в участников процесса. Ее откровенность привела штат в ужас, но... Ее рука была кормящей.

Будто этого было недостаточно, она настояла на поездке в Лондон

посмотреть, как Ангус живет там, и разделила удовольствие выбора мебели, ковров, драпировок, обоев и красок для внутренней отделки «Бен Синклера». К большому облегчению Ангуса ее вкус оказался лучше, чем он ожидал, а к тому же когда он уж слишком отличался от его собственного, она соглашалась без долгих пререканий. Она познакомилась со всеми его лондонскими друзьями и дала несколько званых обедов, не камуфлируя свой шокирующий бугор.

— Главная беда, — со взрывом смеха сообщила она невыносимо чопорной и респектабельной миссис Драммонд-Бэрелл, — что я не могу придвинуть стул к столу и запечатлеваю на себе все от супов до соусов.

То ли время созрело для перемен, то ли просто Мэри была Мэри, Ангус не знал, но только даже самые желчные его знакомые прямо-таки искали ее освежающей откровенности, особенно когда убедились, насколько она осведомлена в политике и чхать хочет на то, что благовоспитанным леди интересоваться политикой не положено. Избавленный от тревог за нее, Ангус понял, что на протяжении одного короткого лета Мэри из одуванчика превратилась в наизысканнейшую орхидею. Только, подозревал он, ему никогда не откроется, в какой мере эта орхидея изначально дремала в ней.

На восьмом месяце она вернулась в Пемберли, обеспечивая своему ребенку рождение в семейном кругу. И потому, когда ее роды начались в первую неделю сентября, Ангус уже имел полное представление о том, какой будет его жизнь в браке. Его жена намеревалась быть его партнершей во всех его начинаниях. Ему, как Фицу и Элизабет, было совершенно ясно, что Синклеры будут в авангарде борьбы за социальные перемены, особенно в области образования. Мэри обрела свое *metier*^[8] — всеобщее обязательное образование. На чугунных воротах сиротских приютов Детей Иисуса в Бакстоне и Стэннингтоне красовался сочиненный Мэри девиз: СВОБОДА В ОБРАЗОВАНИИ.

Ко всеобщему, кроме Ангуса, удивлению, Мэри выдерживала схватки с терпением, безмятежностью и обильными записями в дневнике, который вела между ними. Двенадцать часов спустя она произвела на свет длинного, тонкого мальчика с великолепными легкими; его вопли сотрясали дом, пока ему не объяснили назначение соска, а тогда, слава Богу, он замолк. Мэри все еще следовала заповедям немецкой библии и кормила его сама. К счастью, она наполнилась молоком, тогда как более пышногрудая Элизабет была совершенно суха.

— Бог был очень милостив к нам, — сказала Мэри Ангусу, который

превратился в призрак самого себя после двенадцати часов расхаживания взад-вперед по Большой библиотеке в обществе Фица и Чарли. — Как ты хочешь наречь его?

— У тебя нет предложений? — спросил он.

— Никаких, мой самый дорогой друг. Ты можешь давать имена мальчикам, а я буду девочкам.

— Ну, с такой шевелюрой, способной поджечь стог, имя должно быть шотландским, моя ненасытная деваха. Хамиш Дункан.

— Какого цвета, кроме морковного, могли быть его волосы? — спросила она, поглаживая густой рыжий пух на головке младенца. — Милый крошечный человечек! Пора устроить, чтобы доктор Маршалл совершил обрезание.

— Обрезание? Я не допущу, чтобы мой сын был обрезан!

— Конечно, допустишь, — сказала она безмятежно. — Под крайней плотью младенцев накапливаются всякие отвратительные субстанции. Все семитские народы удаляют крайнюю плоть — евреи, арабы — по соображениям гигиены. Думается, песчинки, попадая под нее, причиняют жуткую боль, так что можно понять, из-за чего народы пустынь первыми прибегли к нему. Граф фон Тильшафт-Гогендорер-Готерунд-Шунк говорит, что по свидетельству настенных рисунков в египетских гробницах древние египтяне обрезались. Он рекомендует обрезание всех детей мужского пола независимо от их происхождения. Я неукоснительно следовала его советам, легко переносила беременность, легко родила на сорок первом году жизни, а потому должна положиться на него и тут.

— Мэри! Я запрещаю! Что будут говорить о нем в школе?

— Нет, ты не запрещаешь, — сказала она мягко. — Ты согласишься, так как это надо сделать. К тому времени, когда он поступит в школу, я научу его вести споры успешнее кучки болванов, составляющих Тайный совет.

— Паренек обречен, — угрюмо сказал отец Хамиша. — Нашего сына заклеят эксцентричным чудачком задолго до того, как он поступит в школу.

— В этом есть положительная сторона, — задумчиво сказала мать Хамиша. Ему уготована собственная ниша. И раз его родители мы, он не будет воспитываться столь узколобым, какой была я.

— Бесспорно, бесхарактерным он не будет, как и робкой ланью. Но, Мэри, обрезание я запрещаю категорически!

Мэри взвизгнула от восторга.

— Ах, Ангус, посмотри! Он улыбается! Дусик-пусик-кусик-ку,

улыбнись папочке, Хамиш! Покажи ему, с каким нетерпением ты предвкушаешь свое обрезание!

Об авторе

Джейн Остен — одна из величайших писателей XIX века, классик английской прозы, чьи произведения по-прежнему любят и критики, и литературоведы, и обычные читатели, и кинематографисты, не устающие их экранизировать. Существует литературная легенда: Остен планировала написать продолжение самого прославленного своего романа «Гордость и предубеждение», — но ранняя смерть помешала этим планам.

Уже в наши дни за это продолжение взялась сама Колин Маккалоу — автор великолепных «Поющих в терновнике». Возможно, ее версия судьбы и приключений одной из сестер Беннет — решительной суфражистки Мэри — сильно отличается от того, что задумывала сама Остен. Но разве это делает ее роман менее талантливым и увлекательным?

---

notes

Примечания

1

Невралгия тройничного нерва (фр.).

«Введение в творчество Гомера» (1795) — основополагающее исследование немецкого филолога Ф.А. Вольфа (1759–1824).

3

Согласно этикету (фр.).

4

Псевдоним (фр.).

Вода из лошади (фр.). По аналогии с eau de Cologne (одеколон) — «Вода из Кельна».

Певец-кастрат (итал.).

Вдвоем (фр.).

Зд. предназначение (фр.).